יזכור של"מ

מרדכי קימיאגורב

לב אציל

פרקי חייו של

מרדכי גלקוב זצ"ל

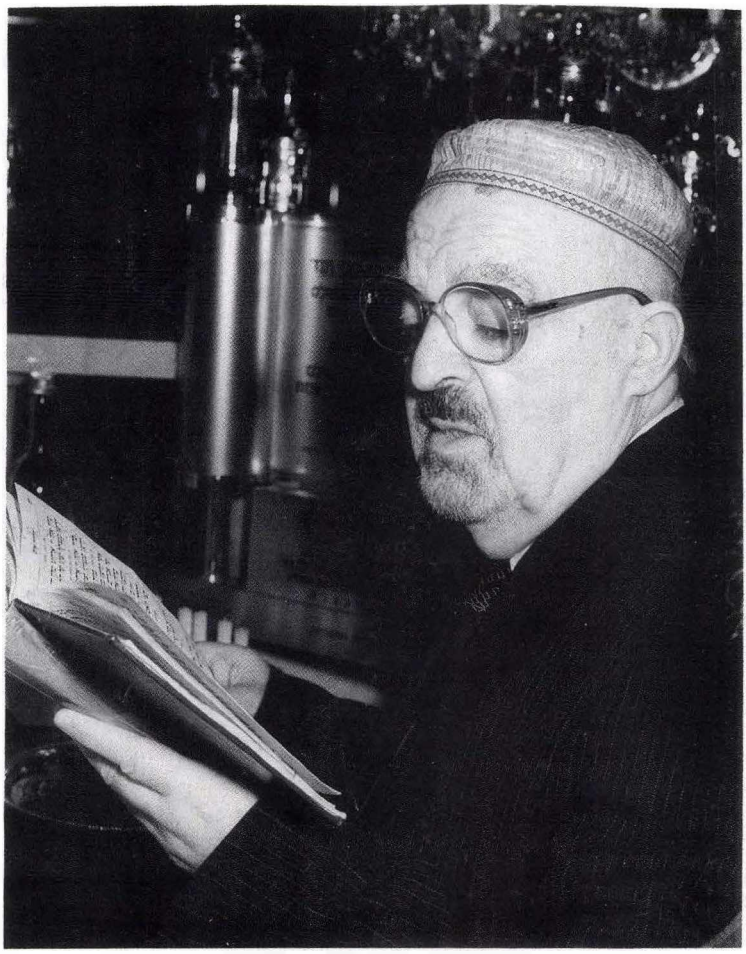
1921 – 1995

אהרון שלמייב
מרדכי קימיאגרוב

לב אציל

פרקי חייו של מרדכי גילקרוב

(1921 - 1995)

ישראל
תשניין - 1996

Digitized by Project Zikaron
Touro University-NY Libraries
www.zikaron.tourolib.org
2024

תוכן העניינים

מבוא

1. *החסד והנדבנות*
2. *מרדכי גילקרוב מהרהר על החסד ועל האצילות*
3. *האיש המקסים*
4. *מאמריו ושיריו של מרדכי גילקרוב*
5. *בחזית המלחמה*
6. *אושרם של מרדכי ויעל בחייהם המשפחתיים*
7. *ראש המשפחה*
8. *מיתת נשיקה*
9. *הצוואה*
10. *הלוויה*
11. *זכרונות*

סוף דבר.

תרגום לעברית - פרופ' ויקטור בוכמן.

ספר זה מוקדש
לזכרם הטוב של הורינו:
מרדכי גילקרוב ז"ל
ויעל גילקרוב - אלייב ע"ה

הילדים:
בוריס, משה, אורי, נינה, רוזה.

Digitized by Project Zikaron
Touro University-NY Libraries
www.zikaron.tourolib.org
2024

©
Copyright 1996, by
Boris, Moshe & Uri Gilkarov
All rights reserved

כל הזכויות שמורות
לבני מרדכי גילקרוב זצ"ל, תשנ"ו

Printed in Israel

מָבוֹא

קוֹרֵא יָקָר!

כַּאֲשֶׁר מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב הֶאָצִיל עוֹד הָיָה בַּחַיִּים, וּבִפְרָט אַחֲרֵי פְּטִירָתוֹ, אֲנָשִׁים רַבִּים שֶׁהִכִּירוּ אוֹתוֹ טוֹב, הֵצִיעוּ לִכְתוֹב עָלָיו סֵפֶר. מֵהֶם מַנְהִיגֵי הַקְּהִילָה הַיְּהוּדִית-בּוּכָרִית בְּדוּשְׁנְבֶּה: יְהוֹשֵׁעַ מוּרָדוֹב (גַּבַּאי בֵּית-הַכְּנֶסֶת); נָרְיָה אַבְּרָמוֹב; אֵלִיָּה אַבְּדוּרַחְמָנוֹב; יִשְׂרָאֵל בַּדַלְבַּייֶב; נִיסָן יַעֲקוּבּוֹב, גַּבַּאי בֵּית כְּנֶסֶת "אֵלְיָהוּ" בְּחוֹלוֹן; אֶלִי אָמִינוֹב, חֲבֵר עִירִיַּת תֵּל-אָבִיב; גְּ'וּרְבֶּק מוּרָדוֹב, שַׁחְקָן עַמְמִי שֶׁל ברה"מ; דָּוִד מוֹשָׁייֶב, מְחַנֵּךְ מְפֻרְסָם וְעוֹד. מִלְבַד זֶה: מַר אַבְרָהָם קַיְיקוֹב הַנִּכְבָּד, סְגָן יו"ר הָעֲמוּתָה "בְּרִית יוֹצְאֵי בּוּכָרָה", הַיָּדִיד הַקָּרוֹב שֶׁל מִשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב, יָעַץ לָנוּ לִכְתוֹב סֵפֶר עַל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב. הִסְכַּמְנוּ לַעֲצָתוֹ וְהִגַּעְנוּ לְבָנָיו שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב ז"ל: בּוֹרִיס, מֹשֶׁה וְאוּרִיאֵל (יוּרִי) וְסִפַּרְנוּ לָהֶם עַל כַּוָּנוֹתֵינוּ. הִתְבָּרֵר שֶׁגַּם בָּנָיו שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב צְנוּעִים כְּמוֹ אֲבִיהֶם. אָמְרוּ לָנוּ: "אֲבִינוּ הָיָה אִישׁ פָּשׁוּט וְרָגִיל. הוּא לֹא הָיָה רַב אוֹ חַזָּן מְפֻרְסָם, לֹא שַׁחְקָן וְלֹא מַדְעָן, לֹא רוֹפֵא וְלֹא גִּבּוֹר... מַה אֶפְשָׁר לִכְתוֹב עָלָיו?"

אנו טָעַנּוּ נֶגְדָּם: "הֲרֵי הַשֵּׁם הַמְּפֻרְסָם אֵינוֹ הַתְּכוּנָה הַחֲשׁוּבָה בְּיוֹתֵר מִתְּכוּנוֹת הָאָדָם. שָׁלוֹשׁ תְּכוּנוֹת צְרִיכוֹת לִהְיוֹת לוֹ לָאָדָם, תְּכוּנוֹת שֶׁלֹּא יְסוּלְאוּ בְּפִיז. הַתְּכוּנָה הָרִאשׁוֹנָה - הִיא שֵׂכֶל, הַשְּׁנִיָּה - כֵּנוּת, הַשְּׁלִישִׁית - אֱנוֹשִׁיוּת. כָּל הַתְּכוּנוֹת הַלָּלוּ הָיוּ לַאֲבִיכֶם. גַּם אוֹשְׁרוֹ שֶׁל הָאָדָם אֵינוֹ נִמְדָּד בְּמָמוֹנוֹ וְלֹא בְּרִוְחָתוֹ, אֶלָּא בְּרוֹחַב-לֵב, בְּטוּהַר רַעְיוֹנוֹתָיו, בַּאֲצִילוּת מַעֲשָׂיו, בִּלְבָבִיּוּתוֹ, וּבְכָל מַה שֶׁהוּא מְסֻגָּל לִתְמוֹךְ וּלְעוֹדֵד בּוֹ אֲנָשִׁים אֲחֵרִים. אֲבִיכֶם הָיָה דַּוְקָא אָדָם אָצִיל, מְסֻגָּל בְּמַעֲשִׂים טוֹבִים וּבַעַל הַכָּרַת הַטּוֹב". שִׂיחָתֵנוּ הָיְתָה מְמֻשֶּׁכֶת. אַחֲרֵי הַשִּׂיחָה שָׁאֲלוּ אוֹתָנוּ בָּנָיו: "מַה עָלֵינוּ לַעֲשׂוֹת?" עָנִינוּ לָהֶם: "רֹאשִׁית אָנוּ מְבַקְּשִׁים אֶת הַסְכָּמַתְכֶם לִכְתוֹב

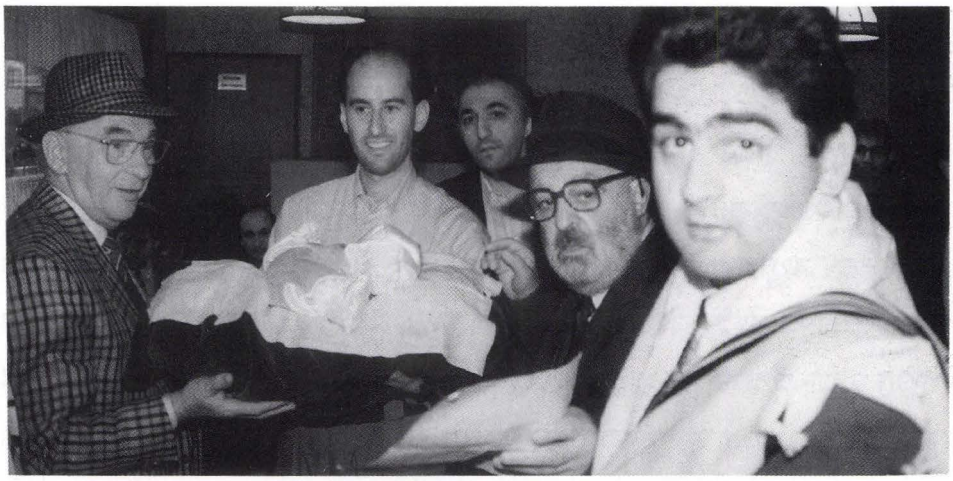
אֶת הַסֵּפֶר עַל אֲבִיכֶם. שֵׁנִית, הָיִינוּ רוֹצִים לָדַעַת פְּרָטִים עַל חַיָּיו וּפְעִילוּתוֹ הַצִּיבּוּרִית לְצֹרֶךְ כְּתִיבַת תּוֹלְדוֹתָיו״.

בָּנָיו שֶׁל מָרְדְּכַי גִילְקָרוֹב נֶעֶתְרוּ לְבַקָּשָׁתֵנוּ. כְּבָר אַחֲרֵי שִׂיחָתֵנוּ הָרִאשׁוֹנָה קִבַּלְנוּ הַשְׁרָאָה גְּדוֹלָה וְיָצְאנוּ לְדַרְכֵּנוּ בְּהִתְלַהֲבוּת בְּמַטָּרָה לְהַשְׁלִים אֶת הַסֵּפֶר מַהֵר כְּכֹל הָאֶפְשָׁר. וְהִנֵּה בס״ד הַסֵּפֶר לְפָנֵינוּ מֻשְׁלָם וְיוֹצֵא לָאוֹר לְיוֹם הַשָּׁנָה שֶׁל מָרְדְּכַי גִילְקָרוֹב ז״ל.

בְּמַהֲלַךְ עֲבוֹדָתֵנוּ עַל הַסֵּפֶר, נִפְגָּשְׁנוּ בְּאֹפֶן תָּדִיר עִם בָּנָיו שֶׁל מָרְדְּכַי גִילְקָרוֹב ז״ל: בּוֹרִיס, מֹשֶׁה, יוּרִי וְרַעְיוֹתֵיהֶם, בֶּן אֲחוֹתוֹ גַּבְרִיאֵל אַלִישַׁיב וְרַעְיָתוֹ בָּרְטָה בַּת דָּוִיד, אַבְרָהָם קַיְיקוֹב, קְרוֹבָיו וִידִידָיו.

אָנוּ מוֹצְאִים לְנָכוֹן לְהוֹדוֹת לָהֶם עַל שִׁתּוּף הַפְּעוּלָה וְעַל הַחֹמֶר הָרַב שֶׁמָּסְרוּ לָנוּ בְּשִׂיחוֹתֵינוּ עִמָּם. שִׂיחוֹת אֲשֶׁר הָיוּ שֶׁלֶד לְסֵפֶר יְחוּדִי זֶה.
קוֹרֵא יָקָר! אִם יֵשׁ לְךָ חֹמֶר וְעוּבְדוֹת עַל תּוֹלְדוֹת חַיָּיו שֶׁל מָרְדְּכַי גִילְקָרוֹב שֶׁאֵינוֹ מוֹפִיעַ בְּסֵפֶר זֶה, נוֹדֶה לְךָ אִם תּוֹדִיעַ לָנוּ אוֹ לְבָנָיו, כְּדֵי שֶׁנּוּשְׁתַּמֵּשׁ בָּעוּבְדוֹת הָאֵלֶּה בַּמַּהֲדוּרָה הַשְׁנִיָּה.

הַמְּחַבְּרִים.

מרדכי גילקרוב בטקס ברית-מילה במשפחת אחונוב.
משמאל - יונה אייזנברגר, ידיד משפחת גילקרוב. וינה, 1993.
Мордехай Гилькаров на церемонии брит-мила у Ахуновых,слева друг семьи Ено Айзенбергер. Вена, 1993 г.

אֵין דָּבָר שֶׁעוֹשִׂים בְּהִתְלַהֲבוּת כָּזֹאת,
כְּמוֹ מַעֲשֶׂה שֶׁאַתָּה עוֹשֶׂה מִרְצוֹנְךָ...
לְחַפֵּשׂ וְלִמְצוֹא אֶת הַדֶּרֶךְ לַטּוֹבָה -
זֹהִי מַטָּרָה אֲצִילָה!

עַלִישִׁיר נַנָאי (מְשׁוֹרֵר אוּזְבֶּקִי מִמַּאָה ט״ו)

הַחֶסֶד וְהַנַּדָּבָנוּת

כְּשֶׁם שֶׁכָּל אָדָם נִבְדָּל מֵחֲבֵרוֹ בְּחִיצוֹנִיּוּתוֹ, כַּךְ לְכָל הָאֲנָשִׁים שׁוֹנִים הֵם. יֶשְׁנָם נְדִיבֵי-לֵב וְיֶשְׁנָם בַּעֲלֵי לְבָבוֹת הַדּוֹמִים לַאֲבָנִים. יֵשׁ רְחוּמִים וְיֵשׁ אַכְזָרִיִּים; יֶשְׁנָם הַנִּקְרָאִים אֲטוּמֵי-לֵב, וְיֶשְׁנָם אֲנָשִׁים לְבָבִיִּים. וְיֵשׁ מְיֻחָדִים שֶׁאוֹמְרִים עֲלֵיהֶם: ״הוּא בֵּן-אָדָם נִלְהָב, הוּא מַלְהִיב אֶת לִבָּם שֶׁל הָאֲחֵרִים. הוּא עוֹשֶׂה טוֹבוֹת לַשְּׁכֵנִים וּמְלַמֵּד אוֹתָם לַעֲשׂוֹת טוֹבוֹת״.

מָרְדְכַי גִּילְקָרוֹב הָיָה כָּזֶה.

בַּהִיסְטוֹרְיָה הַיְהוּדִית וּבְפָרַט בֵּין יְהוּדֵי בּוּכָרָה הָיוּ נַדָּבָנִים רַבִּים. רֵאשִׁית נְסַפֵּר עַל נַדָּבָנִים אֲחָדִים שֶׁחָיוּ בְּסוֹף הַמֵּאָה הַ-19 וּבְרֵאשִׁית הַמֵּאָה הַ-20. דְּמוּיוֹת אֵלּוּ הָיוּ סֶמֶל וְדוּגְמָא לְמָרְדְכַי גִּילְקָרוֹב שֶׁגַּדְּלָה יָדַע וְשָׁמַע עַל פְּעִילוּתָם וְהָלַךְ בְּעִקְבוֹתָם.

לִפְנֵי יוֹתֵר מֵמֵּאָה שָׁנָה חַי בְּבוּכָרָה מְלַמֵּד גָּדוֹל בָּקִי בְּתַלְמוּד וְגַם מְשׁוֹרֵר וּמְתַרְגֵּם, הָרַב שִׁמְעוֹן חָכָם. הוּא שָׂם לֵב לָעוּבְדָה שֶׁהַיְהוּדִים הַמִּתְגּוֹרְרִים בְּאַסְיָה הַתִּיכוֹנָה לֹא יָדְעוּ עִבְרִית וּמִסִּיבָּה זוֹ לֹא הֵבִינוּ אֶת הַתּוֹרָה, אֶת הַתַּנַ״ךְ וְאֶת כָּל הַסְּפָרִים אֲשֶׁר עֲלֵיהֶם מִתְבַּסֶּסֶת הַיַּהֲדוּת. בִּשְׁנַת 1890 עָלָה שִׁמְעוֹן חָכָם לָאָרֶץ וְהִתְיַשֵּׁב בִּירוּשָׁלַיִם. שָׁם תִּרְגֵּם כִּמְעַט אֶת כָּל סִפְרֵי הַתַּנַ״ךְ לִיהוּדִית-בּוּכָרִית. הוּא הוֹצִיא לָאוֹר אֶת תַּרְגּוּמָיו עַל חֻשְׁבּוֹנוֹ וְהֶעֱבִיר אֶת הַסְּפָרִים לְאֵזוֹר בּוּכָרָה. כָּךְ קֵרֵב אֶת יְהוּדֵי בּוּכָרָה לַתּוֹרָה וְלַיַּהֲדוּת. אַחֲרֵי פְּטִירָתוֹ שֶׁל ר׳ שִׁמְעוֹן חָכָם (1910), הִמְשִׁיךְ נַדָּבָן אַחֵר - רַחֲמִין דָּוִידַבַּייֶב אֲשֶׁר גַּר בְּקוֹקַנְד (עִיר בְּאַסְיָה הַתִּיכוֹנָה) אֶת

הַפְּעִילוּת הַהַשְׁכָּלָתִית עֲבוּר יְהוּדֵי בּוּכָרָה. מִשְּׁנַת 1910 עַד סָמוּךְ לְמַהֲפֵכַת שְׁנַת 1917 הוֹצִיא לָאוֹר אֶת הָעִיתוֹן הָרִאשׁוֹן בְּיִהוּדִית-בּוּכָרִית הַנִּקְרָא "רַחֲמִים". אֶת הָעִיתוֹן הוֹצִיא עַל חֶשְׁבּוֹנוֹ. בָּעִיתוֹן הִדְפִּיס טֶקְסְטִים תּוֹרָנִיִּים, וּמַאֲמָרִים מֵחַיֵּיהֶם שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה. כֵּן מִמֵּן תִּרְגּוּם סְפָרִים עִבְרִיִּים לִיהוּדִית בּוּכָרִית. לְדוּגְמָה: רְפָאֵל גָּלִיבּוֹב תִּרְגֵּם אֶת סֵפֶר "זִכְרוֹנוֹת לְבֵית דָּוִד". לִפְנֵי מֵאָה שָׁנָה גָּר בְּאֶרֶץ יִשְׂרָאֵל נַדָּבָן וּמַשְׂכִּיל ר' אַבְרָהָם אָמִינוֹב, אֲשֶׁר קָרְאוּ לוֹ בְּשֵׁם מְכֻבָּד - אַבְרָהָם תַּלְמוּדִי. הוּא כָּתַב בְּעִבְרִית אֶת סֵפֶר הַהֲלָכוֹת שֶׁל הַיַּהֲדוּת בִּשְׁנֵי כְּרָכִים הַנִּקְרָא: "לִקּוּטֵי דִּינִים" וְהֵטִיל עַל יְדִידוֹ ר' שִׁמְעוֹן חָכָם לְתַרְגֵּם אֶת הַסֵּפֶר הַזֶּה לִיהוּדִית בּוּכָרִית. כֵּן הוֹצִיא אַבְרָהָם תַּלְמוּדִי אֶת הַתַּרְגּוּם הַיְהוּדִי-בּוּכָרִי עַל חֶשְׁבּוֹנוֹ. כָּךְ תָּרַם לְהַפָּצָתָם שֶׁל חוּקֵי הַיַּהֲדוּת בֵּין יְהוּדֵי בּוּכָרָה.

בִּשְׁנוֹת 1970 עָלוּ מִטַּשְׁקֶנְט לָאָרֶץ נַדָּבָנִים נִכְבָּדִים יוֹסֵף אַלִישַׁיֶיב ור' אַבְנֵר לֵוַיֶיב. נַדָּבָנִים אֵלֶּה הוֹצִיאוּ לָאוֹר עַל חֶשְׁבּוֹנָם מַהֲדוּרוֹת חֲדָשׁוֹת שֶׁל סְפָרִים תּוֹרָנִיִּים רַבִּים בִּיְהוּדִית בּוּכָרִית. לְדוּגְמָה חוּמָשׁ. מִלְבַד זֹאת, יִיסֵּד יוֹסֵף אַלִישַׁיֶיב אֶת הַיְשִׁיבָה הַנִּקְרֵאת "שַׁעֲרֵי צִיּוֹן" מָקוֹם בּוֹ לוֹמְדִים יַלְדֵיהֶם שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה. ר' שְׁמוּאֵל אַלִישַׁיֶיב בְּנוֹ שֶׁל יוֹסֵף אַלִישַׁיֶיב עוֹמֵד בְּרֹאשׁ הַיְשִׁיבָה הַזֹּאת זֶה שָׁנִים רַבּוֹת, וְגַם ר' יִצְחָק אָמִינוֹב, נֶכְדּוֹ שֶׁל אַבְרָהָם תַּלְמוּדִי ז"ל, הוּא רֹאשׁ יְשִׁיבַת "הַרַמְבָּ"ם" זְמַן רַב, וְלַאַחֲרוֹנָה הִתְמַנָּה לְרַבָּם הָרָאשִׁי שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה.

עַתָּה נְסַפֵּר לָכֶם, קוֹרְאִים יְקָרִים, עַל נַדָּבָנוּתוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב.

בִּשְׁנוֹת 1972-1973 עָלוּ לָאָרֶץ יְהוּדִים רַבִּים מֵאַסְיָה הַתִּיכוֹנָה: מִטַּשְׁקֶנְט, דוּשַׁנְבֶּה, סַמַרְקַנְד, בּוּכָרָה וּמַעֲרִים אֲחֵרוֹת. גַּם מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב עָלָה לָאָרֶץ מִדּוּשַׁנְבֶּה עִם מִשְׁפַּחְתּוֹ בִּשְׁנַת 1973. אַחֲרֵי זְמַן קָצָר עָבְרוּ בָּנָיו לְוִינָה בְּיִרַת אוֹסְטַרְיָה. מָרְדְּכַי שֶׁהִתְנַעְנֵּעַ לְבָנָיו, הָיָה נוֹסֵעַ לְוִינָה לְעִתִּים תְּכוּפוֹת הָחֵל מִ-1974.

מרדכי בעלייה לתורה של רפאל נכדו. וינה, 1992.

Мордехай на "алия ле-тора" внука-Рафаэля. Вена, 1992 г.

יצחק אחונוב מברך את אפרים,נכד מרדכי אחרי עלייתו לתורה. וינה, 1992.

Ицхак Ахунов благословляет внука Мордехая-Эфраима после "алия ле-тора". Вена, 1992 г.

בִּשְׁנַת 1976 עָבַר גַּם הוּא לְוִינָה, לֹא רַק כְּדֵי לָגוּר עִם יְלָדָיו, אֶלָּא גַּם כְּדֵי לְסַיֵּעַ לִיהוּדֵי בּוּכָרָה הַגָּרִים שָׁם, בִּשְׁמִירָה עַל מָסוֹרֶת הַיַּהֲדוּת וּלְאַחֵד אוֹתָם לִקְהִילָה אַחַת.

מִצַּד אֶחָד הָיָה קָשֶׁה לְהַשִּׂיג אֶת הַמַּטָּרָה הָזֹאת, מִשּׁוּם שֶׁיְּהוּדֵי בּוּכָרָה אֲשֶׁר הִגִּיעוּ לְוִינָה, לְמָקוֹם חָדָשׁ לָהֶם, הָיוּ נֶאֱלָצִים לַחֲשׁוֹב עַל הַפַּרְנָסָה, וְלִלְמוֹד גֶּרְמָנִית וְלָכֵן לֹא הָיָה זְמַן לִרוּפְּם. גַּם לֹא הָיָה מָקוֹם לְהִתְכַּנֵּס. אַךְ מֵאִידָךְ קַל הָיָה לוֹ לְהַתְחִיל פְּעִילוּתוֹ בְּכִיוּוּן זֶה, מִפְּנֵי שֶׁהָיָה מְסֻגָּל לְהַלְהִיב אֲנָשִׁים בְּאִשְׁיוּתוֹ, וְהָיוּ לוֹ חֲבֵרִים רַבִּים וְשׁוּתָפִים בְּהַשְׁקָפוֹת וְכוּלָם סִיְּעוּ בְּיָדוֹ.

הוּא לִיכֵּד קְבוּצַת חֲבֵרִים פְּעִילִים: בֵּינֵיהֶם שְׁלֹמֹה־חַיִּים גָּלִיבּוֹב וּבְנוֹ גַּבְרִיאֵל (גְּרִיגוֹרִי) גָּלִיבּוֹב, בִּנְיָמִין לֵוְיֶיב, נֵרִיָּה אָשֶׁרוֹב, נֵרִיָּה לֵוְיֶיב, מִיכָאֵל (מִישָׁה) דָּוִידוֹב, רָפָאֵל אַלַיֶיב, פִּיסָר קַנְדוֹב, דָּוִיד קַנְדוֹב בְּנוֹ, אַרְקָדִי בָּרוּכוֹב, יוּרִי שָׁאוּלוֹב, סָלוֹמוֹן זָאוּרוֹב וְעוֹד. בֵּינְתַיִם לֹא הָיָה לִיהוּדֵי בּוּכָרָה בֵּית־הַכְּנֶסֶת מְיֻחָד, וְלָכֵן הִשְׁתַּדֵּל לְכַנֵּס אֶת יְהוּדֵי בּוּכָרָה הַרוֹצִים לְהִתְפַּלֵּל בְּיַחַד, פַּעַם בְּבֵיתוֹ, פַּעַם אֶצֶל בָּנָיו, וּפַעַם אֵצֶל קְרוֹבִים אֲחֵרִים. מָרְדְּכַי בְּשׁוּתוּף עִם אֲחֵרִים הִשִּׂיג סֵפֶר־תּוֹרָה מִבֵּית הַכְּנֶסֶת הָאַשְׁכְּנָזִי לְשִׁמּוּשׁ זְמָנִי, וְכֵן אֶת כֹּל מַה שֶּׁצָּרִיךְ לִתְפִלָּה: טַלִּיתוֹת, תְּפִילִין, וְסִידוּרִים. אַחַר־כָּךְ קִיבְּלָה הַקְּהִילָה הַבּוּכָרִית מֻכָּרָה הַיְהוּדִית הַמְּקוֹמִית בְּנְיָן פָּנוּי (אָמְנָם בָּלוּי) לְבֵית כְּנֶסֶת שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה.

בְּתִקוּפָה זוֹ הִתְגּוֹרְרוּ בְּאוֹסְטְרִיָּה לְמַעְלָה מֵעֲשֶׂרֶת אֲלָפִים יְהוּדִים שֶׁמִּתּוֹכָם 200-300 מִשְׁפָּחוֹת מִיְּהוּדֵי בּוּכָרָה.

מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב נִבְחַר לְגַבַּאי בֵּית־הַכְּנֶסֶת וְעָזַר בְּעֲבוֹדָתוֹ לְרַב בֵּית־הַכְּנֶסֶת,ר' מֹשֶׁה יִשְׂרָאִילוֹב - בָּחוּר צָעִיר הַמֻּסוּר לַתּוֹרָה, אֲשֶׁר הִפְנוּ אוֹתוֹ חַבָּ"ד מִיִּשְׂרָאֵל לְוִינָה. הַגַּבַּאי הַנִּמְרָץ מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב וְעוֹזְרָיו הַפְּעִילִים הֵבִיאוּ לְהַגָּעָתָם שֶׁל כֹּל הַמִּתְפַּלְּלִים לְבֵית־הַכְּנֶסֶת, וְהִסְבִּירוּ לָאֲנָשִׁים כִּי

אָסוּר לְהִתְפַּלֵּל בְּבֵית-הַכְּנֶסֶת בְּלִי מִנְיָן שֶׁל לְפָחוֹת עֲשָׂרָה גְּבָרִים. מֵאָז כֹּל הַיְהוּדִים הַבּוּכָרִיִּים שׁוֹמְרֵי הַמִּצְווֹת שֶׁגָּרוּ בְּוִינָה הִתְפַּנְסוּ בְּבֵית הַכְּנֶסֶת בְּשִׁמְחָה גְּדוֹלָה. בִּפְרָט הָיוּ שְׂמֵחִים לִשְׁמוֹעַ אֶת זִמְרָתוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב, זִמְרָה צְלוּלָה וּמְלוֹדִית שֶׁהִפְלִיאָה אֶת כֹּל שׁוֹמְעֶיהָ כַּאֲשֶׁר הָיָה מַתְחִיל לָשִׁיר וּלְזַמֵּר פִּיּוּטִים וּתְפִילוֹת, הָיוּ הַכֹּל עוֹשִׂים אָזְנֵיהֶם כַּאֲפַרְכֶּסֶת וְנֶהֱנִים מִשִּׁירָתוֹ שִׁירַת שָׁלִיחַ הַצִּבּוּר שֶׁל בֵּית הַכְּנֶסֶת.

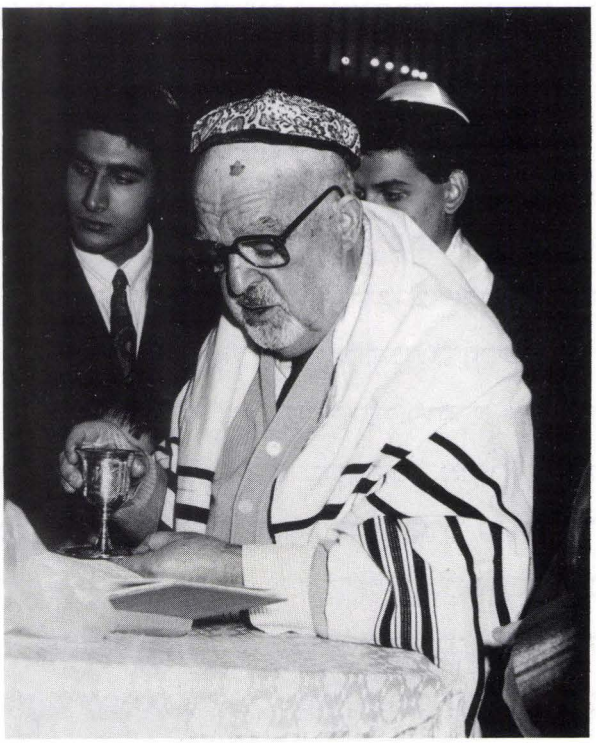
כַּאן יֵשׁ לְהַסְבִּיר, כִּי לָעֵדוֹת הַיְהוּדִיּוֹת הַשּׁוֹנוֹת יֵשׁ לְחָנִים שׁוֹנִים לְאוֹתָן הַתְּפִילוֹת: לְאַשְׁכְּנָזִים לְחָנִים מִשֶּׁלָּהֶם, לַמָּרוֹקָאִים, לַתֵּימָנִים. לִיהוּדֵי אִירָאן, אִישׁ עַל מַחֲנֵהוּ וְאִישׁ עַל דִּגְלוֹ גַּם לִיהוּדֵי בּוּכָרָה יֵשׁ לְחָנִים מְיֻחָדִים בִּתְפִילוֹת. לְחָנִים הַקְּרוֹבִים לְ- "שַׁשׁ-מַקָּאם" (סוּג מִשְׁיָרָה עֲמָמִית שֶׁל עַמֵּי אַסְיָה הַתִּיכוֹנָה). מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב יָדַע אֶת הַלְּחָנִים הָאֵלֶּה בְּאוֹפֶן מֻשְׁלָם וְהָיָה שָׁר בְּקוֹל יָפֶה וּבְצוּרָה מְצוּיֶנֶת אֶת כֹּל הַתְּפִילוֹת: שַׁחֲרִית, מִנְחָה וְעַרְבִית, וּבְמִיּוּחָד בְּשַׁבָּתוֹת וְחַגִּים.

כֹּל מַעֲשֵׂי הַצְּדָקָה שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב וּבִפְרָט תַּפְקִידוֹ בְּהַקָּמָתוֹ וּבְפְעוּלָתוֹ שֶׁל בֵּית-הַכְּנֶסֶת גָּרְמוּ לַעֲלִיַּית סַמְכוּתוֹ גַּם בְּאוֹסְטְרִיָּה וְגַם בְּיִשְׂרָאֵל, שֶׁכֵּן הִגִּיעוּ יְדִיעוֹת עַל פְּעִילוּתוֹ גַּם לָאָרֶץ. יְהוּדֵי בּוּכָרָה הַגָּרִים בְּוִינָה, בִּפְרָט הַצְּעִירִים, הִתְיַחֲסוּ אֵלָיו כְּמוֹ לַאֲבִיהֶם וְהוֹקִירוּ אוֹתוֹ מְאֹד.

בִּתְקוּפָה זוֹ הִתְגַּבְּשָׁה קְהִילַת יְהוּדֵי בּוּכָרָה בְּוִינָה. רוֹפֵא מֻמְחֶה בְּאוּרוֹלוֹגְיָה גַּבְרִיאֵל (גְּרִיגוֹרִי) גְּלִיבּוֹב, צָעִיר יוֹתֵר מִמָּרְדְּכַי, נִבְחַר לְרֹאשׁ הַקְּהִילָה. גַּם הוּא עָסַק בְּמַעֲשֵׂי צְדָקָה. הַקְּהִילָה הֶחֱלִיטָה, כִּי הַדָּבָר הַחָשׁוּב בְּיוֹתֵר הוּא בְּנִיַּת בֵּית-כְּנֶסֶת וְאַסְפָּקַת כֹּל הַדָּרוּשׁ לַתְּפִילָה. אֶת בֵּית-הַכְּנֶסֶת הִתְחִילוּ לִבְנוֹת בְּ-1989 וְסִיְּמוּ בְּ-1992. לִיכּוּדָם שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה הַגָּרִים בְּוִינָה וּפְעִילוּתָם הַמְשֻׁתָּפֶת שֶׁל מָרְדְּכַי וְגַבְרִיאֵל גְּלִיבּוֹב אִפְשְׁרוּ אֶת סִיּוּמוֹ הַמָּהִיר וְהַמֻּצְלָח שֶׁל הַבִּנְיָן.

בֵּית הַכְּנֶסֶת הָיָה בֵּן שָׁלוֹשׁ קוֹמוֹת. בַּקוֹמָה הָרִאשׁוֹנָה 200 מְקוֹמוֹת תְּפִילָה לִגְבָרִים. הַקוֹמָה הַשְּׁנִיָּה מְיֻעֶדֶת לַנָּשִׁים, וּבַקוֹמָה הַשְּׁלִישִׁית יֵשׁ אוּלָם לְאֵירוּעִים שׁוֹנִים הַמֵּכִיל 250 מְקוֹמוֹת. כָּל הָאוּלָמוֹת וְהַחֲדָרִים מְרֻהָטִים בְּרָהִיטִים נוֹחִים שֶׁשִּׁיווּ לְבֵית הַכְּנֶסֶת מַרְאֶה הָדוּר נוֹחַ וְנָעִים. בַּיּוֹם יֵשׁ בְּבֵית-הַכְּנֶסֶת שְׁלוֹשָׁה סִפְרֵי-תּוֹרָה וּשְׁתֵּי הַפְּטָרוֹת.

כָּל בּוֹקֶר בְּשָׁעָה מֻקְדֶּמֶת, הָיָה מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב בָּא לְבֵית-הַכְּנֶסֶת, פּוֹתֵחַ אֶת דַּלְתוֹתָיו וּמַזְמִין אֶת כֹּל הָרוֹצִים לְהִתְפַּלֵּל, בַּאֲדִיבוּת כְּהַכְנָסַת-אוֹרְחִים. בְּכֹל שַׁבָּת אַחֲרֵי צָהֳרַיִם הָיוּ מִתְכַּנְּסִים אֲנָשִׁים רַבִּים בְּבֵית-הַכְּנֶסֶת, כְּדֵי לְהַאֲזִין לְהַרְצָאוֹתָיו שֶׁל יִצְחָק אָחוּנוֹב, נוֹאֵם צָעִיר, בָּקִי בְּתַלְמוּד, בְּנוֹשְׂאִים שׁוֹנִים שֶׁל הַיַּהֲדוּת.

מַעֲשֵׂי הַצְּדָקָה שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב ז״ל לֹא יִשָּׁכְחוּ, וְהֵם רְאָיָה לְאַצִילוּתוֹ, הַמַּעֲשִׂים הָאֵלֶּה מָצְאוּ בְּטוּי לֹא רַק בְּעִנְיָנֵי הַדָּת. הוּא הִצְטַיֵּן בְּמַעֲשִׂים טוֹבִים גַּם בְּתְחוּמִים אֲחֵרִים שֶׁל הַחַיִּים הַצִּבּוּרִיִּים.
נְסַפֵּר עַל תְּכוּנוֹת נוֹסָפוֹת שֶׁל אֲצִילוּתוֹ.

מרדכי מברך על היין בברית-מילה של ירון נכדו. וינה, 1991.
Мордехай читает кидуш на брит-мила внука-Ярона. Вена, 1991 г.

אַרְבַּע מִדּוֹת בְּנוֹתְנֵי צְדָקָה.

הָרוֹצֶה שֶׁיִּתֵּן וְלֹא יִתְּנוּ אֲחֵרִים

עֵינוֹ רָעָה בְּשֶׁל אֲחֵרִים.

יִתְּנוּ אֲחֵרִים וְהוּא לֹא יִתֵּן עֵינוֹ רָעָה בְּשֶׁלּוֹ.

יִתֵּן וְיִתְּנוּ אֲחֵרִים חָסִיד.

לֹא יִתֵּן וְלֹא יִתְּנוּ אֲחֵרִים רָשָׁע.

(פרקי אבות, ה', ט"ז)

מָרְדְּכַי גִּילְקְרוֹב מְהַרְהֵר עַל הַחֶסֶד וְעַל הָאֲצִילוּת

אוֹמְרִים שֶׁבִּשְׁנַת 1993 הִגִּיעַ לְמָרְדְּכַי אֶחָד מִמַּכָּרָיו וְאָמַר לוֹ בְּגַסּוּת וּבְתוֹכָחָה: "יְדִידִי הַיָּקָר, אֲנִי לֹא מֵבִין אֶת נְדִיבוּתְךָ הַמְיֻתֶּרֶת. שָׁמַעְתִּי עַל פְּעִילוּתְךָ בְּבֵית-הַכְּנֶסֶת בְּוִינָה. סָבִיר כִּי ה' יִגְמוֹל אִתְּךָ בְּנַדַּאי עַל טוֹבָה זוֹ. אוּלָם אֲנִי שׁוֹמֵעַ שֶׁאַתָּה מְבַזְבֵּז אֶת כַּסְפְּךָ כַּאֲשֶׁר אַתָּה מְסַיֵּעַ לָאֲנָשִׁים זָרִים. הַאִם אֵין לְךָ יְלָדִים, אֵין לְמִי לְצַוּוֹת אֶת הַיְרוּשָׁה? יָתֵר עַל כֵּן, הַאֻמְנָם אַתָּה חוֹשֵׁב, כִּי אֲנָשִׁים הַמְקַבְּלִים אֶת הַסִּיּוּעַ מִמְּךָ הֵם מְרוּצִים וּמוֹדִים לְךָ? הֲרֵי אֲנָשִׁים אֵלֶּה, כְּפוּיֵי-טוֹבָה הֵם! תִּתֵּן לָהֶם אֶלֶף, יָגִידוּ בְּלִיבָּם: "הָאֻמְנָם הוּא לֹא יָכוֹל לָתֵת לִי אַלְפַּיִם?" מְסַפְּרִים, כִּי אֶמִּיר בּוּכָרָה בִּזְמַנּוֹ הִזְמִין לַחֲתוּנַת בִּתּוֹ אֲנָשִׁים רַבִּים. סְעוּדַת הַחֲתוּנָה נִמְשְׁכָה שְׁבָעָה יָמִים. אַחֲרֵי הַסְּעוּדָה נָתַן הָאֶמִּיר בְּמַתָּנָה כֶּבֶשׂ לְכָל אוֹרֵחַ. וְהִנֵּה נִקְרַע חֶבֶל הַקֶּשׁוּר סָבִיב לְצַוָּארוֹ שֶׁל אֶחָד הַכְּבָשִׂים. הַכֶּבֶשׂ הִשְׁתַּחְרֵר מֵהַחֶבֶל וּבָרַח. בַּעַל הַכֶּבֶשׂ קִלֵּל אֶת הָאֶמִּיר עַל שֶׁלֹּא קָשַׁר חֶבֶל טוֹב סָבִיב לְצַוָּארוֹ שֶׁל הַכֶּבֶשׂ. "אַתָּה רוֹאֶה אֶת כְּפִיּוּת הַטּוֹבָה שֶׁל הָאֲנָשִׁים! בִּגְלַל זֶה אֵין לִי נְדִיבוּת כָּזֹאת, וַאֲנִי לֹא מְיַעֵץ גַּם לַאֲחֵרִים לִהְיוֹת נְדִיבִים. בָּרוּךְ ה', יֵשׁ לְךָ חֲמִישָׁה יְלָדִים וְכָנִרְאֶה יוֹתֵר מֵעֲשָׂרָה נְכָדִים, וְאַתָּה כְּבַר בֶּן שִׁבְעִים, וְהַיְרוּשָׁה הִיא הַדָּבָר הַחָשׁוּב בְּיוֹתֵר לַצֶּאֱצָאִים. וְכֵן הָאֲנָשִׁים הַנְּבוֹנִים

נוֹהֲגִים לְהוֹסִיף וּלְהַרְבּוֹת אֶת כַּסְפֵּיהֶם. אַל-תֵּיעָלֵב מִדְּבָרַי, יְדִידִי מָרְדְּכַי, אַךְ תַּסִּיק אֶת הַמַּסְקָנָה, אֵינִי אוֹהֲבְךָ..."

יֵשׁ אֲנָשִׁים אֲשֶׁר נוֹהֲגִים שֶׁלֹּא לְהַקְשִׁיב לְדִבְרֵי בְּנֵי שִׂיחָם אוֹ לַעֲנוֹת לָהֶם מִיָּד, וְעוֹנִים מַהֵר-מַהֵר. אֲבָל הַחֲכָמִים אוֹמְרִים: "מִי שֶׁמְּמַהֵר בִּתְשׁוּבָתוֹ, מְהַרְהֵר מְעַט". מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב הָיָה חָכָם וּמְאֻזָּן. אַף פַּעַם לֹא מִהֵר לְהַשִּׁיב. נָהַג לִשְׁקוֹל אֶת כֹּל מַה שֶּׁשָּׁמַע וְרַק אַחַר-כָּךְ לַעֲנוֹת לְבֶן-שִׂיחוֹ אוֹ לִטְעוֹן כְּנֶגְדּוֹ. הוּא נָהַג לַעֲשׂוֹת זֹאת בִּמְלִיצָה, וְהָיָה מִשְׁתַּמֵּשׁ בְּפִתְגָּמִים עֲמָמִיִּים, בְּאִמְרוֹת כָּנָף וַאֲפִילּוּ בְּסִפּוּרִים קְצָרִים וּבְשִׁירִים.

בְּאֹפֶן כָּזֶה הֶחֱלִיט מָרְדְּכַי לַעֲנוֹת גַּם לְאוֹרְחוֹ וְשָׁאַל אוֹתוֹ מֵרֹאשׁ, אִם יֵשׁ לוֹ זְמַן. אַחֲרֵי שֶׁאָמַר הָאוֹרֵחַ שֶׁהוּא יָכוֹל וּמוּכָן לְהַקְשִׁיב לְמָרְדְּכַי עַד הַבּוֹקֶר, חָלַט בַּעַל-הַבַּיִת תֵּה יָרוֹק רֵיחָנִי, הִגִּישׁ מַעֲדָנִים לַשֻּׁלְחָן, וְהִתְחִיל לַעֲנוֹת לְאוֹרְחוֹ: "נִדְמֶה לִי שֶׁהַסִּיפּוּם בְּמַה שֶּׁאָמַרְתָּ הוּא רַעְיוֹן עַל הוֹסָפַת מָמוֹן, עַל יְרוּשָׁה לַיְלָדִים וְעַל אֲנָשִׁים כְּפוּיֵי-טוֹבָה, נָכוֹן?"

"בְּדִיּוּק!"

"אוֹרֵחַ יָקָר! רָצִיתִי לְסַפֵּר לְךָ מָשָׁל עַל קַמְצָן אֶחָד אֲשֶׁר בְּמֶשֶׁךְ כֹּל חַיָּיו הָיָה רַק חוֹסֵךְ כְּסָפִים. פַּעַם חָלָה בְּמַחֲלָה קָשָׁה: לִבּוֹ כָּאַב. הָרוֹפְאִים הִזְהִירוּ אוֹתוֹ: "אַל-תִּשָּׂא חֲפָצִים הַשּׁוֹקְלִים יוֹתֵר מִקִּילוֹגְרָם!" אֲבָל פַּעַם בַּלַּיְלָה כַּאֲשֶׁר חָזַר הַבַּיְתָה, רָאָה מִזְוָדָה מוּנַחַת בָּרְצִפָּה, הָיְתָה זוֹ שָׁעָה מְאוּחֶרֶת שֶׁאֵין אֲנָשִׁים בַּרְחוֹב. פָּתַח אֶת הַמִּזְוָדָה וּמָצָא אוֹתָהּ מְלֵאָה מַטְבְּעוֹת זָהָב! מַטְבְּעוֹת רַבּוֹת, הַרְבֵּה מְאֹד... מַה לַּעֲשׂוֹת? חָשַׁב וְהֶחְלִיט לְהָרִים אֶת הַמִּזְוָדָה עַל כְּתֵפָיו וּלְהָבִיא אוֹתָהּ הַבַּיְתָה, לְמַחְבּוֹא שֶׁבְּמַרְתֵּף בֵּיתוֹ. אִישׁ לֹא יָדַע עַל הַמַּחְבּוֹא, אֲפִלּוּ אִשְׁתּוֹ. וְהִנֵּה כְּשֶׁעָלָה בַּמַּדְרֵגוֹת מֵהַמַּרְתֵּף לְבֵיתוֹ, נָפַל וּמֵת. כֵּן, אוֹרֵחַ יָקָר - סִיֵּם מָרְדְּכַי אֶת מְשָׁלוֹ- כָּךְ מֵת הַקַּמְצָן הָזֶה שֶׁלֹּא יָדַע שׂוֹבְעָה בַּכֶּסֶף.

זֶהוּ מָשָׁל, וְעַכְשָׁיו אֲסַפֵּר לְךָ עַל מַה שֶׁרָאִיתִי בְּעֵינַי. פַּעַם הֶחְלַטְתִּי לְבַקֵּר חוֹלָה. בָּאתִי אֵלָיו, וְהִנֵּה הוּא שׁוֹכֵב כְּאִילוּ יָצָא מִדַּעְתּוֹ, עֵינָיו בּוֹלְטוֹת, וּלְיָדוֹ אַרְגָּז קָטָן מָלֵא אוֹצָרוֹת. פְּעָמִים הָיָה מִתְבּוֹנֵן בָּאוֹצָרוֹת, וּפְעָמִים מִתְעַלֵּף, וְכַאֲשֶׁר הָיָה בַּהַכָּרָה, צָעַק בְּקוֹל בִּלְתִּי טִבְעִי: "מַה? אָמוּת, וְתִשָּׁאֲרוּ? לֹא, לֹא!" וְשׁוּב הִתְעַלֵּף וְשׁוּב הִתְאוֹשֵׁשׁ, וְשׁוּב צָעַק... אַחַר-כָּךְ לָקַח אֶת עַנְקֵי-הַיַּהֲלוֹמִים וְהִצְמִיד אוֹתָם בְּלַחַץ פַּעַם לְלִבּוֹ, פַּעַם לְעֵינָיו, וְשׁוּב חָזַר: "הַאָמְנָם תִּשָּׁאֲרוּ, וְאַפְקִיר אוֹתְכֶם?" אֲפִילּוּ לֹא שָׂם לֵב שֶׁהִגַּעְתִּי וְלֹא עָנָה עַל בִּרְכַּת-שָׁלוֹם שֶׁלִּי. בְּאוֹתוֹ רֶגַע נִכְנָסָה אִשְׁתּוֹ לַחֶדֶר וְאָמְרָה לִי: "מָרְדְּכַי הַנִּכְבָּד! חֲבֵרְךָ חוֹלֶה בְּמַחֲלָה קָשָׁה. כְּבָר יוֹמַיִם אֵינוֹ מַכִּיר אַף אֶחָד וְכֹל הַזְּמַן חוֹזֵר עַל אוֹתָן הַמִּילִים..." בָּחַנְתִּי אֶת הַמַּצָּב הָזֶה, יָצָאתִי מִבֵּיתוֹ וְאָמַרְתִּי: "ה' יִשְׁמֹר מִצָּרָה כָּזֹאת! נִרְאֶה לִי שֶׁמּוּטָב לָמוּת בְּמִיתָה יָפָה בְּלִי כֶּסֶף מֵאֲשֶׁר לְהִפָּרֵד מֵהַהוֹן בְּצוּרָה נִבְזִית כָּזֹאת!"

וְעַכְשָׁיו אֲדַבֵּר אוֹדוֹת נְדִיבוּתִי. בַּרֹאשׁ וּבָרִאשׁוֹנָה, אֵינִי מִילְיוֹנֵר וְאֵינִי גְּבִיר גָּדוֹל אֲשֶׁר מְבַזְבֵּז כֶּסֶף. לְכֹל אָדָם צָרִיךְ לִהְיוֹת רַעְיוֹן טוֹב, אֲשֶׁר יִשְׁאַף לְהַגְשָׁמָתוֹ. רַעְיוֹנִי הוּא לְחַזֵּק לַאֲנָשִׁים אֶת הָאֱמוּנָה בֶּאֱלֹקִים, בַּתּוֹרָה, בַּטּוֹב וּבַחַיִּים. אֲנִי מְשַׁתַּדֵּל לְעוֹדֵד אֶת כֹּל מִי שֶׁמַּגְשִׁים אֶת הָרַעְיוֹן הָזֶה. הַגְשָׁמָתוֹ הִיא כֹּל דָּבָר שֶׁמְּקַדֵּם אֶת חִיזּוּקָהּ שֶׁל דָּתֵנוּ וְהִתְפַּתְּחוּתָהּ שֶׁל תַּרְבּוּתֵנוּ. אֲנִי עוֹזֵר לַאֲנָשִׁים הָעוֹסְקִים בְּתַרְבּוּת עַמֵּנוּ וּבְתוֹלְדוֹתָיו. לְדוּגְמָה, כְּשֶׁרָאִיתִי הַצָּגַת הַדְּרָמָה "יוֹסֵף הַצַּדִּיק" בְּבָמַת הַתֵּיאַטְרוֹן הַיְּהוּדִי-בּוּכָרִי שֶׁנּוֹסַד לָאַחֲרוֹנָה, הִתְפַּעַלְתִּי גַּם מֵהַטֶּקְסְט שֶׁל הַמַּחֲזֶה, גַּם מִבִּימּוּי הַהַצָּגָה גַּם מֵהַלִּיווּי הַמּוּסִיקָלִי, גַּם מִמִּשְׂחָק הַשַּׂחְקָנִים, גַּם מֵעִיצּוּב הַהַצָּגָה, גַּם מֵאִיפּוּר הַשַּׂחְקָנִים וּמִבִּגְדֵיהֶם... הִרְגַּשְׁתִּי שֶׁכֹּל הַלַּהֲקָה בְּצִעָה עֲבוֹדָה גְּדוֹלָה, קַפְדָנִית וּמְיֻגַּעַת. וּפִתְאֹם שָׁמַעְתִּי, כִּי לְתֵיאַטְרוֹן זֶה אֵין מָקוֹם מְיֻחָד וְשַׂחְקָנָיו לֹא מְקַבְּלִים מַשְׂכֹּרֶת. וַהֲרֵי הֵם עוֹסְקִים בְּעִנְיָן חָשׁוּב מְאֹד: מְסַפְּרִים לָנוּ בְּצוּרָה אוֹמָנוּתִית עַל תּוֹלְדוֹת

עַמֵּנוּ, עַל יַעֲקֹב אָבִינוּ וְעַל נֶאֱמָנוּתוֹ שֶׁל יוֹסֵף הַצַּדִּיק לְאֱלֹקִים. חָשַׁבְתִּי אֵיךְ אֲנִי יָכוֹל לַעֲמוֹד בַּצַּד לְמַרְאֵה מַעֲשֶׂה כֹּל-כָּךְ גָּדוֹל וְטוֹב! וְתָרַמְתִּי לַתִּיאַטְרוֹן כְּפִי יְכָלְתִּי. אוּלַי תְּרוּמָתִי הִיא טִיפָּה מִן הַיָּם, אַךְ אֵין זֶה הָעִיקָר.

Мо номхои азизони вафоткардаро дар инчо чоп мекунем, то ки хотираи некашон барои наслхои оянда зинда монад.

ואלה יעמדו על הברכה

אשר באו להדר עזר בהוצאות הדפוס לספר הנוכחי ותרמו את תרומתם לעילוי נשמת יקירהם הנפטרים:

האדון מרדכי גולקארוב – לעי"נ אביו מו' רפאל בן אסתר–מאה ז"ל ואמו מרת ברוריה בת מרים ז"ל

האדון מישה אברהמוב – לעי"נ אביו מו' ארי דהבידי בן בתיה ז"ל ואמו מרת חנה בת שרה כאבולי ז"ל

האדון שלמה אוסתא–נייאזוב – לעי"נ אביו מר' חנניה בן רחל ז"ל ואמו מרת קציעה בת אסתר ז"ל

האדון אהרן חסידוב – לעי"נ אביו מו' אליהו בן טובה ז"ל ואמו מרת קציעה בת אסתר ז"ל

האדון מישה יהחהיוב – לעי"נ אביו מאיר בן מלכה ז"ל ואמו מרת דבורה בת טובה ז"ל

האדון ניסים–חי לוייוב – לע"נ אביו מו' נריה בן אסתר ז"ל ואמו מרת רבקה בת חפצי ז"ל

האדון ישעיה אהרון באיוב – לעי"נ אביו מו' עזריה בן עזיזאיי ז"ל

האדון משה בנגיוב – לעי"נ אביו מו' זבולון בן לאה ז"ל ואמו מרת פריחה בת שרח ז"ל

האדון אהרן מאתהיוב – לעי"נ אביו מו' אוריאל בן שרה ז"ל

האדון ניסן שמעונוב – לעי"נ אמו מרת קציעה בת מרים ז"ל

האדון יונתן מולאקנדוב – לעי"נ אביו מו' בכור בן פריחה ז"ל

האדון שלמה מאירוב – לעי"נ זקנו מו' זאב נמתיוב ז"ל (מצד אמו) וזקנו מו' רפא"ל מאירוב ז"ל (מצד אביו)

האדון בוריס גולקארוב – לעי"נ אמו מרת יעל בת חפצי ז"ל

דברי תודה עבור תרומה להוצאת ספר. Благодарность за помощь в издании книги.

הֶחָשׁוּב בְּיוֹתֵר שֶׁרָאִיתִי הַגְּשָׁמַת הַרְעִיוֹנוֹת שֶׁלִּי. וְלֹא רַק אֲנִי תָּרַמְתִּי. יָדוּעַ לִי, כִּי גַּם אֲחֵרִים תָּרְמוּ לַתֵּיאַטְרוֹן כַּמָּה שֶׁאָפְשָׁר. נִרְאֶה לִי שֶׁזֶּה מוּטָב מֵאֲשֶׁר לִזְרוֹת דּוֹלָרִים עַל בִּילוּיִים בַּחֲתוּנָה אוֹ בְּמִסְעָדָה.

אָבִיא דוּגְמָא אַחֶרֶת. אָכֵן אֲנִי מְסַיֵּעַ לְסוֹפְרִים אֲחָדִים - עוֹלִים חֲדָשִׁים. אֵין לָהֶם כֶּסֶף לְהוֹצָאַת סִפְרֵיהֶם. יָדוּעַ שֶׁבֵּית-דְּפוּס דּוֹרֵשׁ כֶּסֶף רַב לְהוֹצָאַת סְפָרִים. סוֹפֵר אֶחָד, יְדִידִי וַחֲבִיבִי, הָעֶתִיק בְּמֶשֶׁךְ זְמַן רַב אֶת סֵפֶר "אַהֲבַת צִיּוֹן" לְאַבְרָהָם מַפּוּ בְּתַרְגּוּמוֹ שֶׁל ר' שִׁמְעוֹן חָכָם לִיהוּדִית-בּוּכָרִית. סֵפֶר זֶה יָצָא לָאוֹר לִפְנֵי תִּשְׁעִים שָׁנָה וְנִדְפַּס בְּאוֹתִיּוֹת עִבְרִיּוֹת. וְאוּלָם לְעוֹלִים חֲדָשִׁים קָשֶׁה לִקְרוֹא אוֹתוֹ. הַסֵּפֶר חָשׁוּב וּמְעַנְיֵן מְאֹד: הוּא מְתָאֵר אֶת חַיֵּיהֶם שֶׁל בְּנֵי יִשְׂרָאֵל בְּמַלְכוּתוֹ שֶׁל הַמֶּלֶךְ חִזְקִיָּהוּ, מְסַפֵּר עַל מָצוֹר יְרוּשָׁלַיִם ע"י סַרְגּוֹן הַשֵּׁנִי מֶלֶךְ אַשּׁוּר וְעַל נִצָּחוֹן בְּנֵי יִשְׂרָאֵל בַּמִּלְחָמָה הָזֹאת בְּעֶזְרַת ה'. הֲכִיצַד לֹא אֲסַיֵּעַ לַסּוֹפֵר הָזֶה! וְסִיַּעְתִּי גַּם לוֹ. הַאִם הַמַּעֲשֶׂה הָזֶה בִּזְבּוּז כֶּסֶף?

וּבְסוּג הָאֲנָשִׁים הָאֵלֶּה אֵינִי יָחִיד וְלֹא הָרִאשׁוֹן וְלֹא הָאַחֲרוֹן. לְדוּגְמָה, בִּשְׁנַת 1910 בְּעִיר קוֹקַנְד (אוּזְבֶּקִיסְטָן), סִיַּע רַחֲמִים דָּוִידַבַּייֶב לְתִרְגּוּם סֵפֶר "זִכְרוֹנוֹת לְבֵית דָּוִד" מֵעִבְרִית לִיהוּדִית-בּוּכָרִית, וְהַתַּרְגּוּם הָזֶה יָצָא לָאוֹר עַל חֶשְׁבּוֹנוֹ. וְיוֹתֵר מִשְּׁמוֹנִים שָׁנָה מְכַבְּדִים יְהוּדֵי בּוּכָרָה אֶת זִכְרוֹ כְּשֶׁקּוֹרְאִים אֶת הַסֵּפֶר הָזֶה. וּמְהַנְדֵּס וְתַעֲשְׂיָין שְׁבָדִי נוֹבֶל צִיּוָּה לְהַעֲנִיק אֶת הַכְּסָפִים מֵעֶזְבוֹנוֹ כִּפְרָסִים לְלוֹחֲמִים לְמַעַן הַשָּׁלוֹם וְגַם לְמַדְעָנִים וּלְסוֹפְרִים בּוֹלְטִים בַּעֲלֵי שֵׁם עוֹלָמִי. כֹּל שָׁנָה מֵעֲנָקִים פִּרְסֵי נוֹבֶל מִסְכּוּם 31.5 מִילְיוֹן קְרוֹנוֹת (לִירוֹת שְׁבָדִיּוֹת) שֶׁל עֶזְבוֹנוֹ, וְזֶה הָחֵל מִשְּׁנַת 1901, וּפְרָסִים אֵלֶּה - הַזְּכָרוֹן הַטּוֹב בְּיוֹתֵר עֲבוּרוֹ.

אַתָּה רוֹאֶה שֶׁאֲנָשִׁים טוֹבִים רַבִּים בָּעוֹלָם הָזֶה. וַאֲנִי לוֹקֵחַ אֶת דּוּגְמָתָם. בְּוַדַּאי אֵינִי קוֹרֵא לְךָ לִהְיוֹת כְּמוֹהֶם. אֲבָל אֲנִי בְּעַצְמִי לֹא אֶסְטֶה מֵהַדֶּרֶךְ הָזֹאת לְעוֹלָם!

וְעַכְשָׁיו עַל יְרוּשָׁה גְּדוֹלָה בִּשְׁבִיל הַיְלָדִים. בְּנַדַּאי צָרִיךְ לַחְשׁוֹב עַל הַיְרוּשָׁה הַחוֹמְרִית, כְּדֵי לְסַפֵּק אֶת הַיְלָדִים בְּמָה שֶׁאֶפְשָׁר. אַךְ יֶשְׁנָהּ גַּם הַיְרוּשָׁה הָרוּחָנִית הַדָּתִית. מַשְׁמָעוּת הַיְרוּשָׁה הָזֹאת - לָתֵת לַיְלָדִים שֵׁם-טוֹב, אֶת הָאֱמוּנָה בֶּאֱלֹקִים וּלְהָבִיא אוֹתָם לְמַעֲשִׂים טוֹבִים. הִשְׁתַּדַּלְתִּי לְחַנֵּךְ אֶת יְלָדַי בְּאֹפֶן כָּזֶה. וְכַעֵת הַיְלָדִים שֶׁלִּי מְסִתַּדְּרִים טוֹב וּמוֹדִים לִי עַל הַחִנּוּךְ שֶׁהֶעֱנַקְתִּי לָהֶם. וְחַס וְחָלִילָה לְכֹל הָאָבוֹת מִילָדִים כְּפוּיֵי-טוֹבָה! יֵשׁ לָנוּ פִּתְגָם: "לִילָדִים טוֹבִים אֵין צוֹרֵךְ בִּירוּשַׁת אֲבִיהֶם, וְלִילָדִים רָעִים - עַל אַחַת כַּמָּה וְכַמָּה!"

אַחַר-כָּךְ קָם מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב מֵהַכִּסֵּא וְלָקַח שְׁלוֹשָׁה סְפָרִים מֵאָרוֹן-סְפָרִים שֶׁלּוֹ, וְאָמַר לְאוֹרְחוֹ: "לִשְׁלוֹשָׁה הַסְּפָרִים הָאֵלֶּה שֵׁם אֶחָד "אַהֲרוֹן-נָאמָה" ("סֵפֶר אַהֲרוֹן"), וְיֵשׁ בָּהֶם הַרְבֵּה חֹמֶר בַּעַל-מוּסָר. אֲנִי רוֹצֶה לְסַפֵּר לְךָ בְּקִיצוּר סִיפּוּר הַמּוּבָא בְּתוֹךְ אֶחָד הַסְּפָרִים הָאֵלֶּה. שֵׁם הַסִּיפּוּר: "פַּלְטִיאֵל הַמְּפֻנָּק".

"לְאִישׁ עָשִׁיר מְאֹד, בִּימֵי זִקְנָתוֹ הָיוּ רַק שְׁנֵי דְּבָרִים: הוֹן עָצוּם וּבֵן יָחִיד שֶׁקָּרְאוּ לוֹ פַּלְטִיאֵל. כַּאֲשֶׁר הִרְגִּישׁ הָאָב כִּי קָרַב מוֹתוֹ, הִזְמִין אֶת בְּנוֹ וְאָמַר לוֹ: "בְּנִי הַיָּקָר! נִרְאֶה לִי כִּי בְּכָל רֶגַע עָלוּל אֲנִי לְהִפָּרֵד מִמְּךָ לְעוֹלָם. לָכֵן קַח אֶת הַמַּפְתֵּחַ שֶׁל חֶדֶר הָאוֹצָר שֶׁלִּי. שָׁם יֵשׁ הוֹן רַב מְאֹד, מַסְפִּיק לֹא רַק לְכֹל חַיֶּיךָ, אֶלָּא גַּם לִילָדֶיךָ, לִנְכָדֶיךָ וּלְצֶאֱצָאֵיהֶם. אַךְ אֲנִי מְבַקֵּשׁ אוֹתְךָ: אַל תְּבַזְבֵּז אֶת הַכֶּסֶף כְּפִי שֶׁאַתָּה מְבַזְבֵּז אוֹתוֹ עַכְשָׁיו. הֲרֵי אַתָּה כְּמְעַט בֶּן אַרְבָּעִים, אֵין לְךָ אִשָּׁה וְאֵין יְלָדִים. אֵין לְךָ אֲפִלּוּ מְלָאכָה. אָמְנָם יֵשׁ לְךָ חֲבֵרִים. אוּלָם אֵלּוּ חֲבֵרֶיךָ, כָּל עוֹד יֵשׁ לְךָ כֶּסֶף; וּכְשֶׁיִּהְיֶה כִּיסְךָ רֵיק, הַחֲבֵרִים יִשְׁכְּחוּ אוֹתְךָ. עַכְשָׁיו אַתָּה מְבַלֶּה אֶת חַיֶּיךָ בְּבַטָּלָה וּבְהַשְׁחָתַת-מִידוֹת: מְשַׂחֵק בְּהִימוּרִים, מְבַקֵּר בְּמִסְעָדוֹת, וּמְבַלֶּה זְמַנְּךָ לָרִיק. כֹּל הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה לֹא יָבִיאוּ אוֹתְךָ לְטוֹב! עָלֶיךָ לְשַׁנּוֹת אֶת דַּרְכְּךָ חַיֶּיךָ! שֶׁכֵּן אִם תַּמְשִׁיךְ אֶת דַּרְכְּךָ הַחַיִּים שֶׁלְּךָ גַּם אַחֲרֵי מוֹתִי, הִנֵּה צַנָּאתִי הָאַחֲרוֹנָה:

עָלֶיךָ לִתְלוֹת אֶת עַצְמְךָ עַל הַמַּסְמֵר הָזֶה שֶׁאַתָּה רוֹאֶה, יֵשׁ שָׁם גַּם חֶבֶל..."
מִיָּד כְּשֶׁסִּיֵּם אָבִיו שֶׁל פַּלְטִיאֵל אֶת הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה, נָפַל וּמֵת.

שָׁמַר פַּלְטִיאֵל בְּמֶשֶׁךְ שָׁנָה עַל דִּינֵי הָאֲבֵלוּת וְזָכַר אֶת צַוָּאַת אָבִיו. עָרַךְ אַזְכָּרָה לְיוֹם הַשָּׁנָה כְּמִנְהָג הַיְּהוּדִים. אוּלָם אַחַר-כָּךְ חָזַר לְהֶרְגְּלָיו הַקּוֹדְמִים: שׁוּב מִסְעָדוֹת, מִשְׁתִּים, וּקְלָפִים. עָבְרוּ שְׁנָתַיִים אוֹ שָׁלוֹשׁ שָׁנִים וְאוֹצַר אָבִיו הִתְרוֹקֵן. אַז הִתְחִיל פַּלְטִיאֵל לָרוּץ לַחֲבֵרָיו - פַּעַם לָזֶה, פַּעַם לְאַחֵר - לְבַקֵּשׁ מֵהֶם עֶזְרָה. אֲבָל כּוּלָם, כְּאִילוּ נֶעֶלְמוּ, אַף אֶחָד לֹא סִיֵּעַ לוֹ. פַּלְטִיאֵל הִתְיַאֵשׁ, הוּא נִזְכַּר בְּצַוָּאָתוֹ הָאַחֲרוֹנָה שֶׁל אָבִיו: לִתְלוֹת אֶת עַצְמוֹ עַל הַמַּסְמֵר שֶׁהֶרְאָה לוֹ. שָׂתָה אֶת כּוֹס וודְקָה בִּלְגִימָה אַחַת, קָשַׁר אֶת הַחֶבֶל סְבִיב צַוָּארוֹ וְנִתְלָה עַל הַמַּסְמֵר... וּפִתְאֹם - אִירוֹנְיַת הַמַּזָּל! פַּלְטִיאֵל נָפַל לְרִצְפָּה יַחַד עִם הַקִּיר אֲשֶׁר בּוֹ הַמַּסְמֵר. הוּא נִצַּל הוֹדוֹת לְאַהֲבָתוֹ שֶׁל אָבִיו! כְּשֶׁקָּם פַּלְטִיאֵל מִמְּקוֹם נְפִילָתוֹ, רָאָה אַרְגָּז מֵעֵבֶר לַהֲרִיסוֹת הַקִּיר וּמַפְתֵּחַ עַל הָאַרְגָּז, פָּתַח אֶת הָאַרְגָּז וּמָצָא שָׁם אוֹצָר גָּדוֹל כְּקֹדֶם, וּמֵעַל הָאוֹצָרוֹת הוּנַח פֶּתֶק בִּכְתַב יָדוֹ שֶׁל אָבִיו, וּבוֹ נִכְתַּב: "נוּ, בְּנִי הַיָּקָר, אוּלַי עַכְשָׁיו תִּתְעַשֵּׁת!"

אַחֲרֵי שֶׁשָּׁמַע הָאוֹרֵחַ אֶת הַסִּיפּוּר, בִּקֵּשׁ מִמָּרְדְּכַי את הַסֵּפֶר שֶׁהוֹפִיעַ הַסִּפּוּר, דִּיפְדֵּף בּוֹ וְאָמַר: "כֹּל הַכָּבוֹד לַמְּחַבֵּר! נֶהֱנֵיתִי מְאֹד, מָרְדְּכַי הַיָּקָר. אִם לֹא תִּתְעַנְּפְתָּ, סַפֵּר לִי בְּבַקָּשָׁה בְּקִיצּוּר סִיפּוּר אַחֵר מִסֵּפֶר זֶה, הַסִּיפּוּר הַנִּקְרָא: "צַוָּאַת אִסְכַּנְדֶּר".

מָרְדְּכַי חִיֵּךְ וְאָמַר: "לֹא אוֹכְלִים אֶת שְׁתֵּי הַמָּנוֹת הַטְּעִימוֹת בִּרְצִיפוּת! נַעֲשֶׂה הַפְסָקָה, דֶּרֶךְ אַגַּב נַחְטוֹף מַשֶּׁהוּ, נְשׁוֹחֵחַ קְצָת וְאַחַר-כָּךְ אֶהְיֶה מוּכָן לְשַׁרוּתְךָ".

אַחֲרֵי הַפְסָקָה קְצָרָה חִיֵּךְ מָרְדְּכַי וְהֵחֵל לְסַפֵּר: "אוֹמְרִים כִּי אִסְכַּנְדֶּר (כָּךְ קוֹרְאִים לְמֶלֶךְ אַלֶכְּסַנְדֶּר מוֹקְדוֹן בְּאַרְצוֹת הַמִּזְרָח) צִוָּה לִפְנֵי פְּטִירָתוֹ, כְּשֶׁהָיָה בֶּן שְׁלוֹשִׁים וְשָׁלוֹשׁ כָּךְ: "אֲנִי מְבַקֵּשׁ שֶׁיָּרִימוּ אֶת הָאָרוֹן עִם גּוּפָתִי

עַל הַכְּתֵפַיִם עַד מְקוֹם קְבוּרָתִי וְשָׁיְשָׁאוּ אוֹתִי בְּאֹפֶן כָּזֶה, שֶׁיָּדִי הַיְמָנִית תֵּצֵא אֶל מִחוּץ לָאָרוֹן". אֶחָד הַשָּׂרִים שָׁשָׁמַע זֹאת שָׁאַל אוֹתוֹ, מַה הַסִּיבָּה לְצַוָּאָתוֹ זֹאת. וְאִסְכַּנְדֶּר עָנָה: "כָּרֶגַע, כַּאֲשֶׁר הוֹלֶכֶת נַפְשִׁי לְהִפָּרֵד מִמֶּנִּי, נִזְכַּרְתִּי בְּהַרְפַּתְקָה אַחַת. הָיָה זֶה כַּאֲשֶׁר פַּעַם הֶחְלַטְתִּי לִכְבּוֹשׁ אֶת אֶרֶץ סִין. יָצָאתִי לְשָׁם עִם חֵיל עָצוּם. הִגַּעְנוּ לְסִין. עָבַרְנוּ אֶת עָרֶיהָ וּכְפָרֶיהָ וְהִתְפַּלֵּאנוּ שֶׁאַף אֶחָד לֹא הִתְנַגֵּד לָנוּ. אֵין יוֹרִים בָּנוּ אַף חֵץ אֶחָד! חָשַׁבְתִּי, כִּי הָאֲנָשִׁים הָאֵלֶּה לֹא יוֹדְעִים כַּנִּרְאֶה, מַה הִיא מִלְחָמָה, וְהָלַכְתִּי עִם חַיָּלַי עַד לְטִירַת הַמֶּלֶךְ. שַׁעַר הַטִּירָה נִפְתַּח לְפָנַי, וּפָסַעְתִּי בְּאוֹמֶץ עַל סִפֵּי הַטִּירָה. אֲבָל... מִיָּד נִסְגַּר הַשַּׁעַר, וְכָךְ נִשְׁאַרְתִּי אֲנִי בַּטִּירָה, וְחֵילִי - מִחוּץ לַטִּירָה. פִּתְאֹם הִתְנַפְּלוּ עָלַי חַיָּלִים סִינִיִּים, קָשְׁרוּ אֶת יָדַי וְרַגְלַי, שָׂמוּ שַׂק עַל רֹאשִׁי וְזָרְקוּ אוֹתִי לְאֶחָד הַמַּרְתֵּפִים.

בְּמֶשֶׁךְ שְׁלוֹשָׁה יָמִים לֹא בִּיקְרוּ אוֹתִי, לֹא הֶאֱכִילוּנִי וְאַף לֹא הִשְׁקוּנִי. בַּיּוֹם הָרְבִיעִי הֵסִירוּ אֶת הַשַּׁרְשְׁרָאוֹת מִיָּדַי וּמֵרַגְלַי וְהֵבִיאוּ אוֹתִי אֶל תּוֹכֵי הַטִּירָה. בְּפָנַי נִפְתְּחָה דֶּלֶת זָהָב מְשֻׁבֶּצֶת בְּאַבְנֵי-חֵן. נִכְנַסְתִּי לְאוּלָם וְלֹא הֶאֱמַנְתִּי לְמַרְאֶה עֵינַי. בָּאוּלָם הָעֲנָקִי הָזֶה, הַמְרֻהָט בִּרְהִיטִים מְפֹאָרִים, בְּשֻׁלְחָנוֹת יָפִים הוּנָחוּ גַּם מַטְבְּעוֹת זָהָב, גַּם יַהֲלוֹמִים רַבִּים וְגַם אַבְנֵי-חֵן אֲחֵרוֹת - הַרְבֵּה מְאֹד! וְאֵין בְּאוּלָם אַף אֶחָד מִלְּבָדִי. אַךְ לֹא הִתְעַנְיְנְתִּי בָּאוֹצָרוֹת הָאֵלֶּה, אֲפִילוּ לֹא נָגַעְתִּי בְּדָבָר מִכָּל אֲשֶׁר עָמַד לְפָנַי. הָיִיתִי רָעֵב וְצָמֵא, מְדֻלְדָּל וּמְיוּגָע, וְלֹא חָשַׁבְתִּי עַל הוֹן. וּפִתְאֹם אֲנִי רוֹאֶה בְּזָוִית מִזָּוִיּוֹת הָאוּלָם פַּת קָטָן שֶׁל לֶחֶם יָבֵשׁ וְכוֹס מַיִם! רַצְתִּי לַזָּוִית הָזֹאת כְּנָמֵר הַמִּתְנַפֵּל עַל טַרְפּוֹ. לָקַחְתִּי אֶת הַכּוֹס וְאֶת פַּת הַלֶּחֶם, וְעָמַדְתִּי לֶאֱכוֹל אַךְ פִּתְאֹם הוֹפִיעַ לְפָנַי אָדָם עָטוּי צָעִיף מֵרֹאשׁוֹ עַד רַגְלָיו וְאָמַר לִי: "נוּ, אִסְכַּנְדֶּר הַגָּדוֹל, מַדּוּעַ זִילְזַלְתָּ בָּאוֹצָרוֹת? רָצִיתָ רַק פַּת לֶחֶם וְכוֹס מַיִם!" שָׁאַלְתִּי: "מִי אַתָּה, מַלְאַךְ הַשָּׁמַיִם?" וְשָׁמַעְתִּי אֶת הַתְּשׁוּבָה

הַבָּאָה: "אֲנִי הַמַּלְכָּה שֶׁל הָאָרֶץ הָזֹאת. הִגַּעְתָּ אֵלֵינוּ כְּדֵי לָקַחַת אֶת אוֹצְרוֹתֵינוּ. הִנֵּה הֵם, לְפָנֶיךָ קַח אוֹתָם! אַךְ אַל תִּשְׁפּוֹךְ דְּמֵי אֲנָשִׁים!"

פַּת הַלֶּחֶם וְכוֹס הַמַּיִם נָפְלוּ מִיָּדַי. הִשְׁתַּחֲוֵיתִי לַמַּלְכָּה וְהֵרַמְתִּי אֶת יָדַי לְאוֹת שָׁלוֹם. אַחֲרֵי סְעוּדָה טוֹבָה הֵבִיאָה אוֹתִי הַמַּלְכָּה לְשַׁעַר הַטִּירָה וְנָתְנָה לִי מַתָּנוֹת רַבּוֹת בְּשִׁלּוּשִׁים שַׂיָּרוֹת גְּמַלִּים. וְתָזַרְתִּי לְאַרְצִי עִם חֵילִי בְּשָׁלוֹם. הַהַרְפַּתְקָה הָזֹאת גָּרְמָה לִי צַוָּאָה זוֹ, כְּדֵי שֶׁיִּרְאוּ אֲנָשִׁים בְּעֵינֵיהֶם, שֶׁאֲנִי הַמֶּלֶךְ הַגָּדוֹל הַשּׁוֹלֵט עַל חֲצִי הָעוֹלָם, יוֹצֵא מֵהָעוֹלָם הָזֶה בְּיַדַּיִם רֵיקוֹת."

אַחֲרֵי שֶׁסִּפֵּר מָרְדְּכַי אֶת תֹּכֶן הַסִּיפּוּר, הוֹסִיף: "כֵּן, הָאוֹרֵחַ הַיָּקָר, יֵשׁ לָנוּ, לִיהוּדֵי בּוּכָרָה, פִּתְגַּם-חָכְמָה: "לַתַּכְרִיכִים אֵין כִּיסִים".

הָאוֹרֵחַ הִתְפַּעֵל מִכֹּל מַה שֶּׁשָּׁמַע, קָם וְאָמַר: "חֲבָל, שֶׁאֲנַחְנוּ לֹא יְכוֹלִים לְהַמְשִׁיךְ אֶת שִׂיחָתֵנוּ. הִגִּיעַ זְמַן לָלֶכֶת לְבֵית-הַכְּנֶסֶת לְתִפִּילַת עַרְבִית. מוּכָן הָיִיתִי לְהַאֲזִין לְךָ עַד אוֹר הַבֹּקֶר! אַךְ אַגִּיד לְךָ, מָרְדְּכַי הַיָּקָר, דָּבָר אֶחָד. בָּאתִי אֵלֶיךָ עִם רַעְיוֹנוֹת שֶׁלִּי, וְיוֹצֵא אֲנִי מִמְּךָ בְּרַעְיוֹנוֹת שֶׁלְּךָ! בְּרַכְתִּי לְךָ שֶׁתִּחְיֶה עַד מֵאָה וְעֶשְׂרִים בְּעֶזְרַת ה', לְמַעַן כָּל הַיְּהוּדִים! אֲנִי מַסְכִּים עִמְּךָ בְּכָל הַנִּימּוּקִים שֶׁלְּךָ. הוּא הִתְכּוֹנֵן לָצֵאת, אַךְ מָרְדְּכַי עָצַר בַּעֲדוֹ, וְנָתַן לוֹ בְּמַתָּנָה אֶת שְׁלוֹשֶׁת הַסְּפָרִים ("אַהֲרוֹנָמָה") וְאָמַר לוֹ: "הַסְּפָרִים הָאֵלּוּ מְעַנְיְנִים מְאֹד. תִּקְרָא אוֹתָם בְּהֶכְרֵחַ. הַסּוֹפְרִים הַכּוֹתְבִים סְפָרִים אֵלֶּה הֵם אֲנָשִׁים יְקָרִים מְאֹד לְעַמֵּנוּ, וַאֲנִי לֹא רוֹצֶה שֶׁיִּקְרֶה בָּהֶם כְּפִי שֶׁעָלָה בְּגוֹרָלוֹ שֶׁל פֶּרְדּוּסִי - מְשׁוֹרֵר פַּרְסִי גָּדוֹל שֶׁחַי לִפְנֵי כְּאֶלֶף שָׁנָה".

"וּמַה הָיָה גּוֹרָלוֹ שֶׁל פֶּרְדּוּסִי?" - שָׁאַל הָאוֹרֵחַ.

"פֶּרְדּוּסִי כָּתַב אֶת הַפּוֹאֶמָה שֶׁלּוֹ "שָׁאהְנָאמָה" (אֲשֶׁר עָכְשָׁיו מַכִּירִים אוֹתָהּ בְּכָל הָעוֹלָם) בְּמֶשֶׁךְ שְׁלוֹשִׁים שָׁנָה. אַחֲרֵי שֶׁסִּיֵּם אוֹתָהּ, הִגִּישׁ אוֹתָהּ לְסוּלְטָן זְמַנּוֹ - מַחְמוּד גַּזְנָווי. הַסּוּלְטָן מַחְמוּד דְּפְדֵּף בַּפּוֹאֶמָה בְּנוֹכְחוּת הַמְחַבֵּר וְנָתַן לוֹ כַּמָּה מַטְבְּעוֹת זָהָב. פֶּרְדּוּסִי חִלֵּק אֶת הַמַּטְבְּעוֹת הָאֵלֶּה

לְקַבְּצָנִים בַּדֶּרֶךְ מֵאַרְמוֹן הַסוּלְטָן לְבֵיתוֹ וְחָזַר לְבֵיתוֹ בְּלִי כֶּסֶף. אַחֲרֵי זְמַן-מַה הִגִּיעוּ לַסוּלְטָן חֲכָמִים שֶׁקָּרְאוּ אֶת "שָׁאהְנָאמֶה", וְסִפְּרוּ לוֹ אֶת תָּכְנָהּ. הַפַּעַם מָצְאָה הַפּוֹאֶמָה חֵן בְּעֵינֵי הַסוּלְטָן מַחְמוּד, וְצִוָּה לִשְׁלוֹחַ לְבֵיתוֹ שֶׁל פֶּרְדוּסִי שְׁלוֹשִׁים גְּמָלִים טְעוּנִים בְּאוֹצָרוֹת. וְאוּלָם לְרוֹעַ מַזָּלוֹ, הַגְּמָלִים הַטְּעוּנִים בְּאוֹצָרוֹת הִגִּיעוּ לְבֵיתוֹ שֶׁל פַּרְדוּסִי כַּאֲשֶׁר הוֹצִיאוּ אֶת גּוּפָתוֹ מִבֵּיתוֹ..."

וְעַכְשָׁיו, קוֹרֵא יָקָר, נְסַפֵּר לְךָ עַל תְּכוּנוֹת אִישִׁיּוֹת נִכְבָּדוֹת שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב.

מרדכי בחגיגה אצל יעקב אלישייב, ידיד משפחתו. ישראל, 1993.

Мордехай на торжестве друга семьи - Яши Алишаева. Израиль, 1993 г.

הַכֹּל צָרִיךְ לִהְיוֹת יָפֶה בְּאָדָם:

גַּם פָּנָיו, גַּם מַחְשְׁבוֹתָיו, גַּם נַפְשׁוֹ, גַּם בְּגָדָיו.

אַנְטוֹן צֶ'כוֹב (סוֹפֵר רוּסִי).

הָאִישׁ הַמַּקְסִים

כֵּן! לְאָדָם מַקְסִים צְרִיכִים לִהְיוֹת גַּם פָּנִים יָפוֹת, גַּם מַחְשָׁבוֹת יָפוֹת, גַּם נֶפֶשׁ יָפָה, גַּם בְּגָדִים יָפִים! לְאָדָם כָּזֶה גַּם הַלֵּב טָהוֹר, וְכֵן הוּא דּוֹרֵשׁ-טוֹב לַאֲחֵרִים. מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב הָיָה אִישׁ מַקְסִים. הֲלִיכָתוֹ הָיְתָה יָפָה וְהוּא הָיָה בַּעַל לָשׁוֹן. תָּמִיד הָיָה מְעֻדָּן בִּלְבוּשׁוֹ וְהָיָה מוּכָן לַעֲשׂוֹת טוֹבוֹת בְּכָל עֵת. יֵשׁ אֲנָשִׁים יָפִים לוֹבְשֵׁי בְּגָדִים יָפִים וּמְפֹאָרִים, אֲבָל כַּאֲשֶׁר הֵם מַתְחִילִים לְדַבֵּר, אֵינְךָ מְסֻגָּל לִשְׁמֹעַ אוֹתָם. לְפֶתַע נֶעֱלָם יוֹפִי-הַפָּנִים שֶׁמּוֹשֵׁךְ אוֹתְךָ בַּמַּבָּט הָרִאשׁוֹן. הַיּוֹפִי הָאֲמִיתִי שֶׁל הָאָדָם בְּנַפְשׁוֹ וּבְמַחְשְׁבוֹתָיו הַטּוֹבוֹת וְהַנְּבוֹנוֹת.

וְעַתָּה, קוֹרֵא יָקָר, אֲנוּ מַזְמִינִים אוֹתְךָ לִקְרֹא בְּאִמְרוֹת-חָכְמָה שֶׁנִּרְשְׁמוּ בְּמַחְבַּרְתּוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב (הַמָּקוֹר בִּיהוּדִית-בּוּכָרִית, וּלְהַלָּן הַתִּרְגּוּם הָעִבְרִי).

קוֹרֵא יָקָר! בְּמַחְבַּרְתּוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב נִרְשְׁמוּ יוֹתֵר מִמָּאתַיִם אִמְרוֹת-כָּנָף, פִּתְגָּמִים וְשִׁירִים (רֻבָּם בַּעֲלֵי אַרְבָּעָה בָּתִּים) שֶׁל מְשׁוֹרְרִים פַּרְסִיִּים כְּגוֹן: עוֹמַר חַיָּאם, סַעְדִי, חָאפִיז, מְשׁוֹרֵר יְהוּדִי-פַּרְסִי שָׁאהִין (מֵאָה 14), מְשׁוֹרֵר יְהוּדִי-בּוּכָרִי נוֹכְחִי מוּחִיב, וַאֲפִילוּ סִפּוּרִים קְצָרִים. אִי-אֶפְשָׁר לְהַעְתִּיק כָּאן אֶת כֹּל הַחֹמֶר הַזֶּה. לְהַלָּן נָבִיא כַּמָּה פִּתְגָּמִים, "רוּבָּאעִיָּאת" (שִׁירִים בַּעֲלֵי אַרְבָּעָה בָּתִּים) שֶׁל מְשׁוֹרְרִים מִזְרָחִיִּים קְלָסִיִּים מִימֵי-הַבֵּינַיִם וְכֵן סִפּוּר קָצָר שֶׁל סוֹפֵר וְעִתּוֹנַאי יְהוּדִי-בּוּכָרִי נוֹכְחִי מֵאִיר-חַי גַּבְרִיאֵלוֹב, אַחְיָנוֹ הֶחָבִיב שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב.

1. מִי שֶׁלֹּא מַפְיִיר בְּמַחְשָׁבוֹת הַחֲכָמִים, לֹא יִזְכֶּה בְּהַכָּרָה בְּעַצְמוֹ.

2. אַל תַּחְשֹׁד בְּמְאוּמָה אֶת מִי שֶׁהִכַּרְתָּ בְּאֲצִילוּתוֹ.

3. אַרְבָּעָה דְּבָרִים מְיַפִּים אֶת הַחַיִּים:

א) מִלָּה טוֹבָה;

ב) אוֹפִי טוֹב;

ג) אִחוּל טוֹב;

ד) שִׂיחָה טוֹבָה;

4. הַנָּבָל הַמִּתְפָּאֵר בַּהוֹן,

כְּמוֹ הַשֶּׁלֶג בְּעֵת הַבָּצִיר.

הַטִּפֵּשׁ הַנִּרְאֶה כְּנָבוֹן

כְּמוֹ הַגֶּשֶׁם בְּעֵת הַקָּצִיר.

5. הַשִּׂיחוֹת עִם נְבָלִים וְטִפְּשִׁים הֵן דְּחִיָּתוֹ שֶׁל הַשֶּׂכֶל הָאֱנוֹשִׁי.

6. הַשּׁוֹר אוֹ הַחֲמוֹר שֶׁיָּכוֹל לָשֵׂאת מִטְעָן הוּא יוֹתֵר מוֹעִיל מֵהָרָשָׁע.

7. מוּטָב מֵאָה שָׁנָה בְּבֵית-סוֹהַר מִשָּׁעָה אַחַת לְיַד טִפֵּשׁ אוֹ נָבָל.

8. לִנְבָלִים אֵין בּוּשָׁה, אֵין מַצְפּוּן,

הֵם גּוֹרְמִים שִׂנְאָה וְקִנְאָה בְּרָצוֹן.

9. מְעֵת לְעֵת בַּקֵּר בְּבֵית הָעַלְמִין.

הָעֲשִׁירִים שָׁם גַּם הָעֲנִיִּים,

מַה הַהֶבְדֵּל בֵּינֵיהֶם...? כֹּל אֶחָד

לָקַח לַקֶּבֶר רַק תַּכְרִיךְ אֶחָד.

10. אַל תְּבַזְבֵּז זְמַנְךָ לְחִנּוּךְ הַנָּבָל:

לַמְרוֹת כֹּל הָעֲצוֹת יִשְׁאַר מְנֻוָּל!

11. הַגֵּן עַל קְשִׁישִׁים בִּנְעוּרֶיךָ:

יַגִּיעַ זְמַן - יַלְבִּינוּ שְׂעָרוֹתֶיךָ!

"רוּבָּאעִיָּאת":

1. חַרְבְּךָ אֶת חֲבֵרֶיךָ לֹא תִּפְצַע לְעוֹלָם!
הַנָּאוֹם הַלּוֹהֵט לֹא יִפְגַּע לְעוֹלָם!
אִם אַתָּה רוֹאֶה טוֹב בְּלֶהָבַת הַבַּעַס,
הִשָּׁרֵף בְּעַצְמְךָ, אַל תְּכַוֶּה אֶת כֻּלָּם!

(עוֹמַר חַיְיאם מְשׁוֹרֵר פַּרְסִי, מֵאָה 12)

2. מַה יִּקְרָה לִי מַחַר, בַּיָּמִים הַבָּאִים?
אַשְׁמַח אֶת לִבִּי בַּהֲנָאוֹת הַחַיִּים!
אַחֲפֵשׂ אֶת הָאֹשֶׁר בָּעוֹלָם הַזֶּה,
כִּי אֵין אָנוּ תַּחַת הַיְרֵחַ נִצְחִיִּים!

(עוֹמַר חַיְיאם)

3. חַבֵּי חַיֵּינוּ קְצָרִים כְּמוֹ יוֹמַיִם.
אֵין אָדָם שֶׁיִּחְיֶה פַּעֲמַיִם!
מֵהָעוֹלָם תִּפָּרֵד בְּקָרוֹב,
לָכֵן תִּשְׁתֶּה הַיּוֹם יַיִן, לֹא מַיִם!

(עוֹמַר חַיְיאם)

4. אַל תִּהְיֶה בִּידִידוּת עִם כֹּל אֶחָד!
אַל תְּגַלֶּה סוֹדוֹת לְכָל אֶחָד!
גָּרֹשׁ שַׁקְרָנִים, שִׂים רַמַּאי בַּצַּד,
פֶּן יִקְרָה לְךָ נֶזֶק מְצַעֵר!

אַבּוּ עַלִי אִבְּן סִינָא= אֲבִיצֶנָּה (פִּילוֹסוֹף וְרוֹפֵא טַג'יקִי, מֵאָה 11)

5. דָּבָר מַפְלִיא בְּיָמֵינוּ מִתְחוֹלֵל:
הַגּוּף בְּלִי מֹחַ מֵנָה לִמְנַהֵל!
סָתוּם הוּא מִטִּבְעוֹ, אַךְ יֵשׁ לוֹ יַחַס
לְמִשְׁפָּחוֹת הַשַּׂר וְהַמּוֹשֵׁל!

(אַבּוּ עַלִי אִבְּן סִינָא)

וְהִנֵּה הַסִּפּוּר.

אוּלַי יְחַיֵּךְ הַמַּזָּל אֵלַי!

בָּחוּר אֶחָד הֶחְלִיט לְהִתְחַתֵּן. הַשְּׁכֵנִים עָצְתוּ לוֹ לְהִשְׁתַּדֵּךְ לְבַת זָקֵן חָכָם שֶׁגָּר בְּאוֹתוֹ הָרוֹבָע. אָמְרוּ לוֹ, כִּי הַבָּחוּרָה נְבוֹנָה כָּרָאוּי לְבַת הֶחָכָם וְכֵן נָאָה הִיא בְּמַרְאֶיהָ. הַבָּחוּר שָׁמַע לְקוֹלָם וּבָא לַזָּקֵן. הַזָּקֵן קִבֵּל אֶת הַבָּחוּר כְּאוֹרֵחַ יָקָר, אַחֲרֵי שִׂיחָה מְמֻשֶּׁכֶת הֵבִין הַבָּחוּר, שֶׁהַזָּקֵן בֶּאֱמֶת חָכָם, וְאָהַב אוֹתוֹ. גַּם הַבָּחוּר מָצָא חֵן בְּעֵינָיו שֶׁל הַזָּקֵן. בַּעַל-הַבַּיִת נִחֵשׁ אֶת סִיבַּת בִּיקוּרוֹ שֶׁל הַבָּחוּר וְאָמַר לוֹ: "אֲנִי לֹא יָכוֹל לְהַמְלִיץ עַל בִּתִּי לַחֲתָנִים אֲצִילִים, כִּי יֵשׁ לָהּ מוּמִים רַבִּים. הִיא רוֹאָה לֹא טוֹב, יָדֶיהָ כְּמֻשֶּׁתָּקוֹת, הִיא לֹא יְכוֹלָה לָשֵׂאת מַשָּׂא, וְרַגְלֶיהָ חֲלָשׁוֹת, הִיא הוֹלֶכֶת בְּקוֹשִׁי. וְכֵן הִיא כְּמַעַט אִלֶּמֶת, מְדֻבֶּרֶת בְּדֹחַק, וְגַם כְּמַעַט חֵרֶשֶׁת, צָרִיךְ לִצְעוֹק בְּקוֹל רָם, כְּדֵי שֶׁתִּשְׁמַע אֶת דְּבָרֶיהָ... אֲבָל הַבָּחוּר לֹא הֶאֱמִין בְּמַה שֶׁאָמַר לוֹ הַזָּקֵן, וְשָׁתַק. אוֹמְרִים: "הַשְּׁתִיקָה סִימָן הַהִסְכָּמָה". הַבָּחוּר הֶחְלִיט: "אוּלַי הַמַּזָּל יְחַיֵּךְ אֵלַי..."

אֲבָל בְּלֵיל הַחֲתוּנָה רָאָה הַבָּחוּר, כִּי כַּלָּתוֹ יָפָה כְּיָרֵחַ, עֵינֶיהָ כְּדוּבְדְּבָנִים וּשְׂפָתֶיהָ כְּאוֹדְמִים, וְהִיא מְדֻבֶּרֶת בִּמְלִיצָה, וְשׂוֹמַעַת טוֹב, וַהֲלִיכָתָהּ מְרַחֶפֶת. הֶחָתָן שָׁאַל אֶת הַזָּקֵן:

"הַאֻמְנָם הִיא כַּלָּתִי?"

"כֵּן, בְּנִי הַיָּקָר!"

"אַךְ אֵין לָהּ שׁוּם מוּם..."

"כֵּן, בְּנִי! אַךְ תִּסְלַח לִי בְּבַקָּשָׁה. כְּשֶׁאָמַרְתִּי לְךָ, כִּי בִּתִּי עִוֶּרֶת - כַּוָּנָתִי הָיְתָה שֶׁהִיא אֵינָהּ יְכוֹלָה לִרְאוֹת מַעֲשִׂים רָעִים. כְּשֶׁאָמַרְתִּי כִּי הִיא חֵרֶשֶׁת - הִתְכַּוַּנְתִּי לוֹמַר שֶׁהִיא אֵינָהּ מְסֻגֶּלֶת לִשְׁמוֹעַ שֶׁקֶר, עֲלִילָה וּקְלָלָה. וּכְשֶׁאָמַרְתִּי שֶׁיָּדֶיהָ מְשֻׁתָּקוֹת, - רָצִיתִי לוֹמַר שֶׁיָּדֶיהָ אֵינָן מְסֻגָּלוֹת לַעֲשׂוֹת רַע. וּכְשֶׁאָמַרְתִּי כִּי רַגְלֶיהָ חֲלָשׁוֹת - כַּוָּנָתִי הָיְתָה שֶׁאֵינָהּ יוֹדַעַת לָלֶכֶת בְּדֶרֶךְ

רָעָה. וּמַה שֶּׁאָמַרְתִּי שֶׁהִיא אִלֶּמֶת - הִתְכַּוַּנְתִּי שֶׁאֵינָהּ יְכוֹלָה לְדַבֵּר דְּבָרִים רָעִים.

וְעוֹד הוֹסִיף הַזָּקֵן: "אֲנִי מוֹדֶה לְהוֹרֶיךָ אֲשֶׁר גִּדְּלוּ וְחִנְּכוּ בֵּן כָּמוֹךָ! הֲרֵי הִקְשַׁבְתָּ לִי עַד הַסּוֹף בְּסַבְלָנוּת וּבְכֹל זֹאת הֶחְלַטְתָּ לְהִתְחַתֵּן עִם בִּתִּי, אֲנִי מְקַוֶּה שֶׁמָּצָאתָ אֶת מַזָּלְךָ. תִּהְיוּ מְאֻשָּׁרִים בְּיַחַד שָׁנִים אֲרוּכוֹת-אֲרוּכוֹת! מַזָּל טוֹב!" - אָמַר הַזָּקֵן וְנָשַׁק אֶת הֶחָתָן וְאֶת הַכַּלָּה.

כָּכָה, הַבָּחוּר חָשַׁב: "אוּלַי..." וּבְאֶמֶת מָצָא אֶת מַזָּלוֹ.

מֵאִיר-חַי גַּבְרִיאֵלוֹב-חֶלְבִּי

קוֹרֵא יָקָר! לֹא רַק לִקְרֹא, אֶלָּא גַּם לִרְשֹׁם וְלֶאֱסֹף אִמְרֵי פָּנָף, שִׁירִים וְסִפּוּרִים שֶׁל מוּסַר הַשֵּׂכֶל, הוּא מַעֲשֶׂה לֹא שָׂכִיחַ, לֹא כָּל אֶחָד עוֹסֵק בָּזֶה. אֲנָשִׁים נִלְהָבִים כְּמוֹ מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב עוֹשִׂים זֹאת.

מַאֲמָרָיו וְשִׁירָיו שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב

בָּאַרְכִיב הַפְּרָטִי שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב יֶשְׁנָם הַרְבֵּה מַאֲמָרִים וְשִׁירִים שֶׁלּוֹ (כּוֹלֵל גַּם בְּרָכוֹת) - גַּם טֶקְסְטִים מֻשְׁלָמִים, גַּם טְיוּטוֹת. כָּל הַחֹמֶר הַזֶּה בְּשָׂפָה אַחַת - יְהוּדִית בּוּכָרִית, אַדְּ רַבְּגוֹנִי בְּתָכְנוֹ. לְדֻגְמָא, כָּאן נִשְׁמָר מַאֲמָרוֹ עַל הַמִּשְׁפָּחָה וְנִמְצָאוֹת בְּרָכוֹת רַבּוֹת בְּקֶשֶׁר לַחֲתֻנּוֹת נֶכְדּוֹתָיו, יְמֵי הֻלֶּדֶת שֶׁל בָּנָיו וְכַלּוֹתָיו, יְמֵי בַּר-מִצְוָה וּבַת מִצְוָה שֶׁל נְכָדָיו וְנֶכְדּוֹתָיו, וְכֵן שִׁירִים עַל נוֹשְׂאִים שׁוֹנִים, לְרַבּוֹת קִינָה עַל יָעֵל רַעְיָתוֹ. הֶחְלַטְנוּ לִכְלֹל בְּסֵפֶר זֶה אֶת הַיְצִירוֹת הַבָּאוֹת שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב:

1. מַאֲמַר "הַמִּשְׁפָּחָה" שֶׁהָיָה מְיֻעָד לְכְתַב-עֵת "מִשְׁעָל".

2. קִינָה עַל פְּטִירַת יָעֵל רַעְיָתוֹ.

3. שִׁיר בְּרָכָה לִבְנוֹ יוֹרִי בְּמִלֹּאת לוֹ אַרְבָּעִים שָׁנָה.

4. שִׁיר בְּרָכָה לְכַלָּתוֹ מַיָּה בְּמִלֹּאת לָהּ אַרְבָּעִים שָׁנָה.

5. שִׁיר בְּרָכָה לִנֶכְדּוֹ נָתָן בְּיוֹם בַּר-הַמִּצְוָה שֶׁלּוֹ.

6. שִׁיר בְּרָכָה לִנֶכְדָּתוֹ סְטֶלָה בְּיוֹם חֲתֻנָּתָהּ.

8. שִׁיר בְּרָכָה לִנֶכְדּוֹ רְפָאֵל בְּיוֹם בַּר-הַמִּצְוָה שֶׁלּוֹ.

9. שִׁיר בְּרָכָה לִנֶכְדּוֹ יָרוֹן בְּיוֹם הֻלֶּדֶת שֶׁלּוֹ.

10. שִׁיר "לַיְלָדִים".

לִידִיעָתָם שֶׁל הַקּוֹרְאִים!

שִׁירָיו שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב הַנִּכְתָּבִים בִּיהוּדִית בּוּכָרִית, תֻּרְגְּמוּ לְרוּסִית בְּתַרְגּוּם מִלּוּלִי עַל יְדֵי אַהֲרֹן שְׁלַמָּיֶב וְעֻבְּדוּ בְּצוּרָה מְחֻרָזֶת עַל יְדֵי וִיקְטוֹר בּוֹכְמַן, וְכֵן תֻּרְגְּמוּ לְעִבְרִית עַל יָדָיו.

אַשְׁרֵי הַבַּיִת אֲשֶׁר יֵשׁ בּוֹ אִשָּׁה,
בְּכָל דָּבָר אֶת בַּעֲלָהּ מְעוֹדֶדֶת!
בְּבַיִת בְּלִי אִשָּׁה - רַק חֹשֶׁךְ שָׁם,
הָאוֹר נֶעֱלָם וְהָעַצְבוּת יוֹרֶדֶת!

עֲלִי שִׁיר נַנַאי

הַמִּשְׁפָּחָה

הָאִשָּׁה וְהַבַּעַל שְׁנֵיהֶם בְּסִיס הַמִּשְׁפָּחָה. ה' שׁוֹלֵחַ אֶת הַיְלָדִים לַמִּשְׁפָּחוֹת, כְּדֵי שֶׁבְּרִבּוֹת הַיָּמִים יִתְחַתְּנוּ הַבָּנִים וְהַבָּנוֹת, שֶׁיִּמָּשְׁכוּ דּוֹרוֹת אֲנָשִׁים לְעוֹלָם. לָכֵן בָּרָא ה' אֶת עוֹלָמוֹ בְּאֹפֶן זֶה. אַחֲרֵי הִוָּסְדָה שֶׁל הַמִּשְׁפָּחָה, מְמַלֵּא כָּל אֶחָד מִבְּנֵי-הַזּוּג אֶת חוֹבָתוֹ. הָאִשָּׁה בַּבַּיִת הִיא גַּם שִׂמְחָה, גַּם אֶסְתֵּטִיקָה, גַּם שְׁגָיוֹן, גַּם עֲדִינוּת, גַּם בִּיתִיוּת. אִם אֵין אִשָּׁה בַּבַּיִת - אֵין שָׁם אוֹר! הָאִשָּׁה הִיא כֹּחוֹ, עָצְמָתוֹ וֶאֱמוּנָתוֹ שֶׁל הַגֶּבֶר. הָאִשָּׁה הִיא גַּם הָאֵם הַדּוֹאֶגֶת, גַּם הַמְחַנֶּכֶת הַמַּחֲמִירָה. אִם יֵשׁ אִשָּׁה בַּבַּיִת - יֵשׁ גַּם תַּבְשִׁילִים טְעִימִים וְגַם שֻׂלְחָן יָפֶה. הָאִשָּׁה שׁוֹמֶרֶת עַל מוֹקֵד הַבַּיִת. לְעִתִּים קְרוֹבוֹת הַבַּעַל הוּא רֹאשׁ הַמִּשְׁפָּחָה, וּמְזֻמָּן לְפַרְנֵס אֶת הַמִּשְׁפָּחָה, הוּא גַּם הָאָב הַדּוֹאֵג, מִשְׁעָנָן שֶׁל אִשְׁתּוֹ וְשֶׁל מִשְׁפַּחְתּוֹ. עָשְׁרָהּ, אָשְׁרָהּ וְרַוְחָתָהּ שֶׁל הַמִּשְׁפָּחָה מְבֻסָּסוֹת עַל אַחְדוּתָם שֶׁל הַבַּעַל וְהָאִשָּׁה. לְאִשָּׁה טוֹבָה יֵשׁ רְוָחָה בַּבַּיִת, וְדַלְתוֹת הַבַּיִת פְּתוּחוֹת לְאוֹרְחִים. בַּעֲלֵי בַּיִת כָּזֶה חוֹגְגִים בְּשִׂמְחָה אֶת הַשַּׁבָּתוֹת וְאֶת הַחַגִּים. אִם הַבַּעַל וְהָאִשָּׁה אוֹהֲבִים זֶה

אֶת זֹאת בְּאַהֲבָה הֲדָדִית וְחַיִּים בִּידִידוּת מַתְמִידָה, הֵם סוֹבְלִים אֶת כָּל הָאֲסוֹנוֹת וְהַמְכְשׁוֹלִים שֶׁל חַיֵּיהֶם בְּקַלּוּת. אִם לְבָבוֹת בְּנֵי הַזּוּג יֵעָשׂוּ לֵב אֶחָד, אֵין לָהֶם קְשָׁיִים נוֹרָאִים. סַבְלָנוּתָם, הֲבָנָתָם הַהֲדָדִית, וַתְּרָנוּתָם שֶׁל בְּנֵי הַזּוּג יָבִיאוּ אוֹתָם לְהַסְכָּמָה וּלְהַצְלָחָה. אֲנִי סָבוּר, כִּי אֹשֶׁר בְּנֵי הַזּוּג תָּלוּי בְּאַהֲבָתָם הַהֲדָדִית, בַּאֲצִילוּתָם, בְּטוּב הַלֵּב שֶׁלָּהֶם, בִּכְבוֹדָם הַהֲדָדִי. וְאַתֶּם הַקּוֹרְאִים, הַחֲבֵרִים הַיְקָרִים, שַׂאֲפוּ לְמַצָּב כָּזֶה! דְּעוּ, כִּי אָשְׁרְכֶם וְרַוְחַתְכֶם תְּלוּיִים בְּמַאֲמַצָּיו שֶׁל כָּל אֶחָד מִבְּנֵי-הַזּוּג. אִם רְצוֹנְכֶם שֶׁיִּהְיוּ לָכֶם חַיִּים מִשְׁפַּחְתִּיִּים מְאֻשָּׁרִים וּשְׂמֵחִים - כָּל אֶחָד מִכֶּם צָרִיךְ לִהְיוֹת חָרוּץ, צָנוּעַ, עָנָג וָטוֹב. צְרִיכִים אַתֶּם לְעוֹדֵד אִישׁ אֶת רֵעֵהוּ גַּם בְּדִבּוּר, גַּם בְּמַעֲשֶׂה.

לְעִתִּים קְרוֹבוֹת בַּחַיִּים נִפְגָּשׁוֹת הַצָּרָה וְהַשִּׂמְחָה זוֹ לְיַד זוֹ. בְּנֵי הַזּוּג צְרִיכִים לְהָבִין זֹאת, לִהְיוֹת תְּמִימֵי-דֵּעִים וְלִדְאֹג זֶה לָזֶה. אִי-אֶפְשָׁר לְצַפּוֹת מֵהַחַיִּים רַק לְחַגִּים. הֱיוּ מַחֲמִירִים וְאַל תַּתִּירוּ לְשַׁעֲרוּרִיּוֹת, לִמְרִיבוֹת וּלְרוֹטְנוּת לִשְׁרוֹת בַּבַּיִת. חַיֵּי-הַנִּשּׂוּאִין אֲמָנוּת עֲדַיְנָה מְאֹד, דְּרוּשָׁה מְיוּמָנוּת כְּדֵי לְנַהֵל אֶת הַמִּשְׁפָּחָה. כְּמוֹ הַשַּׂחְקָן עַל הַבָּמָה שֶׁמְּבַצֵּעַ טוֹב אֶת תַּפְקִידוֹ, כֵּן עֲלֵיכֶם לְבַצֵּעַ אֶת תַּפְקִידְכֶם בַּמִּשְׁפָּחָה.

אֵין חַיִּים בְּלִי מִכְשׁוֹלִים וּקְשָׁיִים. אֵין לָנוּ לִשְׁפֹּחַ, הַגְּבָרִים, כִּי פִּתְרוֹן כָּל בְּעָיוֹת הַחַיִּים הוּא דַּוְקָא הַחוֹבָה שֶׁלָּנוּ. הֲרֵי כְּשֶׁאִשָּׁה מַגִּיעָה לְבֵית בַּעְלָהּ, הִיא בָּאָה עִם חֲלוֹמוֹת גְּדוֹלִים וְתִקְווֹת גְּדוֹלוֹת. לֹא כָּל הַגְּבָרִים מְבִינִים עֻבְדָּה זוֹ. גְּבָרִים מְסֻיָּמִים מִתְיַחֲסִים לְנִשּׂוֹתֵיהֶם שֶׁלֹּא בְּכָבוֹד.

הַבַּעַל צָרִיךְ לִהְיוֹת לְבָבִי וְדוֹרֵשׁ-טוֹב, וְהָאִשָּׁה צְרִיכָה לִהְיוֹת יוֹתֵר סַבְלָנִית, זְהִירָה, הַמְסֻגֶּלֶת לְיַסֵּד יְחָסִים אֱנוֹשִׁיִּים בֵּין בְּנֵי-הַזּוּג. הַדֶּרֶךְ לָאֹשֶׁר בְּחַיִּים מִשְׁפַּחְתִּיִּים אֵינָהּ קַלָּה. הַדֶּרֶךְ הַזֹּאת דּוֹרֶשֶׁת אֶת הַסַּבְלָנוּת וְאֶת כֹּחַ-הָעֲמִידָה. יֵשׁ לְהֵאָבֵק עַל אֹשֶׁר הַמִּשְׁפָּחָה. הָאַהֲבָה הָרִאשׁוֹנָה, וְהַנִּשּׂוּאִין הָרִאשׁוֹנִים צְרִיכִים לִהְיוֹת גַּם הָאַחֲרוֹנִים. הָאֹשֶׁר הָאֲמִתִּי הוּא בַּנִּשּׂוּאִין הָרִאשׁוֹנִים וְהַיְחִידִים.

יֵשׁ מִשְׁפָּחוֹת רַבּוֹת אֲשֶׁר חַיּוֹת בְּאַהֲבָה וּבַהֲבָנָה הַדָּדִית. בְּנֵי-הַזּוּג מִתְעַצְּבִים אִישׁ בְּרֵעֵהוּ בְּאֹפֶן קָבוּעַ. הֵם מְחַנְּכִים אֶת יַלְדֵיהֶם הֵיטֵב וְיוֹצְרִים לָהֶם בָּסִיס לְחַיִּים עַצְמָאִיִּים. אַחַר כָּךְ מַשְׁאִים אֶת בְּנֵיהֶם וְאֶת בְּנוֹתֵיהֶם. וְהַהוֹרִים נַעֲשִׂים לְמוֹפֵת וּלְדֻגְמָא לְיַלְדֵיהֶם בֵּיצַד לְנַהֵל חַיִּים מִשְׁפַּחְתִּיִּים.

וְאָמְנָם יֶשְׁנָם גַּם מִשְׁפָּחוֹת אֲשֶׁר כָּל חַיֵּיהֶן שַׁעֲרוּרִיּוֹת, מְרִיבוֹת וְעֶלְבּוֹנוֹת. בְּנֵי הַזּוּג אֵינָם מְסֻגָּלִים לִמְצֹא שָׂפָה מְשֻׁתֶּפֶת, מַקְדִּירִים אֶת חַיֵּיהֶם בְּזַעַף, בְּעַקְשָׁנוּת וַאֲפִלּוּ בִּנְקָמָה. הַיְלָדִים הַחַפִּים שֶׁל הוֹרִים כָּאֵלֶּה נַעֲשִׂים עַצְבָנִים, מִתְיַגְּעִים, כְּעוּסִים.

שלושה הזוגות הצעירים של נכדי מרדכי בחתונת דויד גילקרוב. ישראל, 1994.

Внуки Мордехая - молодожены. На свадьбе Давида Гилькарова. Израиль, 1994 г.

שַׁעֲרוּרִיּוֹת רַבּוֹת מוֹפִיעוֹת בְּגִלַּל קְשָׁיִים כַּלְכָּלִיִּים בַּבַּיִת. לְעִתִּים קְרוֹבוֹת הוֹפֵךְ הַכֶּסֶף סִבָּה לְסִכְסוּכִים וּמַחֲלוֹקוֹת בֵּין קְרוֹבִים וִידִידִים. רָצִיתִי לוֹמַר, כִּי לֹא כָּל אֶחָד שֶׁמִּתְעַשֵּׁר נִשְׁאָר גֶּבֶר אַמִּתִּי. כָּל אָדָם צָרִיךְ לַעֲשׂוֹת בְּיָדָיו גַּם אֶת רְכוּשׁוֹ, גַּם אֶת אוֹטוֹרִיטָתוֹ. וּבְעֶזְרַת ה׳, כָּל אֶחָד צָרִיךְ לִהְיוֹת מְאֻשָּׁר.

אֵין לְהִצְטַעֵר וּלְהִתְעַצְבֵּן עַל פְּרָטֵי הַחַיִּים הַמִּשְׁפַּחְתִּיִּים. הַחַיִּים הַמִּשְׁפַּחְתִּיִּים הַמְּתוּקִים מַאֲרִיכִים אֶת חַיֵּיהֶם שֶׁל בְּנֵי-הַזּוּג.

בַּמִּשְׁפָּחָה הַטּוֹבָה נוֹהֵג לַחֲזֹר כָּל אֶחָד מִבְּנֵי-הַזּוּג עַל הַפִּתְגָּם: "מוּטָב לִי לָמוּת לְפָנֶיךָ". דְּהַיְנוּ, יִהְיֶה קָשֶׁה לִסְבֹּל אֶת אֲבֵדַת הַבַּעַל הָאָהוּב אוֹ הָאִשָּׁה הָאֲהוּבָה. אוּלָם לִפְעָמִים בְּנֵי-הַזּוּג אַחֲרֵי 20-25 שָׁנִים שֶׁל חַיִּים מְשֻׁתָּפִים, אַחֲרֵי שֶׁכְּבָר חִנְּכוּ אֶת יַלְדֵיהֶם, נִפְרָדִים בְּגִלַּל מַחֲלוֹקוֹת לֹא מַשְׁמָעוּתִיּוֹת, וְיַלְדֵיהֶם הַחַפִּים שׁוּב סוֹבְלִים בְּשֶׁל גֵּרוּשֵׁי הַהוֹרִים. הַחַיִּים כֹּה קְצָרִים, וְיֵשׁ לִחְיוֹת אוֹתָם בְּשִׂמְחָה, עִם קְרוֹבִים וִידִידִים וּבְנַדַּאי בְּמִשְׁפָּחָה מְלֵכֶּדֶת.

מרדכי בחוג קרוביו ביום הולדת השבעים שלו. וינה, 1991.

Мордехай в кругу родных в день его 70-летия. Вена, 1991 г.

קִינָה עַל פְּטִירַת רַעְיָתִי אֲהוּבָתִי יָעֵל

מרדכי עם יורי בנו על יד קבר יעל רעיתו. ירושלים, 1994.
Мордехай с сыном на могиле супруги - Яэль.

הַקְשִׁיבוּ לִי, הַיְדִידִים!
הֱיוּ לַאֲסוֹנִי לְעֵדִים!
חָיִיתִי יַחַד עִם יָעֵל
בְּדוּשַׁנְבֶּה, בְּיִשְׂרָאֵל,
בְּוִינָה - וּבְכָל אֲתַר
אִתָּהּ הָיִיתִי מְאוּשָׁר.
חֲמִישָׁה יְלָדִים נוֹלְדוּ,
גָּדְלוּ, הִתְחַתְּנוּ, עָבְדוּ.
וְכִמְעַט אַרְבָּעִים שָׁנָה
הָיִינוּ שְׁנֵינוּ כְּאֶחָד...
פִּתְאוֹם הַמָּוֶת הִתְנַגֵּב
לָךְ, וְהִנֵּה אֲנִי לְבַד...
אֲנִי חוֹלָה מֵהַצָּרָה -
אֵין לִי שֵׁינָה וְאֵין שַׁלְוָה...
כְּמוֹ עֵץ אַחֲרֵי הַסְּעָרָה,
אֲנִי שָׁבוּר בְּלִי אַהֲבָה!
הָיִיתְ כְּמוֹ וֶרֶד בְּגִינָה,
יָפָה וְנֶחְמָדָה מְאֹד...
הַיּוֹם - יוֹם אֵבֶל וְקִינָה.
אֵינֵךְ עוֹד בַּחַיִּים... אֵין עוֹד...
כּוֹכָב נִשְׂרָף לִפְנֵי זְמַנּוֹ.
אֵין כֹּחַ לָשֵׂאת, אֵין לִסְבּוֹל!
כּוֹאֵב לִי. לֵב, אֵינוֹ מָנוֹעַ,

אֲנִי בְּלִי יָעֵל לֹא יָכוֹל...
פִּתְאוֹם הַקּוֹל שֶׁלָּךְ נִשְׁמָע:
"שָׁלוֹם, חֲבִיבִי מָרְדְּכַי!"
אֵין מְנוּחָה לַנְּשָׁמָה!
כְּמוֹ בַּחֲלוֹם רַע, אֲנִי חַי...
אֲנִי בּוֹכֶה וּמִתְפַּלֵּל:
"מָתַי אֶתְאַחֵד עִם יָעֵל?"
בְּדִמְעוֹת-דָּם אֲנִי שׁוֹאֵל.
אַךְ מִי יוֹדֵעַ? רַק הָאֵ-ל!

לִבְנִי יוּרִי בִּמְלאוֹת לוֹ אַרְבָּעִים שָׁנָה

בְּגַאֲוָה, בְּשָׂשׂוֹן וְשִׂמְחָה
בְּכֹל מַצָּב הִיא לְךָ קְרוֹבָה!

הַיּוֹם אֲנִי מְבָרֵךְ אוֹתְךָ!
אֹשֶׁר בְּבֵיתְךָ, בַּעֲבוֹדָה...

בֶּן אַרְבָּעִים, בַּעַל נֶפֶשׁ טוֹבָה,
אֲנִי הַיּוֹם מִתְפַּלֵּל בְּתוֹדָה,

תָּמִיד עוֹשֶׂה טוֹבוֹת בְּאַהֲבָה!
כְּדֵי שֶׁיִּשְׁמוֹר טוֹב עָלֶיךָ ה׳,

אֶת זֶכֶר אִמְךָ אַתָּה מְכַבֵּד
וְכָל חֲלוֹמְךָ סוֹף סוֹף יִתְגַּשֵּׁם!

וּלְאָבִיךָ מִשְׁעָן מְעוֹדֵד.
יִתֵּן הָאֵ-ל לְךָ חַיִּים אֲרוּכִּים!

כָּל הָאָחִים הֵם לְךָ יְדִידִים.
עַיִן רָעָה לֹא תָּבִיא נְזָקִים!

אַבָּא-זָהָב לְכָל הַיְלָדִים.
תֶּאֱהַב אֶת רוֹזָה כְּמוֹ בַּנְּעוּרִים!

אִשְׁתְּךָ רוֹזָה לֹא רַק אֲהוּבָה -
תִּחְיוּ יַחַד עַד מֵאָה וְעֶשְׂרִים!

מרדכי עם יורי בנו ורוזה כלתו, וינה, 1992.

Мордехай с сыном Юрием и снохой Розой. Вена, 1992 г.

לְכַלָּתִי מַיָּה בְּמְלאת לָהּ אַרְבָּעִים

כַּלָּה יְקָרָה, יוֹם הוּלֶדֶת שָׂמֵחַ!
תִּהְיִי צְעִירָה וְיָפָה כַּיָּרֵחַ,
בְּכָל מְקוֹמוֹת מַצְלִיחָה, מְאוּשֶׁרֶת,
עַל כָּל מְסוֹרוֹת מִשְׁפַּחְתֵּנוּ שׁוֹמֶרֶת!
וְקוֹדֶם-כֹּל טַפְלִי בְּמִשָּׁה!
עִם בַּעַל כָּמוֹהוּ הַכֹּל יִתְגַּשֵּׁם!
שֶׁיִּהְיוּ יַלְדֵיכֶם כֻּלָּם בְּרִיאִים!
שֶׁתִּחְיוּ יַחַד עַד מֵאָה וְעֶשְׂרִים!
יִשְׁמוֹר אֵ-ל עֶלְיוֹן אֶת מִשָּׁה וְאֶת מַיָּה
מֵעַיִן רָעָה בְּכוֹחוֹת הַשָּׁמַיִם!
מִכֹּל הַצָּרוֹת יִשְׁמְרֵכֶם הָאֵ-ל,
אֶת כֹּל מִשְׁפַּחְתֵּנוּ וְכָל יִשְׂרָאֵל!

לְנֶכְדָתִי חָנָה

אַתְּ הַיּוֹם בַּת-מִצְוָה, חָנָה נֶחְמָדָה.
אֲנִי מְבָרֵךְ אוֹתָךְ, הוֹי הַנֶּכְדָה!
תְּשַׂמְּחִי הוֹרַיִךְ בְּכֹל הַצְלָחָה!
לְמַזָּל וְאֹשֶׁר תִּהְיֶה הַבְּרָכָה!
אַתְּ יְפַת מַרְאֶה, אַךְ גַּם צְרִיכָה לָדַעַת,
כִּי יֹפִי הַנֶּפֶשׁ גַּם חָשׁוּב לְבַת.
תַּעֲשִׂי בְּכָל עֵת מַעֲשֵׂי טוֹבָה
וְתִהְיִי יוֹתֵר יָפָה וַאֲהוּבָה!
תִּשְׁמְרִי כַּהוֹגֵן עַל מִצְוֹת תּוֹרָה,
וְיִשְׁמוֹר אוֹתָךְ ה' מִכָּל צָרָה!
מְקַוָּה אֲנִי לִחְיוֹת עַד חֲתוּנָה -
עַד חֲתוּנָתֵךְ שֶׁתִּמָּשֵׁךְ שָׁנָה!

לְנָכְדִי נָתָן

נָתַנְיָאן, הַנֶּכֶד הַיָּקָר!
יוֹם בַּר-מִצְוָה חָשׁוּב מְאֹד:
נַעֲשֵׂיתָ לְמִבּוּגָר!
מַזָּל טוֹב וְכֹל הַכָּבוֹד!
הְיֵה חָכָם, בָּרִיא וְעָמִיד,
לְהוֹרִיךְ בְּכֹל עֵת תַּעֲזוֹר,
שְׁמוֹר מִצְווֹת הַתּוֹרָה תָּמִיד,
וְהָאֵ-ל עָלֶיךָ יִשְׁמוֹר!

מרדכי ביום בר-המצוה של נכדו נתן. וינה, 1987.

Мордехай в день бар-мицвы внука-Натана. Вена, 1987 г.

לְנֶכְדָתִי סְטֶלָה לְיוֹם חֲתוּנָתֵךְ

אֲנִי מְבָרֵךְ אוֹתָךְ, אֵיחוּלִים לְזוּג צָעִיר
סְטֶלָה הַיְקָרָה מִכֹּל הַצְּדָדִים:
תִּחְיִי יַחַד עִם יִצְחָק גַּם בְּרִיאוּת, גַּם בַּיִת עָשִׁיר,
בְּצֶדֶק, בְּלִי צָרָה! גַּם הַיְלָדִים!
מַזָּל טוֹב, הַנֶּאֱהָבִים, בֶּאֱמֶת הַיּוֹם, יוֹם טוֹב
הֱיוּ מְאוּשָּׁרִים! לַהוֹרִים שֶׁלָּכֶם
שֶׁתִּחְיוּ חַיִּים טוֹבִים וְשִׂמְחָה לְכָל קֶרוֹב,
עַד מֵאָה וְעֶשְׂרִים! וּבָרוּךְ ה'!

מרדכי מברך את סטלה נכדתנו, וינה, 1994.

Мордехай поздравляет внучку - Стеллу. Вена, 1994 г.

לְנֶכְדִּי רְפָאֵל

יוֹם הוּלֶדֶת הַטּוֹב בְּיוֹתֵר -
יוֹם בַּר-מִצְוָה, בֵּן שֶׁלֹּשׁ-עֶשְׂרֵה!
זֵכֶר טוֹב עָלָיו יִשָּׁאֵר,
כֹּל קָרוֹב שָׁמֵחַ וְכָל רֵעַ,
אֵיזֶה יוֹפִי לִרְאוֹת אוֹתְךָ,
שֶׁעוֹמֵד לִפְנֵי סֵפֶר-תּוֹרָה!
אֵ-ל עֶלְיוֹן יְבָרֵךְ אוֹתְךָ
וְיִשְׁמוֹר עָלֶיךָ מִכֹּל רַע!

סַבָּא-רַבָּא הָיָה רְפָאֵל,
קָרְאוּ לְךָ עַל שְׁמוֹ לֹא סְתָם!
שֵׁם חָסִיד הַנֶּאֱמָן לָאֵ-ל,
כֵּן, אַמִּיץ, אָצִיל וְחָכָם!
הֱיֵה כָּמוֹהוּ, חַקֵּה אוֹתוֹ
וַעֲשֵׂה טוֹב לַחֲבֵרִים!
תִּזְכּוֹר אֶת ה', אֶת מִצְוָתוֹ
וְתִחְיֶה עַד מֵאָה וְעֶשְׂרִים!

מרדכי בעלייה לתורה של רפאל נכדו. וינה, 1992.
Мордехай на "алия ле-тора" внука-Рафаэля. Вена, 1992 г.

לְנֶכְדִּי יָרוֹן בְּיוֹם הוּלַדְתּוֹ.

הוֹי יָרוֹן! יוֹם הוּלֶדֶת שָׂמֵחַ!
וְאַתָּה יָפֶה כַּיָּרֵחַ!
הָאַרְבָּעָה עָשָׂר מִנֶּכֶד!
הַבְּרָכוֹת לֹא יוֹתֵר מִדַּי!
לְכֻלָּנוּ אַתָּה יָקָר
שֶׁתִּהְיֶה תָּמִיד מְאוּשָּׁר!
וְאוֹמֵר לְךָ כָּל קָרוֹב:
"יוֹם הוּלֶדֶת שָׂמֵחַ! מַזָּל טוֹב!"

בֶּאֱמֶת אַתָּה בֶּן כֹּהֲנִים,
שֶׁהָיוּ לַתּוֹרָה נֶאֱמָנִים,
בֵּרְכוּ אֶת עַם יִשְׂרָאֵל
וְקֵרְבוּ אוֹתוֹ לָאֵ-ל.

גַּם אַתָּה הֱיֵה נֶאֱמָן לַתּוֹרָה
וְתִתֵּן לַהוֹרִים הוֹקָרָה!
הֱיֵה תָּמִיד חָזָק וּבָרִיא
וּכְעֵץ תֵּן לְעַמְּךָ פְּרִי!

שֶׁיִּהְיֶה לְךָ כֶּסֶף גָּדוֹל,
תִּשָּׁאֵר אֱנוֹשִׁי קוֹדֶם-כֹּל!
קוֹל כֻּלָּנוּ הַקְּרוֹבִים:
"מַזָּל טוֹב וְחַיִּים טוֹבִים!"

לַיְלָדִים

הוֹי יֶלֶד הָאֲדָמָה! כַּבֵּד אֶת אִמְּךָ תָּמִיד!

תִּזְכֹּר אֶת שְׁמָהּ בִּתְפִילָה בְּכָל עֵת תָּמִיד!

יָלְדָה אוֹתְךָ בְּיִסּוּרִים וְהִשְׁקְתָה בְּחֶלְבָּהּ

שָׂרָה לְךָ טוֹבֵי שִׁירִים וְחִינְכָה בְּאַהֲבָה

נָתְנָה עֲבוּרְךָ פַּת-לֶחֶם אַחֲרוֹנָה

הָיְתָה לְךָ תָּמִיד דּוֹאֶגֶת, לְטִיפָה וַעֲדִינָה.

כְּשֶׁתִּהְיֶה לְמִבּוּגָר, אִם תַּעֲלִיב אֶת אִמְּךָ,

אִם תִּהְיֶה לְמְאוּשָּׁר וְלֹא תַּקְצִיב לְאִמְּךָ

לֹא אֶת הַכֶּסֶף וְלֹא אֶת הַזְּמָן וְלֹא אֶת הָאַהֲבָה,

אַגִּיד לְךָ: "אַתָּה יֶלֶד לֹא נֶאֱמָן, שָׁפֵל, כְּפוּי-טוֹבָה!

מרדכי גילקרוב מברך את דניאל נכדו ביום הולדתו. וינה, 1994.

. Мордехай Гилькаров поздравляет внука Даниэля с днем рождения. Вена, 1994г.

הַנִּיצָחוֹן הַמּוּשָׂג בְּמִלְחֶמֶת הָעוֹלָם הַשְּׁנִיָּה הָיָה לַכּוֹחַ הָעִיקָרִי לִתְחִיָּתָהּ שֶׁל מְדִינַת יִשְׂרָאֵל.

יִצְחָק רַבִּין ז״ל,
רֹאשׁ הַמֶּמְשָׁלָה וְשַׂר הַבִּיטָחוֹן לְשֶׁעָבַר שֶׁל מְדִינַת יִשְׂרָאֵל

בַּחֲזִית הַמִּלְחָמָה

בְּ-1 בְּסֶפְּטֶמְבֶּר 1942 נִמְסַר לְמָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב צַו-הִתְיַצְּבוּת מִלְּשְׁכַת הַגִּיוּס בַּעִיר דוּשַׁנְבֶּה (בִּירַת טַגִ׳יקִיסְטָן): לְהִתְיַצֵּב לְלִשְׁכַת הַגִּיוּס בְּ-5 בְּסֶפְּטֶמְבֶּר בְּשָׁעָה תֵּשַׁע בַּבֹּקֶר עִם חֲפָצָיו.

מָרְדְּכַי לֹא הוּפְתַע, הוּא יָדַע שֶׁבְּקָרוֹב יְגַיְּסוּ גַּם הוּא לַצָּבָא הָאָדוֹם וְיִלָּחֵם בְּחַזִּית הַמִּלְחָמָה נֶגֶד הַנָּאצִים. הֲרֵי אָחִיו הַגָּדוֹל יוֹסֵף-צְבִי (מִיצִ׳ה) נִלְחָם בַּחֲזִית כְּבָר יוֹתֵר מִשָּׁנָה. מָרְדְּכַי יָדַע הֵיטֵב, כִּי בָּחוּרִים יְהוּדִיִּים-בּוֹכְרִים לוֹחֲמִים בַּחֲזִיתוֹת הַמִּלְחָמָה יַחַד עִם בְּנֵי לְאוּמִים שׁוֹנִים, בְּעוֹז וּבְאֹמֶץ. הוּא גַּם יָדַע כִּי יֵשׁ מִשְׁפָּחוֹת אֲשֶׁר שָׁלְחוּ לַחֲזִיתוֹת שְׁלוֹשָׁה אוֹ אַרְבָּעָה בָּנִים מִכֹּל מִשְׁפָּחָה לְהִלָּחֵם בַּנָּאצִים. רַק עַל דָּבָר אֶחָד דָּאַג: הַאִם יוּכַל לְהַמְשִׁיךְ אֶת לִמּוּדָיו בַּמִּכְלָלָה הַפֶּדָגוֹגִית אַחֲרֵי הַמִּלְחָמָה. כְּבָר בְּיַלְדוּתוֹ חָלַם לִהְיוֹת לְמַשְׂכִּיל וְלָכֵן כַּאֲשֶׁר עוֹד הָיָה תַּלְמִיד בְּבֵית-סֵפֶר הָיָה מִתְלַהֵב מִסִּפְרוּת יָפָה וּמֵאֲמָנוּת. הוּא נָהַג לִקְרוֹא סְפָרִים וְלִקְרוֹא אוֹתָם מֵחָדָשׁ, כְּבָר אָז נָהַג לִרְשׁוֹם אִמְרוֹת-כָּנָף מִסְּפָרִים לְמַחְבַּרְתּוֹ. הוּא נָהַג לִקְרוֹא סְפָרִים עַד חֲצוֹת-לַיְלָה.

מִיַּלְדוּתוֹ נָהַג לִהְיוֹת בְּחֶבְרַת אֲנָשִׁים הַמְבוּגָרִים מִמֶּנּוּ בְּ-15-10 שָׁנִים, כְּדֵי לִלְמוֹד מֵהֶם שֵׂכֶל וְחָכְמָה. לְדוּגְמָה, בְּסַמַרְקַנְד בִּשְׁכֻנוּתָהּ שֶׁל מִשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב, הָיָה מִתְגּוֹרֵר בָּקִי בַּתַּלְמוּד ר׳ מִיכָאֵל פִּילוֹסוֹב. לְעִיתִּים קְרוֹבוֹת נָהַג לְבַקְרוֹ וּלְהַקְשִׁיב לְהַטָּפוֹתָיו. לְמָרְדְּכַי הָיוּ גַּם מַדְרִיכִים אֲחֵרִים, בְּקִיאִים בַּתּוֹרָה וּבַתַּלְמוּד: ר׳ אַבָּא, ר׳ רָפָאֵל אַלִישַׁיֶיב, חָנָן אַבְּרָמוֹב, בֶּנְצִיּוֹן מוֹסַיֶיב (אֲגַב, בִּזְמַן מְאוּחָר יוֹתֵר עָבַד מָרְדְּכַי כְּכַתָּב בְּמַעֲרֶכֶת

עִיתוֹן יַחַד עִם בֶּנְצִיוֹן מוּסַיֶיב). מָרְדְכַי בִּהְיוֹתוֹ בָּחוּר נָהַג לְבַקֵּר בְּבֵית הַכְּנֶסֶת בְּשַׁבָּתוֹת וּלְהַאֲזִין לְהַרְצָאוֹת שֶׁהִרְצוּ אֲנָשִׁים אֵלּוּ.
גַּם בְּבֵית-הַסֵּפֶר הַתִּיכוֹן הָיָה מָרְדְכַי תַּלְמִיד מְצְטַיֵּין.

ב-1 בְּסֶפְּטֶמְבֶּר, נָסַע מָרְדְכַי בָּרַכֶּבֶת לְעִיר מוֹלַדְתּוֹ סַמַרְקַנְד. בְּעֶרֶב שַׁבָּת 2 בְּסֶפְּטֶמְבֶּר וּבְשַׁבָּת 3 בְּסֶפְּטֶמְבֶּר בִּקֵּר בְּבֵית-הַכְּנֶסֶת "גּוּמְבָּאז" וְהִתְפַּלֵּל בְּכָל הַתְּפִילוֹת, כֵּן אָמַר אֶת הַקַּדִּישׁ לְזֵכֶר הוֹרָיו. הַקְּרוֹבִים וְהַיְדִידִים שֶׁלּוֹ שֶׁהִתְכַּנְּסוּ לִסְעוּדוֹת שַׁבָּת הַמְסוֹרְתִיּוֹת, זָכְרוּ בְּמִילִים טוֹבוֹת רַבּוֹת גַּם אֶת רָפָאֵל - אָבִיו שֶׁל מָרְדְכַי, וְאֶת אִמּוֹ - בַּלּוּרִיָה. בְּיוֹם רִאשׁוֹן בְּקֶר מָרְדְכַי עִם קְבוּצַת קְרוֹבָיו וִידִידָיו אֶת בֵּית-הַעַלְמִין, הִנִּיחַ פְּרָחִים עַל קִבְרוֹת הוֹרָיו וְאָמַר קָדִישׁ. אַחַר-כָּךְ חָזַר לְדוּשַׁנְבֶּה.

הִגִּיעַ יוֹם 5 בְּסֶפְּטֶמְבֶּר. מָרְדְכַי הִתְיַצֵּב לְלִשְׁכַת הַגִּיוּס. בֵּין הַמִּתְגַּיְסִים נִמְצְאוּ גַּם חֲבֵרָיו שֶׁל מָרְדְכַי: רָפָאֵל טָלְמָסוֹב (לְאַחַר מִכֵּן שַׁחְקָן מְפוּרְסָם), מִיכָאֵל אַרוֹנְבַּייב וְאַבְנֵר חוֹגַ'ייב. מָרְדְכַי שָׁמַח מְאֹד לְהִפָּגֵשׁ עִם חֲבֵרָיו. בְּבוֹאָם לַמָּקוֹם סִדְּרוּ אֶת הַחַיָּלִים בְּטוּר, עָרְכוּ הִתְפַּקְּדוּת וּמִיָּד הוֹלִיכוּ אֶת כֻּלָּם לְתַחֲנַת-רַכֶּבֶת. בְּתַחֲנַת-הָרַכֶּבֶת לִוּוּ אוֹתָם קְרוֹבִים וִידִידִים רַבִּים. כֹּל אֶחָד מֵהַמְלַוִּים אִחֵל לַחַיָּלִים חֲזָרָה מוּצְלַחַת וְנִצָּחוֹן. סוֹף-סוֹף הִכְנִיסוּ אֶת כָּל הַמִּתְגַּיְסִים לִקְרוֹנוֹת אֲדוּמִים. הַקָּטָר צָפַר, וְהָרַכֶּבֶת הָאֲדוּמָה יָצְאָה מִמְּקוֹמָהּ...

רָפָאֵל טָלְמָסוֹב, שַׁחְקָן עַמָּמִי שֶׁל טַגִ'יקִיסְטָן, סִפֵּר לִמְחַבְּרֵי הַסֵּפֶר הַזֶּה:
"הִסִּיעוּ אוֹתָנוּ לַעִיר נוֹבוֹסִיבִּירְסְק בְּאֵזוֹר מוֹסְקְבָה, שָׁם שִׁרַתְתִּי יַחַד עִם יְדִידִי מָרְדְכַי עַד יָנוּאַר 1943. בְּמֶשֶׁךְ שְׁלוֹשָׁה חֳדָשִׁים לָמַדְנוּ מְלָאכָה צְבָאִית. בּוֹ-זְמַנִּית הִטִּילוּ עָלַיי לְאַרְגֵּן לַהֲקָה מוּסִיקָלִית לְזִמְרָה וּלְרִיקוּדִים. בַּלַּהֲקָה הַזֹּאת נִגְּנוּ גַּם מָרְדְכַי גִּילְקָרוֹב וְגַם אַבְנֵר חוֹגַ'ייב בְּדוּיְרָה, וּמִיכָאֵל אַרוֹנְבַּייב מוּנָה לְבַלֶּסְטְמֵיסְטֶר. לַהֲקָתֵנוּ הָיְתָה מוֹפִיעָה לִפְנֵי הַחַיָּלִים וְהַקְּצִינִים שֶׁל הַגְּדוּד הַשִּׁישִׁי שֶׁל הַנַּחְתִּים בְּחֵיל אֲוִירִי. בַּיָּמִים הַהֵם הָיִינוּ

עוֹבְדִים וְלוֹמְדִים 15-16 שָׁעוֹת בְּיוֹמָהּ. מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב הָיָה תָּמִיד שׁוֹמֵר עַל מִשְׁמַעַת צְבָאִית וְרָכַשׁ אוֹטוֹרִיטָה אֵצֶל מְפַקְּדִים וְחַיָּלִים. בְּיָנוּאַר 1943 שִׁגְּרוּ אוֹתָנוּ לִיחִידוֹת שׁוֹנוֹת בִּסְבִיבוֹת לֶנִינְגְּרַד, וְאַחַר-כָּךְ הִפְסַקְתִּי אֶת הַקֶּשֶׁר עִם מָרְדְּכַי״.

תעודת הענקת אות ״לוחם בנאציזם״ למרדכי גילקרוב. ישראל, 1973.
Удостоверение о награждении Мордехая Гилькарова израильским орденом "Борец с нацизмом". Израиль, 1973 г.

בַּיְחִידָה הַחֲדָשָׁה, בִּשְׁדוֹת הַקְּרָבוֹת הָאַכְזָרִיִּים, נִלְחַם מָרְדְּכַי בְּגִבּוֹר אֲמִתִּי נֶגֶד הָאוֹיְבִים. כָּל פַּעַם, כְּשֶׁהָיָה יוֹצֵא לַקְּרָב הָיָה לוֹחֵשׁ תְּפִילָה. מָרְדְּכַי הֶחֱרִד מִיַּלְדוּתוֹ, גַּם בַּחֲזִית לֹא נִפְרָד מִסִּידּוּר קָטָן, הוּא נָהַג לְהִתְפַּלֵּל בְּשֶׁקֶט וּבְכָל הִזְדַּמְנוּת בְּטֶרֶם שֶׁשָּׁכַב לִשְׁוֹן, נָהַג לִקְרוֹא אֶת הַתְּפִילָה (וְהוּא מְכַסֶּה אֶת עֵינָיו בְּכַפּוֹ): ״שְׁמַע יִשְׂרָאֵל, ה׳ אֱלֹקֵינוּ, ה׳ אֶחָד״. סֵפֶר תְּהִילִים בְּמַהֲדוּרָה קְטַנָּה שֶׁנָּתְנָה לוֹ אֲחוֹתוֹ טוֹבְיָה לִפְנֵי צֵאתוֹ לַחֲזִית, תָּמִיד הָיָה בְּכִיס הֶחָזֶה שֶׁל מַדָּיו, וְנָהַג לִקְרוֹא בּוֹ בְּכָל הִזְדַּמְנוּת.

בְּכֹל מָקוֹם הָיָה שֵׁם ה׳ בְּפִיו. חֲבֵרָיו - אוּזְבֶּקִים, טַגִ׳יקִים, רוּסִים וּבְנֵי עַמִּים אֲחֵרִים יָדְעוּ כִּי הָיָה בָּקִי בְּדַת הַיַּהֲדוּת, וְהֵם נָהֲגוּ לְבַקֵּשׁ אוֹתוֹ לְסַפֵּר עַל הַיַּהֲדוּת וְעַל תּוֹלְדוֹת עַם יִשְׂרָאֵל; וּבְדַקּוֹת הַדְּמָמָה בֵּין קֶרֶב לִקְרָב נָהַג לְסַפֵּר לָהֶם עַל נוֹשְׂאִים אֵלֶּה בְּרָצוֹן רַב.

פַּעַם נָפַל בְּמוֹת גִּבּוֹרִים יְדִידוֹ הַקָּרוֹב, טַגִ׳יקִי, יְלִיד סַמַרְקַנְד. מָרְדְכַי קָבַר אוֹתוֹ וְזָכַר הֵיטֵב אֶת מְקוֹם קִבְרוֹ. אַחֲרֵי הַמִּלְחָמָה הִגִּיעַ מָרְדְכַי מְדוּשַׁנְבֶּה לְסַמַרְקַנְד כְּדֵי לִמְצוֹא אֶת הוֹרָיו וְאֶת קְרוֹבָיו שֶׁל יְדִידוֹ הַנִּסְפֶּה. הוּא מָצָא אוֹתָם וְנָסַע יַחַד אִיתָם לִמְקוֹם קְבוּרָתוֹ.

הוֹרָיו חָפְרוּ בַּקֶּבֶר, הוֹצִיאוּ מִמֶּנּוּ אֶת עַצְמוֹת בְּנָם, הִסִּיעוּ אוֹתָן לְסַמַרְקַנְד, וְקָבְרוּ אוֹתָן שָׁם וְהִצִּיבוּ לוֹ מַצֵּבָה. כָּל הַזְּמַן הַהוּא הָיָה מָרְדְכַי לְיָד הוֹרָיו שֶׁל יְדִידוֹ הַנִּסְפֶּה, וּמִשְׁתַּתֵּף בְּצַעֲרָם.

לְמַרְבֵּה הַצַּעַר, חֹדֶשׁ אַחֲרֵי מוֹת חֲבֵרוֹ שֶׁל מָרְדְכַי, בַּדּוּר הָאוֹיֵב פָּצַע אֶת מָרְדְכַי בִּפְצִיעָה קָשָׁה. אַחֲרֵי טִפּוּל בְּבֵית-חוֹלִים צְבָאִי קָבְעוּ כִּי הוּא נְכֵה-מִלְחָמָה, הֵם שִׁחְרְרוּ אוֹתוֹ מֵהַצָּבָא וְשָׁלְחוּ אוֹתוֹ לְבֵיתוֹ. מָרְדְכַי הִגִּיעַ לְדוּשַׁנְבֶּה לַאֲחוֹתוֹ הַחֲבִיבָה טוֹבִיָּה וְהִמְשִׁיךְ אֶת לִימוּדָיו בַּמִּכְלָלָה הַפֵּדָגוֹגִית. מָרְדְכַי לָמַד וּבוֹ-זְמָנִית עָבַד כְּמוֹרֶה.

אִם בַּמִּשְׁפָּחָה אֵין מְרִיבוֹת,
לִבְנֵי-זוּג הַרְבֵּה תְּכוּנוֹת טוֹבוֹת.
אוֹמֵי טוֹב עוֹזֵר בְּמְצוּקוֹת
וְתָמִיד מוֹנֵעַ מַחְלוֹקוֹת!

אֹשֶׁר שֶׁל מָרְדְּכַי וְיָעֵל בְּחַיֵּיהֶם הַמִּשְׁפַּחְתִּיִּים

יַלְדוּתוֹ וּנְעוּרָיו שֶׁל מָרְדְּכַי לֹא הָיוּ כֹּל-כָּךְ מְתוּקִים וּשְׂמֵחִים. ב-1937 כְּשֶׁהָיָה רַק בֶּן שֵׁשׁ-עֶשְׂרֵה, נִפְטְרָה עָלָיו אִמּוֹ חַבִּיבָה, וּב-1939, כְּשֶׁהָיָה בֶּן שְׁמוֹנֶה-עֶשְׂרֵה, אִבֵּד גַּם אֶת אָבִיו וְנוֹתַר יָתוֹם. בְּשָׁנִים אֵלּוּ מֵתוּ גַּם שְׁתֵּי אַחְיוֹתָיו. בְּסוֹף הַמִּלְחָמָה הָעוֹלָמִית הַשְּׁנִיָּה אִבֵּד אֶת אָחִיו יוֹסֵף-צְבִי. יוֹסֵף צְבִי הִתְגַּיֵּס בְּרֵאשִׁית הַמִּלְחָמָה בְּהִתְנַדְּבוּת לַצָּבָא הָאָדוֹם. נִלְחַם בַּחֲזִית פְּגִבּוֹר וְהִשְׁתַּתֵּף בִּקְרָבוֹת רַבִּים, אַךְ אָבַד בְּאוּקְרָאִינָה בִּלֹא שָׁנוֹתְרוּ יְדִיעוֹת עָלָיו. מָרְדְּכַי רָאָה בְּעֵינָיו כֵּיצַד נָפְלוּ בַּחֲזִית עֲשָׂרוֹת מֵחֲבֵרָיו. כָּל הָאֲבֵדוֹת הַלָּלוּ לֹא שָׁבְרוּ אֶת מָרְדְּכַי, אַךְ עָשׂוּ אוֹתוֹ רָגִישׁ יוֹתֵר. אֲחוֹתוֹ טוֹבִיָּה אֲשֶׁר הִתְגּוֹרֵר בְּבֵיתָהּ בְּדוּשַׁנְבֶּה כְּבָר כַּמָּה שָׁנִים, רָאֲתָה אֶת מַצַּב-הָרוּחַ שֶׁלּוֹ הִצִּיעָה לוֹ בַּעֲדִינוּת וּבַחֲבִיבוּת לְהִנָּשֵׂא בְּאָמְרָהּ: "מְצָא חֲבֵרָה לְכֹל יְמֵי חַיֶּיךָ. הַחֲבֵרָה הָאֲמִתִּית מַסִּירָה אֶת כְּאֵבֵי הַלֵּב, נוֹתֶנֶת שִׂמְחָה וְאֹשֶׁר לְבַעֲלָהּ. עִם אֲהוּבָה כַּוָּאת תִּשְׂכַּח אֵת הַצַּעַר וְתִמְצָא אֶת הַשַּׁלְוָה. הַסְכֵּם, אָחִי הַיָּקָר, וַאֲנַחְנוּ, בַּעֲלִי רָפָאֵל וַאֲנִי - נְסַדֵּר אֶת כֹּל הָעִנְיָנִים. הֵן כְּבָר נִסְתַּיְּמָה הַמִּלְחָמָה בַּנִּצָּחוֹן שֶׁלָּנוּ. וְאַתָּה כְּבָר בֶּן עֶשְׂרִים וְאַרְבַּע. וּבְנוֹגַע לְלִמּוּדֶיךָ בַּמִּכְלָלָה, אַל דְּאָגָה, תּוּכַל גַּם לְהַמְשִׁיךְ אֶת לִמּוּדֶיךָ וְגַם לְטַפֵּל בְּמִשְׁפַּחְתְּךָ. הַסְכֵּם, וַאֲסַדֵּר אֶת הַכֹּל". כָּךְ אָמְרָה טוֹבִיָּה וְנָשְׁקָה אֶת מָרְדְּכַי... דְּבָרֶיהָ שִׁכְנְעוּ אוֹתוֹ וְהוּא הִסְכִּים לְהִתְחַתֵּן. מָרְדְּכַי הִגִּיעַ לְסַמַרְקַנְד. עָרְכוּ לוֹ הַכֵּרוּת עִם יָעֵל - בַּחוּרָה צְעִירָה (אָז הָיְתָה בַּת שֶׁבַע-עֶשְׂרֵה), יָפָה וּמְחַיֶּכֶת, - בִּתָּם שֶׁל אֶפְרַיִם אַלַיֶיב וְחֶבְצִי קוּלַנְגֶיב.

מרדכי עם יעל רעיתו. דושנבה, 1972.
Мордехай с супругой Яэль. Душанбе, 1972 г.

יָעֵל הִתְיַתְּמָה בְּעוֹדָהּ בַּת אַרְבַּע. אָחִיהָ דָוִד אַלַיֶיב גִּדֵּל אוֹתָהּ. מִמַּבָּט הָרִאשׁוֹן אָהַב מָרְדְכַי אֶת יָעֵל, וְגַם הִיא אָהֲבָה אוֹתוֹ. הַחֲתוּנָה הִתְקַיְמָה, וּמָרְדְכַי לָקַח אֶת יָעֵל לְדוּשַׁנְבֶּה.

מָרְדְכַי אָהַב אֶת יָעֵל מְאֹד. הוּא שָׁמַר עָלֶיהָ מִכֹּל רַע. גַּם יָעֵל אָהֲבָה אֶת מָרְדְכַי כְּמוֹ שֶׁאָהַב אוֹתָהּ. תָּמִיד נָהֲגָה לְהַקֵּל מֵעָלָיו יְגוֹנוֹ. הֵם חִלְקוּ חֲצִי-חֲצִי גַּם אֶת הַשְּׂמָחוֹת וְגַם אֶת הַצָּרוֹת. בְּמֶשֶׁךְ זְמַן קָצָר - הִכִּירָה יָעֵל אֶת אוֹפְיוֹ שֶׁל מָרְדְכַי וּמֵאָז הִתְחִילָה לַעֲשׂוֹת אֶת כֹּל מַעֲשֶׂיהָ בְּהֶתְאֵם לְאוֹפְיוֹ. אַף פַּעַם וּבְשׁוּם מָקוֹם לֹא דִּבְּרָה בְּקוֹל מְרוּגָז, אַדְרַבָּה הִיא הִשְׁתַּדְּלָה לְדַבֵּר עִם כֻּלָּם וּבְפָרָט עִם מָרְדְכַי, בְּחִיּוּךְ.

יעל גילקרוב עם קרוביה. ישראל, 1976.

Яэль Гилькарова в кругу родных. Израиль, 1976 г.

הִיא לֹא הִתְוַכְּחָה עִם אִישׁ. לֹא סִפְּרָה לְמָרְדְּכַי דְּבָרִים לֹא נְעִימִים שֶׁשָּׁמְעָה. וְנֶהֱנָה לִשְׁמוֹר עָלָיו מִכָּל הַדְּבָרִים שֶׁיָּכְלוּ לְצַעֵר אוֹתוֹ. אַף פַּעַם לֹא דָּרְשָׁה מִמֶּנּוּ דָּבָר אֶלָּא, בְּקִשָּׁה מִמֶּנּוּ יָפָה אֵת חֻפְצָה בְּנֹעַם וּבְחֵן. בְּכָל הַמַּצָּבִים הָיְתָה גְּלוּיַת-לֵב, בְּלִי שׁוּם עוֹרְמָה אוֹ מִשְׂחָק, הִתְנַהֲגוּתָהּ זוֹ כְּמוֹבָן הִקְסִימָה אֵת מָרְדְּכַי.

ב-1946 יָלְדָה יָעֵל אֵת הַבֵּן הַבְּכוֹר. לֹא הָיָה גְּבוּל לְשִׂמְחָתוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי. כְּמִנְהָג הַיְּהוּדִים, נֶעֶרְכָה בְּרִית-הַמִּילָה לַתִּינוֹק בַּיּוֹם הַשְּׁמִינִי לְהוּלַדְתּוֹ. מָרְדְּכַי בְּעַצְמוֹ קָרָא אֵת הַתְּפִילָה הָרִאשׁוֹנָה לִכְבוֹד בְּנוֹ הַנּוֹלָד, וְכִיבֵּד אֵת הַסַּנְדָּקָאוּת לְגִיסוֹ יִשַׁי גַּבְרִיאֵלוֹב, (אַגָּב אַחְיָינוֹ שֶׁל מְשׁוֹרֵר מְפוּרְסָם מוּחִיב), מִפְּנֵי שֶׁגַּם יִשַׁי וְגַם אִשְׁתּוֹ קְצִיעָה הָיוּ לְיָעֵל הַיְתוֹמָה כְּמוֹ הוֹרִים. הֵם קָרְאוּ לָרַךְ הַנּוֹלָד בּוֹרִיס (בְּכוֹר) כַּמִּנְהָג. לְרֶגֶל בְּרִית-הַמִּילָה עָרְכוּ סְעוּדָה. הָאוֹרְחִים בַּסְּעוּדָה הִבִּיעוּ אִיחוּלִים טוֹבִים לַמִּשְׁפָּחָה. וְהֶחָשׁוּב מִכֹּל לֵידָתוֹ שֶׁל הַבְּכוֹר חִזְּקָה אֵת אַהֲבָתָם שֶׁל מָרְדְּכַי וְיָעֵל עֲשָׂרֶת מוֹנִים.

נִרְאֶה לְמָרְדְכַי שֶׁאֵין אֶחָד בָּעוֹלָם מְאוּשָׁר יוֹתֵר מִמֶּנּוּ. מֵעָתָּה הוּא מָרְדְכַי נַעֲשָׂה לְאָב וְיָעֵל לְאֵם.

מרדכי גילקרוב. 1948.
Мордехай Гилькаров. 1948 г.

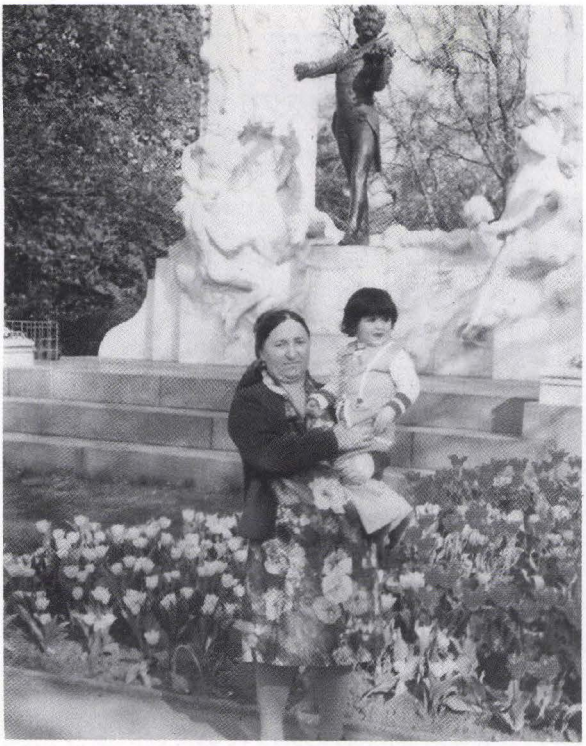
קוֹרֵא יָקָר! כְּבָר יָדַעְתָּ כִּי מָרְדְכַי אַחֲרֵי חָזָרְתוֹ מֵחֲזִית הַמִּלְחָמָה הִמְשִׁיךְ אֶת לִמּוּדָיו בַּמִּכְלָלָה הַפֶּדָגוֹגִית בְּדוּשַׁנְבֶּה וְהָיָה עוֹבֵד בּוֹ-זְמַנִּית כְּמוֹרֶה. אוּלָם אַחֲרֵי לֵידָתוֹ שֶׁל הַבֵּן הָיָה קָשֶׁה לוֹ לְפַרְנֵס אֶת הַמִּשְׁפָּחָה בְּמַשְׂכּוֹרֶת צְנוּעָה שֶׁל מוֹרֶה. לָכֵן עָזַב מָרְדְכַי אֶת עֲבוֹדַת הַהוֹרָאָה וְעָבַר לָרֶשֶׁת הַמִּסְחָרִית שָׁם קִבֵּל מִשְׂרַת הַנְהָלָה. בּוֹ-זְמַנִּית הָיָה כַּתָּב מִקְצוֹעִי בְּעִיתוֹן שֶׁל רֶפּוּבְּלִיקָה "טַגִּיקִיסְטָאנִי סוֹבְיֶטִי". וְקִבֵּל מַשְׂכּוֹרֶת נָאָה, אַחֲרֵי זְמַן-מָה קִבֵּל בַּיִת מִשֶּׁלוֹ. וְרַעֲיָתוֹ יָעֵל הִמְשִׁיכָה לָתֵת לוֹ אֹשֶׁר בְּמַתָּנָה, כְּלוֹמַר בָּנִים וּבָנוֹת.

בְּאֹפֶן דַּוְקָה נַעֲשׂוּ מָרְדְּכַי וְיָעֵל לְהוֹרֵי חֲמִישָׁה יְלָדִים - שְׁלוֹשָׁה בָּנִים: בּוֹרִיס, מֹשֶׁה, יוּרִי וּשְׁתֵּי בָּנוֹת: נִינָה וְרוֹזָה, וְהִמְשִׁיכוּ אֵת חַיֵּיהֶם הַשְּׂמֵחִים וְהַמְּאוּשָּׁרִים.

יעל גילקרוב ומחותנתה רבקה מולקנדוב מברכות את רוזה בת יעל בלידת בנה - עמנואל. ישראל, 1981.
Яэль Гилькарова и ее сватья Ривка Мулокандова поздравляют дочь - Розу с рождением сына - Иммануэля. Израиль, 1981 г.

אֲבָל הַאֵל הָעֶלְיוֹן רָצָה לְהָאִיץ אֵת חֲזָרָתָם, וְאֵת עֲלִיָּתָם שֶׁל הַיְּהוּדִים מֵהַגָּלוּת לְאַרְצֵנוּ הַקְּדוֹשָׁה - אֶרֶץ יִשְׂרָאֵל. בְּשָׁנוֹת 1970-1971 הֵחֵלוּ יְהוּדִים מֵעָרִים רַבּוֹת בִּבְּרִה״מ לַעֲלוֹת לְיִשְׂרָאֵל. גַּם מִדּוּשַׁנְבֶּה עָלוּ יְהוּדִים רַבִּים. עָזְבוּ אֵת בָּתֵּיהֶם הַיָּפִים, מְעוֹנוֹת-קַיִץ, מְכוֹנִיוֹת, אַפְלוּ מִשְׂרוֹת גְּבוֹהוֹת וְתָאֲרֵי-כָּבוֹד. גַּם מָרְדְּכַי גִילְקְרוֹב עָלָה לָאָרֶץ עִם כֹּל מִשְׁפַּחְתּוֹ בְּ-1973 . אוּלָם בָּנָיו שֶׁל מָרְדְּכַי נָסְעוּ לְוִינָה בִּירַת אוֹסְטְרִיָה.

יעל עם סטלה נכדתה בפארק שטראוס. וינה,1976.

Яэль с внучкой - Стеллой в парке Штрауса. Вена, 1976 г.

אַחֲרֵי כִּשְׁנַתַּיִם גַּם
מָרְדְּכַי וְיָעֵל נָסְעוּ לְוִינָה
שֶׁכֵּן קָשֶׁה הָיָה לָהֶם
הַפֵּרוּד מִיַּלְדֵיהֶם. גַּם
בְּוִינָה הִמְשִׁיכוּ אֶת
חַיֵּיהֶם הַמְשֻׁפַּחְתִּיִּים
הַמְאוּשָׁרִים...
לְצַעֲרֵנוּ חָלְתָה יָעֵל
בְּוִינָה בְּמַחֲלָה קָשָׁה.
הִסִּיעוּ אוֹתָהּ לְיִשְׂרָאֵל
לְרִפּוּי, בְּ-1983 נִפְטְרָה
לְבֵית עוֹלָמָהּ.

יעל גילקרוב עם בנותיה ועם מיה,כלתה. וינה, 1981.

Яэль Гилькарова со своими дочерьми и снохой Майей. Вена, 1981 г.

הִיא נִקְבְּרָה בְּבֵית-עַלְמִין "גִּבְעַת שָׁאוּל" בִּירוּשָׁלַיִם.

לְפִי כָּל הַמְנָהָגִים וְהָאַזְכָּרוֹת, אַחֲרֵי אַזְכָּרַת שָׁנָה חָזַר מָרְדְּכַי לְוִינָה לְבָנָיו.

וּבְמֶשֶׁךְ 12 שָׁנִים שָׁחַי בְּלִי יָעֵל, הָיָה נֶאֱמָן לִשְׁמָהּ הַטּוֹב שֶׁל אַהוּבָתוֹ.

מרדכי גילקרוב ביום קבורת יעל רעיתו. ירושלים, 1983.

Мордехай Гилькаров в день похорон супруги - Яэль. Иерусалим, 1983 г.

מרדכי עם קרוביו על יד קבר יעל רעיתו. ירושלים, 1993.

Мордехай с родными на могиле жены - Яэль, Иерусалим, 1993 г.

אַחֲרֵי פְּטִירָתָהּ שֶׁל יָעֵל, רָגִיל הָיָה מָרְדְּכַי לְעִיתִּים קְרוֹבוֹת לָקַחַת אֶת תְּמוּנָתָהּ קוֹדֶם הַשֵּׁינָה וְלִנְעוֹץ בָּהּ מַבָּט. הוּא הָיָה זוֹכֵר דָּקוֹת, שָׁעוֹת, יָמִים, חֳדָשִׁים וְשָׁנִים שֶׁל חַיֵּיהֶם הַמְּשׁוּתָּפִים הַמְּאוּשָּׁרִים. כָּךְ נָהַג לָשֶׁבֶת זְמַן מְמוּשָׁךְ, לִפְעָמִים עַד חֲצוֹת-לָיְלָה, כְּאִילוּ הָיָה יוֹשֵׁב אִיתָהּ, וְכָל מַחְשְׁבוֹתָיו הָיוּ עָלֶיהָ. כָּךְ עָשָׂה עַד סוֹף יָמָיו, עַד פְּטִירָתוֹ. הָיְתָה זוֹ הַבָּעַת תּוֹדָתוֹ וְנֶאֱמָנוּתוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי לַאֲהוּבַתּוֹ יָעֵל!

רֹאשׁ הַמִּשְׁפָּחָה

קוֹרֵא יָקָר! אָנוּ, מְחַבְּרֵי הַסֵּפֶר, שׂוֹחֲחִנוּ שׂוּב וָשׂוּב עִם בָּנָיו, קְרוֹבָיו וִידִידָיו שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב ז״ל וּמוֹדִים לָהֶם שׂוּב עַל הַיְּדִיעוֹת שֶׁמָּסְרוּ לָנוּ עָלָיו. בִּפְרָט הָיְתָה לָנוּ שִׂיחָה מְמוּשֶׁכֶת עִם אַחְיָנוֹ גַּבְרִיאֵל אַלִישַׁיֶיב, בֶּן אֲחוֹתוֹ טוֹבְיָה. פַּעַם כְּשֶׁאָבִינוּ אֶת גַּבְרִיאֵל בִּשְׁכוּנַת שַׁפִּירָא, הוֹדַעְנוּ לוֹ שֶׁאֲנַחְנוּ עוֹמְדִים לִכְתּוֹב סֵפֶר עַל דּוֹדוֹ מָרְדְּכַי וְרוֹצִים לְשׂוֹחֵחַ עִמּוֹ, שֶׁכֵּן יָדוּעַ לָנוּ שֶׁמָּרְדְּכַי הָיָה בִּידִידוּת עִמּוֹ לֹא רַק בְּדוּשַׁנְבֶּה, אֶלָּא גַּם כָּל פַּעַם כְּשֶׁהִגִּיעַ מְוִינָה לְיִשְׂרָאֵל נָהַג לְהִתְאַכְסֵן בְּבֵיתוֹ. כְּשֶׁשָּׁמַע גַּבְרִיאֵל אַלִישַׁיֶיב עַל כַּוָּנוֹתֵינוּ, אָמַר: ״עַל נוֹשֵׂא זֶה צָרִיךְ לְשׂוֹחֵחַ בְּבֵיתִי. שָׁם אַרְאֶה לָכֶם צְלוּמִים וּמִכְתָּבִים רַבִּים וְאַשְׁמִיעַ לָכֶם קַלָּטוֹת מִנְאוּמָיו. וְאַף תִּתְפַּבְּדוּ בְּתַה יָרוֹק רֵיחָנִי״. לֹא הִסְפַּקְנוּ לוֹמַר לוֹ דָּבָר, וְהוּא כְּבָר הִתְקַשֵּׁר לְבֵיתוֹ וְהוֹדִיעַ לְאִשְׁתּוֹ עַל בִּיקוּרֵנוּ. מִיָּד יָצָא, עָצַר מוֹנִית וְלָקַח אוֹתָנוּ לְבֵיתוֹ. בַּנִּרְאֶה גַּבְרִיאֵל אַלִישַׁיֶיב הִסְפִּיק לְהוֹדִיעַ עַל הַגָּעָתֵנוּ לְבֵיתוֹ גַּם לְבָנָיו שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב.

כַּעֲבוֹר כַּמָּה דָּקוֹת הִגִּיעוּ בּוֹרִיס, מֹשֶׁה וְיוּרִי בְּנֵי מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב וְגַם אַבְרָהָם קַייקוֹב. כְּשֶׁיָּשְׁבוּ כּוּלָּם לְיַד הַשֻּׁלְחָן, פָּתַח גַּבְרִיאֵל רְשַׁמְקוֹל. כַּאֲשֶׁר שָׁמַעְנוּ אֲנַחְנוּ הַנּוֹכְחִים אֵת קוֹלוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי ז״ל, כִּיבַּדְנוּ אֵת זִכְרוֹ בְּקִיּמָה וּבִשְׁתִיקַת דַּקָּה, בְּשִׁבְרוֹן לֵב. אַחַר-כָּךְ הִבִּיעַ כֹּל אֶחָד אֶת תַּנְחוּמָיו לִבְנֵי מָרְדְּכַי, לְגַבְרִיאֵל וּלבָּרְטָה אִשְׁתּוֹ לְרֶגֶל פְּטִירָתוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב.

הַשִּׂיחָה נִמְשְׁכָה, וְגַבְרִיאֵל אַלִּישַׁ״ייב הִתְחִיל לְסַפֵּר עַל חַיֵּי דּוֹדוֹ. וְאָנוּ לָקַחְנוּ אֵת עֵטֵנוּ וְרָשַׁמְנוּ בְּפִנְקָסֵינוּ אֵת כֹּל אֲשֶׁר שָׁמַעְנוּ.

גַּבְרִיאֵל הִתְחִיל אֵת סִיפּוּרוֹ:

״דּוֹדִי מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב ז״ל נוֹלַד בְּ-1921 בְּסַמַרְקַנְד. הוֹרָיו דְּהַיְינוּ-סַבִּי וְסַבָּתִי הָיוּ רָפָאֵל גִּילְקָרוֹב אָבִיו וּבְלוּרְיָה אִמּוֹ. לְסַבָּא-אַבָּא שֶׁלִּי אֵלְיָהוּ גִּילְקָרוֹב וּלְאֵם-הַסַּב מִרְיָם הָיוּ חֲמִישָׁה בָּנִים: רָפָאֵל, מִיכָאֵל, חַיָּא, גַּבְרִיאֵל וְעִיסָּה-בָּרוּךְ. וּלְסַבִּי רָפָאֵל וּלְסַבָּתִי בָּלוּרְיָה הָיוּ תִּשְׁעָה יְלָדִים: שְׁלוֹשָׁה בָּנִים: חֲנַנְיָה, יוֹסֵף-צְבִי (מִיצִ׳ה) וּמָרְדְּכַי, וְשֵׁשׁ בָּנוֹת: יָעֵל, טוֹבְיָה (אִמָּא שֶׁלִּי), יָפָה, מַזָּל, רָחֵל וְצִפּוֹרָה. הַיֶּלֶד הַקָּטָן בְּיוֹתֵר מֵהֶם הָיָה מָרְדְּכַי דּוֹדִי. יֵשׁ מִנְהָג גַּם לִיהוּדֵי בּוּכָרָה גַּם לָאוּזְבֶּקִים וְלַטַּגִ׳יקִים: כִּי בְּאֵם ח״ו מֵתוּ יְלָדִים קְטַנִּים בַּמִּשְׁפָּחָה, לַיְלָדִים הַנּוֹלָדִים אַחֲרֵי כֵן לֹא קוֹרְאִים בִּשְׁמוֹתֵיהֶם הַפְּרָטִיִּים שֶׁל הַנִּפְטָרִים, לַמְרוֹת זֹאת נוֹתְנִים לָהֶם שֵׁמוֹת שֶׁל מַזְּכֶּרֶת, קוֹרְאִים לְבֵן ״פִּיסָר״ (ז״א בֵּן בִּיהוּדִית-בּוּכָרִית) וּלְבַת ״אִיסְתַּד״ (מִילוּלִית: ״שֶׁתִּישָׁאֵר״). לִפְנֵי לֵידָתוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי, מֵתוּ יְלָדִים רַבִּים שֶׁל סַבָּא רָפָאֵל וְסַבְּתָא בָּלוּרְיָה. מִפְּנֵי זֶה, כְּשֶׁנּוֹלַד מָרְדְּכַי, קָרְאוּ לוֹ גַּם ״פִּיסָר״. כָּךְ נוֹדַע בָּעַם גַּם כְּמָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב גַּם כְּפִיסָר גִּילְקָרוֹב. אָחִיו הַגָּדוֹל חֲנַנְיָה הָיָה זַמָּר מוּכְשָׁר, תַּלְמִידוֹ שֶׁל לֵוִי בָּבָּחָאנוֹב (זַמָּר מְפוּרְסָם שֶׁשָּׁר בְּאַרְמוֹנוֹ שֶׁל אֶמִיר בּוּכָרָה). הָאָח הַשֵּׁנִי שֶׁלּוֹ, ז״א הַדּוֹד הַשֵּׁנִי שֶׁלִּי, יוֹסֵף-צְבִי (מִיצִ׳ה) הִתְגַּיֵּיס בְּהִתְנַדְּבוּת לַצָּבָא הָאָדוֹם בְּ-1941 וְאָבַד בְּלִי יְדִיעוֹת עָלָיו בְּאוּקְרָאִינָה. בְּנוֹ שֶׁל יוֹסֵף-צְבִי, אַבְרָהָם גִּילְקָרוֹב, גָּר עַכְשָׁיו

בְּאַרְצוֹת הַבְּרִית וְהוּא פָּעִיל צִבּוּרִי בַּקְּהִילָה הַיְּהוּדִית-בּוּכָרִית שֶׁל אַרְהַ״ב.
הַדּוֹד הַשְּׁלִישִׁי שֶׁלִּי - מָרְדְּכַי הִשְׁתַּתֵּף אַף הוּא בַּמִּלְחָמָה נֶגֶד הַנָּאצִים וּבְ-1943 חָזַר לְדוּשַׁנְבֶּה כִּנְכֵה הַמִּלְחָמָה. בְּ-1945 הִתְחַתֵּן עִם יָעֵל בִּתָּם שֶׁל אֶפְרַיִם אַלַיֶיב וְחָבְצִי קוּלַנְגְיֶיב. לְדוֹדִי מָרְדְּכַי וּלְדוֹדָתִי יָעֵל יֵשׁ חֲמִישָׁה יְלָדִים: שְׁלוֹשָׁה בָּנִים: בּוֹרִיס, מֹשֶׁה וְיוּרִי, וּשְׁתֵּי בָּנוֹת: נִינָה וְרוֹזָה, וְגַם נְכָדִים רַבִּים, וְלַאַחֲרוֹנָה נוֹלְדוּ גַּם נִינִים.

נָא לְהִסְתַּכֵּל בְּתוֹלְדוֹת-חַיִּים שֶׁל דּוֹדִי מָרְדְּכַי, דּוֹדָתִי יָעֵל וְחֲמֵשֶׁת יַלְדֵיהֶם.

מָרְדְּכַי גִּילְקְרוֹב

נוֹלַד בְּ-1921 בְּסַמַרְקַנְד. בְּ-1939, אַחֲרֵי סִיּוּם הַלִּמּוּדִים בְּבֵית סֵפֶר תִּיכוֹן, עָבַר לְדוּשַׁנְבֵּה וְהִתְקַבֵּל שָׁם לְמִכְלָלָה פֶּדָגוֹגִית.

בְּ-1942 גֵּיֵּס לְצָבָא. בְּ- 1943 חָזַר לְדוּשַׁנְבֵּה כִּנְכֵה-הַמִּלְחָמָה.

בְּ-1945 הִתְחַתֵּן עִם יָעֵל אַלַיֶיב.

מִ-1943 הִמְשִׁיךְ אֶת לִמּוּדָיו בַּמִּכְלָלָה וּבוֹ זְמַנִּית הָיָה עוֹבֵד כְּמוֹרֶה בְּבֵית-סֵפֶר וְכָתַב בְּעִתּוֹן "טַגִּיקִיסְטוֹן סוֹבְיֶטִי".

בְּ-1945 עָבַר לַעֲבוֹד בְּרֶשֶׁת מִסְחָרִית.

בְּ-1973 עָלָה לְיִשְׂרָאֵל עִם כָּל מִשְׁפַּחְתּוֹ (רַעֲיָתוֹ וַחֲמִישָׁה יְלָדִים).

בְּ-1976 עָבַר לְאוֹסְטְרִיָה לִילָדָיו. בְּאוֹסְטְרִיָה עָסַק בְּפְעִילוּת צִיבּוּרִית גְּדוֹלָה.

נִפְטַר בְּוִינָה בְּפֶבְרוּאַר 1995 כְּבֶן 74. נִקְבַּר בִּירוּשָׁלַיִם.

יָעֵל גִילְקָרוֹב - אַלַיֶיב

נוֹלְדָה בְּ-1928 בְּסַמַרקַנְד. אַחֲרֵי סִיוּם לִמוּדֶיהָ בְּכִתָּה ז' שֶׁל בֵּית-סֵפֶר, הִתְקַבְּלָה לְקוּרְסִים מִסְחָרִיִם וְסִיְמָה אֶת הַלִמוּדִים שָׁם בְּ-1945.

בְּאוֹתָה הַשָּׁנָה הִתְחַתְנָה עִם מָרְדְכַי גִילְקָרוֹב. יָלְדָה לוֹ חֲמִישָׁה יְלָדִים: שְׁלוֹשָׁה בָּנִים: בּוֹרִיס, מֹשֶׁה וְאוּרִיאֵל. וּשְׁתֵּי בָּנוֹת: נִינָה וְרוֹזָה.

בְּ- 1973 עָלְתָה לְיִשְׂרָאֵל עִם כָּל מִשְׁפַּחְתָּהּ.

בְּ- 1976 עָבְרָה לְאוֹסְטְרִיָה עִם בַּעֲלָהּ. שָׁם חָלְתָה בְּמַחֲלָה קָשָׁה.

בְּ- 1982 הִסִיעוּ אוֹתָהּ לְיִשְׂרָאֵל לְטִפּוּל.

נִפְטְרָה בְּ- 4 בְּיָנוּאַר 1983 וְנִקְבְּרָה בִּירוּשָׁלַיִם.

בְּכוֹר (בּוֹריס) גִילְקָרוֹב

בּוֹריס נוֹלַד ב-1946 בְּדוּשַׁנְבֶּה. בְּ-1965 סִיֵּם אֶת לִמּוּדָיו בְּבֵית-סֵפֶר תִּיכוֹן וּבְאוֹתָהּ הַשָּׁנָה הִתְקַבֵּל לָאוּנִיבֶרְסִיטָה הַמַּמְלַכְתִּית בְּדוּשַׁנְבֶּה. פַּקוּלְטַת הַפִּילוֹלוֹגְיָה, מַחְלֶקֶת טִיב הַמּוּצָרִים. ב-1969 הִתְחַתֵּן עִם שָׂרָה בַּת פִּינְחַס יַדְגָּרוֹב. סִיֵּם אֶת לִמּוּדָיו בָּאוּנִיבֶרְסִיטָה בְּ-1970 וְאַחַר-כָּךְ כְּשָׁלֹשׁ שָׁנִים עָבַד בְּרֶשֶׁת הַמִּסְחָר בְּדוּשַׁנְבֶּה. ב-1973 עָלָה לְיִשְׂרָאֵל עִם כָּל מִשְׁפַּחְתּוֹ. בְּ-1974, כַּעֲבוֹר כַּמָּה חֳדָשִׁים אַחֲרֵי לֵידַת סְטֶלָה, בִּתּוֹ הַגְּדוֹלָה, נָסַע לְאוֹסְטְרִיָה עִם כָּל מִשְׁפַּחְתּוֹ, עָבַד בְּוִינָה לִפְנֵי מִקְצוֹעוֹ בְּרֶשֶׁת הַמִּסְחָר. שָׁם נוֹלְדוּ לוֹ עוֹד שְׁנֵי יְלָדִים: אִיזַבֶּלָה וְאָפְרַיִם. ב-1994 בִּתּוֹ הַגְּדוֹלָה סְטֶלָה הִתְחַתְּנָה עִם יִצְחָק אוֹסְתַאנְיאַזוֹב. בְּפֶבְּרוּאָר 1995 נוֹלְדָה אַסְתֵּר - נֶכְדָּתָם שֶׁל בּוֹריס וְשָׂרָה. בְּיוּלִי 1995 חָזַר בּוֹריס לְיִשְׂרָאֵל עִם אִשְׁתּוֹ וּשְׁנֵי יְלָדֵיהֶם: אִיזַבֶּלָה וְאָפְרַיִם.

בוריס גילקרוב עם אביו ועם משפחתו. וינה, 1992.

Борис Гилькаров с отцом и со своей семьей. Вена, 1992 г.

מֹשֶׁה גִילְקָרוֹב

מֹשֶׁה נוֹלַד בְּדוּשַׁנְבֶּה בְּ-1949. בְּ-1964 סִיֵּם אֶת כִּתָּה ח' בְּבֵית סֵפֶר וְהִתְקַבֵּל לְבֵית סֵפֶר מִקְצוֹעִי לְאֳמָנוּת. וּבְ-1968 סִיֵּם אֶת לִמּוּדָיו שָׁם וְהִשְׁתַּלֵּם בְּמִקְצוֹעוֹ כְּצַיָּר. הוּא עָבַד בְּקֶרֶן הָאֳמָנוּת שֶׁל טַגִ'קִיסְטַן, בְּתֵיאַטְרוֹן שֶׁל אוֹפֶרָה וּבַלֶט, אַחַר-כָּךְ בְּתַעֲרוּכַת הַחֲשָׁגִים לְמֶשֶׁק-עַם שֶׁל טַגִ'קִיסְטַן. בְּ-1972 הִתְחַתֵּן עִם מַיָה אַלַיֶיב, וּבְ-1973 עָלָה לְיִשְׂרָאֵל עִם מִשְׁפַּחְתּוֹ. בְּיִשְׂרָאֵל נוֹלַד לוֹ בֵּן בְּכוֹר, וְשָׁם עָבַד כְּצַיָּר. אַךְ הָאַחִים שֶׁלּוֹ הִזְמִינוּ אוֹתוֹ לְוִינָה. בְּ-1975 עָבַר לְוִינָה עִם מִשְׁפַּחְתּוֹ, שָׁם עָסַק בְּמִסְחָר וְגַם בְּאֳמָנוּת. ב-1993 חָזַר לְיִשְׂרָאֵל עִם מִשְׁפַּחְתּוֹ. כָּעֵת יֵשׁ לוֹ שְׁנֵי יְלָדִים: דָּוִד וְחַנָה, דָּוִד הִתְחַתֵּן עִם אֶלֶן מַצְלִיח בְּ-1994 .

משה גילקרוב עם אביו ועם משפחתו וחותנתו- רחל. וינה, 1986.

Моше Гилькаров с отцом, своей семьей и тещей - Рахель. Вена, 1986

אוּרִיאֵל (יוּרִי) גִּילְקָרוֹב

נוֹלַד בְּ-1952 בְּדוּשַׁנְבֵּה. סִיֵּם אֶת לִמּוּדָיו בְּבֵית-סֵפֶר תִּיכוֹן בְּ-1970 . אַחַר-כָּךְ הִתְחִיל לַעֲבוֹד בְּרֶשֶׁת מִסְחָרִית. בְּ-1973 עָלָה לְיִשְׂרָאֵל עִם הוֹרָיו, וּבְ-1974 עָבַר לְאוֹסְטְרִיָה.

בְּאוֹסְטְרִיָה הִמְשִׁיךְ לַעֲבוֹד בְּמִפְעֲלֵי מִסְחָר. בְּ-1976 הִתְחַתֵּן עִם רוֹזָה גַּלִיבּוֹב. כָּעֵת הוּא מַמְשִׁיךְ לָגוּר בְּוִינָה. יֵשׁ לוֹ שְׁלוֹשָׁה יְלָדִים: בַּת - יְהוּדִית. וּשְׁנֵי בָּנִים: רָפָאֵל וּבִנְיָמִין. בְּ-1994 בִּיְשְׂרָאֵל הִשִּׂיא אֶת יְהוּדִית בִּתּוֹ לְאִשָּׁה לְלֵוִי לֵוֶיב, וּבְ-1995 נוֹלְדָה סַפִּיר-נָכְדָתוֹ שֶׁל יוּרִי. כָּעֵת יוּרִי עִם אִשְׁתּוֹ וּשְׁנֵי בָּנָיו מַמְשִׁיכִים לָגוּר בְּוִינָה. יוּרִי פָּעִיל צִיבּוּרִי בַּקְּהִילָה הַיְּהוּדִית שֶׁל וִינָה.

יורי עם משפחתו. וינה, 1992.

Юрий Гилькаров со своей семьей. Вена, 1992 г.

נַקאדָם (נינָה) פִּינְחַסוֹב-גִּילְקָרוֹב

נוֹלְדָה בְּ- 1954 בְּדוּשַׁנְבֶּה. סִיְּמָה שְׁמוֹנֶה כִּתּוֹת שֶׁל בֵּית סֵפֶר. בְּ- 1969 הִתְקַבְּלָה לְבֵית סֵפֶר מִקְצוֹעִי לִרְפוּאָה, וּבְ-1972 סִיְּמָה אֶת לִמּוּדֶיהָ שָׁם.

בְּ- 1973 הִתְחַתְּנָה עִם אַמְנוֹן פִּינְחָסוֹב.

בְּ-1973 עָלְתָה לְיִשְׂרָאֵל יַחַד עִם בַּעֲלָהּ וְעִם הוֹרֶיהָ, עָבְדָה כְּאָחוֹת בְּבֵית-הַחוֹלִים "הֲדַסָּה".

בְּ- 1983 עָבְרָה לְאוֹסְטְרִיָה יַחַד עִם בַּעֲלָהּ וְעִם שְׁלוֹשֶׁת יְלָדֵיהֶם: נָתָן, אֵילָנָה וְדָנִיאֵל. כָּעֵת מַמְשִׁיכָה לָגוּר בְּוִינָה.

נינה עם משפחתה. וינה, 1987.

Нина со своей семьей. Вена, 1987 г.

רִבְקָה (רוֹזָה) מוּלַקַנְדוֹב גִּילְקָרוֹב

נוֹלְדָה בְּ-1957 בְּדוּשַׁנְבֶּה. סִיְּמָה לִמּוּדֶיהָ בְּבֵית סֵפֶר בְּ-1972. בְּ- 1973 עָלְתָה לָאָרֶץ עִם הוֹרֶיהָ. כָּאן בְּ-1975 סִיְּמָה בֵּית סֵפֶר מִקְצוֹעִי לִרְפוּאָה וְעָבְדָה כַּמָּה שָׁנִים כְּאָחוֹת בְּבֵית-הַחוֹלִים "בֵּילִינְסוֹן" בְּפֶתַח-תִּקְוָה.
בְּ-1978 הִתְחַתְּנָה עִם יוֹנָתָן מוּלַקַנְדוֹב. בְּ- 1995-1979 גָּרָה בְּוִינָה.
בְּ-1995 בָּפוּף לְצַוָּאָתוֹ שֶׁל אָבִיהָ, חָזְרָה לְיִשְׂרָאֵל .
יֵשׁ לָהּ שְׁלוֹשָׁה יְלָדִים : עִמָּנוּאֵל, יָעֵל, וְיָרוֹן.

מרדכי עם משפחת רוזה בתו ועם ריבה חמותה ביום בר-המצוה של נכדו עמנואל .ישראל,1994.

Мордехай с семьей дочери - Розы и ее свекровью - Ривой в день бар-мицвы внука - Иммануэля. Израиль, 1994 г.

בָּדַקְנוּ אֶת כָּל הַחוֹמֶר בְּעִנְיָן רָב וְאָמַרְנוּ: "אֲנוּ מוֹדִים לְךָ מְאֹד עַל סְפוּר כָּל-בַּךְ מְפוֹרָט שֶׁל תּוֹלְדוֹת חַיָּיו שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב. אוּלָם מִפְּנֵי שֶׁיֵּשׁ לְמוֹרִים כָּרָגִיל הַשְׁקָפַת-עוֹלָם מִשֶּׁלָּהֶם וְאַתָּה הָיִיתָ בְּדֵעָה אַחַת עִם מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב, סַפֵּר נָא לָנוּ עַל הַשְׁקָפַת-הָעוֹלָם שֶׁלּוֹ.

"בְּרָצוֹן רָב", - עָנָה גַּבְרִיאֵל: "אֲנִי זוֹכֵר, שִׂיחָה אַחַת כְּאִילוּ זֶה קָרָה עַכְשָׁיו, פַּעַם בָּעֶרֶב הִתְחַלְתִּי שִׂיחָה עִם מָרְדְּכַי, כְּפִי שֶׁנָּהַגְתִּי לַעֲשׂוֹת לְעִיתִּים קְרוֹבוֹת. נוֹשֵׂא הַשִּׂיחָה הָיָה: "אֵת מִי יֵשׁ לַחֲשׁוֹב לְחָכָם וְאֵת מִי - לְטִפֵּשׁ, וּמַה טּוֹב וּמַה רַע?"

אַחֲרֵי שְׁאֵלוֹת כָּאֵלֶּה נָהַגְתִּי לְהַקְשִׁיב בְּרוֹב קֶשֶׁב לִתְשׁוּבָתוֹ, מִבְּלִי לְהַכְנִיס לִדְבָרָיו. אָהַבְתִּי לְהַקְשִׁיב לְדִבְרֵי חָכְמָתוֹ אֲשֶׁר נָהַג לְבַטֵּא בְּאֱמָנוּת וּבְמֵלִיצָה. כְּשֶׁשָּׁמַע דּוֹדִי מָרְדְּכַי אֶת שְׁאֵלוֹתַי, הֵבִיט בְּעֵינַי בַּחֲבִיבוּת כְּהֶרְגֵּלוֹ וְהִתְחִיל בְּחִיּוּכוֹ: "גַּבְרִיאֵל הַיָּקָר! אֵ-ל עֶלְיוֹן בָּרָא אֶת הָאֲנָשִׁים מְגֻוָּנִים מְאֹד בְּאוֹפְיָם וּבְדֵעוֹתֵיהֶם. אֲנִי כְּבָר בֶּן שִׁבְעִים, אַךְ עַד עַתָּה לֹא שָׁמַעְתִּי אִישׁ אוֹמֵר: חָסֵר לִי שֵׂכֶל. כֻּלָּם חוֹשְׁבִים, כִּי לְכָל אֶחָד מֵהֶם יֵשׁ הַרְבֵּה שֵׂכֶל וּמְעַט כֶּסֶף! וְאִם תֶּאֱזוֹר אֹמֶץ וְתַגִּיד לְטִפֵּשׁ שֶׁיֵּשׁ לוֹ מְעַט שֵׂכֶל, יָקִים מְהוּמָה גְּדוֹלָה שֶׁתִּשָּׁמַע בְּכָל הָרַבָּע הוּא יְבַיֵּשׁ אוֹתְךָ בְּאֹפֶן כַּזֶּה, שֶׁלֹּא תִּהְיֶה מְרוּצֶה בַּמָּה שֶׁאָמַרְתָּ, כִּי הוּא טִפֵּשׁ מִשּׁוּם שֶׁהוּא לֹא חוֹשֵׁב אֵת עַצְמוֹ לְטִפֵּשׁ אַף פַּעַם וְלֹא מְקַבֵּל שׁוּם עֵצוֹת מֵחֲכָמִים. מִכָּאן נָפוּץ בַּעַם פִּתְגָם: "מוּטָב לְאַבֵּד עִם חָכָם מִלִּמְצוֹא עִם טִפֵּשׁ!", וּמְשׁוֹרֵר מְפוּרְסָם רוּסִי פּוּשְׁקִין אָמַר בְּשִׁירָיו: "אַל תִּדְרוֹשׁ כֶּתֶר לָרֹאשׁ וְאַל תִּתְנַכֵּח עִם טִפֵּשׁ!"

וְעַתָּה, גַּבְרִיאֵל הַיָּקָר, כַּנִּרְאֶה אַתָּה רוֹצֶה לִשְׁמוֹעַ מִמֶּנִּי, אֵת מִי יֵשׁ לַחֲשׁוֹב לְחָכָם?: "כֵּן", עָנִיתִי, עָמַדְתִּי לְהַקְשִׁיב לוֹ בִּתְשׁוּמֶת לֵב, וְדוֹד מָרְדְּכַי הִמְשִׁיךְ:

"לְפִי דַעְתִּי, לְחָכָם נֶחְשָׁב אָדָם שֶׁיָּכוֹל לְדַבֵּר בַּזְּמַן וְיוֹדֵעַ לִשְׁתּוֹק בַּזְּמַן, שֶׁיּוֹדֵעַ מָתַי מוּתָּר לַעֲשׂוֹת מַשֶּׁהוּ וּמָתַי אָסוּר. הֶחָכָם מַאֲזִין יוֹתֵר אַךְ מְדַבֵּר פַּחוֹת, כִּי ה' נָתַן לָנוּ שְׁתֵּי אָזְנַיִם וּפֶה אֶחָד. הַחָכָם אַף פַּעַם לֹא נִכְנָס לְשִׂיחָה שֶׁאֵינָהּ נוֹגַעַת בּוֹ וְלֹא נִכְנָס לִדְבָרָיו שֶׁל שׁוּם אָדָם - גַּם גָּדוֹל מִמֶּנּוּ גַּם קָטָן מִמֶּנּוּ. אִם יֶשׁ לוֹ נִימוּס. לֹא יִתְנַשֵּׂא לְעוֹלָם. הֶחָכָם קוֹרֵא סְפָרִים רַבִּים. הוּא קוֹרֵא חוֹזֵר וְשׁוֹנֶה אֵת הַתּוֹרָה וְכֵן קוֹרֵא סִפְרוּת יָפָה, מִפְּנֵי שֶׁסְּפָרִים הֵם כֹּחַ גָּדוֹל. הוּא לֹא מִתְפָּאֵר אַף פַּעַם. הוּא תָּמִיד צָנוּעַ, פָּתוּחַ וּפָשׁוּט בְּהִתְנַהֲגוּתוֹ.

וְשָׁאַלְתָּ מַהוּ טוֹב וּמַהוּ רַע? לְפִי דַעְתִּי, טוֹב, כַּאֲשֶׁר יֵשׁ לוֹ לָאָדָם יְדִידִים כֵּנִים וּלְבָבִיִּים. לְצַעֲרֵנוּ, אֵין הַרְבֵּה יְדִידִים כַּאֵלֶּה. בַּמִּזְרָח יֵשׁ פִּתְגָם: "מָצָאתָ חָבֵר בַּגּוֹבַהּ שֶׁלְּךָ, אַךְ לֹא מָצָאתָ דּוֹמֶה בְּלִיבְּךָ". כָּךְ אוֹ כָּךְ, יֵשׁ לְחַפֵּשׂ יְדִידִים, וְיֶשְׁנָם חֲבֵרִים שׁוֹנִים: חָבֵר אֶחָד רַק מְהַרְהֵר עַל הַיְדִידוּת אַךְ לֹא עוֹזֵר לִידִידוֹ, הַשֵּׁנִי הוּא חָבֵר שֶׁלְּךָ רַק בְּגָלָל כַּסְפּוֹ. וְיֶשְׁנוֹ יָדִיד אֲמִתִּי, יָדִיד כֵּן, בְּלֹא רְדִיפַת-בֶּצַע וּבְלִי שׁוּם טְעָנוֹת. יֵשׁ לִשְׁמוֹר יְדִידִים אֲמִתִּיִּים. אָדָם בְּלִי יָדִיד אֲמִתִּי הוּא כְּצֶדֶף בְּלִי פְּנִינָה אוֹ כְּדָג בְּלִי מַיִם. אָדָם אֲשֶׁר אֵין לוֹ יְדִידִים, יִפָּטֵר בְּלִי לְהַשְׁאִיר עֲקֵבוֹת. וּבְנוֹגֵעַ לְכוֹפִים עַצְמָם לַחֲבֵרֶיךָ - חוֹבְבֵי פִּטְפּוּטִים, זוֹלְלִים וְחוֹבְבֵי מִשְׁתָּאוֹת, - אַל תִּפְגַּע בָּהֶם. דַּבֵּר עִמָּם, אֲפִלּוּ תַּאֲכִיל וְתַשְׁקֶה אוֹתָם, אַךְ לֹא מֵעֵבֶר לְכַךְ!

אַתָּה יוֹדֵעַ, גַּבְרִיאֵל הַיָּקָר, פַּעַם גַּם אֲנִי שָׁאַלְתִּי אֵת אֶחָד מֵחֲבֵרַי: "מָה זֶה טוֹב וּמַה זֶּה רַע?". לְפִי דַעְתּוֹ, טוֹב לוֹ כַּאֲשֶׁר הוּא מִשְׁתַּכֵּר בְּיַיִן, אוֹכֵל מַעֲדָנִים וְנוֹפֵל עַל מִיטָתוֹ. וְרַע לוֹ כַּאֲשֶׁר מַגִּישִׁים לוֹ מָנָה שֶׁבִּשְּׁלוּ אֶתְמוֹל, לֹא הַיּוֹם... כָּכָה, יְדִידִי. "אֵין אֶצְבַּע אַחַת בְּיָדְךָ דּוֹמָה לְאֶצְבַּע אַחֶרֶת". כַּךְ אוֹמֵר הָעָם. לַאֲנָשִׁים שׁוֹנִים יֶשׁ אוֹפִי שׁוֹנֶה. לְפִי דַעְתִּי, טוֹב לִי כַּאֲשֶׁר הַפֶּרַח נוֹתֵן רֵיחַ נִיחוֹחַ, כאשר הַלֵּב מַרְגִּישׁ אֵת סֵבֶל הָאֲנָשִׁים וְכַאֲשֶׁר אָדָם פָּשׁוּט בְּהִתְנַהֲגוּתוֹ עִם אֲחֵרִים. אֲבָל לְצַעֲרֵנוּ הָרָב, יֶשְׁנָם מְעַט

יְדִידִים אֲמִתִּיִּים. כְּמוֹ שְׁמִתּוֹךְ טוֹנוֹת עַפְרָה אֶפְשָׁר לִמְצוֹא רַק כַּמָּה קָרָטִים שֶׁל יַהֲלוֹמִים, כְּמוֹ כֵּן מִבֵּין אַלְפֵי אֲנָשִׁים אֶפְשָׁר לִמְצוֹא רַק יָדִיד אֶחָד אוֹ שְׁנַיִם.

אֲנָשִׁים רַבִּים מְדַבְּרִים דָּבָר אֶחָד, וְעוֹשִׂים מַשֶּׁהוּ אַחֵר. מְקַבְּלִים אוֹתְךָ בִּזְרוֹעוֹת פְּתוּחוֹת, אַךְ מַחְזִיקִים סַכִּין בְּחֵיקָם. מְשַׁבְּחִים וּמְרוֹמְמִים אוֹתְךָ בְּפָנֶיךָ, אַךְ מַשְׁמִיצִים וּמַשְׁפִּילִים אוֹתְךָ מֵאֲחוֹרֵי גַּבְּךָ. בִּפְרָט עוֹשִׂים כָּךְ, כַּאֲשֶׁר גּוֹבֶרֶת הָאוֹטוֹרִיטָה שֶׁלְּךָ וְאֲנָשִׁים רַבִּים מַתְחִילִים לֶאֱהוֹב אוֹתְךָ, כְּשֶׁאַתָּה מוּכְשָׁר וְהַמְקַנֵּא בְּךָ אֶפֶס. דַּוְקָא הַקְּנָאָה מַדְאִיגָה אוֹתוֹ. לְדַעְתִּי, זֶה רַע! רַע, כַּאֲשֶׁר הָאֲנָשִׁים לֹא-כֵּנִים, מְקַנְאִים, זְעוּמִים, עוֹיְנִים, זוֹמְמִים מְזִימוֹת. וְאִילּוּ "טוֹב" הוּא כַּאֲשֶׁר קַיֶּמֶת-הַבָּנָה הֲדָדִית, כַּאֲשֶׁר אוֹהֲבִים אִישׁ אֶת רֵעֵהוּ בְּכֵנוּת, בְּלִי רְדִיפַת-בָּצַע.

גַּבְרִיאֵל הַיָּקָר, אַךְ אֵין לְעָרֵב בֵּין הַשְּׁטוּת וְהַשִּׁפְלוּת, אֶת הֶחָכָם וְאֶת הַטּוֹב, יֶשְׁנָם אֲנָשִׁים טוֹבִים בְּטִבְעָם, מוּכָנִים לַעֲזוֹר לְךָ בְּכָל רֶגַע, אַךְ לֹא נָתַן ה' לָהֶם שֵׂכֶל, הַגַּם שֶׁהֵם אֲנָשִׁים טוֹבִים.

יֶשְׁנָם אֲנָשִׁים נְבוֹנִים מְאֹד, הַיּוֹדְעִים אֵיךְ,מָתַי וּמַה מוּתָּר לוֹמַר, מַה מוּתָּר לַעֲשׂוֹת וּמַה אָסוּר. הֵם בְּקִיאִים בִּסְפָרִים, וּבְרָאשֵׁיהֶם מֵידַע גָּדוֹל. אַךְ לֹא עוֹזְרִים לְאִישׁ, לֹא עוֹשִׂים טוֹבוֹת לְחָבְרָה. הֵם אֲנוֹכִיִּים. הַאִם אֶפְשָׁר לַחֲשׁוֹב אֶת הָאֲנָשִׁים הַנְּבוֹנִים הַלָּלוּ לְטוֹבִים? לְדַעְתִּי בְּשׁוּם-פָּנִים.

לָכֵן, גַּבְרִיאֵל הַיָּקָר, אִי אֶפְשָׁר לוֹמַר: שֶׁאָדָם נָבוֹן הוּא טוֹב וְטִפֵּשׁ הוּא רַע. זוֹ טָעוּת גְּדוֹלָה. בְּאֹפֶן כְּלָלִי, אֶפְשָׁר לוֹמַר עוֹד הַרְבֵּה דְּבָרִים עַל הַנּוֹשֵׂא: "מַה זֶּה טוֹב וּמַה זֶּה רַע?", אֲבָל עַכְשָׁיו כְּבָר מְאוּחָר. הִגִּיעַ הַזְּמַן לְשׁוֹן. "נַמְשִׁיךְ אֶת שִׂיחָתֵנוּ בְּפַעַם אַחֶרֶת". אַחַר הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה נָעֲרַךְ דּוֹדִי מָרְדְּכַי לְשֵׁינָה קָרָא קְרִיאַת שְׁמַע עַל הַמִּיטָה וְשָׂכַב לִשׁוֹן.

כְּשֶׁשָּׁמַעְנוּ אֶת סִפּוּרוֹ הַמְעַנְיֵן וּבַעַל-הַתּוֹכֶן שֶׁל גַּבְרִיאֵל אַלִישַׁיֵיב, קִדֵּם-כֹּל הוֹדִינוּ לוֹ וְאַחַר-כָּךְ הוֹסַפְנוּ: "גַּבְרִיאֵל הַיָּקָר, אִם לֹא יִגַּעְנוּ אוֹתְךָ,

הַסְּבֵּר לָנוּ בְּבַקָּשָׁה, לָמָּה כֹּל הַקְּרוֹבִים חָשְׁבוּ אֶת מָרְדְּכַי ז״ל לְרֹאשׁ הַמִּשְׁפָּחָה?״

״אֲנִי יָכוֹל לְסַפֵּר עַל דּוֹדִי מָרְדְּכַי עַד הַבּוֹקֶר, כִּי כְּכֹל שֶׁאֲנִי מְדַבֵּר בּוֹ אֲנִי שׁוּב רוֹאֶה אֶת גְּדוּלָתוֹ. אָכֵן כֻּלָּנוּ הַקְּרוֹבִים לַמָּרוֹת שְׁמוֹת-מִשְׁפָּחָה שׁוֹנִים שֶׁלָּנוּ (גִּילְקָרוֹב, אַלִישַׁיֶיב, גַּבְּרִיאֵלוֹב וכו׳), כֻּלָּנוּ חוֹשְׁבִים אֶת הַדּוֹד מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב לְרֹאשׁ הַמִּשְׁפָּחָה הַגְּדוֹלָה שֶׁלָּנוּ. כֹּל אֶחָד מֵאִתָּנוּ נָהַג לָבוֹא אֵלָיו לְבַקֵּשׁ מִמֶּנּוּ עֵצָה וְעֶזְרָה. וְתָמִיד הָיָה יוֹעֵץ לָנוּ עֵצוֹת נְכוֹנוֹת.

הָיִינוּ בָּאִים אֵלָיו וּמְבַקְּשִׁים מִמֶּנּוּ לְשַׁכְנֵעַ אֶת הַהוֹרִים שֶׁל הַבָּנוֹת אֲשֶׁר רָצוּ בָּנֵינוּ לְהִתְחַתֵּן עִמָּן, בְּמִקְרִים שֶׁהַהוֹרִים הָאֵלֶּה לֹא הָיוּ מַסְכִּימִים. וְתָמִיד הָיָה מַצְלִיחַ בְּעִנְיָן זֶה. וְאַחַר-כָּךְ הָיָה מְאַרְגֵּן אֶת הַחֲתוּנוֹת לַזּוּגוֹת הַצְּעִירִים הָאֵלֶּה.

דּוֹדִי מָרְדְּכַי הִנְהִיג בְּמִשְׁפַּחְתּוֹ מִנְהָג טוֹב כְּשֶׁרַעְיָתוֹ יָעֵל הָיְתָה עוֹד בַּחַיִּים, וְהִמְשִׁיךְ לִשְׁמוֹר עָלָיו גַּם אַחֲרֵי פְּטִירָתָהּ, הַמִּנְהָג הָיָה כָּךְ: כָּל עֶרֶב שַׁבָּת וְכָל שַׁבָּת הִתְכַּנְּסוּ כָּל יְלָדָיו בְּבֵיתוֹ עִם מִשְׁפְּחוֹתֵיהֶם לְקַבָּלַת שַׁבָּת וְלִסְעוּדַת שַׁבָּת לְפִי הָאֶפְשָׁרוּת.

מרדכי בטכס בר-מצוה של אפרים נכדו. וינה, 1992.

Мордехай на бар-мицве внука - Эфраима. Вена, 1992 г.

אָהַבְנוּ לִשְׁמוֹעַ בְּשַׁבָּתוֹת אֵת הַזְּמִירוֹת שֶׁנָּהַג לָשִׁיר דּוֹדֵנוּ מָרְדְּכַי הַיָּקר: "שִׁיר הַשִּׁירִים", "כֹּל שׁוֹמְרֵי שַׁבָּת" וְשִׁירִים נוֹסָפִים גַּם בְּעִבְרִית, גַּם בְּתַרְגּוּם יְהוּדִי-בּוּכָרִי. הוּא דָּרַשׁ מִצְּעִירִים וּבְקָרָט מִנְּכָדָיו, שֶׁיִּלְמְדוּ אֵת כָּל מְסוֹרוֹת הַדָּת, כָּל הַתְּפִילוֹת וְהַזְּמִירוֹת. בַּנִּרְאֶה בְּגִלָּל הָאִימּוּן הַזֶּה, כָּל נְכָדָיו הָיוּ קוֹרְאִים נָכוֹן אֶת הַתְּפִילוֹת בָּאַזְכָּרוֹת שֶׁלּוֹ, אֲפִלּוּ בְּרָמָה גְּבוֹהָה כְּמוֹ שְׁלִיחַ-צִיבּוּר.

הַקְּרוֹבִים הָיוּ מִתְכַּנְסִים בְּבֵיתוֹ שֶׁל הַדּוֹד מָרְדְּכַי לֹא רַק בְּשַׁבָּתוֹת, אֶלָּא גַּם בְּכֹל הַחַגִּים, בְּפָרָט בְּפֶסַח וּבְסוּכּוֹת. בְּחַגִּים הָיָה מִסְפָּר הַנּוֹכְחִים כָּפוּל וַאֲפִלּוּ מְשׁוּלָּשׁ בְּגִלַּל בּוֹאָם שֶׁל הַמְּחוּתָנִים, הַקְּרוֹבִים וְהָאוֹרְחִים הַמַּגִּיעִים מֵעָרִים אֲחֵרוֹת. בְּפָרָט בַּסְּדָרִים שֶׁל פֶּסַח כֻּלָּנוּ - גַּם מְבוּגָרִים גַּם צְעִירִים - הָיִנוּ מַאֲזִינִים בִּתְשׂוּמֶת לֵב וּבְאַהֲבָה לְסִפּוּרָיו עַל יְצִיאַת מִצְרַיִם וְעַל תּוֹלְדוֹת עַם יִשְׂרָאֵל אַחֲרֵי הַיְצִיאָה.

כָּל הַחַגִּיגוֹת הָאֵלֶּה גָּרְמוּ לְחִזּוּק הַיְדִידוּת גַּם בֵּין מִשְׁפָּחוֹת יְלָדָיו, גַּם בֵּין כָּל הַקְּרוֹבִים, שֶׁיִּהְיֶה יָדוּעַ לָכֶם - הַמְּחַבְּרִים הַיְקָרִים,- כִּי כֻּלָּנוּ הַקְּרוֹבִים חָשַׁבְנוּ אֵת הַדּוֹד מָרְדְּכַי לְרֹאשֵׁנוּ, מֵעוֹלָם, לֹא שָׁמַעְנוּ מִפִּיו דִּבְרֵי הִתְנַשְּׂאוּת: "אֲנִי רָאשְׁכֶם, תִּשְׁמְעוּ וְתִכָּנְעוּ לִי!" חָשַׁבְנוּ אוֹתוֹ לְרֹאשֵׁנוּ מִפְּנֵי שֶׁכֹּל אֶחָד מֵאִתָּנוּ רָאָה אֶת חָכְמָתוֹ וּנְדִיבוּתוֹ, אֲצִילוּתוֹ וְיוֹשְׁרוֹ. וְלֹא רַק אֲנַחְנוּ, קְרוֹבָיו, אֶלָּא גַּם מְחוּתָנָיו, כִּבְּדוּ וְהוֹקִירוּ אוֹתוֹ. חֲמִישָׁה מְחוּתָנִים מוּסְמָכִים לוֹ: הָרִאשׁוֹן - חוֹתְנוֹ שֶׁל בּוֹרִיס - פִּינְחָס בֶּן מָמוֹן יַדְגַּרוֹב, הַשֵּׁנִי - אֲחִיקָ שֶׁל אִשְׁתּוֹ יָעֵל וְחוֹתְנוֹ שֶׁל מֹשֶׁה - חֲנַנְיָה אַלַיֶיב, הַשְּׁלִישִׁי - חוֹתְנוֹ שֶׁל אוּרִיאֵל (יוּרִי) - דר' גַּבְרִיאֵל בֶּן שְׁלֹמֹה-חַיִּים גַּלִיבּוֹב, הָרְבִיעִי - חָמִיהָ שֶׁל בִּתּוֹ נַקאדָם (נִינָה) - מֹשֶׁה פִּינְחָסוֹב. וּלְבַסּוֹף, הַחֲמִישִׁי - חָמִיהָ שֶׁל הַבַּת הַשְּׁנִיָּה רִבְקָה (רוֹזָה) - בְּכוֹר מוּלַקַנְדוֹב בֶּן עִמָּנוּאֵל קָאזִי. לְכֻלָּם יֵשׁ אוֹטוֹרִיטָה גְּבוֹהָה בָּעָם, כְּשֶׁהָיָה מָרְדְּכַי חָשׁ בְּהַבָּעַת פְּנֵיהֶם שֶׁל יְלָדָיו אִי-סְדָרִים בְּחַיֵּי-מִשְׁפָּחָה שֶׁלָּהֶם (וְדָבָר שֶׁהָיָה קוֹרֶה לְעִיתִּים נְדִירוֹת), הָיָה

מְסַלֵּק אִי-הַבָּנוֹת אֶלּוּ בִּמְהִירוּת וּבְרֹב הַמִּקְרִים חָשַׁב, כִּי דַּוְקָא הַיְלָדִים שֶׁלּוֹ יָצְרוּ אֶת אִי-הַהֲבָנוֹת הָאֵלֶּה. מֵעוֹלָם לֹא אִפְשֵׁר לַהֲפוֹךְ נִיצוֹץ קָטָן בְּיַחֲסֵי-מִשְׁפָּחָה לְלֶהָבָה.

הַדּוֹד מָרְדְּכַי חִזֵּק יְדִידוּת לֹא רַק בֵּין בָּנָיו לְכַלּוֹתָיו, בֵּין בְּנוֹתָיו לַחֲתָנָיו וּבֵין יְלָדָיו לְמְחוּתָנָיו. כִּי אִם גַּם בֵּין שְׁנֵי חֲבֵרִים שׁוֹנִים שֶׁלּוֹ, הוּא הָיָה נוֹקֵט בְּכָל הָאֶמְצָעִים, כְּדֵי לְכַבּוֹת אֶת אֵשׁ הַסִּיכְסוּךְ וּלְהָשִׁיב אֶת הַיְדִידוּת. אַגָּב, הוּא פָּעַל בְּשִׁיטָה הֶגְיוֹנִית מְאֹד. לְדוּגְמָה, פָּרְצָה מְרִיבָה בֵּין פַּלְטִיאֵל לְעַמִּיאֵל. מָרְדְּכַי נִפְגָּשׁ בְּפַלְטִיאֵל וְשׁוֹמֵעַ אֶת סִיפּוּרוֹ עַל יְחָסָיו עִם עַמִּיאֵל, אַחַר-כָּךְ אוֹמֵר כִּי דַּוְוקָא פַּלְטִיאֵל אָשֵׁם בַּמָּה שֶׁקָּרָה, וּמוֹסִיף: "שׂוֹחַחְתִּי גַּם עִם עַמִּיאֵל. וְהוּא לֹא אָמַר עָלֶיךָ שׁוּם דָּבָר שְׁלִילִי". אַחֲרֵי-כֵּן בָּא לְעַמִּיאֵל וְשׂוֹחֵחַ עִמּוֹ בְּאוֹתָהּ הָרוּחַ. וּבְתוֹךְ שָׁבוּעַ הַיְדִידוּת בֵּין פַּלְטִיאֵל לְעַמִּיאֵל הוּשָׁבָה. וְהֶחָשׁוּב בְּיוֹתֵר הוּא שֶׁדּוֹדִי מָרְדְּכַי לֹא דִּבֵּר כְּלָל אוֹדוֹת הַסִּיכְסוּךְ בֵּין פַּלְטִיאֵל לְעַמִּיאֵל. פְּעָמִים רַבּוֹת נָהַג לַחֲזוֹר עַל הָאִימְרָה: "אִם תִּכְעַס עַל מִישֶׁהוּ, אַל תִּתְרַחֵק מִמֶּנּוּ, בּוֹא אֵלָיו בִּדְרִישַׁת-שָׁלוֹם וְתַבִּיעַ בְּפָנָיו בְּלִי קוֹצֵי הָרֹגֶז אֶת כֹּל מַה שֶּׁגָּרַם לְךָ הִתְרַעֲמוּת. וּמַעְיָן הָאַהֲבָה יִנְבַּע מֵחָדָשׁ. וּמִי שֶׁיִּהְיֶה הָרִאשׁוֹן לָבוֹא בִּדְרִישַׁת-שָׁלוֹם יִהְיֶה לְיוֹתֵר טוֹב".

הוּא נָהַג לְהַדְגִּישׁ כִּי הַתְּכוּנָה הַטּוֹבָה בְּיוֹתֵר שֶׁל הָאָדָם הִיא אֱנוֹשִׁיּוּתוֹ. הוּא אָמַר: "הֱיוּ תָּמִיד אֱנוֹשִׁיִּים! צָרִיךְ לְגַלּוֹת אֶת הָאֱנוֹשִׁיּוּת בְּכֹל מַעֲשֵׂיכֶם. בִּפְרָט יֵשׁ לַעֲשׂוֹת טוֹבוֹת לְאַלְמָנוֹת, יְתוֹמִים, עֲנִיִּים, חוֹלִים וְכַדּוֹ'". הוּא בְּעַצְמוֹ אַף פַּעַם לֹא הֶחְמִיץ הִזְדַּמְנוּת לְבַקּוּר חוֹלֶה. תָּמִיד מָצָא זְמָן לְבַקֵּר חוֹלִים, לְחַמֵּם אֶת נַפְשׁוֹתֵיהֶם בְּעֵצוֹת טוֹבוֹת; כְּשֶׁהָיָה יוֹדֵעַ כִּי יְדִידוֹ הַחוֹלֶה נִזְקַק לְכֶסֶף לְצוֹרֶךְ הָרִיפּוּי - מִבְּלִי מִשִּׁים הָיָה מְסַיֵּעַ לוֹ.

לְדוֹדִי מָרְדְּכַי הָיְתָה תְּכוּנָה נוֹסֶפֶת: הוּא לֹא הִלְוָה כֶּסֶף בְּרִיבִּית לְאַף אֶחָד. נָהַג לוֹמַר, כִּי לְפִי הַהֲלָכָה הַיְהוּדִית, אָסוּר לָקַחַת רִיבִּית תְּמוּרַת הַלְוָאוֹת. יֶתֶר עַל כֵּן, בְּמִקְרֶה שֶׁחֲבֵרוֹ הִלְוָה מִמֶּנּוּ וְלֹא הֶחְזִיר אֶת הַחוֹב

בִּזְמַנּוֹ, וְדוֹדִי מָרְדְּכַי רוֹאֶה אוֹתוֹ מֵרָחוֹק בָּרְחוֹב - הָיָה נוֹטֶה מִדַּרְכּוֹ כְּדֵי לֹא לְהִפָּגֵשׁ בַּחֲבֵר פָּנִים אֶל פָּנִים כְּדֵי שֶׁלֹּא לְהָבִיךְ אוֹתוֹ. פַּעַם לִפְנֵי הַשִּׁינָה סִפֵּר לִי דּוֹדִי מָרְדְּכַי הַמָּשָׁל עַל הַלּוֹוֶה וְהַמַּלְוֶה, כְּמָשָׁל אֲנָשִׁים רָעִים.

"לְחָכָם אֶחָד בָּא פַּעַם קָרוֹב הַנִּזְקָק לְכֶסֶף וּבִקֵּשׁ הַלְוָאָה. הֶחָכָם עָנָה לוֹ: "לֹא אֶתֵּן לְךָ כֶּסֶף, אַךְ אֶתֵּן לְךָ עֵצָה. לֵךְ לִקְרוֹבְךָ הַגְּבִיר נ. וּבַקֵּשׁ מִמֶּנּוּ הַלְוָאָה לְשָׁנָה. בְּוַדַּאי לֹא יִדְחֶה אֶת בַּקָּשָׁתְךָ. כְּשֶׁתְּקַבֵּל אֶת הַכֶּסֶף, תַּשְׁקִיע אוֹתוֹ וּבְמֶשֶׁךְ הַשָּׁנָה תַּרְוִיחַ גַּם אֶת סְכוּם הַחוֹב גַּם אֵת הָרֶוַח, בְּעוֹד שָׁנָה תַּחֲזִיר אֶת הַחוֹב וְתִשְׁתַּמֵּשׁ בָּרֶוַח בַּאֲפֶן שֶׁאַתָּה רוֹצֶה". וּלְמַעֲשֶׂה קָרָה הַכֹּל מַה שֶּׁאָמַר לוֹ הֶחָכָם. אַחֲרֵי שָׁנָה הִגִּיעַ הָאִישׁ לֶחָכָם וּבִקֵּשׁ מִמֶּנּוּ: "יַעֵץ לִי, חָכָם, מַה יִקְרֶה, אִם לֹא אַחֲזִיר אֵת הַחוֹב, אַךְ גַּם לֹא אַשְׁקִיע אֶת הַכֶּסֶף שׁוּב? יַעֵץ, אֲפוֹא אַתָּה חָכָם!" הֶחָכָם אָמַר לוֹ: "אֶתֵּן לְךָ עֵצָה, אַךְ בִּתְנָאי שֶׁתִּתֵּן לִי חֲצִי סְכוּם שֶׁל חוֹבְךָ אִם תַּצְלִיחַ עֲצָתִי".

"בְּוַדַּאי, אֵין בְּעָיוֹת! אַךְ תַּגִּיד לִי, מַה לַּעֲשׂוֹת", - עָנָה לוֹ הַקָּרוֹב.

"אַל תָּבוֹא אֵלָיו. חַכֵּה עַד שֶׁיַּגִּיעַ אֵלֶיךָ בְּעַצְמוֹ לָקַחַת אֶת הַכֶּסֶף. כְּשֶׁיָּבוֹא תַּעֲמִיד פָּנִים כְּאִילוּ אַתָּה טִפֵּשׁ וּתְשַׂחֵק אִתּוֹ בְּאֹפֶן כַּזֶּה. יִסְתַּכֵּל בְּךָ וְיַגִּיד: וַדַּאי הִשְׁתַּגַּע... וְיֵצֵא בְּלִי לִדְרוֹשׁ אֶת הַחוֹב מִמְּךָ. וְאַחַר-כָּךְ תָּבוֹא לְבֵיתִי עִם חֲצִי הָרֶוַח". הַקָּרוֹב הוֹדָה לֶחָכָם עַל עֲצָתוֹ וְעָשָׂה כְּעֲצַת הֶחָכָם. הַגְּבִיר נ. רָאָה שֶׁהַלּוֹוֶה לֹא הִגִּיעַ אֵלָיו וְהֶחְלִיט אַחֲרֵי שְׁנַתַּיִם לָבוֹא לַלּוֹוֶה בְּעַצְמוֹ. כְּשֶׁרָאָה הַלּוֹוֶה אֶת הַגְּבִיר הַמַּגִּיעַ לְבֵיתוֹ, הִתְחִיל לִצְחוֹק, לִרְקוֹד וּלְהִתְהַפֵּךְ בָּרְצָפָה; אַחַר-כָּךְ קָם מִן הָרִצְפָּה וְהֶעֱמִיד פָּנִים כְּאִילוּ הוּא מוֹצִיא מְכַשְׁפוֹת מִבֵּיתוֹ, וְהוּא אוֹמֵר: "רטאפוטא, פוטאראטא, שיקלה-מיקלה!" אַחַר-כָּךְ הָפַךְ דְּלִי מַיִם עַל רֹאשׁוֹ, הִתְחִיל לִקְפּוֹץ וְלִצְעוֹק: "אוֹי, אוֹי, אוֹי! אֵלִי שֶׁבַּשָּׁמַיִם! מַה קָּרָה לִי? מַה קָּרָה לִי"? כַּאֲשֶׁר רָאָה הַגְּבִיר אֶת הַדָּבָר הַזֶּה, הֶאֱמִין שֶׁחֲבֵרוֹ הִשְׁתַּגַּע, וְיָצָא מִבֵּיתוֹ שֶׁל הַלּוֹוֶה.

אַחַר-כָּךְ, הִמְשִׁיךְ גַּבְרִיאֵל אַלִישַׁיֶיב: "דּוֹדִי מָרְדְּכַי סַפֵּר לִי אֶת הַמָּשָׁל הַזֶּה וְהוּא צוֹחֵק בְּצְחוֹק חָזָק, וְשָׁאַלְתִּי אוֹתוֹ, וַאֲנִי מְחַיֵּךְ: "וּמַה עָשָׂה הַלּוֹוֶה עִם הֶחָכָם אֲשֶׁר יָעַץ לוֹ אֶת הַמִּשְׁחָק הַזֶּה?" דּוֹדִי מָרְדְּכַי עָנָה לִי, וְהוּא מַמְשִׁיךְ לִצְחוֹק בְּצְחוֹק רָפֶה: "הַלּוֹוֶה הַזֶּה שִׂיחֵק מִשְׂחַק-טִפֵּשׁ גַּם עִם הֶחָכָם. לָכֵן חַס וַחֲלִילָה לָנוּ, אַחֶינוּ, מִשַּׂחֲקָנִים כָּאֵלֶּה!" גַּבְרִיאֵל הִמְשִׁיךְ: "דּוֹדִי מָרְדְּכַי מְאֹד לֹא אָהַב אֶת הָאֲנָשִׁים הַמְּחַפְּשִׂים תּוֹעֶלֶת אִישִׁית בְּכֹל דָּבָר. אֲנָשִׁים כָּאֵלֶּה קוֹדֶם-כֹּל שׁוֹאֲלִים: "וְאֵיזֶה רֶוַח יִהְיֶה לִי בַּזֶּה?..." וְכָךְ קִבֵּל הֶחָכָם בְּעַצְמוֹ אֶת מַה שֶּׁהוּא רָצָה לַאֲחֵרִים כָּעֲצָתוֹ", אֶת מִשְׂחַק הַטִּפֵּשׁ...

מרדכי בקרב קרוביו בחגיגה. ישראל, 1994.

Мордехай в кругу родных на торжестве. Израиль, 1994 г.

גַּבְרִיאֵל הִמְשִׁיךְ: "הַמְּחַבְּרִים הַיְקָרִים, כֻּלָּנוּ קְרוֹבֵינוּ הִפַּרְנוּ בְּדוֹד מָרְדְּכַי לְלַפִּיד מִשְׁפְּחוֹתֵינוּ, בִּגְלַל שִׂכְלוֹ, חָכְמָתוֹ וְטָהֳרוֹ. נִרְאָה לִי, שֶׁהַתְּכוּנוֹת הַטּוֹבוֹת הָאֵלֶּה, כִּתְכוּנוֹתָיו שֶׁל דּוֹדִי מָרְדְּכַי, צְרִיכִים לִהְיוֹת לְכֹל הָאֲנָשִׁים הַמּוּטָלִים עֲלֵיהֶם תַּפְקִידֵי מַנְהִיגוּת גַּם בַּמִּשְׁפָּחָה גַּם בָּעֲבוֹדָה, גַּם בַּחֶבְרָה, גַּם בַּמְּדִינָה". כֻּלָּנוּ הַנּוֹכְחִים אָמַרְנוּ: "אָמֵן", הוֹדֵינוּ לְגַבְרִיאֵל אֲלִישַׁיֶּיב וּלְרַעְיָתוֹ הַטּוֹבָה וּמַכְנִיסַת הָאוֹרְחִים בָּרְטָה בַּת דָּוִד, וְיָצָאנוּ מִבֵּיתָם עִם חֹמֶר רָב עַל מָרְדְּכַי גִּילְקְרוֹב.

. מרדכי מברך את עמנואל נכדו ביום בר-המצוה. ישראל, 1994.
Мордехай благословляет внука-Иммануэля в день бар-мицвы. Израиль,

כָּל הָעוֹלָם כְּמוֹ רַק שְׁנֵי שְׁעָרִים,
הַשַּׁעַר הָרִאשׁוֹן הוּא שַׁעַר הַחַיִּים.
וּמִי עָבַר בּוֹ אֵימָתַי לֹא יָכוֹל
לְהִימָּלֵט מִשַּׁעַר הַמָּוֶת הַגָּדוֹל!

יוסף חַאגִ'ב (מְשׁוֹרֵר יְהוּדִי-בּוּכָרִי, מֵאָה י"ח)

מִיתַת נְשִׁיקָה

מֵאָז שֶׁבָּרָא ה' אֶת הַתֵּבֵל וְאֶת הָאָדָם, קָבַע הַבּוֹרֵא גַּם לֵידוֹת וּמִיתוֹת לִבְנֵי אָדָם. מֵאָז, מִימֵי אָדָם הָרִאשׁוֹן, וְעַד יָמֵינוּ, כַּמָּה אֲנָשִׁים נוֹלְדוּ וְכַמָּה נִפְטְרוּ!

אֲבָל כַּיּוֹם עַל פְּנֵי כַּדּוּר-הָאָרֶץ יוֹשְׁבִים יוֹתֵר מֵחֲמִישָׁה מִילְיָארְדִים בְּנֵי-אָדָם. הֵוֵה אוֹמֵר, הַחַיִּים מְנַצְּחִים!

נְדַבֵּר עַכְשָׁיו עַל הַנּוֹשֵׂא: אֵיךְ נִפְגָּשִׁים אֲנָשִׁים שׁוֹנִים בָּמָוֶת. הַחֲרֵדִים הַדָּתִיִּים אוֹמְרִים, כִּי ה' לוֹקֵחַ נְפָשׁוֹת מֵאֲנָשִׁים שׁוֹנִים בְּצוּרוֹת שׁוֹנוֹת: מֵהָרָשָׁע - בְּצוּרָה אַכְזָרִית וּמֵהַצַּדִּיק - בְּצוּרָה נְעִימָה. וְיֶשְׁנָם אֲנָשִׁים, אֲשֶׁר אוֹמְרִים עַל מוֹתָם: "הָעֵצִים מֵתִים בְּעוֹמְדָם!". רָצִינוּ לְהוֹסִיף לְצִיטוּטוֹ שֶׁל סוֹפֵר רוּסִי אַנְטוֹן צֶ'כוֹב הָאוֹמֵר: "הַכֹּל צָרִיךְ לִהְיוֹת יָפֶה בְּבֶן-אָדָם: גַּם פָּנָיו, גַּם מַחְשְׁבוֹתָיו, גַּם נַפְשׁוֹ גַּם בְּגָדָיו", רָצִינוּ לְהוֹסִיף: "גַּם מוֹתוֹ צָרִיךְ לִהְיוֹת יָפֶה!". וְעַתָּה נְסַפֵּר לִפְנֵי הַקּוֹרֵא הַיָּקָר, אֵיךְ נִפְגַּשׁ מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב עִם מוֹתוֹ.

בַּנּרָאָה, יֵשׁ דְּבָרִים בְּגוֹ, שֶׁפַּעַם רָשַׁם בְּמַחְבַּרְתּוֹ הַכּוֹלֶלֶת אִמְרוֹת כָּנָף גַּם אֶת הַשִּׁירִים הַבָּאִים שֶׁל מְשׁוֹרֵר טַג'יקִי מִמֵּאָה ט"ו עַבְדּוּרַחְמַן גָ'אמִי:

כְּשֶׁנּוֹלַדְתְּ, שָׂמְחוּ כּוּלָּם,
אַתְּה הָיִיתְ בּוֹכָה וְצוֹעֵק.
אַךְ תִּשְׁתַּדֵּל לִחְיוֹת כָּךְ בָּעוֹלָם,
שֶׁיִּבְכּוּ בְּמוֹתְךָ, וְאַתָּה תִּחְיֶה!

בסוף שנת 1994 הורע מצבּ בּריאוּתוֹ שׁל מרדכי גילקרוֹב. הוּא הזמין אתּ בּנוֹ הבּכוֹר בּוֹריס, בּוֹריס התּעכּב וּבּא מאחר. כּשׁבּא לדלתּוֹ שׁל חדר אבּיו, שׁמע אתּ קוֹל אבּיו כּאילוּ הוּא משׂוֹחח עם מישׁהוּ, בּוֹריס עצר ליד הדּלת, אבּיו היה עטוּף בּטלית ועטוּר בּתּפילין ואוֹמר בּקוֹל רם:

"אלוֹקי, סלח לי אם חטאתי בּהסּח-דעת. אלוֹקי, אני מבקּשׁ ממּךְ עוֹד בּקשׁה אחת. כּאשׁר תּקח אתּ נפשׁי ממּנּי, אל תּיסּר אוֹתי, הרי אתּה א-ל רחוּם...וּברך אתּ ילדי".

כּשׁאמר מרדכי אתּ הדּברים האלּה, ראה אתּ בּוֹריס שׁעמד על יד הדּלת, מיד פּסק והמשׁיךְ לוֹמר בּשׁקט, כּאילוּ בּלבּוֹ. אחר-כּךְ הסיר אתּ הטּלית ואתּ התּפילין, קפּל אוֹתם והכּניסם לנרתּיק מיחד, הוּא פּנה אל בּוֹריס ואמר: "מה קרה, בּני? למּה התּעכּבתּ?"

"סליחה, אבּי, התּעכּבתּי קצת".

"איזה תּאריךְ היוֹם?" - שׁאל מרדכי.

"י"ט בּטבת שׁנת התשנ"ה (5755) לבּריאת העוֹלם".

"כּךְ! בּני, היוֹם אדבּר רק אני, ואתּה רק תּשׁמע ואל תּשׁאל אוֹתי שׁוּם שׁאלוֹת. אתּה יוֹדע, כּי נוֹלדתּי לפני 73 שׁנים בּיוֹם ז' בּאדר. גם אני חשׁ שׁאמסּר אתּ נפשׁי לא-ל עליוֹן גם בּיוֹם ז' בּאדר. לא הרבּה זמן נשׁאר לי לחיוֹת".

בּוֹריס התּפלּא ואמר: "אבּי, חבּיבי, מה אתּה אוֹמר? אתּה חזק וּבריא!"

"בּקשׁתּי אוֹתךְ לא להכּנס לדבּרי..." פּקד האב. והמשׁיךְ בּדבּריו.

שׁמע, בּני! אבּי וסבּא שׁלךְ רפּאל גילקרוֹב ז"ל נפטר לפני חמישׁים וחמשׁ שׁנים, כּשׁהוּא היה בּן 76, הזמין אתּ כּוֹלנוּ: ילדיו, נכדיו וקרוֹביו, והוּא חזק וּבריא מאד, ואמר לנוּ, כּי בּעוֹד שׁעה ימסּר אתּ נפשׁוֹ לא-ל עליוֹן. כּוֹלנוּ התּפלּאנוּ, התּחלנוּ להטּיל ספּק, והוּא התּחיל להתּפלּל, ואחרי שׁאמר "שׁמע ישׂראל ה' אלקינוּ", מת... כּנראה, גם לי יקרה

מַשֶּׁהוּ כָּזֶה. אֲבָל אַתֶּם צְרִיכִים לְהַבְהִיר לְעַצְמְכֶם שֶׁאֲנִי נִפְרָד מֵהַחַיִּים בִּשְׂבִיעוּת רָצוֹן, מִפְּנֵי שֶׁאֲנִי בֶּן שִׁבְעִים וְאַרְבַּע וְלֹא אִבַּדְתִּי אַף אֶחָד מִכֶּם וְכוּלְכֶם מִסְתַּדְּרִים וּמְאֻשָּׁרִים. מְקֻבָּל שֶׁהַיְלָדִים צְרִיכִים לִקְבּוֹר אֶת הוֹרֵיהֶם.

מרדכי בחוג קרוביו ביום הולדת הארבעים של יורי בנו. וינה, 1992.
Мордехай в кругу родных на сорокалетии сына - Юрия. Вена 1992 г.

הַיּוֹם בְּדִיּוּק יוֹם זִכָּרוֹן שֶׁל פְּטִירַת יָעֵל אִמְּכֶם. נִזְכֹּר אֶת הַיּוֹם הָזֶה, נְכַבֵּד אֶת זִכְרָהּ, וּמָחָר יְאַשְׁפְּזוּ אוֹתִי בְּבֵית-חוֹלִים. וּזְמַן לֹא רַב נִשְׁאָר עַד יוֹם ז' בְּאָדָר".

אַחַר הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה הוֹצִיא מָרְדְּכַי מַעֲטָפָה מִתַּחַת כָּרִיתוֹ , מָסַר אוֹתָהּ לְבוֹרִיס וְהוֹסִיף: "הִנֵּה צַוָּאָתִי, תִּפְתְּחוּ אֶת הַמַּעֲטָפָה אַךְ וְרַק אַחֲרֵי מוֹתִי, לִפְנֵי קְבוּרָתִי... וְעַתָּה, בְּנִי, לֵךְ וְהִתְכּוֹנֵן עִם קְרוֹבִים אֲחֵרִים לְכַבֵּד זִכְרָהּ שֶׁל אִמְּכֶם יָעֵל הַיְקָרָה, כָּרָאוּי, כְּתָמִיד..."

אַחֲרֵי שֶׁיָּצָא בּוֹרִיס מֵאֲבִיו, כִּנֵּס אֶת אֶחָיו וְאַחְיוֹתָיו וְסִיפֵּר לָהֶם אֶת כֹּל דִּבְרֵי אֲבִיהֶם. בִּדְמָעוֹת וּבִכְאֵב-לֵב שָׁמְעוּ אֶת דְּבָרָיו, וְאָמְרוּ: "יֵשׁ לָנוּ לְהִפָּגֵשׁ מָחָר עִם הַפְּרוֹפֶסוֹר הַמְרַפֵּא אֶת אָבִינוּ, וּלְבַקֵּשׁ מִמֶּנּוּ, שֶׁיָּפִיג אֶת הַסְּפֵקוֹת הַשּׁוֹלְטִים עַל אָבִינוּ"...

לְמָחֳרָת אִישְׁפְּזוּ יְלָדָיו שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב אֶת אֲבִיהֶם בְּבֵית-חוֹלִים בְּוִינָה. הָרוֹפְאִים, רֻבָּם פְּרוֹפֶסוֹרִים בִּתְחוּמִים שׁוֹנִים שֶׁל הָרְפוּאָה, אִבְחֲנוּ אֶת מַחֲלָתוֹ, וּכְפִי שֶׁנָּהוּג לוֹמַר: "הָאַבְחָנָה הַמְדֻיֶּקֶת הִיא חֲצִי הָרִיפּוּי", וּלְאוֹר הַמִּמְצָאִים הִתְחִילוּ לְטַפֵּל בְּמָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב.

הָאַגָּדָה מְסַפֶּרֶת כִּי לִפְנֵי אֶלֶף שָׁנָה חָלָה אֲמִיר שֶׁל בּוּכָרָה. אָבִיצָנָה, אָז בָּחוּר צָעִיר מְאוֹד, (בֶּן שְׁמוֹנֶה עֶשְׂרֵה) אַךְ כְּבָר רוֹפֵא מְפֻרְסָם, הֻזְמַן לְטַפֵּל בּוֹ. כַּאֲשֶׁר הִתְחִיל אָבִיצָנָה לְטַפֵּל בָּאֲמִיר, אָמַר לָאֲמִיר הַחוֹלֶה: "אֲנַחְנוּ שְׁלוֹשָׁה: אַתָּה הַחוֹלֶה, אֲנִי הָרוֹפֵא וְהַשְּׁלִישִׁי הִיא הַמַּחֲלָה. אִם תִּהְיֶה לְבַעַל-בְּרִית שֶׁלִּי, כְּלוֹמַר תַּאֲמִין לִי וּלְטִפּוּלִי, וּבְכֵן שְׁנֵינוּ - אֲנִי וְאַתָּה - נִתְגַּבֵּר עַל מַחֲלָתְךָ. וְאִם תִּהְיֶה לְבַעַל בְּרִית שֶׁל מַחֲלָתְךָ, וְתַחְשֹׁב אֶת מַחֲלָתְךָ לַחֲשׁוּבַת-מַרְפֵּא וְתִסְבֹּר, שֶׁכֹּל הַמַּאֲמָצִים שֶׁלִּי - בְּחִינָם, אֲזַי אֶלָּחֵם אֲנִי לְבַדִּי בְּמַחֲלָתְךָ וְלֹא אֶהְיֶה מְסֻגָּל לְרַפֵּא אוֹתְךָ. לָכֵן, הָאֲמִיר הַיָּקָר, עָלֶיךָ לִבְחוֹר לְמִי תִּהְיֶה לְבַעַל-בְּרִית: לִי אוֹ לְמַחֲלָתְךָ..." הָאֲמִיר חִיֵּךְ וְאָמַר: "אַ-לְלָה אוֹתְךָ!" וְהוֹסִיף: "גַּם אֲנִי אוֹתְךָ"...

לְצַעֲרֵנוּ, מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב שִׁכְנֵעַ אֶת עַצְמוֹ שֶׁבְּיוֹם ז' בְּאָדָר הוּא חַיָּב לִמְסוֹר אֶת נַפְשׁוֹ לְאֵ-ל עֶלְיוֹן... יִתָּכֵן וּמַחְשָׁבָה זֹאת הָיְתָה חֲשׁוּבָה וְגוֹרָלִית, לֹא פְּרוֹפֶסוֹרִים הַטּוֹבִים בְּיוֹתֵר, לֹא תְּרוּפוֹת הַכִּי יְקָרוֹת, לֹא הִתְיַחֲסוּת לְבָבִית שֶׁל הַיְלָדִים וְהַיְדִידִים אֲשֶׁר לֹא עָזְבוּ אוֹתוֹ אַף לְדַקָּה, וְלֹא דַּאֲגוֹת וּמַאֲמָצִים שֶׁל כֹּל צָוֶת בֵּית-הַחוֹלִים כָּל אֵלּוּ לֹא יָכְלוּ לְהַצִּיל אֶת חַיָּיו.

כַּעֲבוֹר 28 יָמִים, כַּאֲשֶׁר הִרְגִּישׁ מָרְדְּכַי כִּי קָרְבָה פְּטִירָתוֹ, בִּקֵּשׁ אֶת בּוֹרִיס לְצַלֵּם אוֹתוֹ לְבַדּוֹ בְּמִיטָתוֹ. בֶּאֱמֶת בְּיוֹם ז' בְּאָדָר הִגִּיעַ עַד מָוֶת

קְלִינִי. הָרוֹפְאִים נָקְטוּ אֶת כָּל הָאֶמְצָעִים בְּקַפְּדָנוּת כְּדֵי לְהַחְיוֹת אוֹתוֹ, וְלִבּוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי הִמְשִׁיךְ לִפְעוֹם. הָיָה לְמָרְדְּכַי גַּם רָצוֹן נוֹסָף: "לְהַעֲשׂוֹת לְסַבָּא רַבָּא לִפְנֵי מוֹתוֹ".

נָכְדָּתוֹ סְטֶלָה, בִּתּוֹ שֶׁל בּוֹרִיס, עָמְדָה לָלֶדֶת. בְּיוֹם כ"א בְּאָדָר, כַּאֲשֶׁר נִמְצָא בּוֹרִיס יַחַד עִם אַחְיוֹתָיו לְיָד מִיטָתוֹ שֶׁל אֲבִיהֶם, הוֹדִיעוּ לָהֶם: "סְטֶלָה אֶשְׁפּוּזָה כָּ רֶגַע בְּמַחְלָקַת-יוֹלְדוֹת שֶׁל אוֹתוֹ בֵּית-הַחוֹלִים." בּוֹרִיס בִּיקֵּשׁ מֵאֲבִיו רְשׁוּת לָלֶכֶת לְבִתּוֹ. מָרְדְּכַי הִסְכִּים בְּחֵפֶץ לֵב וְעוֹד בִּיקֵּשׁ אֶת בּוֹרִיס וְאֶת אַחְיוֹתָיו לָלֶכֶת.

בְּנַדְאִי לֹא רָצָה שֶׁיִּמְצְאוּ יְלָדָיו עַל יָדוֹ בְּ שְׁעַת הַפְּטִירָה.

לְדַאֲבוֹן לֵב כַּעֲבוֹר כַּמָּה דַּקּוֹת, עִם חִיּוּךְ בְּפָנָיו, מָסַר אֶת נַפְשׁוֹ לְאֵ-ל עֶלְיוֹן, בְּלִי רַעַשׁ, בְּלִי דַּאֲגוֹת וּבְלִי דְּמָעוֹת!

לְמָוֶת כָּזֶה נִיתָּן אוּלַי לִקְרוֹא מִיתַת נְשִׁיקָה...

מרדכי בקרב קרוביו בחתונת דויד נכדו. ישראל, 1994.

Мордехай на свадьбе внука - Давида. Израиль, 1994 г.

הַצַוָאָה

מִיָּד אַחֲרֵי שֶׁנָּדַם לִבּוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב קוֹנְנוּ עָלָיו בְּנֵי הַמִּשְׁפָּחָה וּמָסְרוּ אֶת גּוּפָתוֹ לְחֶבְרָה קְדִישָׁא לְהֶכָּנַת הַקְּבוּרָה, כָּל יְלָדָיו וּקְרוֹבָיו שֶׁל הַמָּנוֹחַ בְּקְשׁוּ לָדַעַת אֶת תֹּכֶן צַוָאָתוֹ. כִּי מָרְדְּכַי בְּקֵשׁ מִבּוֹרִיס לִפְתוֹחַ אֶת הַמַּעֲטָפָה עִם צַוָאָתוֹ מִיָּד אַחֲרֵי פְּטִירָתוֹ. בּוֹרִיס פָּתַח אֶת הַמַּעֲטָפָה וְהֵחֵל לִקְרוֹא אֶת הַצַוָאָה בְּדְמָעוֹת וּבְכְאֵב-לֵב לְאֶחָיו הַבּוֹכִים וּלְאַחְיוֹתָיו הַבּוֹכוֹת וּלְכָל הַנּוֹכְחִים. וְהִנֵּה טֶקְסְט הַצַוָאָה:

1. *ה' נָתַן לִי אֶת נַפְשִׁי וְה' לָקַח אוֹתָהּ. אֲנִי מוֹדֶה לָאֵ-ל עַל מַה שֶׁנָּתַן לִי יוֹתֵר מִשִּׁבְעִים שָׁנָה מֵהַחַיִּים. וְאַתֶּם, יְלָדַי הַיְקָרִים, אַל תִּתְיַסְּרוּ, כִּי אַתֶּם יְכוֹלִים לְהַזְעִים אֶת ה' בְּזֶה. תִּקְּבְּרוּ אוֹתִי לְיָד רַעְיָתִי אֲהוּבָתִי - אִמְּכֶם יָעֵל בִּירוּשָׁלַיִם. תִּשְׁמְרוּ עַל כָּל מְסוֹרוֹת הַיְּהָדוּת וְעַל כָּל הַמִּנְהָגִים שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה, אַךְ בְּלִי מוֹתָרוֹת. בָּנַי הַיְקָרִים! אִם יִתְפַּלְלוּ נְכָדַי בָּאַזְכָּרוֹת יַחַד אִתְּכֶם, אִם יִשְׁמְרוּ עַל כָּל טִפְסֵי הַזֶּהֶת הַיְּהוּדִית. נַפְשִׁי אֲשֶׁר תִּרַחֵף עֲלֵיכֶם, תּוֹדֶה לָכֶם.*
2. *כַּבְּדוּ אֶת זִכְרָהּ שֶׁל אִמְּכֶם יָעֵל אֲהוּבָתִי, כְּקוֹדֶם.*
3. *כֻּלְּכֶם, יְלָדַי הַיְקָרִים, בַּהֶקְדֵּם הָאֶפְשָׁרִי חִזְרוּ לָאָרֶץ הַקְּדוֹשָׁה, לְיִשְׂרָאֵל לְהִתְיַשֵּׁב בָּהּ.*
4. *תָּמִיד, כָּל חַיֵּכֶם תִּהְיוּ מְלוּכָּדִים וְתִחְיוּ בַּהֲבָנָה הַדָּדִית כְּקֹדֶם, תִּהְיוּ לְמָשָׁל רָאוּי לִנְכָדַי וְלִנְיָנַי.*
5. *אֶת הַמַּעֲשִׂים הַטּוֹבִים וּמַעֲשֵׂי-חֲסִידוּת אֲשֶׁר לֹא הִסְפַּקְתִּי לִגְמוֹר - תְּסַיְּמוּ, וְתַעֲשׂוּ מַעֲשִׂים חֲדָשִׁים.*
6. *תְּשַׁפְּרוּ אֶת הַמַּעֲשִׂים טוֹבִים שֶׁלָּכֶם, אַךְ אַל תִּתְגָּאוּ בָּהֶם לְעוֹלָם וּבְשׁוּם מָקוֹם.*
7. *דְּעוּ לִשְׁמוֹעַ גַּם אֶת הֶעָשִׁיר גַּם אֶת הֶעָנִי, גַּם אֶת הֶחָכָם גַּם אֶת הַטִּיפֵּשׁ, דְּעוּ לְהָבִין כָּל אָדָם וּלְרַחֵם עַל כָּל אָדָם. אַל תַּעֲנוּ בִּנְקָמָה עַל*

רַע, דְּעוּ לִסְלוֹחַ. תְּסַגְּלוּ אֶת יַלְדֵיכֶם, נְכָדַי, לַאֲצִילוּת, כְּדֵי שֶׁיִּשְׁמְרוּ עַל מְסוֹרוֹת מִשְׁפַּחְתֵּנוּ וּבִפְרָט עַל אַהֲבָה לְאֻמָּנִים בְּנֵי לְאוּמִים שׁוֹנִים וְעַל הָאֱמוּנָה בַּמָּה שֶׁאֻמָּנִים טוֹבִים יוֹתֵר בָּעוֹלָם.

8. יְלָדַי הַיְקָרִים, בַּלּוֹתַי הַטּוֹבוֹת, חַתָּנַי הַמְּלוּכָּדִים, אַחְיָנַי, קְרוֹבַי וִידִידַי, סִלְחוּ לִי, אִם פַּעַם פָּגַעְתִּי בָּכֶם בְּמַשֶּׂהוּ. אוֹמְרִים כִּי רַק ה' בְּלִי חֵטְא. מִי יִתֵּן שֶׁיַּעֲזוֹר אֵ-ל עֶלְיוֹן לָכֶם לְעוֹלָם. שֶׁיִּתֵּן ה' אֶת הָאֹשֶׁר וְאֶת הַשַּׁלְוָה לְכָל הָעַם הַיְּהוּדִי בְּשֶׁפַע. אָמֵן.

יוֹם י״ח בְּטֵבֶת הִתשנ״ה לִבְרִיאַת הָעוֹלָם, 21 בְּדֶצֶמְבֶּר 1994.

מָרְדְּכַי בֶּן רָפָאֵל וּבְלוֹרִיָה גִּילְקָרוֹב

מרדכי עם ילדיו: בוריס, משה, אורי, נינה ורוזה. ישראל, 1994.

Мордехай с сыновьями Борисом, Моше, Юрой и дочерьми Ниной и Розой.

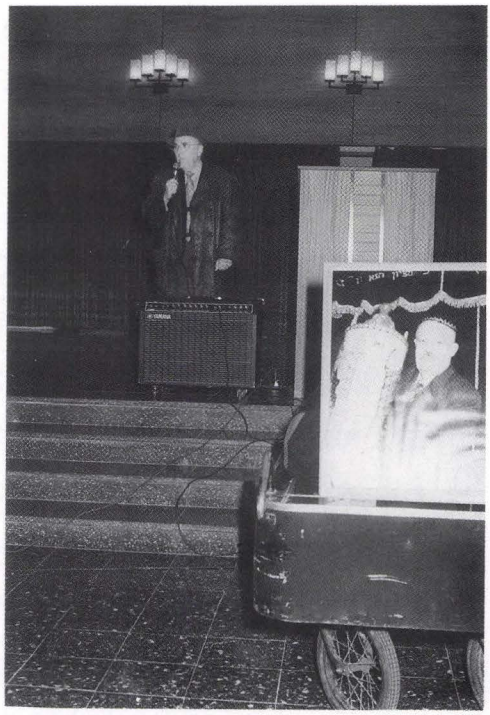
הַלְוָיָה

יֵשׁ אֲנָשִׁים אֲשֶׁר בְּהַלְוָיָתָם מִתְכַּנְּסִים כְּעֶשְׂרִים אִישׁ בִּלְבַד, וּבְקֹשִׁי גָּדוֹל נִמְצָאִים עֲשָׂרָה גְּבָרִים כְּמִנְיָן לוֹמַר "קַדִּישׁ" לִפְנֵי קְבוּרָתָם. וּכְפִי שֶׁאוֹמְרִים: "תִּקְצַר מַה שֶּׁתִּזְרַע". יְהוּדֵי בּוּכָרָה אֵינָם נוֹהֲגִים לְהַזְמִין אֲנָשִׁים לְהַלְוָיוֹת. כָּל אֶחָד מִשְׁתַּתֵּף בַּהַלְוָיוֹת לְפִי קְרִיאַת לִבּוֹ. לְהַלְוָיָתוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב בָּאוּ הַמוֹנִים כְּדֵי לַחֲלֹק לוֹ כָּבוֹד אַחֲרוֹן.

בָּנָיו וּקְרוֹבָיו הֵבִיאוּ אֶת אֲרוֹנוֹ לְבֵית-הָעֲלְמִין הַיְּהוּדִי בְּוִינָה. שָׁם נָעֲרָכָה הַלְוָיָתוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב. רִאשׁוֹן נָשָׂא דִּבְרֵי הֶסְפֵּד מַר מִישָׁה אַבְּרָמוֹב. הוּא תֵּאַר אֶת הַמָּנוֹחַ וְאָמַר בְּסוֹף נְאוּמוֹ: "הָיָה שָׁלוֹם, אָבִינוּ שֶׁל כֻּלָּנוּ, שֶׁל כָּל יְהוּדֵי בּוּכָרָה הַגָּרִים בְּוִינָה". אַחֲרֵי-כֵן מָסַר אֶת הַמִּיקְרוֹפוֹן לְרַ' מֹשֶׁה יְשַׁעְיָאֵלוֹב. ר' מֹשֶׁה הִדְגִּישׁ, כִּי מָרְדְּכַי ז"ל הִשְׁאִיר אַחֲרָיו שֵׁם טוֹב וְכִי שָׁמַר עַל עֶקְרוֹנוֹת הַתּוֹרָה, וְדִבֵּר עֲלֵיהֶם רַבּוֹת. אַחֲרֵי-כֵן נָאַם נְשִׂיא הַקְּהִלָּה הַיְּהוּדִית שֶׁל אוֹסְטְרִיָּה דּוֹקְטוֹר פָּאוּל גְּרוֹס. הוּא דִּבֵּר בְּגֶרְמָנִית, וּנְאוּמוֹ תֻּרְגַּם לְרוּסִית.

הציבור היהודי בוינה מלווה את מרדכי.
Общественность Вены прощается с Мордехаем.

ד״ר פאול גרוס, נשיא הקהילה היהודית של וינה, נואם בעצרת-אבל לזכר מרדכי. וינה, 1995.

דוֹקטוֹר גְּרִיגוֹרִי גָּלִיבּוֹב הִמְשִׁיךְ אֶת עֲצֶרֶת-הָאֵבֶל וְאָמַר: ״לֹא רַק מִשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב אֲלָא כֻּלָּנוּ, כָּל יְהוּדֵי בּוּכָרָה הַגָּרִים בְּוִינָה, אִבַּדְנוּ אֶת רֹאשֵׁנוּ, מוֹרֵנוּ, אֶת הַמַּפִּיץ וְהַמְחַזֵּק שֶׁל הַיַּהֲדוּת. מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב הָיָה לְנִשְׁמָתוֹ וּלְלִבּוֹ שֶׁל בֵּית-הַכְּנֶסֶת שֶׁלָּנוּ, הוּא הָיָה אָב נֶהְדָּר לִילָדָיו וּבֶן-זוּג נֶאֱמָן לְרַעְיָתוֹ יָעֵל. חִנֵּךְ אֶת יְלָדָיו כָּרָאוּי, בְּרוּחַ הַיַּהֲדוּת. הָיָה לְמוֹפֵת לַאֲנָשִׁים רַבִּים מִמֶּנּוּ. חֲבָל, כַּמָּה חֲבָל שֶׁאִבַּדְנוּ יְהוּדִי כָּל כָּךְ אָצִיל וְחָסִיד, יְהוּדִי אֱמִתִּי...״

הוּא הוֹסִיף וְאָמַר: ״הוֹי אָבִינוּ וּמוֹרֵנוּ הַיָּקָר, אִם בִּימֵי הַפְּעִילוּת הַצִּבּוּרִית הַמְשֻׁתָּפֶת שֶׁלָּנוּ אָמַרְתִּי לְךָ מַשֶּׁהוּ לֹא נָכוֹן אוֹ מִישֶׁהוּ מִבְּנֵי קְהִלָּתֵנוּ שָׂגַג בְּלִי רְצוֹנוֹ בְּשִׂיחָה אִתְּךָ - סְלַח לִי וּלְכֻלָּנוּ, תִּהְיֶה נִשְׁמָתְךָ בְּגַן עֵדֶן״.

אַחֲרֵי-כֵן נָתַן גָּלִיבּוֹב אֶת רְשׁוּת הַדִּבּוּר לְר׳ יַעֲקֹב בִּידֶרְמַן, אֲשֶׁר נָאַם בְּעִבְרִית עַל מַעֲשִׂים טוֹבִים שֶׁל מָרְדְּכַי הַמָּנוֹחַ בְּקִיּוּם הַתּוֹרָה וְהַמִּצְווֹת.

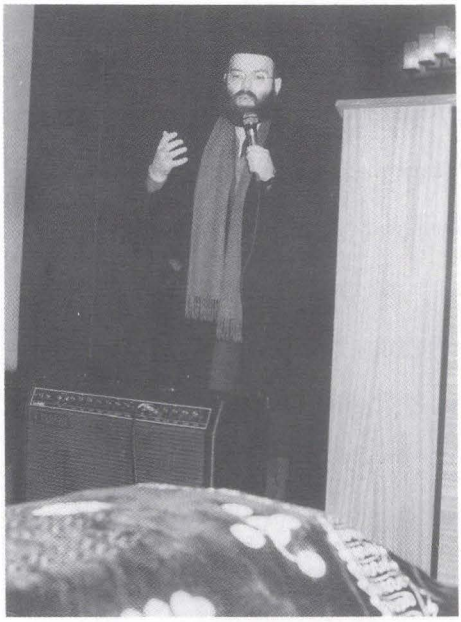
אַחֲרֵי-כֵן נִתְּנָה רְשׁוּת הַדִּבּוּר לִשְׁלֹמֹה אוֹסְתוֹנְיאַזוֹב, אֲשֶׁר נָאַם בְּשָׁלֹשׁ לְשׁוֹנוֹת עִם מְלִיצוֹת וְאִמְרוֹת-כָּנָף. הוּא דִּבֵּר עַל אִישִׁיּוּתוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי הַמָּנוֹחַ, וְהִדְגִּישׁ בִּפְרָט אֶת זְכוּתוֹ כַּאֲבִיהֶם שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה הַגָּרִים בְּוִינָה. אַחֲרֵי תַּנְחוּמָיו לִקְרוֹבֵי הַמָּנוֹחַ, נִפְרַד בְּבִרְכַּת ״שָׁלוֹם״ מִמָּרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב. אַחֲרָיו נָאַם יִצְחָק אַחוּנוֹב, הַנֶּחְשָׁב לְאֶחָד מִתַּלְמִידָיו שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב. בָּרֹאשׁ וּבָרִאשׁוֹנָה קָרַב לַאֲרוֹנוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי וּבִקֵּשׁ סְלִיחָה מִמּוֹרֵהוּ. אַחֲרֵי כֵן

אָמַר: "חֲבֵרִים, הָאָדָם צָרִיךְ לָדַעַת, מִנַּיִן הוֹפִיעַ לָעוֹלָם הַזֶּה, לְשֵׁם מָה בָּרָא אוֹתוֹ הַבּוֹרֵא, וּלְאָן הוּא צָרִיךְ לָלֶכֶת אַחֲרֵי מוֹתוֹ, מִשּׁוּם שֶׁנֶּפֶשׁ שֶׁל אָדָם לֹא יוֹדַעַת אֶת הַמָּוֶת".

המנכ"ל של הקהילה היהודית ד"ר הודיק נואם בעצרת-אבל לזכר מרדכי גילקרוב. וינה, 1995.

"מוֹרֵנוּ וְרַבֵּנוּ הַיָּקָר מָרְדְּכַי גִּילְקְרוֹב הֶחָסִיד, הַגַּבַּאי וְהַחַזָּן בְּבֵית-הַכְּנֶסֶת שֶׁלָּנוּ, אָבִינוּ שֶׁל כָּל יְהוּדֵי בּוּכָרָה יָדַע לַעֲנוֹת עַל שְׁאֵלוֹת הַחַיִּים וּבְשֶׁל כָּךְ הָיָה מְמַלֵּא כָּרָאוּי אֶת חֻקֵּי דָּתֵנוּ בַּהֲגִינוּת וּבַאֲצִילוּת. כַּיּוֹם כֻּלָּנוּ מִתְאַבְּלִים עַל הָאֲבֵדָה הַגְּדוֹלָה הַזֹּאת. מַה יִּהְיֶה עִמָּנוּ בִּלְעָדָיו? רַק ה' יוֹדֵעַ! אָנוּ מְבַקְּשִׁים מֵה' לְקַבֵּל אֶת נַפְשׁוֹ לְגַן-עֵדֶן, מִפְּנֵי שֶׁזָּכָה לָזֶה בְּכָל מַעֲשָׂיו הַטּוֹבִים".

ר' יעקב בידרמן נואם בעצרת-אבל לזכר מרדכי גילקרוב. וינה, 1995.

אַחֲרָיו נָאַם בְּעִבְרִית מַנְכַּ"ל הַקְּהִלָּה הַיְּהוּדִית ד"ר חוּדִיק, וְאַחֲרָיו ר' אַבְרָהָם, רַבָּם שֶׁל יוֹצְאֵי גְּרוּזִיָה בְּאוֹסְטְרִיָה. בְּסוֹפָהּ שֶׁל עֲצֶרֶת-הָאֵבֶל, נָתַן ד"ר גָּלִיבּוֹב רְשׁוּת הַדִּבּוּר לְר' מֹשֶׁה יִשְׂרָאֵלוֹב פַּעַם נוֹסֶפֶת. ר' מֹשֶׁה הִתְקָרֵב לָאָרוֹן, וְאַחֲרָיו כָּל הַנּוֹכְחִים נִפְרְדוּ מִמָּרְדְּכַי גִּילְקְרוֹב.

אַחֲרֵי הַהֶסְפֵּדִים נֶעֶרְכָה הַלְוָיָה מְכֻבֶּדֶת. בָּנָיו, קְרוֹבָיו וִידִידָיו שֶׁל הַמָּנוֹחַ נָשְׂאוּ אֶת אֲרוֹנוֹ עַל כִּתְפֵיהֶם וְסוֹבְבוּ בְּכָל הַשֶּׁטַח שֶׁל בֵּית-הָעַלְמִין.
אַחַר-כָּךְ הִסִּיעוּ אֶת אֲרוֹנוֹ לִנְמַל-הַתְּעוּפָה וְהֶטִיסוּ אוֹתוֹ לִירוּשָׁלַיִם.

הלווית מרדכי גילקרוב. רפאל נכדו נושא את תמונתו. וינה, 1995.

Прощание с Мордехаем Гилькаровым. Портрет Мордехая несет его внук - Рафаэль. Вена, 1995 г.

בִּירוּשָׁלַיִם הִתְכַּנְּסוּ אֲנָשִׁים רַבִּים, לֹא רַק מִוִּינָה וּמִירוּשָׁלַיִם. חֲבֵרָיו וּמַכָּרָיו הִגִּיעוּ מֵעָרִים רְחוֹת בְּיִשְׂרָאֵל, וְכֵן מֵאוּזְבֶּקִיסְטָן, טַגִ׳יקִיסְטָן, נִיו-יוֹרְק. הָאֲנָשִׁים לֹא רַק קוֹנְנוּ עָלָיו, אֶלָּא גַּם רָאוּ חוֹבָה לְעַצְמָם לָגַעַת בַּאֲרוֹנוֹ. רַבִּים נָשְׂאוּ אֶת אֲרוֹנוֹ עַל כִּתְפֵיהֶם בִּידֵיהֶם עַד קִבְרוֹ, כְּשֶׁהָאָרוֹן עוֹבֵר מֵאִישׁ לְרֵעֵהוּ. כָּךְ, אַחֲרֵי כָּל הַטְּקָסִים, נִקְבַּר מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב בְּבֵית הָעֶלְמִין בְּגִבְעַת שָׁאוּל בִּירוּשָׁלַיִם, לְיַד קֶבֶר רַעְיָתוֹ יָעֵל. שׁוּב שָׁבוּ וְנִפְגְּשׁוּ אַחֲרֵי שְׁתֵּים-עֶשְׂרֵה שָׁנִים שֶׁל פֵּרוּד, "הַנֶּאֱהָבִים וְהַנְּעִימִים בְּחַיֵּיהֶם וּבְמוֹתָם לֹא נִפְרָדוּ"!

פֹּה, בִּירוּשָׁלַיִם, הִתְקַיְּמָה הַלְוָיָה הַשְּׁנִיָּה שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב. ד"ר גְּרִיגּוֹרִי גָּלִיבּוֹב, מְחֻתָּנוֹ שֶׁל הַמָּנוֹחַ, חוֹתְנוֹ שֶׁל בְּנוֹ יוּרִי, פָּתַח בְּדִבְרֵי הֶסְפֵּד קְצָרִים וְאָמַר:

"יְדִידִים יְקָרִים! לְכֻלָּנוּ הַיּוֹם אֵבֶל כָּבֵד! יַקִּירֵנוּ מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב נִפְטַר, אֶחָד מִמַּנְהִיגֵי הַקְּהִלָּה הַיְּהוּדִית-בּוּכָרִית בְּאוֹסְטְרִיָּה, גַּבָּאֵי בֵּית-הַכְּנֶסֶת בְּוִינָה וּמְחֻתָּנִי. הָאִישׁ הַנֶּהְדָּר וְהָאֲצִיל הַזֶּה עָשָׂה מַעֲשִׂים טוֹבִים רַבִּים כְּדֵי לְקָרֵב אֶת יְהוּדֵי בּוּכָרָה הַגָּרִים בְּאוֹסְטְרִיָּה לַתּוֹרָה וּלְחֻקֶּיהָ. כְּאִישׁ דָּתִי מְאֹד וּכְנֶאֱמָן לַיַּהֲדוּת, סִיַּע לְחִנּוּךְ הַנֹּעַר בְּרוּחַ הַדָּת, וְהִצְלִיחַ. הָאֲבֵדָה שֶׁלָּנוּ גְּדוֹלָה וְאֵין לָהּ תְּמוּרָה... הֱיֵה שָׁלוֹם, יַקִּירֵנוּ וַאֲהוּבֵנוּ רַבִּי מָרְדְּכַי"! אַחַר כָּךְ פָּנָה לִקְבֻרָה שֶׁל יָעֵל רַעְיָתוֹ שֶׁל הַמָּנוֹחַ וְאָמַר בְּצוּרָה סִמְלִית: "יַקִּירָתֵנוּ יָעֵל, כַּעֲבֹר 12 שָׁנָה נִפְגָּשְׁת עִם בֶּן-הַזּוּג הָאָהוּב וְהַיָּקָר שֶׁלָּךְ - מָרְדְּכַי. עַתָּה תִּהְיוּ בְּיַחַד לְעוֹלָם".

אַחֲרָיו נִתְּנָה רְשׁוּת הַדִּבּוּר לְסָגָן רֹאשׁ עִירִיַּת תֵּל-אָבִיב מַר אֱלִי אַמִּינוֹב. אַחֲרָיו נָאַם סְגַן יו"ר הָעֲמוּתָה "בְּרִית יוֹצְאֵי בּוּכָרָה" מַר אַבְרָהָם קִיקוֹב. אַחֲרֵי-כֵן בּוֹרִיס נַמַטְיֵיב, שַׁחְקָן עֲמָמִי שֶׁל טַגִ׳יקִיסְטָן, אָמַר כַּמָּה מִלִּים עַל הַמָּנוֹחַ וְשָׁר קִינָה מָסֹרְתִּית. גַּם נָשִׁים קוֹנְנוּ אֶת הַמָּנוֹחַ אִתּוֹ.

אַחֲרֵי הַקִּינָה, נָתַן ד״ר גָּלִיבּוֹב אֶת רְשׁוּת הַדִּבּוּר לְר׳ מֹשֶׁה יְשַׂרָאִילוֹב, רַבָּם שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה הַגָּרִים בְּוִינָה. ר׳ מֹשֶׁה אָמַר: ״אִבַּדְנוּ אֶת הָעַסְקָן הַגָּדוֹל שֶׁל הַדָּת בְּוִינָה - אֶת מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב. אֲנַחְנוּ חָשִׁים כְּמוֹ מַלָּחִים הַנּוֹסְעִים בָּאֳנִיָּה שֶׁנִּשְׁאֲרוּ בְּלֹא רַב-חוֹבֵל.״ אַחֲרֵי הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה, הִתְקָרֵב ר׳ מֹשֶׁה לַאֲרוֹנוֹ שֶׁל הַמָּנוֹחַ וְהוֹסִיף: ״הֱיֵה שָׁלוֹם, ר׳ מָרְדְּכַי מוֹרֵנוּ וְהַגַּבַּאי שֶׁלָּנוּ!״ אַחֲרָיו נָאַם מַר אֵלְיָה עַבְּדוּרַחְמָנוֹב, הַגַּבַּאי לְשֶׁעָבַר שֶׁל בֵּית-הַכְּנֶסֶת בְּדוּשַׁנְבֶּה. אַחֲרוֹן הַמַּסְפִּידִים הָיָה מְנַשֶּׁה אַבְרָמוֹב, שֶׁנָּשָׂא אַף הוּא קִינָה עַל הַמָּנוֹחַ.

הלווית מרדכי. ירושלים, 1995.

Похороны Мордехая Гилькарова. Иерусалим, 23 февраля 1995 г.

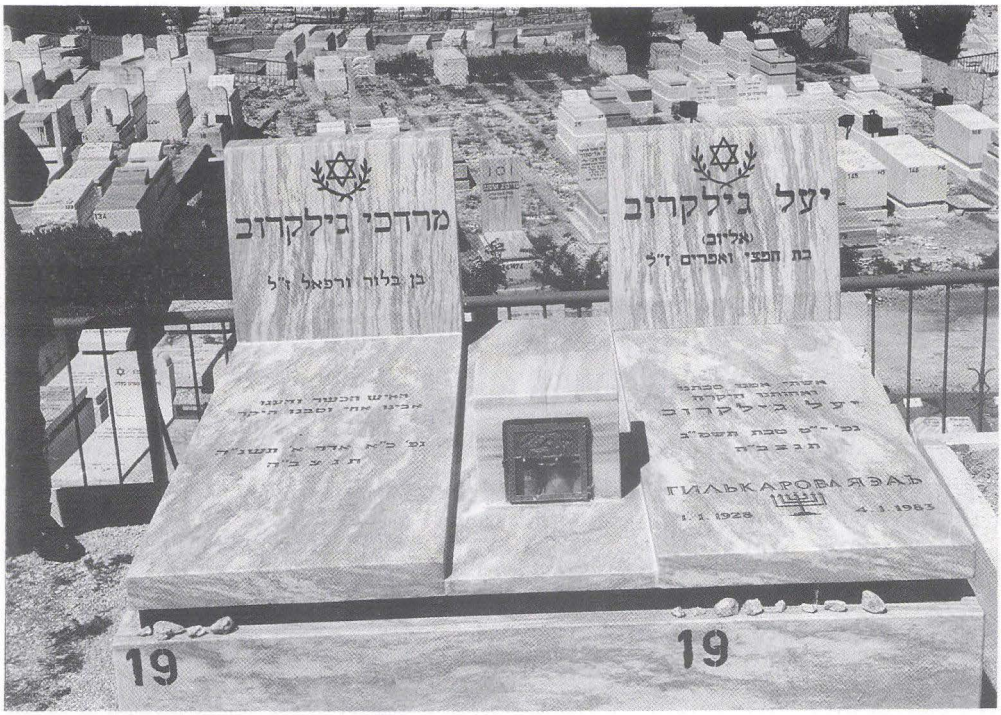
הלווית מרדכי. ירושלים, 1995.

Прощание с Мордехаем. Иерусалим, 1995 г.

אַחַר כָּךְ טָמְנוּ אֶת גּוּפָתוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב לְיַד קִבְרָהּ שֶׁל יָעֵל רַעְיָתוֹ. בָּנָיו: בּוֹרִיס, מֹשֶׁה וְיוּרִי אָמְרוּ קַדִּישׁ. מִיָּד אַחֲרֵי הַלְוָיָה הִתְפַּלְּלוּ גַּם תְּפִלַּת מִנְחָה, כְּשֶׁנָּכְדּוֹ שֶׁל הַמָּנוֹחַ, אֶפְרַיִם בֶּן בּוֹרִיס גִּילְקָרוֹב הָיָה לְשָׁלִיחַ צִבּוּר.

לַמְרוֹת שֶׁמָּרְדְּכַי צִוָּה לֹא לַעֲרֹךְ לוֹ אַזְכָּרוֹת מִפְּאֹרוֹת, הֵפֵרוּ אֶת צַוָּאָתוֹ זוֹ וְעָשׂוּ לְזִכְרוֹ כָּבוֹד רַב, כִּי יְהוּדִים בּוֹכְרִים רַבִּים אָהֲבוּ וְהוֹקִירוּ אוֹתוֹ. לְאַחַר הַשִּׁבְעָה עָרְכוּ אַזְכָּרוֹת בְּכָל שָׁבוּעַ בַּחֹדֶשׁ הָרִאשׁוֹן לִפְטִירָתוֹ, וְאַחַר-כָּךְ כָּל חֹדֶשׁ עַד מְלֹאת שָׁנָה לִפְטִירָתוֹ. אוֹמְרִים, כִּי אַחֲרֵי מוֹתוֹ שֶׁל אִישׁ אָצִיל, נוֹדָעִים עָלָיו דְּבָרִים רַבִּים שֶׁלֹּא נוֹדְעוּ בְּחַיָּיו. גַּם בְּהַלְוָיָתוֹ וּבְאַזְכָּרוֹתָיו שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב אֲנָשִׁים רַבִּים סָפְדוּ לוֹ וְסִפְּרוּ עָלָיו רַבּוֹת. אוֹטוֹרִיטָתוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב הָיְתָה כָּל-כָּךְ גְּבוֹהָה, שֶׁלִּפְעָמִים נֶעֶרְכוּ

לִכְבוֹדוֹ בַּמָּה אַזְכָּרוֹת בּוֹ-זְמַנִּית גַּם בְּסַמַרקַנְד מְקוֹם הֻלַּדְתּוֹ, גַּם בְּדוּשַׁנְבֶּה מְקוֹם מְגוּרָיו, גַּם בְּוִינָה מָקוֹם בּוֹ נִפְטַר, וְגַם בִּירוּשָׁלַיִם, הַמָּקוֹם בּוֹ נִקְבַּר. כֻּלָּם אָמְרוּ עָלָיו מִלִּים חַמּוֹת. אִי-אֶפְשָׁר לִסְפֹּר כַּמָּה תַּנְחוּמִים הֻבְּעוּ בַּטֶּלֶפוֹן, וְכַמָּה מִכְתָּבִים וּמִבְרָקִים נִתְקַבְּלוּ עַל יְדֵי בְּנֵי מִשְׁפַּחְתּוֹ.

קבריהם של מרדכי ויעל. בית-העלמין "גבעת שאול". ירושלים, 1995.

Могилы Мордехая и Яэль - кладбище Гиват-Шаул. Иерусалим.

OFFIZIELLES ORGAN DER ISRAELITISCHEN KULTUSGEMEINDE WIEN

Die GEMEINDE

Nr. 446 5. April 1995 – 5. Nissan 5755 S 30,– Erscheinungsort Wien Verlagspostamt 1010 P.b.b.

Mordechai Gilkarov s.A. in Israel begraben

Die Israelitische Kultusgemeinde Wien verleiht ihrer tiefen Trauer über das Dahinscheiden von Mordechai Gilkarov Ausdruck.

Mordechai Gilkarov wurde als Sohn einer sehr religionsverbundenen bucharischen Familie in Samarkand (UdSSR) geboren. Trotz der schwierigen Umstände in der kommunistischen Sowjetunion bewahrte er seine jüdische Identität. Im Untergrund pflegte er sein religiöses Leben und übte verschiedene Tätigkeiten für seine Synagoge aus. Seine Frau Yael schenkte ihm fünf Kinder, deren Erziehung ebenfalls nach jüdischer Vorgabe erfolgte.

Nach langer Erwartung gelangte die Familie 1973 nach Israel und kam kurze Zeit später nach Wien.

Mordechai Gilkarov galt vom ersten Tage an in seiner neuen Heimat Wien als eine wichtige Tragsäule der hiesigen bucharischen Gemeinde. Seine Person war prägend für die Entwicklung des Bucharischen Zentrums. In der Berufung als Gabai, die erfüllt war von seinem reichen Erfahrungsschatz, und in jeder weiteren Hinsicht ist er ein unersetzlicher Verlust für uns alle.

Beide Söhne Mordechai Gilkarovs sind seit zwei Jahren Mitglieder des Bucharischen Vereinskomitees, wobei der eine, Uri Gilkarov, seit dieser Zeit auch als Kultusvorstand der Gemeinde dient.

Mordechai Gilkarov verstarb am 21. Feber 1995 in Wien. Hunderte Gemeindemitglieder nahmen bei der Trauerzeremonie Abschied von ihm. Er wurde nach eigenem Wunsch am 23. Feber 1995 nach Israel überführt.

"Мордехай Гилькаров погребен в Израиле". из газеты "Gemeinde" (Вена).

מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב זַ״ל נִקְבַּר בְּיִשְׂרָאֵל

הַקְּהִלָּה הַיְּהוּדִית בְּוִינָה מִתְאַבֶּלֶת בְּאָבֵל עָמֹק עַל פְּטִירָתוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב. מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב נוֹלַד בְּסְמַרְקַנְד (ברה״מ) לְמִשְׁפָּחָה יְהוּדִית-בּוּכָרִית דָּתִית מְאֹד. לַמְרוֹת הַמַּצָּב הַקָּשֶׁה בִּבְרִית הַמּוֹעָצוֹת הַקּוֹמוּנִיסְטִית, שָׁמַר עַל נֶאֱמָנוּתוֹ לַיַּהֲדוּת. בַּסֵּתֶר חַי בְּדֶרֶךְ חַיִּים יְהוּדִית מָסֹרְתִּית וְהָיָה עוֹסֵק בִּפְעִילוּת רַבְגּוֹנִית בְּבֵית-הַכְּנֶסֶת. אִשְׁתּוֹ יָעֵל יָלְדָה לוֹ חֲמִשָּׁה יְלָדִים, וְהֵם חֻנְּכוּ לְפִי הַמָּסֹרֶת הַיְּהוּדִית.

אַחֲרֵי הַמְּתָנָה מְמֻשֶּׁכֶת עָלְתָה הַמִּשְׁפָּחָה לְיִשְׂרָאֵל בְּ-1973, וּזְמַן קָצָר אַחַר כָּךְ הִגִּיעָה לְוִינָה. מִיָּמָיו הָרִאשׁוֹנִים שֶׁל שְׁהִיָּתוֹ בְּוִינָה - מוֹלַדְתּוֹ הַחֲדָשָׁה, נֶחְשַׁב מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב לְמַנְהִיג חָשׁוּב בְּקְהִלַּת יְהוּדֵי בּוּכָרָה הַמְּקוֹמִית. הוּא הָיָה לָאִישִׁיּוּת הַמַּכְרִיעָה בְּפִתּוּחַ הַמֶּרְכָּז הַבּוּכָרִי בְּוִינָה. כְּגַבַּאי בֵּית-הַכְּנֶסֶת, כְּבַעַל נְסִיּוֹן-חַיִּים גָּדוֹל וּמַעֲלוֹת טוֹבוֹת, לֹא הָיָה לוֹ תַּחֲלִיף. פְּטִירָתוֹ הִיא אֲבֵדָה לְכֻלָּנוּ, אֲבֵדָה שֶׁאֵין לָהּ תְּמוּרָה.

שְׁנֵי בָּנָיו שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב נִבְחֲרוּ לִפְנֵי שְׁנָתַיִם לְחַבְרֵי הַנַּעֲדָה הַבּוּכָרִית, אֶחָד מֵהֶם, אוּרִי גִּילְקָרוֹב, מְתַפְקֵד מֵאָז גַּם כְּנָצִיג שֶׁל הַקְּהִלָּה.

מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב נִפְטַר בְּ21- בְּפֶבְּרוּאַר 1995 בְּוִינָה. מֵאוֹת בְּנֵי הַקְּהִלָּה הִשְׁתַּתְּפוּ בְּהַלְוָיָתוֹ. לְפִי רְצוֹנוֹ הָעֲלָתָה גוּפָתוֹ לְיִשְׂרָאֵל בְּ-23 בְּפֶבְּרוּאַר 1995.

״מרדכי גילקרוב ז״ל נקבר בישראל״ בעיתון ״געמיינדע״ (וינה) (בגרמנית)

“Мордехай Гилькаров погребен в Израиле”. из газеты “Gemeinde” (Вена).

לִכְבוֹד בּוֹרִיס (בְּכוֹר), מֹשֶׁה, יוּרִי (אוּרִיאֵל), נָקְאדָם (נְיָנָה) וְרַבְקָה (רוֹזָה) מִבֵּית גִּילְקָרוֹב בָּנִים יְקָרִים וּבָנוֹת יְקָרוֹת!

"בְּרִית יוֹצְאֵי בּוּכָרָה לְיִשְׂרָאֵל" מַבִּיעָה לָכֶם אֶת תִּנְחוּמֶיהָ בְּפִטִירָתוֹ טֶרֶם עֵת שֶׁל אֲבִיכֶם מַר מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב. בַּבְּרִית שָׂלָנוּ אֲבִיכֶם נוֹדָע כְּפָעִיל צִבּוּרִי חָכָם וְנָבוֹן שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה הַגָּרִים בְּוִינָה, כְּנִדְבָן אָצִיל אֲשֶׁר סִיַּע בְּלִי גָּבְצַע לַמּוֹסָדוֹת הַיְהוּדִי-בּוּכָרִי בְּיִשְׂרָאֵל וּלְעוֹלִים חֲדָשִׁים רַבִּים הַנִּזְקָקִים לְסִיּוּעַ, וְכֵן כְּאָחַד מֵהָאֲנָשִׁים הַמְּתַזְּקִים אֶת יְסוֹדוֹת הַדָּת - אֶת הָאֱמוּנָה בַּה' וּבַתּוֹרָה בְּקֶרֶב יְהוּדֵי בּוּכָרָה.

מַעֲשָׂיו הַטּוֹבִים שֶׁל אֲבִיכֶם וְהַזִּכְרוֹנוֹת מִמֶּנּוּ יִשָּׁאֲרוּ בַּלְּבָבוֹת עַמָּנוּ לָעוֹלָם. יְכוֹלִים אַתֶּם לְהִתְנַחֵם עַל כָּךְ שֶׁאַתֶּם יְלָדָיו שֶׁל הָאִישׁ הָאָצִיל וְהַצָּנוּעַ מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב.

מִנְּהַ"ל "בְּרִית יוֹצְאֵי בּוּכָרָה לְיִשְׂרָאֵל" - אַהֲרוֹן אַהֲרוֹנִי.

סְגַן יו"ר "בְּרִית יוֹצְאֵי בּוּכָרָה לְיִשְׂרָאֵל" - אַבְרָהָם קַיְיקוֹב.

זִכְרוֹנוֹת עַל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב

ר׳ שְׁמוּאֵל אֵלִישַׁיֵּיב, יו״ר הַפּוֹרוּם הַכְּלָל-יִשְׂרְאֵלִי ״חַזָּן אַבְנֵר״

זִכְרוֹן חֲסִידִים יִשָּׁאֵר בִּלְבָבוֹת אֲנָשִׁים לְעוֹלָם.

בְּעַמֵּנוּ, בְּעַם יִשְׂרָאֵל בְּכָל תְּקוּפָה, נִמְצְאוּ חֲסִידִים רַבִּים, אֲשֶׁר נָהֲגוּ לַעֲשׂוֹת מַעֲשִׂים טוֹבִים בְּחִנּוּךְ רוּחָנִי שֶׁל בְּנֵי-אָדָם, בִּפְרָט צְעִירִים, בְּחִזּוּק אֱמוּנָתָם בְּאַחְדוּת ה׳ וּבְחָסְנוֹ.

אָנוּ יוֹדְעִים אֶת מַעֲשֵׂי חֲסִידוּתוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב זַ״ל. לַמְרוֹת כָּל הָאִסּוּרִים עַל פְּעִילוּת תּוֹרָנִית, בִּפְרָט בַּדָּת הַיְּהוּדִית, בִּבְרִית הַמּוֹעָצוֹת, שָׁמַר עַל נֶאֱמָנוּתוֹ לְדַת אֲבוֹתֵינוּ. וּבְמֶשֶׁךְ כְּעֶשְׂרִים שָׁנָה הָאַחֲרוֹנוֹת בְּוִינָה בִּירַת אוֹסְטַרְיָה הִצְלִיחַ לִיצֹר אֶת כָּל הַנְּסִבּוֹת לְהִתְפַּתְּחוּתָהּ שֶׁל קְהִלַּת יְהוּדֵי בּוּכָרָה, לְהִתְעַשְּׁרוּתָם הָרוּחָנִית, וְהָיָה לְאֶחָד מִמְּיַסְּדָיו שֶׁל בֵּית-הַכְּנֶסֶת בְּקְהִלָּה זוֹ. בְּיָזְמָתוֹ אַף הִשִּׂיג בֵּית-הַכְּנֶסֶת אֶת כָּל צָרְכֵי הַתְּפִלָּה. מִלְּבַד זֶה, הִשְׁקִיעַ אֶת כָּל מַאֲמַצָּיו, כְּדֵי לִשְׁלֹחַ אֶת יַלְדֵיהֶם שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה הַגָּרִים בְּוִינָה, לְבָתֵּי-סֵפֶר ״שַׁעֲרֵי צִיּוֹן״ בְּיִשְׂרָאֵל. זוֹכֵר אֲנִי אֶת פְּגִישָׁתֵנוּ וְשִׂיחָתֵנוּ עַל נוֹשֵׂא זֶה בְּוִינָה זְמַן קָצָר לִפְנֵי פְּטִירָתוֹ. כְּתוֹצָאָה מִמַּאֲמַצָּיו, כַּיּוֹם בְּבֵית-הַסֵּפֶר ״שַׁעֲרֵי צִיּוֹן״ שָׁלְנוּ בִּירוּשָׁלַיִם לוֹמְדִים יְלָדִים יְהוּדִיִּים-בּוּכָרִים מִוִּינָה.

שְׁמוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב הָאָצִיל יִשָּׁאֵר בְּזִכְרוֹנֵנוּ וּבְלִבֵּנוּ לְעוֹלָם. זִכְרוֹנוֹ לִבְרָכָה!

אֵלִיָהוּ אַמִינוֹב, חֲבֵר עִירִיַת תֵּל-אָבִיב-יָפוֹ

קַוִּים לִדְמוּתוֹ שֶׁל הַמָּנוֹחַ עָלָיו הַשָּׁלוֹם

הֶכַּרְתִּי עִם רַבִּי מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב זַ״ל בַּפַּעַם הָרִאשׁוֹנָה הָיְתָה בְּעֵת בִּקּוּרִי בַּקְּהִלָּה הַבּוּכָרִית בְּוִינָה בִּשְׁנַת 1992, בִּשְׁלִיחוּת מִטַּעַם מוֹרֶשֶׁת יַהֲדוּת בּוּכָרָה בִּישְׂרָאֵל. לְנֶגֶד עֵינַי רָאִיתִי אָדָם שֶׁכָּל כֻּלּוֹ פּוֹעֵל לְשֵׁם שָׁמַיִם בְּתוֹךְ הַקְּהִלָּה בְּוִינָה. הַמָּנוֹחַ שִׁמֵּשׁ כְּגַבַּאי וְחַזָּן בְּבֵית הַכְּנֶסֶת הַמָּרְכָּזִי שֶׁל הַקְּהִלָּה, דָּאַג לִפְתִיחַת הַמָּקוֹם בְּכָל בֹּקֶר מֵקִדָּם, גַּם בַּיָּמִים בָּהֶם קָשֶׁה הָיָה לָצֵאת לָרְחוֹב מִפְּאַת הַגְּשָׁמִים, הַשְּׁלָגִים וְהַקֹּר הָעַז. בְּכָל זֹאת קָם רַבִּי מָרְדְּכַי זַ״ל בְּשִׂמְחָה וְהָלַךְ כִּבְרַת דֶּרֶךְ עַד בֵּית הַכְּנֶסֶת שֶׁהָיָה מֵרֵחָק מֶרְחָק רַב. כָּל זֶה נָבַע מֵאַהֲבָתוֹ לַתּוֹרָה וּדְבֵקוּתוֹ בַּבּוֹרֵא יִתְבָּרַךְ. הוּא הָיָה בִּבְחִינַת דָּוִד הַמֶּלֶךְ עָלָיו הַשָּׁלוֹם אֲשֶׁר אוֹמֵר בְּסֵפֶר תְּהִלִּים אֶת הַפָּסוּק: ״אַחַת שָׁאַלְתִּי מֵאֵת ה׳ אוֹתָהּ אֲבַקֵּשׁ שִׁבְתִּי בְּבֵית ה׳ כָּל יְמֵי חַיַּי לַחֲזוֹת בְּנֹעַם ה׳ וּלְבַקֵּר בְּהֵיכָלוֹ״. (תְּהִלִּים כ״ז, ד׳).

אליהו אמינוב נואם באזכרת מרדכי. ישראל, 1995.

Выступление Эли Аминова на поминках Мордехая. Израиль, 1995 г.

רַבִּי מָרְדְּכַי הָיָה בַּעַל תְּכוּנוֹת אֲפְיָנְיוֹת מְיֻחָדוֹת. כְּגַבַּאי וּכְאִישׁ הַמְּעֹרָה בְּנוֹשְׂאִים צִבּוּרִיִּים רַבִּים, יָדַע הַמָּנוֹחַ תָּמִיד לְגַשֵּׁר וּלְקַשֵּׁר בֵּין אָדָם לַחֲבֵרוֹ וּבֵין אִישׁ לְאִשְׁתּוֹ בְּמַתַּן סִיּוּעַ וְעֶזְרָה. אַף כְּשֶׁנֶּאֱלַץ לְשֵׁם כָּךְ לְהוֹצִיא הוֹצָאוֹת מִכִּיסוֹ הַפְּרָטִי; הוּא יָדַע לְהַשְׁרוֹת סְבִיבוֹ אֲוִירָה שֶׁל מַנְהִיגוּת חִיּוּבִית וְשִׁמֵּשׁ כְּאָב הָאוֹהֵב אֶת כֻּלָּם.

זְכוּרַנִי כְּשֶׁהָיִיתִי מַגִּיעַ לְעִתִּים קְרוֹבוֹת לְוִינָה, רָאִיתִי דְּבָרִים שֶׁעָמְדוּ אֲצְלוֹ בְּרוּמוֹ שֶׁל עוֹלָם, מִדַּת הַחֶסֶד אַהֲבַת הַבְּרִיּוֹת, וְכָל זֶה בְּסֵבֶר פָּנִים יָפוֹת. תָּמִיד דָּאַג שֶׁהַקְּהִלָּה תִּתְרֹם לְכָל מִי שֶׁפָּנָה בְּבַקָּשַׁת עֶזְרָה עֲבוּר יְשִׁיבוֹת, נִזְקָקִים וְכָל מוֹסָד תּוֹרָנִי אַחֵר, וְלֹא דַּי בָּזֶה שֶׁהָיָה מַקְדִּישׁ מִזְּמַנּוֹ הָרַב לְסַיֵּעַ לַפּוֹנִים, אֶלָּא גַּם תָּרַם בְּיָד נְדִיבָה מִכַּסְפּוֹ וְהָיָה רוֹדֵף צְדָקָה וָחֶסֶד.

בְּעֵת שְׁהוּתִי בְּוִינָה נִזְדַּמֵּן לִי לְשׂוֹחֵחַ אֲרֻכּוֹת עִם הַמָּנוֹחַ רַבִּי מָרְדְּכַי זַ״ל עַל נוֹשְׂאִים שׁוֹנִים. תָּמִיד הִתְעַנְיֵן בְּגוֹרָלָם שֶׁל הָעוֹלִים הַחֲדָשִׁים בְּיִשְׂרָאֵל, כֵּיצַד הֵם מִסְתַּדְּרִים בָּאָרֶץ מִבְּחִינָה חֻמְרִית וְרוּחָנִית. כָּל שִׂיחוֹתַי עִם הַמָּנוֹחַ הָיוּ מִתּוֹךְ הוּמוֹר, בְּסַבְלָנוּת וּבְסוֹבְלָנוּת שָׁמַע אוֹתִי וְהִשְׁמִיעַ גַּם אֶת דְּבָרָיו בְּנַחַת. הַמָּנוֹחַ סִפֵּר לִי עַל בְּדִידוּתוֹ מֵאָז פְּטִירַת אִשְׁתּוֹ זַ״ל, וְהִדְגִּישׁ בְּאָזְנַי, שֶׁהַדְּבָרִים הַחֲשׁוּבִים הַמְּחַזְּקִים אוֹתוֹ הֵם הַקֶּשֶׁר עִם בֵּית הַכְּנֶסֶת, יְלָדָיו וּבְנֵי מִשְׁפַּחְתּוֹ שֶׁיִּחְיוּ, הַגָּרִים אִתּוֹ בְּוִינָה וּמְכַבְּדִים אוֹתוֹ מְאֹד.

מִדֵּי שָׁנָה בְּשָׁנָה בְּמֶשֶׁךְ שָׁנִים הֻזְמַנְתִּי עַל יְדֵי הַקְּהִלָּה הַבּוּכָרִית בְּוִינָה כְּשְׁלִיחַ צִבּוּר לַיָּמִים הַנּוֹרָאִים. כְּשֶׁרָאָה אוֹתִי הַמָּנוֹחַ, שָׂמַח שִׂמְחָה גְּדוֹלָה, חִבֵּק אוֹתִי בְּחֹם וּבְהַרְבֵּה אַהֲבָה וְאָמַר לִי, כִּי מְחַכֶּה הוּא לַיָּמִים הַנּוֹרָאִים כְּדֵי שֶׁנִּתְפַּלֵּל יַחַד.

בְּמֶשֶׁךְ שָׁנִים שִׁמַּשְׁתִּי כְּשְׁלִיחַ צִבּוּר בַּקְּהִלָּה, וְרַבִּי מָרְדְּכַי זַ״ל עָמַד לְצִדִּי בְּכָל תְּפִלּוֹת הַחַגִּים וְהַנְּעִים בְּקוֹלוֹ הֶעָרֵב לְפִי מָסֹרֶת הָעֵדָה הַבּוּכָרִית

אֶת הַתְּפִלּוֹת מֵעָמְקָא דְלִבָּא. בְּכָל פַּעַם הָיִיתִי מִתְפַּעֵל מֵחָדָשׁ מִדְּבֵקוּתוֹ בַּבּוֹרֵא יִתְבָּרַךְ.

בְּיוֹם הַכִּפּוּרִים הָאַחֲרוֹן (לִפְנֵי פְּטִירָתוֹ שֶׁל הַמָּנוֹחַ זַ״ל), לְאַחַר תְּפִלַּת שַׁחֲרִית כְּמִנְהָגִי בַּקֹּדֶשׁ, אָמַרְתִּי לַמָּנוֹחַ שֶׁמְּאַד נֶהֱנֵיתִי מִתְּפִלָּתוֹ וְהוֹדֵיתִי לוֹ עַל הַסִּיּוּעַ שֶׁנָּתַן לִי כְּשֶׁלִּיחַ צִבּוּר. בֵּרַכְתִּי אוֹתוֹ בְּ״חָזָק וּבָרוּךְ״ וְאִחַלְתִּי לוֹ, שֶׁבְּעָזְרַת הַשֵּׁם גַּם בַּשָּׁנָה הַבָּאָה יִזְכֶּה לְהִתְפַּלֵּל יַחַד עִם כָּל הַקְּהִלָּה. תְּשׁוּבָתוֹ שֶׁל הַמָּנוֹחַ הִפְתִּיעָה אוֹתִי. בַּפַּעַם הָרִאשׁוֹנָה, שֶׁלֹּא כִּבְשָׁנִים עָבְרוּ, אָמַר לִי: ״מִי יוֹדֵעַ אִם אֶחְיֶה עַד הַשָּׁנָה הַבָּאָה״ - כְּשֶׁחִיּוּךְ בַּיְשָׁנִי עוֹלֶה עַל פָּנָיו.

אֶת הַדְּבָרִים הַלָּלוּ אָמַר לִי הַמָּנוֹחַ כַּמּוּבָן בַּשָּׁנָה הַבּוֹכָרִית.

בִּתְקוּפַת הַשָּׁנָה לִפְטִירָתוֹ שֶׁל הַמָּנוֹחַ זַ״ל הֻזְמַנְתִּי לְהִתְפַּלֵּל בַּיָּמִים הַנּוֹרָאִים בְּוִינָה. הִרְגַּשְׁתִּי אֶת חֶסְרוֹנוֹ שֶׁל רַבִּי מָרְדְּכַי גַּם בַּתְּפִלּוֹת וְגַם בִּנְהוּל בֵּית הַכְּנֶסֶת, וְכָמוֹנִי הַקְּהִלָּה כֻּלָּהּ חָשָׁה בְּחֶסְרוֹנוֹ שֶׁל הַמָּנוֹחַ זַ״ל. כַּמָּה גָּדוֹל הָיָה הַמָּנוֹחַ בְּמִדּוֹתָיו, וּבְמִצְווֹת וּבְמַעֲשָׂיו הַטּוֹבִים הָיָה מֵאוֹתָם יְחִידֵי סְגֻלָּה שֶׁהָעוֹלָם הַזֶּה עֲבוּרָם הֶבֶל הֲבָלִים, כְּמוֹ שֶׁאוֹמֵר דָּוִד הַמֶּלֶךְ עָלָיו הַשָּׁלוֹם, בְּשִׁיר מִזְמוֹר לִבְנֵי קֹרַח (שֶׁאוֹמְרִים בְּבֵית הָאָבֵל): ״כִּי לֹא בְמוֹתוֹ יִקַּח הַכֹּל, לֹא יֵרֵד אַחֲרָיו כְּבוֹדוֹ״. (תְּהִלִּים מט, יח).

אֵין סָפֵק שֶׁהִתְקַיֵּם בַּמָּנוֹחַ הַפָּסוּק: ״מִתְהַלֵּךְ צַדִּיק בְּתֻמּוֹ אַשְׁרֵי בָּנָיו אַחֲרָיו״ (מִשְׁלֵי כ, ז'). דָּרְשׁוּ חַזַ״ל אַל תִּקְרִי בְּתֻמּוֹ אֶלָּא בְּמוֹתוֹ, וְכָאן אָנוּ רוֹאִים אֶת בָּנָיו וּבְנוֹתָיו שֶׁיִּבָּדְלוּ לְחַיִּים אֲרֻכִּים, אֲשֶׁר מַמְשִׁיכִים אֶת מִפְעַל חַיָּיו שֶׁל אֲבִיהֶם, וְעוֹסְקִים בְּצָרְכֵי צִבּוּר בְּנֶאֱמָנוּת וּלְשֵׁם שָׁמַיִם ע״י נְהוּל בֵּית הַכְּנֶסֶת שֶׁל הַקְּהִלָּה וּדְאָגָה לַזּוּלָת כְּמוֹ שֶׁאֲבִיהֶם הַמָּנוֹחַ עָלָיו הַשָּׁלוֹם רָצָה.

אֲנִי תְּפִלָּה לַבּוֹרֵא יִתְבָּרַךְ, יְהִי רָצוֹן שֶׁהַמָּנוֹחַ יַעֲמֹד בִּתְפִלָּה בִּשְׁמֵי מְרוֹמִים עַל בָּנָיו, וּבְנוֹתָיו, חֲתָנָיו, כַּלּוֹתָיו, נְכָדָיו, נִינָיו וְעַל כָּל מִשְׁפַּחְתּוֹ הי״ו, וְעַל כָּל עֲדַת יִשְׂרָאֵל בָּאָרֶץ וּבָעוֹלָם, לִבְרִיאוּת הַגּוּף, שַׁלְוַת הַנֶּפֶשׁ וְהַצְלָחָה; וְנֹאמַר דַּי לְצָרוֹתֵינוּ, וְנִזְכֶּה לִלְמֹד מִמִּדּוֹתָיו שֶׁל הַמָּנוֹחַ בְּאַהֲבַת הַמָּקוֹם וְאַהֲבַת הַבְּרִיּוֹת. בְּעֶזְרַת הַשֵּׁם נִזְכֶּה כֻּלָּנוּ לִגְאֻלָּה קְרוֹבָה, בְּבִיאַת מְשִׁיחַ צִדְקֵנוּ בִּמְהֵרָה בְיָמֵינוּ, אָמֵן וְאָמֵן.

מוֹקִירוֹ וּמַעֲרִיצוֹ

אֵלִיָּהוּ אַמִּינוֹב.

הרב הראשי של יהודי בוכרה בישראל - ר׳ יצחק אמינוב נואם באזכרת מרדכי. ישראל,1995.

Главный раввин бухарских евреев в Израиле Ицхак Аминов выступает на поминках Мордехая. Израиль, 1995 г.

ישיבת הרמב"ם ובית יוסף
רחוב מבצע קדש 40 - מעוז אביב תל-אביב
ת. ד. 24078 P. O. B טלפון 481153 PHONE
YESHIVAT HARAMBAM U'BEIT JOSSEF
40, MIVTZA KADESH ST., MAOZ-AVIV, TEL-AVIV, ISRAEL

בס"ד,

בתשובה נא לחזכיר

כ"ב באלול תשנ"ה

לכבוד
ידידנו הדגול
יורי גילקרוב יצ"ו

ולכל בני משפחת גילקרוב הי"ו

בני המשפחה הרוממה !

באנו בזה בדברי ניחומים על הילקח מאתכם ראש המשפחה הנדיב והיקר, עוסק בצרכי ציבור באמונה, רבי מרדכי גילקרוב ז"ל נ"ע.

המנוח ז"ל היה ראש וראשון לכל דבר שבקדושה, ומסירותו לצרכי צדקה ידועה לכל. גם בני ישיבתנו הקדושה וצרכיה המרובים זכו אצלו לאוזן קשבת ונגעו לליבו החם. הנהלת הישיבה ראתה במנוח אחד מידידי הישיבה הנאמנים אשר בא לעזרת הישיבה בשעה שהיתה זקוקה לעזרתו.

בישיבתנו הקדושה מתפללים ולומדים פרקי משניות קטעי זוהר ואשכבה לעילוי נשמתו של המנוח.

זכות החזקת התורה תעמוד לו ולמשפחתו בגשמיות וברוחניות לעד, ויהי רצון שתהא השנה הבאה עלינו לטובה, שנת נחמה וישועה למשפחה יחד עם כל בית ישראל, ונאמר אמן.

בברכת מנחם ציון ובונה ירושלים
הרב חיים אגאיוף
מנהל הישיבה

תנחומיה של ישיבת הרמב"ם (ת"א)
Благодарность семье Гилькаровых за помощь ешиве "Рамб
Тель-Авив, 1995г.

הֶסְפֵּד עַל מוֹרֵנוּ מָרְדְּכַי

כֹּל הַדְּבָרִים נִשְׁכָּחִים בָּעוֹלָם.
רַק שְׁנַיִם בְּלִי מָוֶת חַיִּים לְעוֹלָם:
מַעֲשֶׂה גִּבּוֹר וְנֹאוּם הֶחָכָם
בְּמֶשֶׁךְ תְּקוּפוֹת הוֹלְכִים בְּדַרְכָּם.
מִלָּה גְּבוֹהָה וּמַעֲשֶׂה גְּבוּרָה
בְּאֹמֶץ עוֹמְדִים בִּפְנֵי כֹּל סְעָרָה!

(פֶּרְדּוּסִי)

לְאָדָם יֵשׁ חֹפֶשׁ הָרָצוֹן. אִם יִרְצֶה לָלֶכֶת בְּדֶרֶךְ הַחֶסֶד וְלִהְיוֹת לְצַדִּיק, הַדֶּרֶךְ פְּתוּחָה בְּפָנָיו; אִם יִרְצֶה לָלֶכֶת בְּדֶרֶךְ הָרֶשַׁע וְלִהְיוֹת לְחוֹטֵא, הַבְּרֵירָה בְּיָדָיו. כַּכָּתוּב בַּתּוֹרָה: "הֵן הָאָדָם הָיָה כְּאַחַד מִמֶּנּוּ לָדַעַת טוֹב וָרָע" (בְּרֵאשִׁית, ג׳ כב׳). כְּלוֹמַר, הָאָדָם הוּא בְּרִיָּה מְיוּחֶדֶת בְּמִינָהּ הַמְסֻגֶּלֶת לָדַעַת אֶת הַטּוֹב וְאֶת הָרָע בְּעַצְמוֹ, בְּשִׂכְלוֹ וּבְתוֹדָעָתוֹ, וּלַעֲשׂוֹת מַעֲשִׂים מָה שֶּׁהוּא רוֹצֶה, וְאִישׁ לֹא יַפְרִיעַ לוֹ לַעֲשׂוֹת אֶת הַטּוֹב אוֹ אֶת הָרָע.

מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב נִשְׁאַר בְּזִכְרוֹנִי כְּצַדִּיק אֲמִיתִי, כִּי הוּא הָיָה בַּעַל מַעֲשִׂים טוֹבִים וּמוֹרֶה לָאֲחֵיו הַיְהוּדִים, בִּפְרָט בְּ- 20-25 שָׁנִים הָאַחֲרוֹנוֹת. כְּשֶׁגָּר בָּעִיר וִינָה, הוּא קָרָא לִיהוּדִים בּוּכָרִיִּים לִלְמוֹד תּוֹרָה וּלְהִתְפַּלֵּל יוֹם יוֹם, לֹא לַעֲבוֹד בְּשַׁבָּתוֹת וּלְלַמֵּד אֶת יַלְדֵיהֶם דַּוְקָא בְּבָתֵּי-סֵפֶר יְהוּדִיִּים. יְכוֹלִים אֲנַחְנוּ לְהִתְגָּאוֹת בְּהַרְצָאוֹתָיו שֶׁל יִצְחָק אַחוֹנוֹב עַל הַתּוֹרָה. אַגַּב, יִצְחָק אַחוּנוֹב הֶחֱשִׁיב אֶת מָרְדְּכַי לְמוֹרֶה רוּחָנִי שֶׁלּוֹ. מָרְדְּכַי הָיָה מוֹרֶה רוּחָנִי לְכֹל הַיְלָדִים שֶׁהִגִּיעוּ לְגִיל בַּר-מִצְוָה. יְכוֹלִים אֲנַחְנוּ לוֹמַר בְּגַאֲוָה גְּדוֹלָה, שֶׁכֹּל הַיְהוּדִים הַבּוּכָרִים הַגָּרִים בְּוִינָה מְדַבְּרִים עִבְרִית מְצוּיֶנֶת וְכֹל הַבָּחוּרִים שָׁם מִתְפַּלְלִים בְּשַׁבָּתוֹת בְּבֵית-הַכְּנֶסֶת, עוֹלִים לַתּוֹרָה בַּזֶּה אַחַר

זֶה. מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב נָהַג לְהַזְמִין חַזָּנִים טוֹבִים מֵיִשְׂרָאֵל לְוִינָה בְּחַגִּים. וּכְשֶׁהָיוּ מַגִּיעִים, מָרְדְּכַי בְּעַצְמוֹ הָיָה קוֹרֵא וְשָׁר עַל יָדָם, כְּמוֹרֶה דָּרֶךְ.

אִם יַחְלִיט הָאִישׁ לְקַדֵּשׁ אֶת הַשֵּׁם, לֹא יַרְגִּישׁ אֶת הַכְּאֵב וְאֶת הַמְּרִירוּת, אֶפְשָׁר לְהִשְׁתַּכְנֵעַ בְּזֶה שֶׁהֲרֵי אֵין אָדָם אֲשֶׁר לֹא צוֹעֵק כְּשֶׁהוּא נִכְוֶה בְּאֶצְבָּעוֹ. כִּי אִי-אֶפְשָׁר לַעֲצוֹר אֶת הַצְּעָקָה בְּמַצָּב כָּזֶה. אֲבָל הָאֲנָשִׁים אֲשֶׁר קִידְּשׁוּ אֶת הַשֵּׁם, אֵינָם צוֹעֲקִים מִכְּוִית הָאֶצְבַּע. גַּם מָרְדְּכַי הָיָה מֵהָאֲנָשִׁים הָאֵלֶּה, הָיָה דַּרְשָׁן וּמַדְרִיךְ נִלְהָב שֶׁל רַעְיוֹנוֹת הַתּוֹרָה, מָרְדְּכַי הָיָה חוֹלֵם וְשׁוֹאֵף, שֶׁבְּכָל בַּיִת יְהוּדִי לֹא רַק יֵדְעוּ, אֶלָּא גַּם יִשְׁמְרוּ עַל כָּל הַמִּצְוֹת, הַמְּסוֹרוֹת וְהַמִּנְהָגִים שֶׁל הַיַּהֲדוּת, כְּדֵי שֶׁיְּכַבְּדוּ אֶת הַתּוֹרָה וְאֶת הַהוֹרִים.

מָרְדְּכַי הָיָה מִתְגָּאֶה, כִּי בְּכָל בַּיִת שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה שׁוֹמְרִים עַל מָסֹרֶת הַדַּת הַיְּהוּדִית, הוּא שָׂמַח לָבֹא לַחֲגִיגוֹת בְּבָתִּים אֵלֶּה, וְהָיָה מְאוּשָׁר בְּהַצְלָחָתוֹ שֶׁל כָּל אֶחָד.

זִכְרוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב יִשָּׁאֵר בְּלִבֵּינוּ לְעוֹלָמִים.

אבן גילקרוב (בן דודו של מרדכי) והחזן אלי בלכייב (ידיד משפחת גילקרוב) באזכרת מרדכי.

Двоюродный брат Мордехая - Або Гилькаров и друг семьи Гилькаровых - хазан Эли Балхиев на поминках Мордехая. Израиль, 1995 г.

זִכְרוֹנוֹתָיו שֶׁל יִצְחָק יְגוּדַיֶיב - שַׂחְקָן בַּתֵּיאַטְרוֹן

הָיָה לִי זְכוּת לְקַבֵּל בְּרָכָה מֵאִישׁ אֲשֶׁר שְׁמוֹ וּמַעֲשָׂיו הַטּוֹבִים יִחְיוּ לְעוֹלָם... כֵּן, מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב תָּמִיד הָיָה מוּכָן לַעֲזוֹר לְכֹל נִזְקָק, לְכָל נִצְרָךְ... וַדַּאי בְּיוֹזְמָתוֹ וּבְפְעִילוּתוֹ הַטּוֹבָה, נוֹסַד בְּוִינָה מֶרְכָּז תַּרְבּוּתִי-דָּתִי מִפְּאָר הַמְּאַחֵד אֶת יְהוּדֵי בּוּכָרָה הַגָּרִים בְּאֵיזוֹרִים שׁוֹנִים שֶׁל בִּירַת אוֹסְטַרְיָה. לַמְרוֹת גִּילוֹ הַמְּבוּגָר מַצָּב-בְּרִיאוּתוֹ, נָהַג לְבַקֵּר בְּיִשְׂרָאֵל לְעִיתִּים קְרוֹבוֹת, שׁוּב וָשׁוּב, כְּדֵי לַעֲזוֹר לָעוֹלִים הַחֲדָשִׁים בְּיִשּׁוּבָם וּבְקְלִיטָתָם בָּאָרֶץ. הוּא שֶׁהוֹשִׁיט יָד לְעֶזְרָה בַּהֲקָמַת הַתֵּיאַטְרוֹן הַיְּהוּדִי-בּוּכָרִי בְּיִשְׂרָאֵל.

בִּימֵי הוֹפַעַת-הָאוֹרֵחַ שֶׁלִּי בְּוִינָה, הִזְמִין אוֹתִי לְבֵיתוֹ לִשְׁתּוֹת כּוֹס תֵּה. בְּקַבָּלַת פָּנִים מְפֹאֶרֶת, בְּתוֹךְ בְּנֵי הַמִּשְׁפָּחָה שֶׁלּוֹ: יְלָדָיו, כַּלּוֹתָיו, חֲתָנָיו, נְכָדָיו וְנִינָיו הוּא הָיָה שָׂמֵחַ וּמְבָרֵךְ אֶת כֻּלָּם, הֲרֵי שָׁם הוּא בֵּרֵךְ גַּם אוֹתִי בְּרֶגַע מְאוּשָׁר שֶׁל חַיַּי.

הַיּוֹם, כַּאֲשֶׁר אֲנַחְנוּ מְכַבְּדִים אֶת זִכְרוֹ שֶׁל הָאִישׁ הַזֶּה, רָצִיתִי לְהַזְכִּיר אֶת שִׁירֵי הַמְּשׁוֹרֵר:

הוֹי אֱלוֹקֵינוּ, אֵילוּ לֹא שָׁלַחְתָּ
הָאֲנָשִׁים כַּאֲלֶּה לַתֵּבֵל,
שְׁזֵה הַחַיִּים לֹא פְּרָה שׁוּם פֵּירוֹת...
זִכְרוֹנוֹ לִבְרָכָה!
בְּכָבוֹד רַב לְזִכְרוֹ הַטּוֹב

יִצְחָק יְגוּדַיֶיב

זִכְרוֹנוֹת ג׳וראבֶּק מוּרְדוֹב, שַׁחְקָן עֲמָמִי שֶׁל ברה״מ

לָרִאשׁוֹנָה הִכַּרְתִּי אֶת מָרְדְכַי גִּילְקָרוֹב בְּ-1988 פָּנִים אֶל פָּנִים, כַּאֲשֶׁר הִגִּיעַ מִוִּינָה לְדוּשַׁנְבֶּה כְּאוֹרְחוֹ שֶׁל יְדִידִי הַגָּדוֹל מָרְדְכַי קִימְיאַגָּרוֹב - הִסְטוֹרְיוֹן וּמְחַנֵּךְ שֶׁהָיָה אָז לִסְגַן דִּיקָן בְּפַקוּלְטַת הַעֲלָאַת הַהַכְשָׁרָה שֶׁל מְנַהֲלֵי בָּתֵּי-סֵפֶר בַּמִּכְלָלָה הַפֶּדָגוֹגִית הַטַּג׳יקִית. בְּתוֹךְ אוֹרְחִים רַבִּים, בִּפְרָט אֲמָנִים, אֲשֶׁר הִזְמִין מָרְדְכַי קִימְיאַגָּרוֹב לַסְּעוּדָה לִכְבוֹד יְדִידוֹ וּקְרוֹבוֹ מָרְדְכַי גִּילְקָרוֹב, - הֵזְמַנּוּ גַּם אֲנַחְנוּ: אֲנִי וְרַעְיָתִי רוֹפְאָה ד״ר מוֹשָׁרְף. הוֹשִׁיבוּ אוֹתִי שָׁם לְיָד - הָאוֹרֵחַ הַגָּבוֹהַּ הַזֶּה - מָרְדְכַי גִּילְקָרוֹב

הִתְיַדַּדְנוּ מִיָּד, כְּאִילוּ הָיִינוּ מַכִּירִים אִישׁ אֶת רֵעֵהוּ כָּל הַחַיִּים. אַחֲרֵי שֶׁשָּׁרְתִי כַּמָּה מִשִּׁירֵי בְּלִוויוֹ שֶׁל אֲמִיר אַמִינוֹב הַמְּנַגֵּן בְּטַנְבּוּר, קָמְתִי וְאָמַרְתִּי דְּבַר בְּרָכָה, אֲשֶׁר הִתְחַלְּתִי בְּשִׁירָיו שֶׁל מְשׁוֹרֵר טַג׳יקִי מְפוּרְסָם מִירְזוֹ טוּרְסוּן-זאדֶה:

חֲבֵרִים רַבִּים לְךָ בְּיוֹם שָׁשׁוֹן
אַךְ יְדִידִים אֲמִיתִּיִּים לֹא כֻּלָּם
הַיָּדִיד מְעוֹדֶדְךָ בְּעֵת אָסוֹן
לֹא יַעֲזוֹב אוֹתְךָ לְבַדְּךָ לְעוֹלָם!
אֵל תְּאַבֵּד חֲבֵרִים וִידִידִים
תְּפַגֵּשׁ אוֹתָם בַּבַּיִת כְּאָחִים!
בָּעוֹלָם יֵשׁ לָנוּ חֲבֵרִים רַבִּים
שֶׁיִּהְיוּ בְּרִיאִים, מְאוּשָּׁרִים, שְׂמֵחִים!

אַחַר כָּךְ, אָמַרְתִּי, כִּי שָׁמַעְתִּי הַרְבֵּה עַל טוֹבוֹתָיו שֶׁל, מָרְדְכַי גִּילְקָרוֹב עַל נַדְבָנוּתוֹ וְעַל חָכְמָתוֹ. וְעַכְשָׁיו אֲנִי שָׂמֵחַ לִרְאוֹת אוֹתוֹ בְּדוּשַׁנְבֶּה, עִיר מוֹלַדְתֵּנוּ. הִדְגַּשְׁתִּי, כִּי יְהוּדֵי בּוּכָרָה מִתְגּוֹרְרִים עִם טַג׳יקִים בְּאֶרֶץ אַחַת מִזְּמַן קַדְמוֹן, מְחַלְקִים בְּיַחַד אֶת הַשִּׂמְחָה וְאֶת הַצַּעַר, וְלָנוּ שָׂפָה מְשׁוּתָּפֶת, מִנְהָגִים מְשׁוּתָּפִים וּמָסוֹרוֹת מְשׁוּתָּפוֹת יְהוּדֵי בּוּכָרָה תַּרְמוּ תְּרוּמָה גְּדוֹלָה לְהִתְפַּתְּחוּתָם שֶׁל הַמַּדָּע הַטַּג׳יקִי וְשֶׁל הָאֱמָנוּת הַטַּג׳יקִית. הַזְּמָרִים

הַמְפוּרְסָמִים נֵרְיָה אָמִינוֹב, רָפָאֵל טָלְמָסוֹב, בַּרְנוֹ יִצְחָקוֹבָה, רֶנָה גַּלִיבּוֹבָה, שׁוֹיְסְתָה מוּלַגְ׳נוֹבָה, יַעֲקוֹב גַּלִיבּוֹב, בּוֹרִיס נַמַטְיֶיב, יַעֲקוֹב בַּבַּאדוֹסתוֹב, אַבְנֵר אָמִינוֹב, נִיסָן שָׁאוּלוֹב וְעוֹד כֻּלָּם גַּם הַמּוֹרִים שֶׁלִּי. חֲבַל, שֶׁרוּבָּם עָבְרוּ לְאַרְצוֹת אַחֵרוֹת; אִיבַּדְנוּ יְדִידִים רַבִּים וְדַוְקָא בַּעֲלֵי כִּשְׁרוֹנוֹת , לְרוֹע מַזָּלֵינוּ.

אַחַר כָּל זֹאת נָתַתִּי חָלוּק טַג׳יקִי בְּמַתָּנָה לְמָרְדְכַי גִּילְקָרוֹב. הוּא קִיבֵּל אֶת הַמַּתָּנָה בְּתוֹדָה וְהֵרִים כּוֹסִית לִכְבוֹד הַיְדִידוּת וְלִכְבוֹד מִשְׁפַּחְתִּי.

אַחַר-כָּךְ שׁוּב וָשׁוּב הָיִיתִי נִפְגָּשׁ עִם מָרְדְכַי גִּילְקָרוֹב - בְּכֹל פַּעַם כְּשֶׁהָיָה מַגִּיעַ לְדוּשַׁנְבֶּה. גַּם בָּנָיו בּוֹרִיס, מֹשֶׁה וְיוּרִי לְעִיתִּים קְרוֹבוֹת הָיוּ לְאוֹרְחִים בְּבֵיתִי, בִּרְחוֹב עוֹמַר חייאם. זְמַן קָצָר אַחֲרֵי חֲזָרָתָם מִדּוּשַׁנְבֶּה, הִתְקַשְּׁרוּ הָאָחִים גִּילְקָרוֹב לְמָרְדְכַי קִימְיאגְרוֹב וְהִזְמִינוּ אוֹתוֹ, אוֹתִי וְאֶת רַעְיָתִי לְוִינָה. קִבַּלְנוּ אֶת הַהַזְמָנָה בְּתוֹדָה. הָעִילָּה לְהַזְמִין אוֹתָנוּ הָיְתָה חֲתוּנַת לָזָר בֶּן אַהֲרוֹן חֲסִידוֹב, אַהֲרוֹן חֲסִידוֹב זֶה הוּא הַיָּדִיד הַקָּרוֹב בְּיוֹתֵר לְמִשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב. בְּכֹל מָקוֹם חָשְׁנוּ עָצְמֵנוּ אוֹרְחִים רְצוּיִים, כֹּל אֶחָד כִּבְּדָנוּ בְּהַכְנָסַת-אוֹרְחִים רְאוּיָה, בַּחֲתוּנַת לָזָר חֲסִידוֹב, הִתְפַּעֲלוּ כֹּל הַנּוֹכְחִים מִשִּׁירֵינוּ. לְפִי בַּקָּשָׁתוֹ שֶׁל בַּעַל-הַבַּיִת, הוּזְמַנּוּ לַמִּיקְרוֹפוֹן שׁוּב וָשׁוּב. אַחֲרֵי שִׁירָה נוֹסֶפֶת, הוֹדֵיתִי לְכָל אֵלּוּ שֶׁהִזְמִינוּ אוֹתָנוּ לְוִינָה, וּבְרָאשָׁם לְמָרְדְכַי גִּילְקָרוֹב, לְבָנָיו, לְבַעַל הַבַּיִת אַהֲרוֹן חֲסִידוֹב וְרַעְיָתוֹ יָפָה, וּבֵרַכְתִּי אֶת הֶחָתָן וְהַכַּלָּה.

מָרְדְכַי גִּילְקָרוֹב מִיַּלְדוּתוֹ הָיָה אוֹהֵב וּמַעֲרִיךְ אֶת הָאֱמָנוּת. בִּפְרָט אָהַב אֶת "שֵׁשׁ מַקּוֹם" (סוּג פּוֹפּוּלָרִי מְשִׁירָה עֲמָמִית בְּאַסְיָה הַתִּיכוֹנָה). חֲנָנְיָה, אֲחִיו הַגָּדוֹל, שֶׁל מָרְדְכַי גִּילְקָרוֹב, הָיָה אֶחָד מִתַּלְמִידָיו שֶׁל לְוִיצְ׳ה בַּבַּאחַאנוֹב, אֲשֶׁר הָיָה שָׂר בְּאַרְמוֹנוֹ שֶׁל אֶמִיר בּוּכָרָה.

חֲנָנְיָה גִּילְקָרוֹב שָׂר יַחַד עִם מִיכָאֵל טָלְמָסוֹב וְגַבְרִיאֵל מוֹלַקַנְדוֹב. הָאֱמָנִים הַמְפוּרְסָמִים הָאֵלֶּה הֶעֱרִיכוּ אֶת קוֹלוֹ שֶׁל חֲנָנְיָה וְנָהֲגוּ לְהַזְמִינוֹ לַחֲתוּנוֹת.

בְּכֹל מָקוֹם הָיִיתִי מִתְעַנְיֵן בִּבְרִיאוּתוֹ שֶׁל מָרְדְכַי, וְכַאֲשֶׁר הָיִינוּ יַחַד, וְלֹא מְשַׁנֶּה, אִם הָיִינוּ בְּדוּשַׁנְבֶּה, בְּמוֹסְקְבָה אוֹ בְּוִינָה, יָשַׁבְנוּ זֶה לְיַד זֶה וְנָכוֹלְנוּ לְשׂוֹחֵחַ בְּמֶשֶׁךְ שָׁעוֹת כַּחֲבֵרִים שֶׁמִּכְּבָר כַּאֲשֶׁר הָיִיתִי שָׂר בְּחֶבְרָה זָרָה וְהָיָה בְּתוֹכֵנוּ מָרְדְכַי גִּילְקָרוֹב, הִזְעַתִּי מֵהִתְרַגְּשׁוּת. כִּי הָיָה בָּקִי טוֹב בְּשִׁירָה וּבְמוּסִיקָה עַמָּמִית. וְהָיָה נִדְמֶה לִי שֶׁהוּא יָכוֹל לָשִׂים לֵב אַף לַזִּיּוּף הַקָּטָן בְּיוֹתֵר. עִם אִישׁ בִּלְתִּי -רָגִיל זֶה, אֱנוֹשִׁי וְחָכָם, אֶפְשָׁר הָיָה לְדַבֵּר עַל כֹּל נוֹשֵׂא וּלְקַבֵּל מִמֶּנּוּ עֵצוֹת טוֹבוֹת וּנְבוֹנוֹת. אֶפְשָׁר הָיָה לְדַבֵּר עַל הָאֵ-ל וְעַל הַנְּבִיאִים, עַל הַטּוֹב וְעַל הָרַע, עַל הַיְדִידוּת וְעַל בְּחִירַת יְדִידִים, עַל הָרַחֲמָנוּת, עַל חִנּוּךְ יְלָדִים, עַל הַשִּׁירָה, עַל הַמִּסְחָר וַאֲפִילוּ עַל רְכִישַׁת בַּיִת.

מָרְדְכַי גִּילְקָרוֹב לֹא דִּבֵּר פָּשׁוּט עַל הַיְדִידוּת, אֶלָּא גַּם הָיָה מוֹכִיחַ, כִּי בְּתוֹךְ בְּנֵי כֹּל לְאוֹם רוֹב הָאֲנָשִׁים הֵם טוֹבִים וְהוֹגְנִים, כִּי יֵשׁ לְהַעֲרִיךְ אֶת הָאֱמוּן וְאֶת הַיְדִידוּת וְכִי הַשָּׁלוֹם הוּא הַיְסוֹד לְכֹל דָּבָר. בַּבַּיִת, בָּרְחוֹב, וּבֵין הָעַמִּים! מָרְדְכַי גִּילְקָרוֹב אָהַב וְנָהַג לַחֲזוֹר עַל הָאֲמָרוֹת: "כֹּל עוֹד בֶּן-אָדָם בַּחַיִּים, לֹא יָכוֹל לְהִסְתַּדֵּר בְּלִי יְדִידִים". שָׁאֲלוּ אֶת הֶחָכָם: "מִי יוֹתֵר טוֹב: הָאָח אוֹ הַיָּדִיד?" עָנָה: "הָאָח, וְאִם הוּא גַּם יָדִיד - זֶה הַטּוֹב בְּיוֹתֵר!"

כֹּל פַּעַם, כַּאֲשֶׁר הָיָה מָרְדְכַי גִּילְקָרוֹב מְלַוֶּה אוֹתִי, נָהַג לוֹמַר: "אַתָּה וּקְרוֹבֶיךָ אוֹרְחִים יְקָרִים וּרְצוּיִם שֶׁלָּנוּ. תָּמִיד נִשְׂמַח לִרְאוֹתְכֶם בְּבֵיתֵינוּ". בְּמַצָּב כָּזֶה יִשָּׁאֵר בְּזִכְרוֹנִי לְעוֹלָם.

ג'וֹרְבֶּק מוּרְדוֹב.

שֵׁם טוֹב

זִכְרוֹנוֹתָיו שֶׁל הַהִסְטוֹרְיוֹן מָרְדְּכַי קִימְיַאגְרוֹב

בֵּית-הַכְּנֶסֶת הָרִאשׁוֹן שֶׁבּוֹ הִתְחִילוּ יְהוּדֵי-בּוּכָרָה הַגָּרִים בְּוִינָה לְהִתְפַּלֵּל הָיָה בְּנְיָן קָטָן תַּחַת גַּג אֶחָד עִם בֵּית-הַכְּנֶסֶת הָאַשְׁכְּנַזִי. גַּם בְּבֵית הַכְּנֶסֶת הַיָּשָׁן וְגַם בֶּחָדָשׁ הָיָה מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב הָרִאשׁוֹן שֶׁהִגִּיעַ מֵקֶדֶם בַּבֹּקֶר, וּפוֹתֵחַ אֶת בֵּית הַכְּנֶסֶת. אֲנִי זוֹכֵר, כִּי פַּעַם בְּשַׁבָּת, כְּשֶׁהָיִיתִי בְּוִינָה, הָלַכְתִּי אִתּוֹ לְבֵית-הַכְּנֶסֶת. אַחֲרֵי שֶׁפָּתַח אֶת בֵּית הַכְּנֶסֶת, קִדֵּם-פְּנֵי בָּדָק, הַאִם נִמְצָא סֵפֶר הַתּוֹרָה בִּמְקוֹמוֹ, הַאִם הוּא פָּתוּחַ בְּפָרָשַׁת הַשָּׁבוּעַ. בְּזְמַן שֶׁחִכִּינוּ לָאֲנָשִׁים, (מִפְּנֵי שֶׁהִגַּעְנוּ מֻקְדָּם מְאֹד), שָׁאַל שְׁאֵלוֹת אוֹדוֹת חַיֵּי הַיְּהוּדִים בְּדוּשַׁנְבֶּה. הִתְעַנְיֵן בְּעִנְיְנֵי בֵּית-הַכְּנֶסֶת שֶׁל דּוּשַׁנְבֶּה, הַאִם מְבַקְּרִים הַיְּהוּדִים אֶת בֵּית הַכְּנֶסֶת הַזֶּה, אֵיךְ הָרַבָּנִים שָׁם, וְהַאִם מַסְפִּיקִים הָרַבָּנִים לְקָהָל הַמְּקוֹמִי, הַאִם נִזְקָק בֵּית הַכְּנֶסֶת לְשִׁפּוּצִים, הַאִם יֶשְׁנָן בְּעָיוֹת כַּשְׁרוּת, בִּפְרָט כַּשְׁרוּת בָּשָׂר.

בְּכָל פַּעַם כְּשֶׁהָיָה מַגִּיעַ לְדוּשַׁנְבֶּה, נָהַג לִמְסֹר לְבֵית-הַכְּנֶסֶת סְפָרִים תּוֹרָנִיִּים, וְהָיָה מְסַיֵּעַ גַּם לְבֵית-הַכְּנֶסֶת שֶׁל הָאַשְׁכְּנַזִּים.

בְּמִשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב הָיוּ נִשְׁמָרִים הַמָּסוֹרוֹת וְהַמִּנְהָגִים שֶׁל הַיַּהֲדוּת בְּכָבוֹד וּבְהוֹקָרָה רַבָּה. בְּקִפְּדָנוּת מְיֻחֶדֶת הָיוּ מִתְכּוֹנְנִים לַחַגִּים: לְפֶסַח, לְסֻכּוֹת וּלְיוֹתֵר הַחַגִּים. הַנָּשִׁים בַּמִּשְׁפָּחָה: יָעֵל רַעְיָתוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי וְכֵן בְּנוֹתֵיהֶם וְכַלּוֹתֵיהֶם הָיוּ מְבַצְּעוֹת עֲבוֹדָה גְּדוֹלָה בְּיָמִים אֵלֶּה. הַנְּכָדִים חִכּוּ לַחַגִּים בְּחֹסֶר סַבְלָנוּת, כִּי כָּל הַחַגִּים בַּמִּשְׁפָּחָה הָיוּ מְעַנְיְנִים וּשְׂמֵחִים. הַנְּכָדִים לָכָל חַג חָדָשׁ לָמְדוּ אֶת הַתּוֹרָה, וּבַחַגִּים נָהֲגוּ לָשִׁיר שִׁירִים יְהוּדִיִּים מְסֹרְתִּיִּים. בַּחַגִּים הָיוּ מַגִּיעִים אוֹרְחִים רַבִּים, בְּרֹאשָׁם הַמְּחֻתָּנִים.

לְעִתִּים קְרוֹבוֹת נִזְכָּרִים כָּל הַפִּתְגָּמִים שֶׁנָּהַג לְהִשְׁתַּמֵּשׁ בָּהֶם, כָּל הַמִּלִּים הַחֲבִיבוֹת עָלָיו. לְדֻגְמָא: בְּכָל מַצָּב אָהַב לוֹמַר: "שֶׁיִּהְיֶה לְטוֹב". לֹא רַק חֲתֻנּוֹת, אֶלָּה גַּם כָּל הַחַגִּיגוֹת: בְּרִית-מִילָה, בַּר-מִצְוָה, בַּת-מִצְוָה, יְמֵי הֻלֶּדֶת נֶחְגָּגִים בְּמִשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב בַּחֲגִיגִיּוּת וּבְאֹפֶן מְיֻחָד, עִם אוֹרְחִים רַבִּים. מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב אִרְגֵּן אֶת כָּל הָאֵרוּעִים וְהַחַגִּיגוֹת הָאֵלֶּה. הַנְּאוּם הָרִאשׁוֹן בַּחֲגִיגוֹת הָיָה נְאוּמוֹ - דִּבְרֵי בֵּנוּת לְבָבִיִּים, דְּבָרִים בַּעֲלֵי מַשְׁמָעוּת עֲמֻקָּה.

רֹאשׁ הַמִּשְׁפָּחָה הָיָה מְבָרֵךְ אֶת בַּעַל הַחַגִּיגָה, נוֹתֵן לוֹ עֵצוֹת לִפְעָמִים גַּם מַקְדִּישׁ לוֹ שִׁירִים.

לֹא רַק בְּמִשְׁפַּחְתּוֹ, אֶלָּא גַּם אֵצֶל כָּל הַקְּרוֹבִים הָיָה מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב לָאוֹרַח הַמְכֻבָּד וְהָרָצוּי בְּיוֹתֵר, לַנּוֹאֵם וְלַיּוֹעֵץ הַטּוֹב בְּיוֹתֵר.

מרדכי גילקרוב ומרדכי קימיאגרוב. ישראל, 1994.
Мордехай Гилькаров и Мордехай Кимягаров. Израиль, 1994г.

שׁוּב וָשׁוּב נֶאֱנָחִים אֲנַחְנוּ בְּצַעַר, שׁוּב וָשׁוּב כּוֹאֵב הַלֵּב, כַּאֲשֶׁר אֲנַחְנוּ נִזְכָּרִים בְּמָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב, בְּכָל יְחוּדָיו, בְּאָפְיוֹ, בְּחִיּוּכוֹ, וְשׁוֹאֲלִים שְׁאֵלָה רֶטוֹרִית: "מַדּוּעַ אֲנָשִׁים כָּאֵלֶּה נִפְטָרִים?" הֲרֵי כָּל-כָּךְ הַרְבֵּה טוֹבוֹת עָשָׂה. הָיִינוּ לוֹמְדִים מִמֶּנּוּ לַעֲשׂוֹת מַעֲשִׂים טוֹבִים. כַּאֲשֶׁר נִפְטָרִים אֲנָשִׁים נֶחְמָדִים כָּמוֹהוּ, כָּרָגִיל אֲנַחְנוּ לֹא רוֹצִים זְמַן רַב לְהַאֲמִין, שֶׁהָאִישׁ הַזֶּה אֵינֶנּוּ בַּחַיִּים, אֵינֶנּוּ בְּתוֹכֵנוּ, שֶׁלֹּא נוּכַל יוֹתֵר לִרְאוֹת אֶת פָּנָיו!

לֹא נִרְאֶה אֶת הַפָּנִים הַיָּפִים, הַמְחַיְכִים, הַדּוֹרְשִׁים-טוּב, אַךְ נֶהֱפָכִים לִמְרֻגָּזִים כְּשֶׁנִּפְגַּשׁ מָרְדְּכַי בְּאִי-צֶדֶק, אוֹי וַאֲבוֹי! לֹא נוּכַל לְהִתְרוֹעֵעַ עִם הָאִישׁ הַזֶּה - הָאִישׁ הֶחָכָם, הַדּוֹאֵג, הַמְאֻפָּק, הַמְנֻמָּס; לֹא נוּכַל לִשְׁמֹעַ אֶת קוֹלוֹ הַשָּׁלֵו, הַשָּׁקֵט, אַךְ הַמְשַׁכְנֵעַ. אֵיזוֹ הַבְלָגָה, שְׁלִיטָה עַצְמִית, אֵיזֶה עֹמֶק מַחֲשָׁבָה הָיוּ לוֹ! בַּמַּצָּב הַמְסֻבָּךְ בְּיוֹתֵר, כַּאֲשֶׁר הָיָה שׁוֹמֵעַ הַשְׁמָצוֹת וְרוֹאֶה גַּסוּת, הָיָה שׁוֹקֵל אֶת הַמַּצָּב וּמַסְבִּיר בְּשַׁלְוָה וּבְאִפּוּק, הֵיכָן הָאֱמֶת וְאֵיפֹה הַשֶּׁקֶר, וְכֵיצַד לְהִתְגַּבֵּר עַל מַצָּב זֶה, מַהוּ הַטּוֹב וּמַהוּ הַגָּרוּעַ. וְהַתּוֹצָאוֹת שֶׁלּוֹ, וַעֲצוֹתָיו הָיוּ מוֹצְאוֹת חֵן בְּעֵינֵי כֻּלָּם. בְּאֹפֶן כָּזֶה הָיָה מֵפִיג מְתִיחֻיּוֹת, כֵּן הָיָה מְפַיֵּס בֵּין יְרִיבִים. מַחְשְׁבוֹתָיו וְהַחְלָטוֹתָיו שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב הָיוּ טוֹבוֹת לְכֻלָּם.

יֵשׁ אֲנָשִׁים אֲשֶׁר הוֹפִיעַ לָהֶם כֶּסֶף אוֹ יָדַע בְּאֵיזֶה שֶׁהוּא תְּחוּם, אוֹ אֲפִלּוּ לֹא יָדַע, אַךְ קָצַת מֵידָע. אֲנָשִׁים אֵלֶּה מִתְגָּאִים בְּכַסְפֵּיהֶם, צוֹעֲקִים בְּקוֹל רָם עַל הַיֵּדַע שֶׁלָּהֶם, מַדְגִּישִׁים בִּיהִירוּת כִּי הֵם גְּבוֹהִים יוֹתֵר מִיֶּתֶר הָאֲנָשִׁים; יְכוֹלִים לְהַעֲלִיב וּלְהַשְׁפִּיל מִישֶׁהוּ מֵהַנּוֹכְחִים, לְהַשְׁמִיץ מִישֶׁהוּ מֵהַנֶּעְדָּרִים...

הָיִיתִי שׁוֹמֵעַ לְעִתִּים קְרוֹבוֹת דְּבָרִים טוֹבִים וְלִפְעָמִים אֲפִלּוּ נִלְהָבִים עַל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב מֵאֲנָשִׁים מֻסְמָכִים, חֲכָמִים וּבַעֲלֵי מַעֲמָד גָּבוֹהַּ בַּחֶבְרָה. אַזְכִּיר כָּאן כַּמָּה שֵׁמוֹת: אֵלִי אַמִּינוֹב מְמַנְהִיגֵי עִירִיַּת תֵּל-אָבִיב, נִיסָּן יַעֲקוֹבּוֹב, מַנְהִיג בֵּית-הַכְּנֶסֶת שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה בְּחוֹלוֹן (בֵּית-הַכְּנֶסֶת

״אֱלִיָּהוּ״), ר׳ יְהוֹשֻׁעַ מוֹרָאדוֹב, ר׳ אֵלִיָּהוּ עַבְּדוּרַחְמָנוֹב, יוֹסֵף גְּלִילִי, חַיִּים פִּילוֹסוֹב.

כֻּלָּם הִתְפַּעֲלוּ מִצְּנִיעוּתוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב, אֲשֶׁר הָיָה בָּקִי גָּדוֹל בַּתּוֹרָה, חָכָם וְנָבוֹן, מְדַבֵּר רַק כַּאֲשֶׁר הָיוּ מְבַקְּשִׁים אוֹתוֹ, כְּשֶׁהָיָה מַרְגִּישׁ, שֶׁהַנּוֹכְחִים זְקוּקִים לְנוֹשֵׂא שֶׁיְּדַבֵּר עָלָיו. אִם הָיָה מִשּׂוֹחֵחַ עִם מִישֶׁהוּ פָּנִים אֶל פָּנִים - הָאֲנָשִׁים שֶׁהָיוּ נִמְצָאִים בְּמֶרְחַק מֶטֶר מִמֶּנּוּ לֹא יָכְלוּ לִשְׁמֹעַ אֶת קוֹלוֹ, וְזֹאת, לֹא מִפְּנֵי שֶׁדִּבֵּר עַל אֵיזֶשֶׁהוּ סוֹד; הָיָה זֶה אֹפֶן כְּלָלִי שֶׁל שִׂיחוֹתָיו, בְּטוּי אֲדִיבוּתוֹ.

מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב הָיָה פֶּדָגוֹג לֹא רַק בְּהַשְׂכָּלָתוֹ, אֶלָּא גַּם בִּשְׁלִיחוּתוֹ. הָיָה מְחַנֵּךְ אֶת בְּנֵי מִשְׁפַּחְתּוֹ וְאֶת קְרוֹבָיו לֹא רַק בְּמִלָּה חַיָּה, אֶלָּא גַּם בְּמַעֲשָׂיו. סָבַר לָחָשׁוּב בְּיוֹתֵר אֶת הַיֶּדַע גַּם בְּתוֹלְדוֹת עַמֵּנוּ, גַּם בְּתוֹלְדוֹת הַמִּשְׁפָּחָה, אֶת הַשְׁמִירָה עַל זֵכֶר הוֹרֵינוּ וַאֲבוֹתֵינוּ.

בָּרוּךְ ה׳, מִשְׁפַּחְתּוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב הָיְתָה מֵהַמִּשְׁפָּחוֹת הָאֲצִילוֹת בְּיוֹתֵר וּבַעֲלוֹת אוֹטוֹרִיטָה בְּוִינָה. הַיְלָדִים וְהַכַּלּוֹת הַמְּנֻמָּסִים וְהַמְנֻמָּסוֹת, הַחֲתָנִים הַמְצֻיָּנִים, הַמְחֻתָּנִים הַמְכֻבָּדִים, הַנְּכָדִים צְמֵאֵי-הַדַּעַת וְהַמּוֹקִירִים אֶת הַמְבֻגָּרִים. הָיָה לְכֻלָּם עֲבוֹדָה טוֹבָה וְחַיֵּי רְוָחָה.

אִלּוּלֵא מוֹתָהּ הַמֻּקְדָּם שֶׁל אִשְׁתּוֹ הָאֲהוּבָה יָעֵל, מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב הָיָה יָכוֹל לַחְשֹׁב אֶת עַצְמוֹ לְאִישׁ הַמַּאֻשָּׁר בְּיוֹתֵר. עוֹד סִבָּה אַחַת הֵעִיקָה עָלָיו - ״מָסַךְ הַבַּרְזֶל״ שֶׁל בְּרִית הַמּוֹעָצוֹת, אֲשֶׁר לֹא אִפְשֵׁר לוֹ לִנְסֹעַ לְמוֹלַדְתּוֹ - לְסָמַרְקַנְד, לְדוּשַׁנְבֶּה, וְלִפְקֹד אֶת קִבְרֵי הוֹרָיו וּקְרוֹבָיו. בַּהִזְדַּמְּנוּת הָרִאשׁוֹנָה לְהַגִּיעַ לִבְרִית הַמּוֹעָצוֹת, כְּבָר בְּ-1988 נָסַע עִם בָּנָיו וְכַלּוֹתָיו לְטַגִ׳יקִיסְטָן וְאוּזְבֶּקִיסְטָן. בָּרֹאשׁ וּבָרִאשׁוֹנָה הֶחְלִיט לְשַׁחְזֵר אֶת כָּל הַמַּצֵּבוֹת שֶׁל קְרוֹבָיו בְּבֵית הָעָלְמִין הַיְּהוּדִי בְּסָמַרְקַנְד, וּלְהַצִּיב לוּחוֹת חֲדָשִׁים עַל כָּל 17 הַקְּבָרִים, לוּחוֹת שַׁיִשׁ יָקָר. מִי יוֹדֵעַ, כַּמָּה פְּחוֹת וַעֲצַבִּים הוֹצִיא מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב, כְּדֵי לְהַגְשִׁים אֶת הָעֲבוֹדָה הַזֹּאת!

לְבַצּוּעַ הָעֲבוֹדָה, שֶׁלֹּא הָיְתָה פְּשׁוּטָה בַּמַּצָּב שֶׁל סָמַרְקַנְד, הִזְמִין אֶת הָאֻמָּנִים הַטּוֹבִים בְּיוֹתֵר, וּמַנְהִיגֵי הַקְּהִלּוֹת הַיְּהוּדִיּוֹת בּוּכָרִיּוֹת שֶׁל סָמַרְקַנְד וְדוּשַׁנְבֶּה עָזְרוּ לוֹ. הָעוֹזֵר הָרִאשׁוֹן בְּמִבְצָע זֶה הָיָה אַחֵינוּ אַבְרָהָם גִּילְקָרוֹב, מַנְהִיגֵי הַקְּהִלָּה הַיְּהוּדִית בּוּכָרִית שֶׁל דּוּשַׁנְבֶּה.

מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב שׁוּב וָשׁוּב הָיָה מַגִּיעַ מִוִּינָה לְדוּשַׁנְבֶּה וּסָמַרְקַנְד. נָהַגְתִּי לְלַוּוֹת אוֹתוֹ לְסָמַרְקַנְד לְעִתִּים קְרוֹבוֹת. וְכַאֲשֶׁר הִצִּיבוּ אֶת כָּל הַמַּצֵּבוֹת בְּבֵית-הָעֲלְמִין, הִתְכַּנְּסוּ אֲנָשִׁים רַבִּים. הַנּוֹכְחִים אָמְרוּ אֶת הַקַּדִּישׁ, הִנִּיחוּ פְּרָחִים עַל קִבְרֵי קְרוֹבֵיהֶם, נוֹאֲמִים נָאֲמוּ, הֻדְלְקוּ נֵרוֹת לְזֵכֶר הַמְּנוּחִים, וְכָל הַטֶּקֶס צֻלַּם בְּסֶרֶט וִידֵאוֹ לְזֵכֶר הָאֵרוּעַ.

פַּעַם נוֹצְרָה בְּעָיָה עִם מִסְמָכָיו שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב בְּקֶשֶׁר לַחֲזָרָתוֹ לְאוֹסְטְרִיָּה. נָסַעְתִּי יַחַד עִם מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב לְמַחְלֶקֶת הָאַשְׁרוֹת וְהָרִשּׁוּם בְּמִשְׂרַד הַפְּנִים שֶׁל טַגִּיקִיסְטָן. הִכַּרְתִּי אֶת הַמְנַהֵל שֶׁל הַמַּחְלָקָה הַזֹּאת, מַר גְּוֹנְיֵיד אִיבּוֹדוֹב. נִכְנַסְתִּי לְמִשְׂרָדוֹ, הִסְבַּרְתִּי לוֹ אֶת בַּקָּשָׁתִי וְסִפַּרְתִּי בְּקִצּוּר עַל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב, אֲשֶׁר שִׁחְזֵר אֶת 17 מַצֵּבוֹת שַׁיִּשׁ עַל קִבְרֵי קְרוֹבָיו בְּבֵית הָעֲלְמִין בְּסָמַרְקַנְד. כַּאֲשֶׁר שָׁמַע אִיבּוֹדוֹב אֶת סִפּוּרִי הִתְפַּלֵּא מְאֹד. וּכְשֶׁאָמַרְתִּי לוֹ, כִּי מַר גִּילְקָרוֹב מְחַכֶּה לַקַּבָּלָה בֶּחָצֵר, קָם מִיָּד מִמְּקוֹמוֹ וְאָמַר: "אֲנִי רוֹצֶה לִרְאוֹת אֶת הָאִישׁ הַכָּל-כָּךְ אָצִיל", וְיָצָא מִמִּשְׂרָדוֹ כְּדֵי לִפְגֹּשׁ אֶת הָאוֹרֵחַ. מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב כֵּבֵד בְּפָגִישָׁה כָּזֹאת, שֶׁמְּנַהֵל גָּדוֹל אֲשֶׁר לֹא הִכִּיר אוֹתוֹ קֹדֶם, יָצָא בְּעַצְמוֹ לִפְגֹּשׁ אוֹתוֹ, וּבֵרַךְ אוֹתוֹ לְשָׁלוֹם כְּמוֹ אָבִיו, וְאִיבּוֹדוֹב הִתְרַשֵּׁם מְאֹד מִשִּׂיחָתוֹ עִם מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב.

יוֹדְעִים אֲנַחְנוּ אֲנָשִׁים רַבִּים עֲשִׂירִים בְּהַרְבֵּה מִמָּרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב, אַךְ אֵינָם נוֹדְבִים אַף אֲגוֹרָה אַחַת לְסִיּוּעַ לַאֲחֵרִים וְלֹא לִשְׁמִירַת אֲתָרִים. בְּנִגּוּד לָהֶם, מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב עָשָׂה טוֹבוֹת רַבּוֹת יַחַד עִם רַעְיָתוֹ יָעֵל. הוּא חִנֵּךְ אֲנָשִׁים רַבִּים בְּרוּחַ מִצְוֹת הַתּוֹרָה, וְכֵן עָזַר לְיַסֵּד מוֹסָדוֹת שֶׁל יְהוּדֵי

בּוּכָרָה, סִיַּע לַתֵּאַטְרוֹן הַיְּהוּדִי-בּוּכָרִי, לְסוֹפְרִים וְעִתּוֹנָאִים יִשְׂרְאֵלִיִּים, לִישִׁיבוֹת, לְחוֹלִים וּלְנִזְקָקִים, וְהֶחְשׁוּב בְּיוֹתֵר, שָׁחִנֵּךְ אֶת יְלָדָיו לַאֲצִילִים כָּמוֹהוּ. סְבוּרַנִי, כִּי הַדּוֹר הֶחָדָשׁ שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה צָרִיךְ לְהוֹקִיר אֶת זֵכֶר אֲבוֹתֵיהֶם.

מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב יָדַע, כִּי עוֹמֵד אֲנִי לְיַסֵּד מוּזֵאוֹן שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה. יָדַע, כִּי, כְּהִסְטוֹרְיוֹן מִקְצוֹעִי, בְּמֶשֶׁךְ יוֹתֵר מֵעֶשְׂרִים שָׁנָה אָסַפְתִּי נְתוּנִים בְּהִסְטוֹרְיָה, אֶתְנוֹגְרַפְיָה וְתַרְבּוּתָם שֶׁל יְהוּדֵי אַסְיָה הַתִּיכוֹנָה. כְּבָר אָסַפְתִּי יוֹתֵר מֵעֶשֶׂרֶת אֲלָפִים מֻצָּגִים הָעֲתִידִים לְהִשָּׁמֵר בַּמּוּזֵיאוֹן, מִכָּל הֶעָרִים שֶׁבָּהֶן הִתְגּוֹרְרוּ יְהוּדֵי בּוּכָרָה: סָמַרְקַנְד וּבוּכָרָה, דּוּשַׁנְבֶּה וְטַשְׁקֶנְט, פֶּרְגָּאנָה וּמַרְגֶּלָאן, שַׁהְרִיסַבְז וְחַטְרִיצֶ'ה, קוֹקַנְד וְנַמַנְגָּאן, חוֹג'נְד וְתֶרְמֶז. אַלְמָא-אָטָה וְאַשְׁחַבַּד, בֶּשְׁקֶנְט וּמָארִי, קָזִיל-אוֹרְדָה וְנָאוֹאִי, קַרְשִׁי וְצֶ'רְג'וֹ, פַּנְשַׁנְבֶּה וְקַטָה-קוֹרְגָאן וְעָרִים אֲחֵרוֹת. מָרְדְּכַי יָדַע, כִּי אָסַפְתִּי אֶת הַחֹמֶר בְּסִפְרִיּוֹת וּבְמוּזֵאוֹנִים, בְּבָתֵּי-כְּנֶסֶת וּבְבָתֵּי-עֲלְמִין, בְּבָתִּים פְּרָטִיִּים וּבַשְּׁוָקִים. כָּל הַחֹמֶר הַזֶּה הָעֲבַר בְּקִשְׁי רַב לְיִשְׂרָאֵל דֶּרֶךְ טַשְׁקֶנְט וּמוֹסְקְבָה, וִינָה וְנְיוּ-יוֹרְק. בַּאֲסִיפַת הַמִּסְמָכִים וְהַמֻּצָּגִים עָזְרוּ לִי בְּעֶזְרָה גְּדוֹלָה בְּנֵי מִשְׁפַּחְתִּי וִידִידַי, לְרַבּוֹת מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב וִילָדָיו. וְהָרִאשׁוֹן אֲשֶׁר הִתְחִיל לַעֲזֹר לִי, הָיָה מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב עִם כָּל מִשְׁפַּחְתּוֹ. יֵשׁ לִי אַלְבּוֹם שֶׁאֲנִי רוֹשֵׁם בּוֹ אֶת שְׁמוֹת הָאֲנָשִׁים שֶׁסִּיְּעוּ לַמּוּזֵאוֹן אֲשֶׁר הָלַךְ לְהִוָּסֵד. וְהַשֵּׁמוֹת הָרִאשׁוֹנִים שָׁם הֵם: מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב וּבָנָיו בּוֹרִיס, מֹשֶׁה וְיוּרִי.

חֲבָל! יַקִּירֵנוּ מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב לֹא הִצְלִיחַ לִחְיוֹת עַד יוֹם פְּתִיחַת הַמּוּזֵאוֹן, וּמִישֶׁהוּ אַחֵר יַחְתֹּךְ אֶת סֶרֶט הַפְּתִיחָה.

וְכַאֲשֶׁר יִוָּסֵד, בְּעֶזְרַת ה', הַמֶּרְכָּז הַתַּרְבּוּתִי שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה, הַכּוֹלֵל גַּם אֶת הַמּוּזֵאוֹן בְּבִנְיָן קָבוּעַ, מְקוֹם-כָּבוֹד שָׁם יֻקְדַּשׁ לְמָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב - אִישִׁיּוּת הִסְטוֹרִית שֶׁל קְהִלַּת יְהוּדֵי בּוּכָרָה.

עַל הַכְנָסַת הָאוֹרְחִים שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב וְשֶׁל מִשְׁפַּחְתּוֹ

כְּמוֹ אַבְרָהָם אָבִינוּ, גַּם מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב, כַּאֲשֶׁר הָיְתָה אִשְׁתּוֹ יָעֵל עוֹד בַּחַיִּים, וְכֵן אַחֲרֵי פְּטִירָתָהּ, נָהַג לְהַזְמִין אוֹרְחִים רַבִּים לְעִתִּים קְרוֹבוֹת, וְהִשְׁתַּדֵּל שֶׁיִּהְיֶה לָהֶם נוֹחַ בְּבֵיתוֹ. כֵּן חִנֵּךְ אֶת יְלָדָיו בְּרוּחַ כָּזֹאת. בְּלִי הַגְזָמָה, הַכְנָסַת אוֹרְחִים שֶׁל מִשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב, אֲשֶׁר הִכַּרְתִּי עוֹד בְּדוּשְׁנַבֶּה, רְאוּיָה לְחִקּוּי. הַכְנָסַת אוֹרְחִים זוֹ מִצְטַיֶּנֶת בְּכֵנוּתָהּ, בִּלְבָבִיּוּתָהּ, בְּרַגִּישׁוּתָהּ הַיְחִידָה בְּמִינָהּ וּבְנַדֶּאי בְּרוֹחַב לֵב עֲנָקִי. אֲנָשִׁים רַבִּים, אֲשֶׁר זָכוּ לִהְיוֹת אוֹרְחֵיהֶם מְדַבְּרִים עַל הַכְנָסַת הָאוֹרְחִים שֶׁלָּהֶם וְנִזְכָּרִים בָּהּ. גַּם אֲנִי רוֹצֶה לְסַפֵּר עָלֶיהָ, כִּי הָיִיתִי מֵהַיְדִידִים שֶׁל מִשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב עוֹד בְּדוּשַׁנְבֶּה.

הַכְנָסַת הָאוֹרְחִים שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב נוֹדַעַת גַּם בְּאַסְיָה הַתִּיכוֹנָה, גַּם בְּיִשְׂרָאֵל, גַּם בְּאוֹסְטְרַיָּה. בְּקֶשֶׁר לַפֶּרֶסְטְרוֹיְקָה (שִׁנּוּיִים מְדִינִיִּים) וּלְפָנֶיהָ לְדֶמוֹקְרַטְיָה בִּבְרִית הַמּוֹעָצוֹת, כְּתוֹצָאָה מֵהָאֶפְשָׁרוּת לָבוֹא לִבְרִית הַמּוֹעָצוֹת וְלָצֵאת מִמֶּנָּה, זָרַם אֲמִתִּי שֶׁל קְרוֹבִים, יְדִידִים, מַכָּרִים וַאֲפִלּוּ בִּלְתִּי מֻכָּרִים מֵעָרִים שׁוֹנוֹת שֶׁל אַסְיָה הַתִּיכוֹנָה וּמֵאֲזוֹרִים אֲחֵרִים שֶׁל בְּרִית הַמּוֹעָצוֹת הִגִּיעוּ לְוִינָה כְּאוֹרְחִים שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב וְשֶׁל יְלָדָיו.

עָמַדְתִּי לִנְסֹעַ לְיִשְׂרָאֵל עִם רַעְיָתִי כְּתַיָּרִים. יוּרִי גִּילְקָרוֹב, בְּנוֹ הַקָּטָן שֶׁל מָרְדְּכַי, בִּסְעֻדָּה לִכְבוֹדוֹ שֶׁהִתְקַיְּמָה בְּבֵיתָהּ שֶׁל הַזַּמֶּרֶת בַּרְנוֹ יִצְחָקוֹבָה, שָׁאַל אוֹתִי: "הַאִם אַתָּה מִתְכַּוֵּן לָצֵאת מִבְּרִית הַמּוֹעָצוֹת?" עָנִיתִי לוֹ, כִּי אֲנִי נוֹסֵעַ לְיִשְׂרָאֵל עִם אִשְׁתִּי. אָז הִצִּיעַ לִי יוּרִי לִנְסֹעַ דֶּרֶךְ וִינָה, כְּדֵי לְהִתְאָרַחַ בְּמִשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב. קִבַּלְנוּ אֶת הַצָּעָתוֹ בְּתוֹדָה. הִזְדַּמְּנוּת כָּזֹאת הָיְתָה שִׂמְחָה גְּדוֹלָה לִי וּלְאִשְׁתִּי. רָאשִׁית, כְּבָר אָז עָמַדְתִּי לְהוֹצִיא מִטַּגִּ'יקִיסְטָן חֵלֶק מֵהַמֻּצָּגִים לְמוּזֵאוֹן הֶעָתִיד שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה, וּלְוִינָה אֶפְשָׁר לָקַחַת רַכֶּבֶת וּלְהוֹצִיא יוֹתֵר חֲפָצִים וְשֵׁנִית, מַסְלוּל זֶה מְאַפְשֵׁר

לִרְאוֹת אֶת שְׁתֵּי הַמְּדִינוֹת - כּוֹלֶל גַּם וִינָה, הָעִיר הַיָּפָה בְּיוֹתֵר בְּאֵרוֹפָּה. וּשְׁלִישִׁית, הָיָה מַזָּלֵנוּ לְהִתְאָרֵחַ אֵצֶל אֲנָשִׁים כָּל כָּךְ נֶחְמָדִים - אֵצֶל מִשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב.

חָשַׁבְנוּ, כִּי בְּתַחֲנַת הָרַכֶּבֶת בְּוִינָה יִפְגֹּשׁ אוֹתָנוּ מִישֶׁהוּ מִבָּנָיו שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב. וּלְהַפְתָּעָתֵנוּ, כָּל הַמִּשְׁפָּחָה נִפְגְּשָׁה אִתָּנוּ: לִפְנֵי כֻּלָּם עָמַד אֲבִיהֶם הַמְחַיֵּךְ, מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב, וּמֵאֲחוֹרָיו עָמְדוּ שְׁלֹשֶׁת בָּנָיו עִם נְשֵׁיהֶם וּשְׁתֵּי בְּנוֹתָיו עִם בַּעֲלֵיהֶן. נְבוּכוֹנוּ מִתְּשׁוּמֶת לֵב כָּזֹאת. הַפְּגִישָׁה נֶעֶרְכָה בְּשִׂמְחָה כְּנָה, בְּחִבּוּקִים וּבְפָרָחִים. הִסִּיעוּ אוֹתָנוּ לְבֵיתוֹ שֶׁל בּוֹרִיס, הַבֵּן הַגָּדוֹל. אִשְׁתּוֹ שָׂרָה כְּבָר הֵכִינָה אֶת הַשֻּׁלְחָן כְּמוֹ בַּחַגִּים. אִכְסְנוּ אוֹתָנוּ בְּחֶדֶר מְיֻחָד. הִתְגּוֹרַרְנוּ שָׁם שָׁבוּעַ, עַד צֵאתֵנוּ לְיִשְׂרָאֵל. אַחֲרֵי חֲזָרָתֵנוּ מִיִּשְׂרָאֵל, שָׁהִינוּ עוֹד עֲשָׂרָה יָמִים אֵצֶל יוּרִי, בְּנוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב.

בְּנֵי מִשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב שָׁקְלוּ בְּדַיְקָנוּת אֶת תָּכְנִית שְׁהוּתֵנוּ אֶצְלָם וְעָרְכוּ לָנוּ לוּחַ זְמַנִּים לְכָל יוֹם וּלְכָל שָׁעָה: מָתַי וְהֵיכָן נִתָּן לָאֱכֹל, אֵילוּ אֲתָרִים יֵשׁ לִרְאוֹת, אֵיפֹה אֶפְשָׁר לְבַלּוֹת אֶת הַזְּמַן בְּשִׂמְחָה בַּיּוֹם, וְהֵיכָן - בָּעֶרֶב. הֶרְאוּ לָנוּ אֶת הָאֲתָרִים הַיָּפִים בְּיוֹתֵר שֶׁל וִינָה, וּבְמֶשֶׁךְ הַטִּיּוּלִים כִּבְּדוּ אוֹתָנוּ בַּמִּסְעָדוֹת הַטּוֹבוֹת בְּיוֹתֵר וּבְבָתֵּי הַקָּפֶה הַטּוֹבִים בְּיוֹתֵר.

לִפְעָמִים הָיוּ לְמִשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב כַּמָּה מִשְׁפָּחוֹת אוֹרְחִים בְּיַחַד: מִשַּׁמַרְקַנְד וּמִדּוּשַׁנְבֶּה, מִטַּשְׁקֶנְט, מִמּוֹסְקְבָה וּמִיִּשְׂרָאֵל, מֵאֲמֶרִיקָה וּמִגֶּרְמַנְיָה. וְכַאֲשֶׁר יָשְׁבוּ לְיַד הַשֻּׁלְחָן, בַּעֲלֵי הַבַּיִת יָדְעוּ לְהָכִין בְּדִיּוּק מְקוֹמוֹת לְכָל אוֹרֵחַ וְכֵן יָדְעוּ, מִי יְטַפֵּל בָּאוֹרְחִים, וְאִם יוּרְמוּ כּוֹסוֹת, אֵיזֶה סֵדֶר יִהְיֶה לַמְּרִימִים.

לְכֻלָּנוּ, הָאוֹרְחִים, הָיְתָה בַּקָּשָׁה: אֶחָד רָצָה לְבַקֵּר אֶת קִרוֹבָיו אוֹ אֶת יְדִידָיו, וְהַשֵּׁנִי צָרִיךְ הָיָה לִקְנוֹת מַשֶּׁהוּ בַּחֲנוּת. אַחֵר בִּקֵּשׁ לְקַבֵּל עֵצָה רְפוּאִית אֵצֶל רוֹפֵא, אוֹ לְהִתְקַשֵּׁר הַבַּיְתָה (לְאֶרֶץ אַחֶרֶת) לְתַקֵּן מַשֶּׁהוּ וְכוּ'. בְּרֶמֶז שֶׁל בַּקָּשָׁה, הָאַחִים גִּילְקָרוֹב עָזְרוּ לָנוּ. יֶתֶר עַל כֵּן, אִפְּלוּ הָאוֹרֵחַ

הָיָה שׂוֹכֵחַ אֶת בַּקָּשָׁתוֹ - אֲבָל בּוֹרִיס, מֹשֶׁה וְיוּרִי הָיוּ מְכִינִים אֶת מַה שֶּׁצָּרִיךְ וְאַפִלּוּ הָיוּ מַזְכִּירִים לָנוּ אֶת בַּנָּנוֹתֵינוּ.

מָסֹרֶת מִשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב, אוֹרְחוֹ שֶׁל אֶחָד מִבְּנֵי הַמִּשְׁפָּחָה נַעֲשָׂה לְאוֹרַח לְכָל הַמִּשְׁפָּחָה. יֵשׁ לְהַדְגִּישׁ, כִּי בְּהַכְנָסַת הָאוֹרְחִים הַנִּפְלָאָה שֶׁל מִשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב יֵשׁ תַּפְקִיד גָּדוֹל לֹא רַק לְמָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב וְלִילָדָיו, אֶלָּא גַּם לְכַלּוֹתָיו שָׂרָה, מַיָּה וְרוֹזָה - הַנֶּחְמָדוֹת, הָרְגִישׁוֹת, הַמַּקְסִימוֹת, הַסַּבְלָנִיּוֹת וְהֶחָרוּצוֹת, וּלְחַתָּנָיו: אַמְנוֹן וִיהוֹנָתָן הֶחָרוּצִים, דּוֹרְשֵׁי הַטּוֹב וְהַתַּרְבּוּתִיִּים.

אֲנַחְנוּ מְבִינִים הֵיטֵב, כִּי הַכְנָסַת אוֹרְחִים כָּזֹאת מַצְרִיכָה גַּם זְמַן, גַּם עֹמֶס פִּיזִי וְגַם הוֹצָאַת כְּסָפִים. בָּנָיו וַחֲתָנָיו שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב כֻּלָּם אַנְשֵׁי עֲסָקִים, זְמַנָּם יָקָר, אַךְ לַמְרוֹת זֹאת הָיוּ מְנַתְּרִים עַל הַכְנָסוֹת יְשִׁירוֹת מֵעִסְקֵיהֶם, כְּדֵי לֹא לַעֲזֹב אֶת אוֹרְחֵיהֶם אַף לְדַקָּה אַחַת.

אֵין סָפֵק, שֶׁמִּלְבַד מִשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב, יֵשׁ מִשְׁפָּחוֹת אוֹ אֲנָשִׁים בּוֹדְדִים, שֶׁאֵינָם נִבְדָּלִים מִמִּשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב בְּרֹחַב לֵב וּבְהַכְנָסַת אוֹרְחִים. אַךְ יֵשׁ לְהַדְגִּישׁ, כִּי מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב הִצְטַיֵּן מֵאֲחֵרִים רַבִּים בַּמֶּה שֶׁלֹּא הִצִּיג בְּשׁוּם מָקוֹם אֶת מַעֲשָׂיו הַטּוֹבִים, אֶת עֶזְרָתוֹ לַאֲנָשִׁים, אֶת הַכְנָסַת הָאוֹרְחִים שֶׁלּוֹ וְאַף פַּעַם לֹא הִתְגָּאָה בְּמַעֲשָׂיו הַטּוֹבִים.

עַל הַיְדִידוּת

יֶשְׁנָן אִמְרוֹת רַבּוֹת שֶׁל חֲכָמִים עַל הַיְדִידוּת. אוֹמְרִים לְמָשָׁל, כִּי קָשֶׁה לִמְצוֹא יְדִידִים, אַךְ קַל לְאַבֵּד אוֹתָם. מָרְדְּכַי גִּילְקְרוֹב הָיָה מוֹצֵא יְדִידִים חֲדָשִׁים עַד הַיָּמִים הָאַחֲרוֹנִים שֶׁל חַיָּיו וְהָיָה שָׂמֵחַ לִפְגוֹשׁ יְדִידִים גַּם חֲדָשִׁים, גַּם וַתִּיקִים. אָמַר רוּדָקִי, מְשׁוֹרֵר טַגִ׳יקִי מֵהַמֵּאָה הָעֶשְׂרִית:

אֵין בָּעוֹלָם שֶׁשּׁוֹן יוֹתֵר נָעִים
מִלִּרְאוֹת קְרוֹבִים וִידִידִים!
וְאֵין יְשׁוּרִים יוֹתֵר מַכְאִיבִים
מִלְּחִיּוֹת רָחוֹק מִידִידִים קְרוֹבִים!

אָבִיב יָפֶה בְּטַגִ׳יקִיסְטָן. הַשֶּׁלֶג מַפְשִׁיר בְּמוֹרָדוֹת הָרִים וְהַמַּיִם שֶׁנּוֹצְרוּ כָּךְ זוֹרְמִים בִּנְחָלִים וְדֶרֶךְ נְהָרוֹת וּתְעָלוֹת וּמַגִּיעִים לְדוּשַׁנְבֶּה, בִּירַת טַגִ׳יקִיסְטָן, אֶרֶץ הַשֶּׁמֶשׁ. בַּגְּבָעוֹת שֶׁמִּסָּבִיב לָעִיר וְכֵן בָּעִיר עַצְמָהּ פּוֹרְחִים עֲצֵי פֵּירוֹת: שְׁקֵדִים, מִשְׁמֵשׁ, תַּפּוּחִים וְדוּבְדְּבָנִים. בָּעִיר הַיָּפָה וְהַנּוֹאָה הַזֹּאת, צוֹמְחִים עֲצֵי צִ׳ינָרוֹת וְשִׁיטִים וְשִׁיחֵי וָרָדִים לְאֹרֶךְ תְּעָלוֹת מַיִם מְרַשְׁרְשִׁים, מָקוֹם בּוֹ גָּרִים עַמִּים חֲרוּצִים וּמַכְנִיסֵי-אוֹרְחִים: טַגִ׳יקִים, אוּזְבֶּקִים וַאֲחֵרִים. שָׁם חַי מָרְדְּכַי גִּילְקְרוֹב רוֹב חַיָּיו, הוּא אָהַב לְהַגִּיעַ לְכָאן מְוִינָה. כְּשֶׁעָבַר בָּרְחוֹבוֹת וּבַסִּימְטָאוֹת, נִזְכָּר הָיָה בְּבַחֲרוּתוֹ, וּבְרַעֲנָתוֹ יָעֵל הַיָּפָה, בִּילְדוּתָם וְנְעוּרֵיהֶם שֶׁל יְלָדָיו. כָּאן אָהַב לְהִפָּגֵשׁ בִּשְׁכֵנָיו, בִּקְרוֹבָיו וּבִידִידָיו.

בָּאָבִיב הַהוּא, בַּאֲשֶׁר בֵּסְתָה הָאֲדָמָה בְּשָׂטִיחַ יָרוֹק, וְכַאֲשֶׁר הָיָה הָאָוִיר כָּל-כָּךְ זַךְ וְנָקִי, כַּאֲשֶׁר מָצְאוּ הַדְּבוֹרִים אֶת הַנֶּקְטָר מֵאַלְפֵי פְּרָחִים בְּכִכְּרוֹת, בְּפָארְקִים וּבְגִינוֹת פְּרָטִיּוֹת שֶׁל תּוֹשְׁבֵי הָעִיר - הִגִּיעַ מָרְדְּכַי גִּילְקְרוֹב שׁוּב לְדוּשַׁנְבֶּה. הִתְחִיל אֶת נְסִיעָתוֹ בְּגֵיא וַרְזוֹב הַמְיֻחָד בְּמִינוֹ,

הִתְרַחֵק מֵהָעִיר לְשֶׁטַח הֲרָרִי, לְמֶרְחָק שִׁישִׁים קִילוֹמֶטֶר. פֹּה, עַל יַד מַעְיָן, טָבַל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב פִּיתָּה חַמָּה בְּמַיִם קָרִים, צְלוּלִים וּטְעִימִים, וְנִזְכַּר בַּשִּׁירִים הַבָּאִים:

מֵהָרִים גְּבוֹהִים זוֹרְמִים לָנוּ מַיִם שֶׁל דּוּשְׁנְבֶּה.
מְרוּמִים, מְרַעְנְנִים אוֹתָנוּ מַיִם שֶׁל דּוּשְׁנְבֶּה.
זוֹרְמִים מִקֶּרַח־חוֹנִים מֵאוֹת תְּקוּפוֹת,
אַךְ תָּמִיד נִשְׁאָרִים צְעִירִים לְעוֹלָם מַיִם שֶׁל דּוּשְׁנְבֶּה.

בְּכָל פַּעַם, כְּשֶׁהָיָה מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב מַגִּיעַ לְדוּשָׁנְבֶּה, הוּא אוֹ בָּנָיו, נָהַגְתִּי לְהַזְמִין לַסְּעוּדוֹת לִכְבוֹדָם זַמָּרִים, מוּסִיקָאִים וְרַקְדָנִים חֲדָשִׁים, כִּי יָדַעְתִּי שֶׁהָאוֹרְחִים מֵבִינִים הֵיטֵב אֶת הָאֲמָנוּת וְחוֹבְבִים אוֹתָהּ. בְּבֵיתִי וּבְבָתֵּיהֶם שֶׁל אֶחָיו הַגְּדוֹלִים יוּרִי וְיַעֲקֹב קִימְיאַגְרוֹב, הָיוּ שָׂרִים שַׂחְקָנִים עֲמָמִיִּים שֶׁל טַגַּ׳יקִיסְטָן לִכְבוֹד הָאוֹרְחִים מִוִּינָה: בַּרְנוֹ יִצְחָקוֹבָה וְשָׁאִיסְתָּה מוּלָאגְ׳נוֹבָה, רָפָאֵל טוּלְמָסוֹב וּבוֹרִיס נַמַטְיֶיב, כְּמוֹ כֵן שַׂחְקָנִים עֲמָמִיִּים מְנַגְּנִים בִּכְלֵי-נְגִינָה עֲמָמִיִּים: נִיסָן שָׁאוּלוֹב - בְּנַאי וְאַבְנֵר אָמִינוֹב - בְּדוֹיְרָה, בֵּן שָׂרִים רַשָּׁאֵל וְאֶדוּאַרְד אָמִינוֹב, בָּנָיו שֶׁל הַזַּמָּר הַמְּפֻרְסָם נֵרִיהָ אָמִינוֹב, בְּנָם שֶׁל בַּרְנוֹ יִצְחָקוֹבָה וְשֶׁל פָּעִיל צִבּוּרִי, בָּקִי בַּתּוֹרָה וְזַמָּר יִשְׂרָאֵל בַּדַּלְבַּיֶיב ז״ל - רָפָאֵל בַּדַּלְבַּיֶיב, זַמָּר וּמוּסִיקַאי אַלְבֶּרְט נַרְקַלַיֶיב.

מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב שָׂמַח מְאֹד לְהִפָּגֵשׁ בְּמוּסִיקָאִים, זַמָּרִים וְרַקְדָנִים אֵלֶּה. הוּא הֶעֱרִיךְ הַעֲרָכָה גְּבוֹהָה לְזַמָּר צָעִיר מְאֹד רַשָּׁאֵל רוּבִּינוֹב, יְלִיד עִיר עַתִּיקָה שַׁהְרִיסְבְּז, סְטוּדֶנְט בַּמָּכוֹן הַמַּמַלְכְּתִי לָאֲמָנוּיוֹת שֶׁל טַגַּ׳יקִיסְטָן. אֲנִי זוֹכֵר, כִּי מוֹרֵנוּ מָרְדְּכַי אָמַר אַחֲרֵי פְּגִישָׁתוֹ הָרִאשׁוֹנָה בְּרַשָּׁאֵל רוּבִּינוֹב: ״יֵשׁ לוֹ קוֹל נִפְלָא וְאֹפֶן זִמְרָה מְקוֹרִי; לְבָחוּר זֶה יִהְיֶה עָתִיד גָּדוֹל, כִּי כִּשְׁרוֹנוֹ וְקוֹלוֹ לֹא גִּלּוּ עוֹד אֶת כָּל הָאֶפְשָׁרוּיוֹת. יַגִּיעַ זְמַן כַּאֲשֶׁר יִהְיֶה לוֹ נִיסָּיוֹן נוֹסָף לְרַשָּׁאֵל, וּכְבָר בִּזְמַן קָרוֹב יֵיעָשֶׂה לְאֶחָד מִזַּמָּרִים הַטּוֹבִים בְּיוֹתֵר, וְלֹא רַק בֵּין יְהוּדֵי בּוּכָרָה״.

בְּדֶרֶךְ כְּלָל, צוּפִים רַבִּים נֶהֱגוּ לִשְׁאוֹל שְׁאֵלוֹת אֵין סְפוֹר לְמָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב הָחָכָם עַל נוֹשְׁאִים שׁוֹנִים. כְּאִישׁ מְנֻמָּס מְאוֹד, תָּמִיד עָנָה לָהֶם, וּלְדַעְתֵּנוּ הָיָה מִתְעַנֵּיְן מְאֹד. הֶחְלַטְנוּ לְקַיֵּם אֶת הַפְּגִישָׁה הַבָּאָה בְּחוּג יְדִידִים קָטָן בַּחֲצַר בֵּיתוֹ שֶׁל אָחִי יַעֲקֹב קִימְיאַגְרוֹב. בַּחֲצֵר, בְּמָקוֹם שֶׁצִּמְחוּ עֲצֵי-פֵּירוֹת רַבִּים, עַל דֶּשֶׁא יָרוֹק שֶׁל אָבִיב הָיָה נִמְצָא שֻׁלְחָן מָלֵא מַעְדָּנִים וּפְרָחִים, וְעַל הַגְּדֵרוֹת נִתְלוּ שְׁטִיחִים בְּהִירִים מְקֻשָּׁטִים, כְּפִי שֶׁנּוֹהֲגִים לַעֲשׂוֹת בַּחֲגִיגוֹת. לְיַד הַשֻּׁלְחָן, נָכְחוּ מִקְבַּד הָאָחִים קִימְיאַגְרוֹב: מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב, אַחְיָנוֹ גַּבְרִיאֵל אֲלִישָׁיֵיב עִם רַעְיָתוֹ בֶּרְטָה, שַׁחְקָן עֲמָמִי שֶׁל טַגִּ'יקִיסְטָן אַבְנֵר אָמִינוֹב הַמְנַגֵּן בְּדוּרָה וּבְתּוֹ מַיָּה אֲשֶׁר הִגִּיעָה מֵאַרְצוֹת הַבְּרִית לְבַקֵּר אֶת אָבִיהָ. בַּרֶגַע שֶׁיָּשְׁבוּ הָאוֹרְחִים לְיַד הַשֻּׁלְחָן, נִכְנַס לַחֲצֵר שַׁחְקָן עֲמָמִי שֶׁל בְּרה״מ, הַזַּמָּר הַמְפֻרְסָם בְּיוֹתֵר ג'וּנָאבֶּק מוּנָאדוֹב עִם רַעְיָתוֹ רוֹפְאָה מוּשַׁרַף.

רָאִינוּ שִׂמְחָה גְּדוֹלָה בְּפָנָיו שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב. הוּא שָׂמַח לְהַפְגִּישׁ בָּאוֹרְחִים הַיְקָרִים וּבִפְרָט בג'וּנָאבֶּק מוּנָאדוֹב. הִכִּיר אֶת יְצִירָתוֹ שֶׁל הַזַּמָּר וְהַמּוּסִיקַאי הַמְפֻרְסָם הָזֶה, בְּמֶשֶׁךְ עֶשְׂרִים שָׁנָה הָיָה עוֹקֵב אַחֲרֵי עֲלִיָּתוֹ הַיְצִירָתִית, אַךְ לֹא הִכִּיר אוֹתוֹ אִישִׁית. וְהִנֵּה מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב יוֹשֵׁב לְיַד ג'וּנָאבֶּק מוּנָאדוֹב. הַרְגָּעִים הָאֵלֶּה אֵינָם נִשְׁכָּחִים לְעוֹלָם.

לָאִישִׁיּוּת גְּוָנִים רַבִּים. אֵין סוֹף לַטּוֹבוֹת הַגְּלוּמוֹת בָּאָדָם. כְּמוֹ כֵּן לֹא הָיָה גְּבוּל לְאִישִׁיּוּתוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב. הוּא חָשַׁב אֶת הַטְּפוּל בִּקְרוֹבִים וְקֹדֶם-כֹּל בְּחוֹלִים, לְחוֹבָתוֹ הַקְּדוֹשָׁה. גַּם בְּאַסְיָה הַתֵּיכוֹנָה, גַּם בְּאוֹסְטְרִיָה כְּשֶׁהָיָה נוֹדָע לוֹ שֶׁמִּישֶׁהוּ מִקְרוֹבָיו אוֹ מַכָּרָיו חָלָה - מִיָּד הָיָה מְבַקֵּר אוֹתוֹ. עִם זֹאת הָיָה תָּמִיד מֵבִיא אוֹכֶל לְחוֹלִים וְהָיָה מְבָרֵר מֵרֹאשׁ, מַה מוּתָּר לָהֶם לֶאֱכוֹל וְלִשְׁתּוֹת וּמַה אָסוּר. בְּדֶרֶךְ כְּלָל, אַחֲרֵי בִּיקּוּרוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי, כָּל חוֹלֶה הִרְגִּישׁ יוֹתֵר טוֹב, מִפְּנֵי שֶׁמָּרְדְּכַי מוֹצֵא הָיָה מִילִים מְיֻחָדוֹת לְכָל חוֹלֶה, מַרְגִּיעַ אוֹתוֹ, מְעוֹדֵד אוֹתוֹ.

אֲנִי זוֹכֵר, כִּי כְּשֶׁהִגִּיעַ לְדוֹשְׁנְבֶּה אוֹ לְיִשְׂרָאֵל, כָּל פַּעַם הָיָה עוֹרֵךְ רְשִׁימַת דְּבָרִים שֶׁיֵּשׁ לַעֲשׂוֹת וּבָרֹאשׁ וּבָרִאשׁוֹנָה הָיָה מִתְכֹּנֵן אֶת בִּיקוּר הַחוֹלִים גַּם בַּבַּיִת גַּם בְּבָתֵּי-חוֹלִים.

רָאוּי לִתְשׂוּמַת לֵב, מִנְהָג שֶׁהָיָה לוֹ, הוּא חָשַׁב לְחוֹבָה לְבַקֵּר לֹא רַק אֶת הַחוֹלִים, אֶלָּא גַּם אֶת הָאֲנָשִׁים אֲשֶׁר הַחַיִּים הַמְשַׁפַּחְתִּיִים שֶׁלָּהֶם לֹא הָיוּ תְּקִינִים, אוֹ שֶׁשָּׁמַע עַל סִכְסוּכִים בַּעֲבוֹדָה. תָּמִיד עָזַר לַאֲנָשִׁים אֲשֶׁר הָיוּ לָהֶם בְּעָיוֹת שׁוֹנוֹת בַּחַיִּים: לְאֶחָד הָיָה מֵבִיא מוּצְרֵי-מָזוֹן, לְאַחֵר מְסַיֵּעַ בְּכֶסֶף, לִשְׁלִישִׁי יוֹעֵץ עֵצָה טוֹבָה וּמְעוֹדֵד בְּמִלִּים טוֹבוֹת. תָּמִיד נִמְצָא מָרְדְּכַי לְיָד מִי שֶׁהָיָה לוֹ קָשֶׁה. הוּא הִצִּיל אֲנָשִׁים רַבִּים בְּלִבּוֹ הַטּוֹב, וּבְיָדוֹ הַנְּדִיבָה.

אֲנִי זוֹכֵר בָּרוּר, כְּאִילּוּ הַדָּבָר מִתְחוֹלֵל עַכְשָׁיו: בַּפַּעַם הָאַחֲרוֹנָה שֶׁהִגִּיעַ לְיִשְׂרָאֵל הִתְקַשֵּׁר אֵלַי מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב וְאָמַר: "יֵשׁ לִי שִׂיחָה חֲשׁוּבָה מְאֹד לְשׂוֹחֵחַ אִתְּךָ. אֲנַחְנוּ צְרִיכִים לְהִפָּגֵשׁ, וַאֲנִי רוֹצֶה לְהַזְמִין לִפְגִישָׁה זוֹ גַּם אֶת הַסּוֹפֵר אַהֲרוֹן שַׁלְמַיֶיב". וְנִפְגַּשְׁנוּ שְׁלוֹשְׁתֵּנוּ. כְּשֶׁשָּׁתִינוּ תֵּה, מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב הִצִּיעַ לָנוּ לִכְתּוֹב סֵפֶר עַל תּוֹלְדוֹת יְהוּדֵי בּוּכָרָה וּבִפְרָט עַל קְהִילַת יְהוּדֵי בּוּכָרָה בְּוִינָה. הוּא בִּיקֵשׁ אֶת אַהֲרוֹן שַׁלְמַיֶיב וְאוֹתִי לִכְתּוֹב סֵפֶר זֶה יַחַד אִתּוֹ. מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב אָמַר: "אַתָּה, מוֹרֵנוּ אַהֲרוֹן - סוֹפֵר, מַחְזַאי וּמְשׁוֹרֵר מְנֻסֶּה, מְפֻרְסָם בְּעַמֵּנוּ, וְאַתָּה, מָרְדְּכַי - הִיסְטוֹרְיוֹן וּפָעִיל צִבּוּרִי בִּקְהִילַת יְהוּדֵי בּוּכָרָה. דַּוְקָא שְׁנֵיכֶם כְּמוּמְחִים מְקֻצוֹעִיִּים, מְסֻגָּלִים לְבַצַּע אֶת הָעֲבוֹדָה הַזֹּאת. וַאֲנִי בָּטוּחַ כִּי לִבְנֵי עַמֵּנוּ הָרַבִּים יִהְיֶה הַסֵּפֶר הַזֶּה לְסֵפֶר עִיּוּן, מִפְּנֵי שֶׁיַּעֲזֹר לְהַעֲלוֹת בְּזִכְרוֹנֵנוּ אֶת תּוֹלְדוֹת הַיְּהוּדִים. סְפָרִים כָּאֵלֶּה הַנִּכְתָּבִים עַל יְדֵי אֲנָשִׁים מְנֻסִּים וּמְכֻבָּדִים, בַּעֲלֵי פְּעִילוּת צִבּוּרִית אַקְטִיבִית, יַשְׁפִּיעוּ עַל הַנּוֹעַר בְּהַשְׁפָּעָה חִיּוּבִית בְּמִידָה נִיכֶּרֶת".

מָרְדְּכַי סִפֵּר עַל רַעְיוֹנוֹ בְּהִתְרַגְּשׁוּת, בַּהֲבָנַת חֲשִׁיבוּתוֹ לְהִתְפַּתְּחוּת הַתַּרְבּוּת שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה, לְחִינּוּךְ הַנּוֹעַר הַיְּהוּדִי.

צִדַּדְנוּ בִּרְעִיוֹנוֹ לְגַמְרֵי וְהִסְבַּמְנוּ לְהַצָּעָתוֹ בְּרָצוֹן רַב. הִסְבַּמְנוּ לְפָגְשׁוֹ בַּפַּעַם הַבָּאָה שֶׁיָּבֹא. בִּפְרִידָתֵנוּ, לָחַץ אֶת יָדֵנוּ בְּחָזְקָה וְהִבִּיט בִּי וּבְאַהֲרוֹן שֶׁלְּמַיֵּיב בְּתִקְוָה, אַף בְּכֹל זֹאת הָיָה מַבִּיט גַּם בְּצַד אָחֵר, אֵי-שָׁם לְמֶרְחוֹק, בְּעָצֵב וּבְדַאֲגָה. בְּאוֹתוֹ הָעֶרֶב הִתְקַשֵּׁר אֵלַי וְאָמַר, כִּי לְמָחֳרַת בַּבֹּקֶר הוּא טָס לְבֵיתוֹ שֶׁבְּוִינָה. הִתְבָּרֵר שֶׁנִּפְרַד מִמֶּנִּי וְנָסַע לְעוֹלָם! אֲבוֹי! הַפְּגִישָׁה הַבָּאָה שֶׁלָּנוּ לֹא הִתְקַיְּמָה...

זִכְרוֹנוֹת ד״ר שְׁלֹמֹה לֶוְיֶיב

יָדִיד גָּדוֹל שֶׁלָּנוּ, מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב, הִגִּיעַ לְדוּשַׁנְבֶּה בְּ-1988. הָיָה זֶה בּוֹ-זְמַנִּית עִם יוֹבֵל חֲמִישִׁים שָׁנָה שֶׁלִּי. בְּמִסְבַּת הַיּוֹבֵל הָיָה מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב כָּאוֹרֵחַ הָאָהוּב וְהָרָצוּי שֶׁל תּוֹשָׁבֵי דּוּשַׁנְבֶּה וּבִפְרָט שֶׁלָּנוּ, כְּלוֹמַר שֶׁל מִשְׁפָּחוֹת לֶוְיֶיב וְטוֹלְמַסּוֹב. הוּא הָיָה בְּמֶרְכַּז תְּשׂוּמֶת-הַלֵּב שֶׁל כָּל הָאוֹרְחִים. יוּרִי בְּנוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב, כַּאֲשֶׁר יָדַע עַל חֲלוֹמִי שֶׁמִּכְּבָר: לִנְסֹעַ לְוִינָה כְּדֵי לִרְאוֹת אֶת הָאַנְדַּרְטָה לְאָחִי, קַפִּיטָן בּוֹרִיס לֶוְיֶיב שֶׁנָּפַל בַּקְּרָבוֹת לְשִׁחְרוּר וִינָה - הִבִּיעַ בְּכֵנוּת אֶת נְכוֹנוּתוֹ לִפְגֹּשׁ אוֹתִי בְּוִינָה, קִבַּלְתִּי אֶת הַזְּמָנָתוֹ. מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב עִם כָּל מִשְׁפַּחְתּוֹ נִפְגַּשׁ עִמִּי וְעִם אִשְׁתִּי מַרְגָּרִיטָה בְּתַחֲנַת הָרַכֶּבֶת. כִּמְעַט שְׁבוּעַיִם הָיִינוּ אוֹרְחִים שֶׁל מִשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב, תַּחַת חֲסוּתָם הַחַמָּה וְהַטּוֹבָה. בַּבְּכָר הַמֶּרְכָּזִית בְּוִינָה הַנִּקְרֵאת שְׁוַרְצֶנְבֶּרְגֶנְפְּלָאץ מִתְנַשֵּׂאת אַנְדַּרְטָה הַנִּשְׂגֶּבֶת לְחַיָּלִים סוֹבְיֶטִים אֲשֶׁר נָפְלוּ בַּקְּרָבוֹת בִּשְׁבִיל שִׁחְרוּרָהּ שֶׁל וִינָה בִּירַת אוֹסְטַרְיָה מִיָּדָיו שֶׁל הִיטְלֶר. בְּתוֹךְ שֵׁמוֹת אֲחֵרִים בְּשַׁחַם אָדֹם, נֶחְרַת בְּאוֹתִיּוֹת זָהָב גַּם שְׁמוֹ שֶׁל אָחִי, קַפִּיטָן בּוֹרִיס בֶּן פִּנְחָס לֶוְיֶיב.

מִתַּחֲנַת הָרַכֶּבֶת הִסִּיעוּ אוֹתָנוּ לָאַנְדַּרְטָה. אַחֲרֵי כֵּן הִגִּיעָנוּ אֲנַחְנוּ (זֹאת אוֹמֶרֶת אֲנִי וְאִשְׁתִּי) לְבֵיתָם שֶׁל מִשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב, לְפִי הַזְּמָנָתָם.

לַמָּחֳרָת מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב וּבְנֵי מִשְׁפַּחְתּוֹ הִסִּיעוּ אוֹתָנוּ לְבֵית הָעַלְמִין שָׁבּוֹ נִקְבַּר אָחִי. שָׁם הִתְקַיְּמָה עֲצֶרֶת אֵבֶל בְּהִשְׁתַּתְּפוּתָם שֶׁל יְהוּדִים בּוֹכְרִים רַבִּים תּוֹשָׁבֵי וִינָה. הַנְּאוּם הָרִאשׁוֹן הָיָה שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב, שֶׁהִשְׁתַּתֵּף בְּמִלְחֶמֶת הָעוֹלָם הַשְּׁנִיָּה. קָרָא אֶת הַקַּדִּישׁ וְאָמַר: ״עֲשִׂרוֹת אֲלָפִים שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה הִשְׁתַּתְּפוּ בְּמִלְחֶמֶת הָעוֹלָם הַשְּׁנִיָּה, וַאֲלָפִים מֵהֶם נָפְלוּ בַּקְּרָבוֹת. בְּתוֹכָם הָיוּ גַּם טַיָּסִים, גַּם טַנְקִיסְטִים, גַּם תּוֹתְחָנִים, גַּם אַנְשֵׁי מוֹדִיעִין, כֻּלָּם תָּרְמוּ אֶת תְּרוּמָתָם לְשִׁחְרוּר הָאֻמּוֹת מֵהַפָּאשִׁיזְם.

גַּם בֶּן-אַרְצֵנוּ, אָחִיו שֶׁל אוֹרְחֵנוּ שְׁלֹמֹה לֶוַיֶּיב, הַקָּצִין בּוֹרִיס לֶוַיֶּיב זַ"ל נִסְפֶּה חֹדֶשׁ לִפְנֵי הַנִּצָּחוֹן, בְּ-8 בְּאַפְּרִיל 1945".

בְּסוֹף זִכְרוֹנוֹתַי עַל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב אֲנִי רוֹצֶה לוֹמַר: גַּם לִילָדַי, גַּם לִנְכָדַי, אֲסַפֵּר אֵיךְ עָזְרָה לִי מִשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב לְהַגִּיעַ וּלְהִשְׁתַּטֵּחַ עַל קֶבֶר אָחִי, אֵיזוֹ הַכְנָסַת אוֹרְחִים וּרְגִישׁוּת נָהֲגוּ בָּנוּ, עִם אֵלּוּ אֲנָשִׁים אֲצִילִים וּנְבוֹנִים נִפְגַּשְׁנוּ. מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב גַּם הִפְגִּישׁ אוֹתָנוּ וְגַם לִוָּה אוֹתָנוּ בְּוִינָה בִּפְרָחִים יָפִים וּבְנֶפֶשׁ נְדִיבָה.

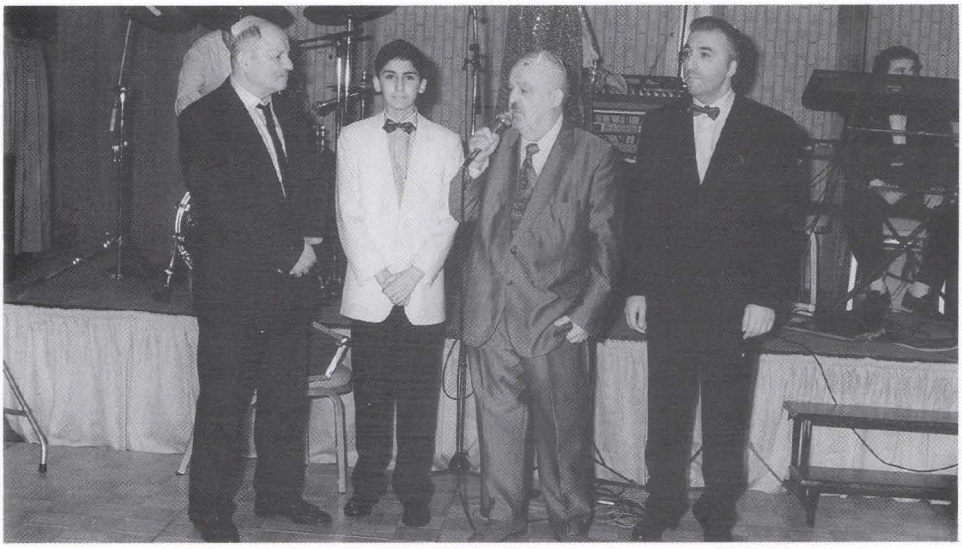
1 בְּאוֹקְטוֹבֶּר 1995

ד"ר שְׁלֹמֹה לֶוַיֶּיב.

זִכְרוֹנוֹת פִּנְחָס יַדְגָּרוֹב - מִחֻתָּנוֹ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב

נַעֲשֵׂינוּ לִמְחֻתָּנִים שֶׁל מִשְׁפַּחַת גִּילְקָרוֹב לִפְנֵי 26 שָׁנִים. כָּל הַשָּׁנִים הָאֵלֶּה חָיינוּ בִּידִידוּת. הַמְחֻתָּן מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב תָּמִיד הָיָה מִשְׁתַּתֵּף בְּכָל הָאֵרוּעִים שֶׁלָּנוּ. גַּם בַּחֲגִיגוֹת, גַּם כַּאֲשֶׁר יָשַׁבְנוּ שִׁבְעָה. מוֹתָהּ בְּטֶרֶם עֵת שֶׁל יָעֵל מְחֻתַּנְתֵּנוּ הָיָה לְצָרָה גְּדוֹלָה גַּם לָנוּ. יָעֵל הָיְתָה טוֹבָה וּמַסְבִּירַת פָּנִים מְאֹד. לֹא אָשְׁפַּח לְעוֹלָם, כַּאֲשֶׁר נִפְטְרָה בִּתִּי מַפְרַט יַדְגָּרוֹבָה בְּכ״ח בְּתִשְׁרֵי תשמ״ט וּבְ-8 בְּאוֹקְטוֹבֶּר 1988, הָיָה מָרְדְּכַי בְּסַמַרְקַנְד, שָׁם עָסַק בְּשִׁחְזוּר הַמַּצֵּבוֹת. לַמְרוֹת קֶשֶׁר טֶלֶפוֹנִי בֵּינְלְאוּמִי גָּרוּעַ בְּאוּזְבֶּקִיסְטָן, הִצְלִיחַ לְהִתְקַשֵּׁר אֵלֵינוּ לְיִשְׂרָאֵל וְהִבִּיעַ אֶת תַּנְחוּמָיו. אַחַר-כָּךְ הִגִּיעַ מִסַּמַרְקַנְד לְיִשְׂרָאֵל לְאַזְכָּרַת הַשְּׁלֹשִׁים שֶׁל מַפְרַט ז״ל, כְּדֵי לְעוֹדֵד אוֹתָנוּ בַּזְּמַן הַקָּשֶׁה לָנוּ. כַּאֲשֶׁר הִגִּיעַ אֵלֵינוּ, לָקַח אֶת צָרוֹתֵינוּ לִלְבּוֹ וְהִשְׁתַּתֵּף בְּצַעֲרֵנוּ, כִּי מַפְרַט הַמְּנוּחָה, שֶׁהָיְתָה טוֹבָה מְאֹד וְכֵן מוּכָנָה לַעֲזֹר וּמְכֻבֶּדֶת אֶת כֻּלָּם, הִיא עָזְבָה אוֹתָנוּ קֹדֶם עֵת. יְהִי רָצוֹן שֶׁיָּשִׂים ה׳ אֶת נִשְׁמָתוֹ שֶׁל מְחֻתָּנִי מָרְדְּכַי בְּגַן עֵדֶן. אָמֵן.

פִּנְחָס יַדְגָּרוֹב.

שני הסבים מברכים את אפרים נכדם ביום בר-המצוה. וינה, 1992.
Дедушки поздравляют внука - Эфраима с бар-мицвой. Вена, 1992 г.

יוֹסֵף גְּלִילִי - גַּבַּאי בֵּית הַכְּנֶסֶת "אֵלִיָּהוּ" בְּחוֹלוֹן

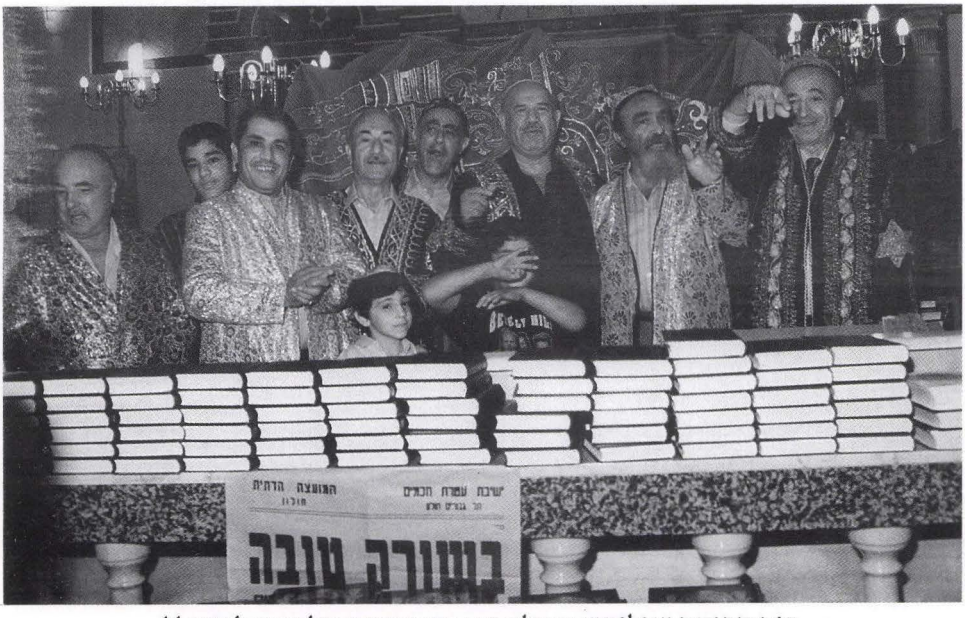
מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב יָדַע וְאָהַב אֶת הַתּוֹרָה וְהִמְשִׁיךְ לִלְמֹד אוֹתָהּ. עָמַד בְּרֹאשׁוֹ שֶׁל בֵּית-הַכְּנֶסֶת הַבּוּכָרִי כִּמְעַט עֶשְׂרִים שָׁנָה וְלִמֵּד שָׁם אֶת הַנֹּעַר לַתּוֹרָה וְלַיַּהֲדוּת. גַּם בְּכָל פַּעַם שֶׁהִגִּיעַ לְיִשְׂרָאֵל הִגִּיעוּ אֵלָיו אֲנָשִׁים, אָהֲבוּ לִלְמֹד עִמּוֹ תּוֹרָה, לִשְׁמֹעַ אוֹתוֹ, לְחַקּוֹת אוֹתוֹ. הָיִינוּ יְדִידִים קְרוֹבִים, וְכָל פְּגִישָׁה אִתּוֹ נָתְנָה לִי שִׂמְחָה רַבָּה. אֲנִי גֵּאֶה שֶׁהָיִיתִי לִידִידוֹ שֶׁל הָאִישׁ הַנִּדְבָּן, הַיּוֹעֵץ הַטּוֹב לְמִשְׁפָּחוֹת רַבּוֹת, הַמַּדְרִיךְ לַנֹּעַר. גַּם הוּא גַּם יְלָדָיו עָזְרוּ לְבֵית הַכְּנֶסֶת "אֵלִיָּהוּ" בְּחוֹלוֹן. יָדַעְתִּי עַל תִּכְנֶן פְּעִילוּתוֹ בְּסִיּוּעַ לָעוֹלִים חֲדָשִׁים, לִילָדִים יְתוֹמִים, לְאַלְמָנוֹת וּלְנָכִים. חֲבָל, שֶׁהָאִישׁ הַזֶּה, בַּעַל לֵב רָחָב וְטוֹב, נִפְטַר מֵקִדָּם. אָמְנָם יוֹדְעִים אָנוּ, כִּי נַפְשׁוֹ תִּהְיֶה בְּגַן-עֵדֶן לְעוֹלָם.

יוסף גלילי, גבאי בית-כנסת "אליהו", נואם באזכרת מרדכי. ישראל, 1995.
Габбай-Йосеф Галили выступает на поминках Мордехая.

נִיסָן יַעֲקוֹבּוֹב - רֹאשׁ-וַעַד בֵּית הַכְּנֶסֶת

בְּיִשְׂרָאֵל הִתְפַּלֵּל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב בְּבֵית-הַכְּנֶסֶת "אֵלִיָּהוּ". כָּבוֹד רַב הָיָה לָנוּ שֶׁהֶעֱרִיךְ הַעֲרָכָה רַבָּה אֶת בֵּית-הַכְּנֶסֶת שֶׁלָּנוּ וְאָמַר, כִּי יֵשׁ לוֹ תַּעֲנוּג רוּחָנִי בְּבֵית-הַכְּנֶסֶת הַזֶּה, הַיָּפֶה בְּיוֹתֵר מִבֵּין בָּתֵּי הַכְּנֶסֶת שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה. שָׂמַחְתִּי בְּכֵנוּת לְכָל פְּגִישָׁתֵנוּ, וְלֹא דַּי הָיָה לִי לְהִפָּגֵשׁ אִתּוֹ בַּתְּפִלָּה, חִפַּשְׂתִּי הִזְדַּמְּנֻיּוֹת לִפְגִישׁוֹת אֲחֵרוֹת. אָהַבְתִּי לִשְׁמֹעַ אֶת דֵּעוֹתָיו הַנְּבוֹנוֹת עַל הַתּוֹרָה, עַל הַחַיִּים, עַל יַחֲסֵי אֲנָשִׁים, עַל חִנּוּךְ יְלָדִים. אֲנִי גָּר בְּאַרְצֵנוּ הַקְּדוֹשָׁה בְּיִשְׂרָאֵל, פָּגַשְׁתִּי רַבָּנִים בּוֹלְטִים, בְּקִיאִים בַּתּוֹרָה, וַאֲנִי יָכוֹל לוֹמַר בְּבִטְחָה, כִּי גַּם מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב הָיָה אֶחָד מֵהָאֲנָשִׁים שֶׁגַּם יָדַע אֶת הַתּוֹרָה, וְגַם חַי לְפִי מִצְווֹת הַתּוֹרָה. אַחֲרֵי כָּל מִפְגָּשׁ אִתּוֹ הָיִיתִי אוֹמֵר לְעַצְמִי: "אֵיזֶה יְפִי הָיָה בָּעוֹלָם, אִלּוּ הָיוּ יוֹתֵר אֲנָשִׁים כָּאֵלֶּה: הוֹגְנִים, נְבוֹנִים, וְיִרְאֵי שָׁמַיִם!"

בית הכנסת "אליהו" בחולון שם נהג מרדכי גילקרוב להתפלל.

Израильская синагога "Элияу Якубов", где молился Мордехай Гилькаров.

בית הכנסת "אליהו" בחולון שם נהג מרדכי גילקרוב להתפלל.

Израильская синагога "Элияу Якубов", где молился Мордехай Гилькаров

חַיִים פִילוֹסוֹב - יְדִידוֹ הַקָרוֹב

בְמֶשֶׁךְ חַיַי הָאֲרוּכִים, נִפְגַשְׁתִי עִם אֲנָשִים רַבִים אֲשֶׁר מַעֲמִידִים פָנִים כְאִילוּ הֵם צַדִיקִים, דָתִיִים, בֵנִים לְלֹא דוֹפִי. אֲבָל בְעֶצֶם לֹא סִיְעוּ לֹא בְדִבְרֵיהֶם וְלֹא בְכַסְפֵיהֶם, לֹא לְנִזְקָקִים וְלֹא לְאֵיזֶשֶׁהוּ מַעֲשֵׁי חֶסֶד.

אֲנִי מַכִיר בְקְהִילָתֵנוּ הַבּוּכָרִית גַם אֲנָשִים אֲצִילִים בְיוֹתֵר, עֲשִירֵי רוּחַ, נְבוֹנִים וּבְכָל זֹאת, צְנוּעִים מְאֹד. מָרְדְכַי גִילְקָרוֹב הָיָה אֶחָד מֵהָאֲנָשִים הָאֵלֶה. הוּא אָהַב אֶת בֵית הַכְנֶסֶת שֶׁלָנוּ לֹא רַק בְשֶׁל יוֹפְיוֹ וְנוֹת יְיוּתוֹ אוֹ בְגַלַל חַזָן טוֹב, אֶלָא הָיָה מְכַבֵד אֶת הַקְהִילָה אֲשֶׁר בָנְיָה הִתְפַקְלוּ שָם. בְכְלָל אוֹהֵב הָיָה אֲנָשִים. וְנִרְאָה לִי שֶׁלֹא הָיְתָה לוֹ אַף דַקָה אַחַת, אֲשֶׁר לֹא חָשַב עַל הַנִזְקָקִים וְכֵיצַד לַעֲזוֹר לָהֶם.

בְרוּחַ זוֹ חִינֵךְ גַם אֶת יְלָדָיו. אֵלוּ כִבְדוּ אֶת אֲבִיהֶם כַאֲשֶׁר הָיָה בַחַיִים, וּמוֹקִירִים אֶת זִכְרוֹ גַם אַחֲרֵי פְטִירָתוֹ. עֵדִים אָנוּ, כֵיצַד הֵם מְמַלְאִים אֶת חוֹבָתָם, אוֹמְרִים קָדִישׁ, שׁוֹמְרִים עַל אַזְכָרוֹת, וְהֶחָשׁוּב מִכֹּל, שֶׁיְלָדָיו הַנּוֹטִים לַעֲזוֹר וְהַמִתְרַבְתִים הוֹלְכִים בְדַרְךְ אֲבִיהֶם וּמֵיטִיבִים לַאֲנָשִים.

חיים פילוסוב נואם באזכרת מרדכי. ישראל, 1995.

Хаим Пилосов выступает на поминках Мордехая. **Израиль 1995г.**

שָׂרָה - כַּלָּתוֹ הָרִאשׁוֹנָה, רַעְיָתוֹ שֶׁל בּוֹרִיס

(שָׂרָה וּבּוֹרִיס חַיִּים בְּחַיִּים מְשֻׁתָּפִים מְאֻשָּׁרִים 26 שָׁנִים. שָׁנִים רַבּוֹת חָיוּ בְּיַחַד עִם מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב הַמָּנוֹחַ. לָכֵן בִּקַּשְׁנוּ אוֹתָהּ לְסַפֵּר עַל חָמִיהָ בְּשֵׁם שִׁלֹּשׁ הַכַּלּוֹת).

דּוֹדֵנוּ מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב הָיָה אִישׁ מַשְׂכִּיל, חָכָם וְנִכְבָּד עַל יְדֵי כֻּלָּם. יְכוֹלוֹת אֲנוּ לוֹמַר עָלָיו רַק אֶת הַדְּבָרִים הַטּוֹבִים - עַל כָּל הַשָּׁנִים שֶׁחָיִינוּ בְּיַחַד. הוּא הָיָה מַעֲרִיךְ וּמְכַבֵּד אֶת כָּל אַחַת מֵאִתָּנוּ, כַּלּוֹתָיו. כְּאִלּוּ הִשְׁלִימָה כָּל אַחַת מִמֶּנּוּ אֶת רְעוּתָהּ. תָּמִיד הָיָה מִשְׁתַּדֵּל לְהַגִּיעַ לְשָׁלוֹם וְלַהֲבָנָה הַדָּדִית בְּמִשְׁפְּחוֹתֵינוּ. כַּאֲשֶׁר הָיוּ מוֹפִיעוֹת אִי הֲבָנוֹת בֵּינֵינוּ לִבְעָלֵינוּ, תָּמִיד הָיָה מָגֵן עָלֵינוּ, הַכַּלּוֹת, וְהִדְרִיךְ אֶת בָּנָיו לַדֶּרֶךְ הַנְּכוֹנָה. בְּמִקְרִים שֶׁאֲנַחְנוּ הַהוֹרִים הָיִינוּ מְשׂוֹחֲחִים עִם יְלָדֵינוּ שֶׁלֹּא כָּרָאוּי, הָיוּ שִׂיחוֹתָיו אִתָּנוּ עַל נִימוּסִים שִׂיחוֹת הַמְתֻבָּלוֹת בְּדֶגֶמָאוֹת שׁוֹנוֹת. הוּא לִמֵּד אוֹתָנוּ, כֵּיצַד לְחַנֵּךְ אֶת הַיְלָדִים בְּחִנּוּךְ נָכוֹן, כֵּיצַד יֵשׁ לִמְצֹא גִּישָׁה לְלִבָּם. הוּא אָהַב מְאֹד אֶת נְכָדָיו. כָּל נֶכֶד וְנֶכְדָּה מָצָא נְקֻדָּה לְהָאִיר לָהֶם וְיָעַץ עֵצוֹת טוֹבוֹת. אֲנוּ מוֹדוֹת לוֹ עַל מַאֲמָצָיו בַּחִנּוּךְ הַדָּתִי שֶׁל יְלָדֵינוּ, עַל מַה שֶּׁלִּמֵּד אֶת יְלָדֵינוּ לִקְרֹא וּלְהָבִין אֶת הַתּוֹרָה. כָּעֵת לוֹמְדִים שְׁנֵי נְכָדָיו בִּישִׁיבַת בַּר-אִילָן (בְּתֵל-אָבִיב).

יָכֹלְנוּ לְדַבֵּר אוֹתוֹ עַל נוֹשְׂאִים שׁוֹנִים. שׂוֹחֲחָנוּ לְעִתִּים קְרוֹבוֹת עַל סְפָרִים, מִפְּנֵי שֶׁאוֹתָם נָהַג לְקָרֹא הַרְבֵּה. לְפִי דְּרִישָׁתוֹ וּבַקָּשָׁתוֹ הַמְּפֻגֶּנֶת, שָׁמַעְנוּ חֲדָשׁוֹת בָּרַדְיוֹ וּבַטֶּלְוִיזְיָה פַּעֲמַיִם בַּיּוֹם וְאַחַר-כָּךְ סִפַּרְנוּ לוֹ עֲלֵיהֶן, שֶׁכֵּן שִׁדּוּרִים אֵלּוּ חָלוּ בּוֹ זְמַנִּית עִם הַתְּפִלּוֹת בְּבֵית-הַכְּנֶסֶת. תָּמִיד רָצָה לִהְיוֹת בָּעִנְיָנִים בְּכָל הָאֵרוּעִים, גַּם בְּיִשְׂרָאֵל גַּם בָּעוֹלָם. תָּמִיד הָיָה יוֹעֵץ לָנוּ לְהִתְעַנְיֵן בַּמְּדִינִיּוּת. "זֶה חָשׁוּב מְאֹד" - כָּךְ נָהַג לוֹמַר. הוּא הָיָה לְמִשְׁעָן לִילָדָיו וְהָיָה יוֹעֵץ לָהֶם עֵצוֹת נְכוֹנוֹת וְיעִילוֹת. אֲנַחְנוּ מְבִינוֹת, אֵיךְ קָשֶׁה עַתָּה לִבְעָלֵינוּ - בָּנָיו, מִפְּנֵי שֶׁאַחֲרֵי פְּטִירָתָהּ שֶׁל אִמָּם (וְהִיא הָיְתָה גַּם

כְּאִמּוּנוֹ), הָיָה לְמִשְׁעָנָם. וְעַכְשָׁו אֵינָנּוּ בַּחַיִּים. וַהֲרֵי הִגִּיעַ הַזְּמַן לְהַשִּׂיא אַתְּ בָּנֵינוּ וְאֶת בְּנוֹתֵינוּ, וְאֵינֶנּוּ אִתָּנוּ. הוּא חָסֵר לָנוּ. עֲצוֹתָיו הַטּוֹבוֹת וְהוֹרָאוֹתָיו הַנְּבוֹנוֹת חֲסֵרוֹת לָנוּ, כֵּיוָן שֶׁהָיָה בָּקִי גָּדוֹל בְּנַפְשׁוֹת הָאֲנָשִׁים. דַּי הָיָה לוֹ לְשׂוֹחֵחַ עִם אָדָם פַּעַם אַחַת, וּמִיָּד הִכִּיר אֶת אָפְיוֹ. כְּמוֹ כֵן כְּמַחֲנֵךְ מְנֻסֶּה, הָיָה מְסֻגָּל לִמְצֹא גִּישָׁה וּ-"מַפְתֵּחַ" לְכָל יֶלֶד. לְדֻגְמָא, אֶפְרַיִם בְּנִי, נוֹלַד בְּווִינָה בְּ-1979 וְלָמַד בְּבֵית סֵפֶר יְהוּדִי, מָקוֹם בּוֹ לֹא הִתְיַחֲסוּ מַסְפִּיק לְחִנּוּךְ דָּתִי (לְפִי דַּעְתִּי). עֻבְדָּה זוֹ לֹא מָצְאָה חֵן בְּעֵינֵי מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב - סַבָּא שֶׁל בְּנִי.

כְּמַחֲנֵךְ גָּדוֹל חִפֵּשׂ בְּצוּרָה שִׁיטָתִית אֶת הַגִּישָׁה לְנֶכְדּוֹ, כֵּיצַד לְחַנֵּךְ אוֹתוֹ לִהְיוֹת יְהוּדִי דָּתִי! גַּם אֲנִי, כְּאֵם, הִתְפַּלֵּאתִי מִכֹּחַ-עַמִּידָתוֹ וֶאֱמוּנָתוֹ שֶׁל סַבָּא מָרְדְּכַי.

תַּהֲלִיךְ זֶה נִמְשַׁךְ שְׁנָתַיִם אוֹ שָׁלֹשׁ. סַבָּא מָרְדְּכַי הִשְׁתַּמֵּשׁ בְּשִׁיטַת הַשִּׁכְנוּעַ, לְלֹא כֹּרַח. וְסוֹף סוֹף נִצַּח אֶת אֶפְרַיִם נֶכְדּוֹ. בִּהְיוֹתוֹ כְּבֶן 11 שָׁנִים נִכְנַע אֶפְרַיִם לִדְרִישׁוֹת סָבוֹ בִּשְׁלֵמוּת, וּבְיוֹם בַּר-הַמִּצְוָה שֶׁלּוֹ הֻרְאָה לְכֻלָּם אֶת הַיְּדַע הָעָמֹק בַּיַּהֲדוּת. כָּעֵת בְּנֵנוּ אֶפְרַיִם מוֹדֶה לְסָבוֹ מָרְדְּכַי ז"ל, וּמְסֻגָּל בְּכָל רֶגַע לְהוֹפִיעַ כְּשְׁלִיחַ צִבּוּר בְּבֵית-כְּנֶסֶת.

מרדכי מברך את איזבלה נכדתו ביום הולדתה. וינה, 1988.

Мордехай поздравляет внучку - Изабеллу с днем рождения. Вена, 1988 г.

כְּמוֹ כֵן בְּסַבָּלָנוּת גְּדוֹלָה מָצָא מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב מַפְתֵּחַ לְכָל אֶחָד מִנְּכָדָיו וּמְנֻכְדוֹתָיו. עַתָּה כֻּלָּם נִזְכָּרִים בְּסַבָּא מָרְדְּכַי בְּגַאֲוָה. צָרִיךְ לוֹמַר, כִּי דּוֹדֵנוּ מָרְדְּכַי הָיָה מְקָרֵב גַּם אֶת הַיְלָדִים הָאֲחֵרִים שֶׁל יְהוּדֵי בּוּכָרָה הַגָּרִים בְּוִינָה, מְקָרֵב אוֹתָם לַתּוֹרָה וּלְחֻקֵּי הַדָּת. הוּא חָסֵר לָנוּ, חָסֵר מְאֹד...

מרדכי מניח תפילין לאפרים נכדו ביום בר-המצוה. וינה, 1992.
Мордехай повязывает тефилин внуку - Эфраиму в день его бар-мицвы.

הַדֶּרֶךְ לַחָכְמָה

סָבִי, אֲשֶׁר נֶחְשַׁב עַל-יְדֵי הָרוֹב לְאִישִׁיּוּת כָּרִזְמָטִית, גַּם בְּעֵינֵי נְכָדָיו סְמֶל תּוֹעָה לֹא פָּחוֹת מָרְשִׁימָה. אָךְ אִישִׁיּוּת זוֹ הוּבְעָה פָּחוֹת בְּאוֹטוֹרִיטָה שֶׁלּוֹ הַגְּבוֹהָה כְּלַפֵּי יְלָדָיו וְלִנְכָדָיו, אֶלָּא יוֹתֵר בְּיָחְסֵי אֱנוֹשׁ בִּלְתִּי-רִגִילִים עִם נֶכְדָיו. הַיְחָסִים הַנֶּהְדָרִים הָאֵלֶּה אֵינָם קַיָמִים בְּשׁוּם תַּדְמִית שִׁגְרָתִית, שֶׁבָּהּ דָּגִים הַסַּב וּנְכָדָיו יַחַד, אוֹ רוֹכְבִים עַל אוֹפַנַּיִם, זֶה לְצַד זֶה.

זְכוּרַנִי שִׂיחוֹת יְקָרוֹת מְאֹד וְוִכּוּחִים מְעַנְיְנִים עִם סָבָא עַל אֶתִיקָה, הַתַּלְמוּד, וּבְנוֹשְׂאִים פִּילוֹסוֹפִיִים אֲחֵרִים. הַשִׂיחוֹת הָאֵלֶּה הִצְטַיְינוּ בִּתְכוּנָה מְיֻחֶדֶת, אֲשֶׁר תָּרְמָה לְאוֹפְיָם הָאִיכוּתִי. סָבִי תָּמִיד הָיָה נוֹהֵג בִּי בְּרֶסְפֶּקְט וּבְתִשׁוּמַת לֵב רַבָּה. הֵן הַשְׁכָּמָתוֹ, וְהֵן בִּיקוֹרְתוֹ וְהַכְּחָשָׁתוֹ הָזְהִירָה שֶׁל נִימוּסֵי - גָּרְמוּ לִי לְתָּחוּשָׁה לְהִיוֹת אִישׁ-שִׂיחָה מְבֻגָּר וְשָׁוֶה לוֹ וְהַמְסֻגָּל לְהָבִיא נִימוּקִים הֶגְיוֹנִיִים וּמְשַׁכְנְעִים

גַּם נִסְיוֹנוֹ לְלַמֵּד אוֹתִי לְנַהֵל דִיאַלֶקְטִיקָה נְכוֹנָה - הַנִיהוּל הַמּוֹפְתִי מִבְּחִינַת סָבִי, הָפְרָגְמָטִי - הָיָה מָשְׁמַעוּתִי מְאֹד. קִדְמָתוֹ הָיְתָה לְמַתֵּן אֶת מִזְגִי וּלְפַתֵּחַ בִּי הַנְמָקָה הֶגְיוֹנִית.

אֲבָל הַדָּבָר הֶחָשׁוּב בְּיוֹתֵר וְכַנִּרְאֶה גַּם הַקּוֹבֵעַ לְחִנּוּכָם שֶׁל יְלָדֵי סָבִי הָיְתָה כַּוָּנָתוֹ לְהַעֲמִיד אֶת הַתְּכוּנוֹת הַנַּ״ל לַבָּסִיס הָעִקָּרִי לְיַחֲסֵי אֱנוֹשׁ. בְּאוֹתָהּ רָמָה דָּן גַּם בִּבְעָיָה חִנּוּכִית הַחֲשׁוּבָה בְּיוֹתֵר, לָתֵת אֶת חֹפֶשׁ הַהַחְלָטָה לַיֶּלֶד הוּא נִתֵּב דַּרְכּוֹ - כְּדֵי שֶׁיַּגִּיעַ הַיֶּלֶד לְמַסְקָנָה נְכוֹנָה. דֶּרֶךְ זוֹ הָיְתָה לְסָבִי הַדֶּרֶךְ הַטּוֹבָה בְּיוֹתֵר לְחַנֵּךְ אֶת יְלָדָיו לְעַצְמָאִיִים מְבוּגָרִים, הַמְסֻגָּלִים לְהַחְלִיט הַמְלָטוֹת.

כְּדֵי לְהַצְדִיק אֶת הַמּוֹפֵת הָזֶה לְחִנּוּךְ וּלְהִתְנַהֲגוּת, סָבִי הִתְבַּסֵּס עַל הַמְּקוֹרוֹת הַחֲשׁוּבוֹת לוֹ בְּיוֹתֵר: הַתַּלְמוּד וְהַסִּפְרוּת הַתּוֹרָנִית בִּכְלָלָהּ. אֶפְשָׁר לוֹמַר, כִּי סָבִי בָּנָה אֶת חַיָּיו עַל בְּסִיס הָאֱמוּנָה וְעַל בָּסִיס שֶׁל

מרדכי מברך בשותפות אב הכלה, לאון מצליח, את נכדו דויד עב"ל הלן. ישראל, 1994.
Мордехай благословляет внука - Давида и его жену - Элен в день их свадьбы.

יִרְאַת-שָׁמַיִם וּמַשְׁמָעוּתוֹ וּבְשִׁמְירָה וְאַהֲבָה כְּלָפֵי כֹּל הָחַיִים הַיְהוּדִיִים, שֶׁתָּמִיד הָיָה מוֹסֵר אֶת עִקְרֵי הַיַּהֲדוּת לִקְרוֹבָיו לְגַבֵּי שֵׁאֲלוֹת וּבְעָיוֹת יוֹמְיוֹמִיוֹת.

קָשֶׁה לוֹמַר, בְּאֵיזוֹ מִידָה הִצְלִיחַ לַעֲשׂוֹת אֶת זֶה. אַךְ לְלֹא סָפֵק הִצְלִיחַ לְהַעֲבִיר לַיֶּלֶד תְּחוּשַׁת בַּגְרוּת וְאַפְלוּ חָכְמָה לְמִסְפַּר שָׁעוֹת.

דָּוִיד גִּילְקְרוֹב - נֶכְדּוֹ הֶבְכּוֹר שֶׁל מָרְדְּכַי. יִשְׂרָאֵל, 1996.

לִזְכרוֹ שֶׁל מָרְדְכַי גִילְקָרוֹב

מֵאֵת הַמְשׁוֹרֵר אַהֲרוֹן רַבִּינוֹבִיץ וְרַעֲיָתוֹ רוֹזָה (תֵּל-אָבִיב)

מָרְדְכַי הָיָה אִישׁ בַּעַל נְשָׁמָה שְׁקֵטָה אַךְ סוֹעֶרֶת, לִזְכוּתוֹ אַךְ וְרַק מַעֲשִׂים טוֹבִים, הוּא הָיָה מִמְיַסְּדֵי בֵּית הַכְּנֶסֶת בְּוִינָה. חַיָּיו הָיוּ סוּפוֹת שֶׁל סֵבֶל. תְּכוּנוֹתָיו הַנֶּהֱדָרוֹת פָּנוּ לְעֶזְרַת הַזּוּלַת וְהַנִצָחַת הָעֵדָה הַבּוּכָרִית. מָרְדְכַי גִילְקָרוֹב הָיָה בַּעַל יוֹזְמָה וּבַעַל כּוֹחוֹת נִסְתָּרִים. מַעֲשִׂים רַבִּים פָּעַל בְּחוּשׁ הַצֶּדֶק וְהַיּוֹשֶׁר, כְּשֶׁהָיִינוּ אֲנִי וְרַעֲיָתִי רוֹזָה בְּוִינָה כִּבֵּד אוֹתָנוּ, יוֹם שָׁלֵם עִם תַּעֲנוּגִים. רָאִינוּ בּוֹ בַּעַל נֶפֶשׁ רְגִשִׁי פִּיּוּטִי וְרַחַב לֵב, עָלָיו נֶאֱמַר חָכָם הַמְעֻטָּר בְּמִידוֹת טוֹבוֹת.

כָּזֶה הָיָה מָרְדְכַי גִילְקָרוֹב.

נַפַל לֵב מָרְדְכַי וְרוּחַךְ קָמָה
לִזְכְרֵךְ עֵדָה שְׁלֵמָה בְּשְׁאֵלָה לָמָה?
כָּל הָעֵדָה בְּיָגוֹן קוֹל רִנָּה תַּשְׁמִיעַ
צַעַר עָמוֹק יָד-בְּיָד כָּל אֶחָד מַבִּיעַ.

אַהֲרֹן רַבִּינוֹבִיץ

הָעֵדָה הַבּוֹכְרִית

בַּגָּכָר סָפַגְנוּ תַּרְבּוּת זָרָה,
רַק בְּכַח עָלֵינוּ נִכְפְּתָה,
מְקֻשָּׁטִים בִּלְבוּשׁ לֹא לָנוּ,
נִסִּינוּ לְהִדָּמוֹת לְגוֹיִים.

♦•♦

אֲבָל נִיצוֹץ הַקֹּדֶשׁ
הִשְׁאִירָנוּ כִּיהוּדִים
וְאָנוּ נֶאֱמָנִים לַדּוֹרוֹת הַקְּדוּמִים,
לְטַלִּיתוֹת, צִיצִיּוֹת וּתְפִלִּין.

♦•♦

סִפְרֵי הַתּוֹרָה נִסְפְּגוּ בְּתוֹכֵנוּ,
חֲבוּיִים הָיוּ בְּנִשְׁמוֹתֵינוּ.
כֹּחַ פְּנִימִי רַב אוֹן וָאֵיָל
הִדְרִיכָנוּ לִשְׁמֹר מְקוֹרוֹתֵינוּ.

♦•♦

שִׁמַּשְׁנוּ דֻּגְמָא לְכָל הָעוֹלָם
בִּשְׁמִירָה עַל יִחוּדֵנוּ,
שֶׁהַנָּצַח לֹא תַּם,
וְהַתּוֹרָה הִיא עֵץ חַיֵּינוּ.

♦•♦

עַם הַכִּבּוּדִים
בִּשְׁמָחוֹת לֹא שׂוֹכְחִים חַיִּים וּמֵתִים,
אֵין כָּמוֹנוּ לְקַבָּלַת אוֹרְחִים,
וְאֵין כָּמוֹנוּ לְשַׂמֵּחַ לֵב מַאֲמִין.

אֵין כָּמוֹנוּ לְטָהֳרַת חַיִּים מְשֻׁתָּפִים,
לְבוּשֵׁנוּ בְּחַגִּים מַלְכוּתִי וְהָדוּר,
וְיָדֵנוּ פְּתוּחָה בְּנִדִיבוּת לַנְּצְרָכִים,
עֵינֵינוּ לַשָּׁמַיִם בִּמְצוּקָה וּבְשִׂמְחָה.

♦•♦

עָזַבְנוּ אֶרֶץ בְּאָפְקֵנוּ הַצַּר,
אֶרֶץ עוֹצֶרֶת גְּבוּלוֹת,
חוֹרֶשֶׁת רָעָה לַשּׁוֹנָה וְלַזָּר
חֲרָבוֹת הִפְחִידוּנוּ הִגְבִּילוּ צְעָדֵינוּ.

♦•♦

לְזָרָא הָיוּ לָנוּ נְהָרוֹת וּנְחָלִים,
לֹא שָׂבַעְנוּ יָפְיָם וַהֲדָרָם,
שָׁמַיִם זָרִים כָּבְדוּ עָלֵינוּ
בְּמַאֲמָץ שָׁמַרְנוּ יִחוּדֵנוּ.

♦•♦

בָּאנוּ אֵלַיִךְ אַרְצִי,
פִּרְשִׁי סֻכַּת שָׁלוֹם,
תְּאַהֲבִי אוֹתָנוּ אַרְצִי,
מְמֻשָּׁנִים וּבְטוּחִים בְּדַרְכֵּנוּ.

♦•♦

נִדְבַּק בָּךְ וּבִתְכֵלֶת הַשָּׁמַיִם,
הַנּוֹשֵׂאת בְּקִרְבֵּנוּ
קְדֻשַּׁת נֶצַח יְרוּשָׁלַיִם הַבִּירָה,
וְאֶרֶץ יִשְׂרָאֵל הַשְּׁלֵמָה.

♦•♦

בַּקָּשָׁה אַחַת נַחֲשׁוּבָה
לְקַבֵּל כֹּחַ נִצְחִי
מִמַּלְאָךְ הַשָּׁם בְּרָכָה,
לְעַם יִשְׂרָאֵל הַשְּׁמֵימִי.

אַהֲרוֹן שְׁלַמַּייֵב
לִזְכֶר הַמּוֹרֶה מָרְדְכַי גִילְקָרוֹב

כְּמוֹ כּוֹכָב מוֹרֶה-דֶּרֶךְ לְכָל הַחַיִּים - אַתָּה מוֹרֵנוּ!
מְשָׁרֵת לְעַמְּךָ בְּכָל הַחַיִּים אַתָּה מוֹרֵנוּ!
גַּם גָּאוֹן, גַּם גְּבוּר - הֵם כּוֹלָם תַּלְמִידִים שֶׁלְּךָ, מוֹרֵנוּ!
עַל הַחָכְמָה וְעַל הַמּוּסָר לְעוֹלָם הֵם מוֹדִים לְךָ, מוֹרֵנוּ!
לִנְפְגַּע בְּשִׁנְאָה מִהַרְתָּ לַעֲזוֹר אַתָּה, מוֹרֵנוּ,
וְהִצְלַחְתָּ גַּם אֶת הַתּוֹעֶה לַעֲצוֹר אַתָּה, מוֹרֵנוּ.
וּבְכָל אֲסֵיפָה בְּאֵבֶל אוֹ שִׂמְחָה - אַתָּה מוֹרֵנוּ!
כּוֹלָם שׁוֹמְעִים אוֹתְךָ, מְכַבְּדִים אֶת שִׁמְךָ - אַתָּה מוֹרֵנוּ!
מְסַיֵּעַ אֲצִילִים, בַּעַל נֶפֶשׁ טוֹבָה - אַתָּה מוֹרֵנוּ!
מִתְחַיֵּב לַעֲשׂוֹת נְדָבָנוּת כְּחוֹבָה - אַתָּה מוֹרֵנוּ!
הֱיֵה שָׁלוֹם! הוֹי תִּפְאֶרֶת הָעָם, מָרְדְכַי, הוֹי מוֹרֵנוּ!
הֱיֵה שָׁלוֹם! לְעוֹלָם תִּשָּׁאֵר לָנוּ חַי, הוֹי מוֹרֵנוּ!

סוֹף-דָּבָר

בָּנִים נֶאֱמָנִים, בָּנוֹת וְכַלּוֹת נֶחְמָדוֹת, חֲתָנִים מְסוּרִים,
אַחְיָנִים דּוֹאֲגִים, נְכָדִים הוֹגְנִים

הָעֹשֶׁר הָעִקָּרִי אֲשֶׁר הָיָה לְמָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב - יְלָדָיו. מִי יִתֵּן, שֶׁלְּכָל הַהוֹרִים יִהְיוּ יְלָדִים כָּאֵלֶּה, כִּי אֵין דָּבָר יוֹתֵר יָקָר לַהוֹרִים מִילָדִים טוֹבִים. יַלְדֵיהֶם שֶׁל מָרְדְּכַי וְעַל גִּילְקָרוֹב: בּוֹרִיס (בְּכוֹר), מֹשֶׁה (מִישָׁה), אוּרִיאֵל (יוּרִי), נַקְאדָם (נִינָה) וְרִבְקָה (רוֹזָה), - מְמַלְּאִים אֶת צַוָּאוֹת הוֹרֵיהֶם. כָּעֵת כְּמַעַט כֻּלָּם חָזְרוּ לְיִשְׂרָאֵל. הֵם מְלֻכָּדִים מְאֹד וְתָמִיד עוֹזְרִים אִישׁ לְרֵעֵהוּ. אַף פַּעַם לֹא קָרָה לָהֶם דָּבָר שֶׁיְּכוֹל לְהָעִיב אֶת זֵכֶר הוֹרֵיהֶם וַאֲנַחְנוּ בְּטוּחִים שֶׁלֹּא יִקְרֶה דָּבָר כָּזֶה לְעוֹלָם.

וְכֵן קְרוֹבִים וִידִידִים רַבִּים שֶׁלּוֹ תָּמִיד מְכַבְּדִים אֶת הַזֵּכֶר הַמְּבֹרָךְ שֶׁל מָרְדְּכַי גִּילְקָרוֹב וְזוֹכְרִים אוֹתוֹ בְּמִלִּים טוֹבוֹת, כִּי תָּמִיד הָיוּ אוֹהֲבִים אוֹתוֹ בְּכֵנוּת.

וְהִנֵּה קְרוֹבָיו: שָׁלֹשׁ כַּלּוֹת: שָׂרָה, מַיָּה וְרוֹזָה, שְׁנֵי חֲתָנִים: אַמְנוֹן וְיוֹנָתָן: 13 אַחְיָנִים יַלְדֵי אָחִיו חֲנַנְיָה: גַּבְרִיאֵל, בַּרְנוֹ, זַלְמָן, יָשָׁר, הַבֵּן הַיָּחִיד שֶׁל אָחִיו יוֹסֵף-צְבִי, אַבְרָהָם; יְלָדֶיהָ שֶׁל יָעֵל אֲחוֹתוֹ: פְּנִיר, מֵאִיר-חַי, שׁוּלַמִּית, אַבְרָהָם, יִשְׁשְׂכָר; יַלְדֵי טוֹבִיָּה אֲחוֹתוֹ: בְּרוּכָה, דָּוִד, מִיכָאֵל, גַּבְרִיאֵל, מִישָׁאֵל, אַבְרָהָם, נָקְדָאם; יַלְדֵי נָפָה אֲחוֹתוֹ: יוֹחַי, אַבְנֵר, מְנַשֶּׁה, אַמְנוֹן, אַבְרָךְ, דּוּכְתַּר; יַלְדֵי מַזָּל אֲחוֹתוֹ: אוּרִיאֵל, מִישָׁאֵל, תָּמָרָה, רָחְמִין. וְיַלְדֵי רָחֵל אֲחוֹתוֹ: יַעֲקֹב, רַנָּה, שׁוּלָה, רוּמָה. וְגַם 14 נְכָדִים וּנְכָדוֹת: סְטֶלָה, אִיזַבֶּלָה, אֶפְרִים, דָּוִד, חַנָּה, יְהוּדִית, רָפָאֵל, בִּנְיָמִין, נָתָן, אֵילָנָה, דָּנִיאֵל, עִמָּנוּאֵל, יָעֵל וְיָרוֹן. גַּם בַּעֲלֵי נֶכְדוֹתָיו יִצְחָק וְלֵוִי וְאַשֶׁת נֶכְדוֹ: רָחֵל, - כֻּלָּם שׁוֹמְרִים עַל זִכְרוֹ, עַל זֵכֶר שְׁמוֹ הַטּוֹב.

בני מרדכי גילקרוב: בוריס, משה ויורי אומרים קדיש באזכרתו. ישראל, 1995.
Сыновья Мордехая: Борис, Моше и Юрий читают кадиш на его поминках.

נכדיו של מרדכי. וינה, 1992.

Внуки Мордехая. Вена, 1992 г.

מרדכי עם נכדיו. וינה, 1994.

Мордехай со своими внуками. Вена , 1994 г.

רפאל גילקרוב -
אביו של מרדכי
1863-1939

בלוריה קלנדרוב-גילקרוב -
אמו של מרדכי
1873-1937

יעל 1894-1956

- פניר
- מרחי
- שולמית
- אברהם
- ישכר

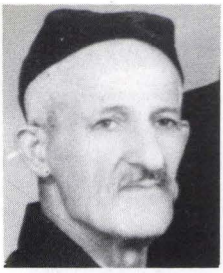
יפה 1898-1964

- יוחי
- אבנר
- מנשה
- אמנון
- אברך
- דוחטר

טובה 1900-1972

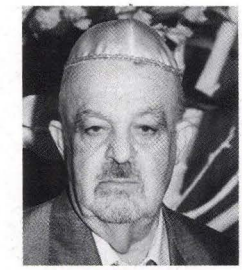
- ברוכה
- דוד
- מיכאל
- גבריאל
- מישאל
- אברהם
- נקדם

חנניה 1901-1979

- גבריאל
- ברנו
- זלמן
- יושור

שלשלת יוחסין
של מרדכי גילקרוב

מרדכי 1921-1995

- בכור
- משה
- אוריאל
- נינה
- רוזה

רחל 1919

- יעקוב
- רנה
- שורה
- רומה

יוסף-צבי 1914-1943

- אברהם

מזל 1906-1974

- אוריאל
- מישאל
- תמר
- רחמין

שרה

מרדכי גילקרוב
1921-1995

יעל אלאיב
1928-1983

∞

בכור 1946
∞
שרה ידגרוב

משה 1949
∞
מיה אלאיב

אפרים

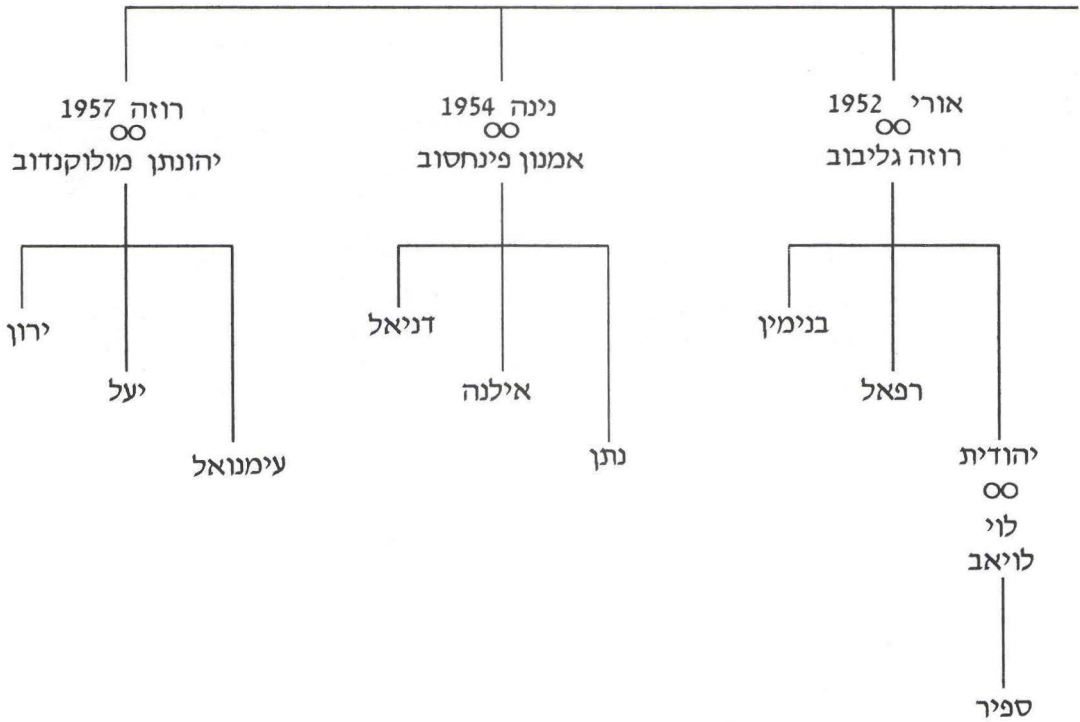
איזבלה

סטלה
∞
יצחק
אוסטוניאזוב

אסתר

חנית

דויד
∞
הלן
מצליח

אורי 1952
∞
רוזה גליבוב
בנימין
רפאל
יהודית
∞
לוי
לויאב
ספיר
נינה 1954
∞
אמנון פינחסוב
דניאל
אילנה
נתן
רוזה 1957
∞
יהונתן מולוקנדוב
ירון
יעל
עימנואל

אפרים אליאב
1880-1932

∞

חבצי קולאנגייב
1880-1931

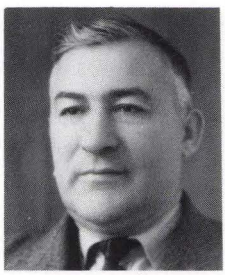
זולאי 1900-1975
∞
אבוחי ארונוב

- זויה
- דורה
- רנה
- מישה
- זלמן
- מזל
- מפרת
- איליצ'
- גולצ'רה

נקדם 1901-1979
∞
שימעון גבריאלוב

- אבנר
- אסף
- תמרה
- יהודה
- טובה
- דינה
- ישראל

חנניאל 1910-1978
∞
רחל פינחסוב

- בוריס
- אסתר
- מיה

שלשלת יוחסין
של יעל גילקרוב - אלייב
רעייתו על מרדכי גילקרוב

דוד 1912
∞
אסתר יגודייב

- ריבה
- תמרה
- יורה
- רוזה

יוסף 1915-1987
∞
צביה אילייבייב

- לידה
- אברהם
- יצחק
- סופיה

קסיו 1917-1971
∞
ישאי גבריאלוב

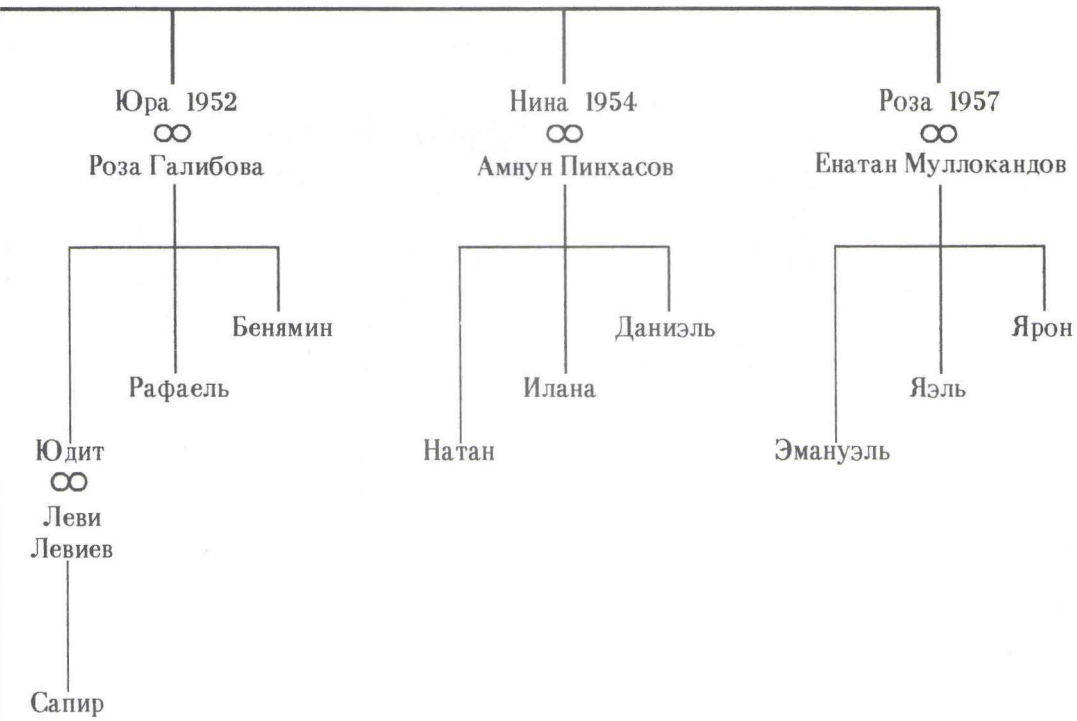
- שורה
- סוניה
- אליהו
- לידה
- רוזה

יעל 1928-1983
∞
מרדכי גילקרוב

- בכור
- משה
- אורי
- נינה
- רוזה

Схема родства Мордехая Гилькарова и супруги Яэль Алаевой - Гилькаровой

Мордехай Гилькаров
1921-1995

∞

Яэль Алаева
1928-1983

Борис 1946
∞
Сара Ядгарова

Моше 1949
∞
Маия Алаева

Эфраим

Изабелла

Ханит

Стелла
∞
Исак
Устониязов

Давид
∞
Элен
Мацлиах

Эстер

Схема родства Мордехая Гилькарова

Мазаль 1906-1974

- Уриэль
- Мишоэль
- Тамара
- Рахмин

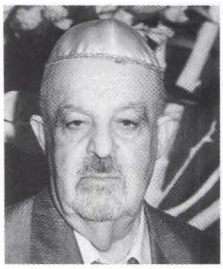
Иосиф 1914-1943

- Абраш

Рахель 1919

- Яша
- Рена
- Шура
- Рома

Мордехаи 1921-1995

- Борис
- Моше
- Юра
- Нина
- Роза

Сара 1905-1923

Отец Мордехая -
Рафаэль Гилькаров
1863-1939

Мать Мордехая-Балурия
Гилькарова-Каландарова
1871-1937

Яэль 1894-1956

- Панир
- Миэрхай
- Шуламит
- Абраш
- Исохор

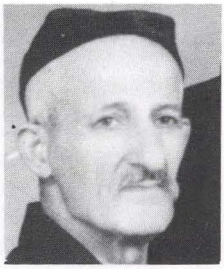
Яфа 1898-1964

- Юхой
- Авнер
- Менаше
- Амнун
- Аврех
- Духтар

Товия 1900-1972

- Бруха
- Давид
- Михаэль
- Гавриэль
- Мишоэль
- Аврам
- Неккадам

Ханания 1901-1979

- Гавриэль
- Барно
- Залман
- Ёшор

ОЧЕНЬ ГЛУБОКО СКОРБИМ ПО ПОВОДУ БЕЗВРЕМЕННОЙ КОНЧИНЫ ЛЮБИМОГО И УВАЖАЕМОГО ДЯДИ

МУРДАХАЯ ГИЛЬКАРОВА

ПРИНОСИМ СВОИ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ДЕТЯМ: БОРИСУ, МОШЕ, ЮРЕ, НИНЕ , РОЗЕ И ЧЛЕНАМ ИХ СЕМЕЙ, А ТАКЖЕ ЕГО СЕСТРЕ РОХИЛЕ ГИЛЬКАРОВОЙ.

МЫ РАЗДЕЛЯЕМ ВМЕСТЕ С ВАМИ ЭТУ ТЯЖЕЛУЮ УТРАТУ.

Племянники Яша, Рома, Рена, Шура Мусаевы с семьями

21 февраля 1995г. на 74 году жизни в городе Вене скончался многоуважаемый всеми нами человек, дядя

МУРДАХАЙ ГИЛЬКАРОВ

ПРИНОСИМ СВОИ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ДЕТЯМ: БОРИСУ, МОШЕ, ЮРЕ, НИНЕ И РОЗЕ И ЧЛЕНАМ ИХ СЕМЕЙ.ПРИНОСИМ СВОИ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ СЕСТРЕ РОХИЛЕ ГИЛЬКАРОВОЙ.
МЫ СКОРБИМ ВМЕСТЕ С ВАМИ В СВЯЗИ С ТЯЖЕЛОЙ УТРАТОЙ.

Мурдахай Гилькаров для нас был человеком великого образца, который воспитал пятерых детей, и они продолжат его добрые дела и не запятнают доброе имя.

Племянник Абрам Гилькаров с семьей

Дорогие Борис, Миша, Юра, Нина и Роза Гилькаровы с семьями! Приносим вам искренние соболезнования по поводу безвременной кончины любимого отца, деда и учителя жизни.

МУРДАХАЯ (ПИСАРА) ГИЛЬКАРОВА

Он был самым умным, любимым, добрым и отзывчивым человеком.

СКОРБИМ ВМЕСТЕ С ВАМИ:

Авнер, Соня, Гена, Эдуард Тамаровы.

Всех, кто стар или молод, что ныне под солнцем живут,
Одного за другим чередой в темноту уведут.
Царство этого мира навек никому не дано,
Мы уйдем, и другие потом придут и уйдут.

Онон, ки кухан буванду онон, ки наванд
Хар, як пан хамдигар яко-як бишаванд,
Ва ин мулки чахон ба кас намемонад
Човид рафтанду, равему боз ояндуравand

ПРИНОСИМ СВОИ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ПО СЛУЧАЮ БЕЗВРЕМЕННОЙ СМЕРТИ

МУРДАХАЯ ГИЛЬКАРОВА

ДЕТЯМ: БОРИСУ, МОШЕ, ЮРЕ, НИНЕ, РОЗЕ И ЧЛЕНАМ ИХ СЕМЕЙ

Раббай Ицхак Юшувах, Юхонон Хосидов, Михаэл Довидов, Гавриэл Довидов, Исроэл Увайдов, Манаш Абрамов с семьей, члены семьи Довида Алишаева и уважаемые люди Нью - Йорка

ПРИНОСИМ НАШЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ БОРИСУ, МИШЕ, ЮРЕ, НИНЕ И РОЗЕ ГИЛЬКАРОВЫМ С СЕМЬЯМИ

СКОРБИМ ВМЕСТЕ С ВАМИ:

Семья Нерия Абрамова: жена Соня, дети: Рая, Света, Рафаел, Михаил, Аркадий, Григорий, Жора с семьями. Америка, Израиль

Некоторые соболезнования: из американской газеты "Дружба"

תנחומים מעיתון האמריקאי "דרוז'בה"

ҲАТҲИЯ номер 507 апрель 1995

Журнали адабию информационии ҳармоҳаи Брит Йоцей Бухара, Исроэл

Ба Борис, Михоэл, Юра, Нина ва Роза Гилкорўвҳо.

Фарзандони ъазизу меҳрубон!
„Брит Йоцей Бухара – Исроэл“ ба шумоён аз сабаби бемаҳал вафот ёфтани падаратон мулло Мордухай Гилкоров таъзия ва ҳамдардй изҳор мекунад. Ба Ташкилоти мо падаратон чун марди доно ва ъоқил, фидокори ҷамоъати яҳудиёни бухорй дар шаҳри Вена, мададкори театри яҳудиёни бухории Исроэл, марди „баъал мицвўт“ айнан ба бева – бечораҳо, чун шахси мустаҳкамкунандаи дини Исроэлй байни яҳудиҳои бухорй шинос ҳаст.

Корҳои неки ин шахси ъазиз ҳеҷ вақт фаромўш намешавад.

Зикри ў дар дилу қалби моён ҳамеша зинда меистад.
Шумоён сарбаланд гаштэ метавонед, ки фарзандони чунин инсони неккор – фарзандони ҷаноби мулло Мордухай Гилкоров мебошетон.

Директори „Брит Йоцей Бухара – Исроэл“ мар Аҳарўн Аҳарўни.
Вице президенти „Брит Йоцей Бухара – Исроэл“ муҳандес Авроҳом Кайков.

Соболезнование из израильского журнала “Хатхия”.

תנחומים מכתב - עת ישראלי "התחיה"

Точно также три снохи-Сара, Майя и Роза, двое зятей-Амнун и Юнатан, 31 племянников, а именно: дети его брата Ханании-Гавриэл, Барно, Залман, Яшор, единственный сын другого его брата Иосифа-Сви-Абраам, дети его сестры-Яэль-Панир, Миэрхай, Шуламит, Абраам, Исахар, дети другой его сестры-Товия-Бруха, Давид, Михаил, Гавриэл, Мишоэл, Абрам, Неккадам, дети третьей его сестры Яфы-Юхой, Авнер, Менаше, Амнун, Аврех, Духтар, дети следующей его сестры-Мазал-Уриэл, Мишоэл, Тамара, Рахмин и наконец дети последней его сестры-Рахели-Яша, Рена, Шура, Рома, а также 14 его внуков и внучек-Стелла, Изабелла, Эфраим, Давид, Хана, Юдит, Рафаэл, Бенямин, Натан, Илана, Даниил, Имануил, Яэль и Ярон и наряду с ними - мужья внучек Исак и Леви и сноха по его внуку Рахиля, в том числе множество его родственников и друзей всегда чтят светлую память Мордехая Гилькарова и вспоминают его добрым словом, ибо все они всегда любили его чистосердечно.

Борис, Моше и Юра Гилькаровы читают кадиш отцу. Израиль 1995г.
בוריס, משה ויורי גילקרוב אומרים קדיש על אביהם. ישראל, 1995

Послесловие

Преданные сыновья, милые дочери и снохи, верные зятья, заботливые племянники, достойные внуки.

Основное богатство Мордехая Гилькарова это его дети. Дай Бог, чтоб у всех родителей были такие дети, ибо дороже этого родителям ничего другого не бывает. Дети Мордехая и Яэль Гилькаровых Борис (Бхор), Моше (Миша), Уриэл (Юрий), Неккадам (Нина) и Ривка (Роза) полностью выполняют завещания своих родителей. Почти все они в настоящее время переехали в Израиль, очень дружны между собой и всегда друг другу приходят на помощь. Не было, не случилось и мы уверены, что не случится - что, либо такое, что омрачит память их родителей.

Дети - Борис, Моше, Юра, Нина и Роза на кладбище на 7 день смерти отца.
בוריס, משה, יורי, נקדאם וריבקה בבית- העלמין ביום השביעי לפטירת אביהם. ירושלים 1995

В память учителя Мордехая Гилькарова

Как путеводная в жизни звезда, ты учитель
Народу служить от души готов был всегда ты, учитель.
Будь гений, герой будь войны иль труда, о учитель,
В науках и в жизни его наставлял ты всегда, наш учитель.
Тому, кто жестоко страдал от врага, о учитель,
На помощь спешил непременно всегда ты, учитель.
Тем, кто шёл по жизни, не зная куда, о учитель,
Найти верный путь помогал ты всегда, о учитель.
В каждом собраньи людском, радость будь иль беда, о учитель,
Слова, что нужнее всего, находил ты всегда, о учитель.
Добрую душу пронес сквозь года ты, учитель,
Был благородным опорой всегда ты, учитель.
Радость и счастье нести людям в дар, о учитель,
Долгом своим считал ты всегда, о учитель.
Гордость народа, навеки прощай, наш учитель!
Будешь примером для нас ты всегда, Мордехай, наш учитель!

Арон Шаламаев
Перевод Виктора Бохмана

Воспоминания Лидии Алаевой Ягудаевой - племянницы Яэль Гилькаровой

Я хочу рассказать про свою тётю Яэль и дядю Мордехая, царство им небесное.Моя тётя Яэль осиротела в возрасте 4-х лет. Её родители один за другим умерли в течение 6 месяцев. Вырастил её в основном брат-Давид Аллаев. Её детство и юношество прошли очень тяжело. Она растила детей брата, работала с ним в хлебном магазине, приходя домой с работы, помогала дома по хозяйству. Когда ей исполнилось 17 лет, приехал в Самарканд из Душанбе Мордехай Гилькаров, чтобы жениться на ней. Согласие семьи дяди Давида и Яэль состоялось. Мордехай Гилькаров женился и увёз Яэль в Душанбе. Моя тётя родила пятерых прекрасных детей, женила сыновей, выдала замуж дочерей и только бы ей жить и поживать, видеть счастье своих детей и внуков, но Бог скоропостижно забрал её на 54-м году жизни. Её смерть для нас всех, а в первую очередь для её супруга, моего дяди Мордехая Гилькарова была большой утратой, ибо она скончалась в цветущем возрасте.

Дядя Мордехай был человеком религиозным, хорошим отцом и мужем.Любил помогать людям, если они нуждались. Без моей тёти Яэль он прожил 12 лет. За эти годы он всё время помнил свою жену. Ему очень не хватало её. Он не мог жениться на другой.

Израиль 1995

Воспоминания Хаима Пилосова

В своей долгой жизни я встречал немало таких людей, которые делают вид, что они святые, религиозные, честные, безукоризненные. Но на самом деле ни словом, ни копейкой не помогли ни нуждающимся, ни какому-либо святому делу.

Но к счастью, в нашей бухарской общине знаю благороднейших, духовно богатых, интеллигентных и вместе с тем очень скромных людей. К ним относится Мордехай Гилькаров. Он любил нашу синагогу не только из-за ее красоты, удобств, хорошего хазана, он уважал общину, которая молилась в нем. Он вообще любил людей, и кажется не было у него минуты, чтоб он не думал о том. кто нуждается в помощи и как ему помочь.

Такими он воспитал и своих детей. Они уважали своего отца и при его жизни и чтят память после его смерти. Мы свидетели, как они осуществляют свой долг, читают кадиш, проводят поминки. И главное, его отзывчивые и культурные дети, подражая своему отцу, несут людям добро.

Хаим Пилосов на одном из вечеров поминок.
חיים פילוסוב באזכרת מרדכי גילקרוב

Поэт Арон Рабинович и его жена Роза, Тель-Авив

Памяти Мордехая Гилькарова

Это был человек со спокойной и в то же время бурной душой. На его счету лишь добрые дела. Он был одним из основателей синагоги в Вене. Жизнь его была нелегкой, но он обладал прекрасной чертой-всегда был готов помочь ближнему и навеки сохранить бухарско-еврейскую общину. Мордехай Гилькаров был инициатором многих добрых дел, обладал чувством справедливости и был исключительно честным. Когда мы с супругой Розой были в Вене, он посвятил нам целый день, доставив нам много удовольствия. Мы увидели, что у него эмоциональная поэтическая душа и щедрое сердце. Это о нем сказано:"Мудреца украшает добрый нрав." Таким был Мордехай Гилькаров.

Перестало биться сердце Мордехая
Плачет вся община, горестно вздыхая...
В скорби все бухарцы... Дух покинул тело.
Но живет в народе Мордехая дело!

Воспоминания Иосефа Галили.

Мордехай Гилькаров знал и любил Тору, продолжал её глубоко изучать. Он возглавлял бухарскую синагогу в Вене, почти двадцать лет обучал молодёжь Торе и еврейским традициям. Но каждый раз, когда он приезжал в Израиль, люди тянулись к нему, вместе с ним любили изучать Тору, любили слушать его, подражать ему. Мы с ним были близкие друзья, каждая встреча с ним была встречей огромной радости. Я горд, что дружил с человеком, который занимался благотворительностью, был добрым советчиком во многих домах, наставником молодёжи. Он и его дети помогали и нашей синагоге "Ильяу" в городе Холоне. Я знал о многих его планах помощи олим хадашим, детям сиротам и вдовам, инвалидам. Жаль, что такой человек, с большим добрым сердцем, рано ушел из жизни. Но мы знаем, что его душа будет вечно покоиться в раю.

внимания Яэль и членов её семьи, постоянно заботилась и беспокоилась обо всём. Другие братья и сестра, проживающие в других городах, также были в контакте с Яэль и навещали её семью в их радостные и счастливые дни. Большим ударом в семье Алаевых была невосполнимая утрата-смерть нашей тёти Ксио в возрасте 53 лет. Для Яэль, как я уже выше сказал, покойная тётя Ксио была второй матерью, а детям Яэль-она была бабушкой. Через год после этого состоялась вторая свадьба в семье Гилькаровых, поженились Моше с моей сестрой Майей. Вскоре состоялся наш совместный переезд в Израиль. По прибытии в Израиль-самая большая радость, когда моя тётя Яэль стала впервые бабушкой. У Моше с Майей родился сын Давид, а ещё через год-у Бориса с Сарой родилась долгожданная Стеллочка. В 1974 году молодой 22-летний сын Уриэль решил найти своё личное счастье за пределами Израиля и остановился в Вене. Позже за ним последовали братья Борис и Моше. Любовь и преданность детям не давали покоя ныне покойным родителям. Они часто навещали их и решили тоже перебраться к сыновьям. Моя покойная тётя мечтала перетянуть и обеих дочерей с семьями в Вену. Кстати, Роза со своим мужем Ёнатаном тоже вскоре после свадьбы переехали в Вену. Уриэль уже к тому времени был женат на дочери доктора Григория Галибова-Розе и имел двоих детей. Моя тётя очень любила всех своих кудо и была, конечно, взаимно уважаемой. Была счастлива, что все её дети были хорошо устроены, обзавелись семьями, и что она была бабушкой десятерых внуков. Она была очень набожной, строго соблюдала религиозные обычаи и обряды, регулярно посещала вместе с супругом синагогу, была примером для своих снох, прививала любовь к еврейству своим детям, а также и внукам. Для неё представляли большую радость и счастье воспитание детей и внуков. Но, увы, в самый момент, когда дети стали самостоятельными и состоятельными, коварная неизлечимая болезнь лишила её этого счастья и радости. Я буду помнить её образ всегда со слезами, пока буду жив.

Племянник Борис Алаев.

Воспоминания из жизни моей тёти Яэль Гилькаровой-Алаевой - супруги Мордехая Гилькарова.

Сразу же хочу оповестить читателя о том, что мы с тётей являемся ровесниками, мы оба 1928 года рождения. Кроме того, нашими грудными кормилицами были обе наши мамы. К великому сожалению, мои дедушка с бабушкой ушли из жизни очень рано, когда Яэль было всего 4 года. Ещё обиднее, что этой малютке почти не пришлось почувствовать материнскую заботу, любовь и ласку родителей. У покойных стариков было 3 сына и 4 дочери, самой младшей была Яэль. Всем известно, что страна голодала: 1933 год-голод, нищета, 1937 год-аресты, тюрьмы, 1941 год-Великая Отечественная война. Призывы, лозунги: "Все для фронта, все для победы!" На фронте гибли воины, а в тылу ог голода умирали труженники. Маленькая Яэль все эти тяжелые годы росла у многодетной сестры Зулай, у старшего брата Хананиэля, а позже её забрал к себе второй брат Давид. По окончании войны, по рекомендации сестры Ксио из Душанбе в Самарканд приезжает Мордехай Гилькаров, чтобы жениться на моей тёте Яэль. Решение этого вопроса зависело от старшей сестры Зулай и брата Давида. Они дали свое согласие, надеясь на Ксио, уже семейную солидную сестру, проживавшую в то время в Душанбе, которая гарантировала опекунство своей младшей сестре Яэль. Итак, молодые Яэль и Мордехай переезжают из Самарканда в Душанбе, где Яэль с радостью и великодушием приняли родственники Мордехая. Моя тётя очень быстро влилась в их семью, нашла у всех любовь и уважение к себе, к ней относились не как к невестке или снохе, а как к дочери или родной сестре. Первой радостью и счастьем в их семейной жизни было появление на свет сына-Бхор (Бориса). Через пару лет-сын Моше, а потом Уриэль (Юрий), затем дочери Неккадам и Рива. Пятеро хороших, здоровых, красивых детей, которыми жила и дышала. Моя тётя Ксио в свою очередь не оставляла без

равноправный собеседник, способный рационально аргументировать.

Значительна была и его попытка научить меня правильному поведению в споре (диалектике), которое считалось образцовым для моего прагматического деда. Он ставил задачу укротить мой темперамент и развить во мне трезвую аргументацию.

Решающим для воспитания всех сыновей и дочерей моего деда было намерение считать эти особенности принципиальной основой любых межчеловеческих отношений. На том же уровне он рассматривал и важнейший вопрос воспитания: дать ребенку свободу решения-безразлично, какую альтернативу он выберет-чтобы потом тот самостоятельно пришел к правильному выводу,-для него (деда) это был лучший путь, как можно скорее воспитать детей самостоятельными взрослыми, способными принимать решения.

Чтобы оправдать этот образец воспитания и поведения, он взял за основу важные для себя источники, как Талмуд, так и другие религиозные сочинения. Можно сказать, что мой дед строил свою жизнь на основе и с помощью веры и всех еврейских обрядов, так как он постоянно пробовал передать свои религиозные принципы и в особенности по основным вопросам и проблемам своим близким.

Насколько ему это удалось, сказать трудно. Но ему удавалось внушить ребенку ощущение, что тот уже взрослый и даже мудрый.

Давид Гилькаров
(старший внук Мордехая Гилькарова)

Это был человек любви, излучающий свет, добро и красоту. Его нам будет не хватать. Его присутствие украшало нас. Его обаяние было необыкновенным-оно было его тайной. Он счастлив тем, что жил красиво, и ушёл из жизни красиво... Факел жизни, как эстафета, передаётся от одного к другому. Она продолжается в его детях, внуках, правнуках из поколения в поколение. Они будут жить в его детях, которыми он гордился всегда и любил их беспредельно. Пусть его светлая жизнь вдохновляет нас всех жить дальше, творя добро во имя его светлого имени.

Клара Кимягарова, 1995 год

Путь к мудрости

Мой дедушка, который в общем считался каризматической личностью, представлял и для своих внуков не менее внушительное явление. Эта его личность находит свое выражение не столько в его авторитете по отношению к детям и внукам, сколько в необычном межчеловечном отношении к нам. Ни в коем случае, эти замечательные отношения между моим дедом и его старшими внуками не вписываются в повседневный образец, когда вместе ходят на рыбалку, катаются на санках или ездят на прогулку.

В моей памяти остались очень ценные беседы и диспуты с дедом об этике, Талмуде и на другие философские темы, отличавшиеся одним особенным элементом. Это были респект и внимание, проявлявшиеся дедом по отношению ко мне. Как одобрение и признание, так и поучительная и осторожная критика и опровержение моих аргументов, постоянно вызывали у меня такое ощущение, как будто я не внук его, а взрослый,

В память о дорогом, многоуважаемом Мордехае Гилькарове!

Ушёл из жизни один из замечательных людей нашей эпохи. Жизнь этого необыкновенного человека отражалась в его повседневных делах. У него была одна цель-принести, подарить людям добро, будь это в порядке дачи совета, или конкретной моральной, материальной помощи. Жизнь человека должна измеряться его добрыми делами. Каждый обязан оставить после себя добрый след в истории. Мне кажется, этого достиг дорогой дядя Мордехай. Самое великое, что есть в мире-это любовь. Эта любовь жила в нём ко всему человеческому, что есть на земле. Он любил человека, не жалея себя. Отдавал себя до последнего.

На поминках выступает Клара Кимягарова
קלרה קימיאגרוב נואמת באזכרה.

благородный Мордехай Гилькаров меня покорил ещё в 1988 году, своим личным участием в деле восстановления 17 памятников Самарканда, а теперь я вообще был в восторге! Я подошёл к нему и представился. Мы оказались коллегами. Состоялась наша первая беседа. Затем мы с ним встретились и имели приятные беседы у его племянника Гавриэла Алишаева. Каждый раз мне хотелось под любым поводом продлить наши беседы, так было приятно его слушать. Ведь, говорят же, лучший отдых-это беседа с приятным собеседником. Я с первых же минут почувствовал, что беседую с педагогом. Так мы не только познакомились, а подружились крепко. Каждый его приезд в Израиль для меня был необычным праздником. Увы! Судьба так рано лишила нас такого прекрасного человека. Единственное, чем можно утешить себя от такой разлуки-это добрые воспоминания его благих дел и что он оставил после себя и доброе имя, и пять прекрасных детей. Память об учителе и наставнике молодёжи-Мордехае Гилькарове навсегда останется в наших сердцах.

внука к бар-мицве и в синагоге сам очень красиво провел эту церемонию. Но, увы, в феврале 1995 г. он ушел от нас навсегда.

С глубокой признательностью мы и наши дети чтим память дорогого дяди Мордехая Гилькарова.
Он был яркой звездой большого рода Гилькаровых. Дядя Мордехай и тетя Яэль ушли из жизни, но они живы в памяти своих детей, внуков и всех нас родственников.
Память о вас вечно будет в наших сердцах.

Берта, Гавриэль и наши дети:
Рита-Яков, Исаак-Мая, Светлана, Марина-Эдик.

Воспоминания старейшего педагога Давида Мошеева

К великому моему сожалению я с покойным Мордехаем Гилькаровым познакомился в последние годы его жизни в Израиле, а не раньше. Ранее не было возможности. Он жил в Душанбе, а я в Самарканде. Но, однажды в 1988 году мне стало известно, что к нам в Самарканд из Израиля приезжал наш земляк по имени Мордехай Гилькаров, который за свои деньги отремонтировал и поставил новые мраморные плиты над 17-ю могилами своих предков. К моему сожалению он быстро вернулся в Израиль и наше знакомство с ним не состоялось. Но я ещё в 1988 году восхитился щедростью и благородством этого человека. Шли годы. И вот в 1991 году я со своей семьей переехал жить в Израиль. Через некоторое время в Израиле я был в поисках этого благородного человека. Мне стало известно, что он ещё в 1976 году переехал в Вену к своим сыновьям на постоянное жительство, но ежегодно 1-2 раза приезжает в Израиль погостить. Я с нетерпением ждал его приезда. И наконец мы с ним встретились в Тель-Авиве на спектакле "Иосиф хацадик", когда он поднялся на сцену, поздравил коллектив театра с успешной премьерой и вручил одному из руководителей театра конверт с подарком театру. Если

слезы долгих разлук и больших перемен, счастья и гордости. Ведь для встречи со мной, несмотря на запреты, приехали дядя моего мужа с сыном и брат моего мужа Михаил. Мне было очень радостно и приятно. Трудно описать эти чувства. Через два года в 1987г. дядя Мордехай с детьми приехал в Душанбе в гости, но в Душанбе уже не было ни его братьев, ни сестер, а была целая армия племянников и племянниц. Все были рады встрече, но больше всех обрадовалась я. Гордилась, что раньше всех племянников и племянниц я виделась с ними. Мне было приятно принимать их у себя дома. Но радость их приезда была омрачена похоронами Мары Гавриэловой-Сезанаевой, невестки старшей сестры дяди Мордехая.

Затем, когда расширились свободные межгосударственные связи, дядя Писар стал часто приезжать к нам. Он очень любил родные места Душанбе и Самарканда. Он с удовольствием останавливался у нас, много рассказывал нам, делился всем, что было на душе, чувствовал себя одиноким без тети Яэль, но был очень доволен своими детьми. Если его приглашали в гости, он не хотел идти без нас, сажал меня рядом с собой, зная, что я его пойму с полуслова. Я ездила с ним в Самарканд и не один раз. В 1990 году скоропостижно скончался старший брат моего мужа-Давид. На его поминки (30 дней) приехали дядя Писар с братом мужа-Михаилом. В то время мой муж был очень болен. Дядя Писар и его дети предложили нам привезти его в Вену на обследование. И мы приехали в Вену. Здесь мы получили точный диагноз, соответствующее лечение. После выздоровления моего мужа мы вернулись домой в Душанбе. В апреле 1991 г. мы приехали в Израиль. На следующий день нашего приезда нам позвонил дядя Писар (Мордехай) и поздравил нас с благополучным прибытием. В мае 1991 г. он приехал к нам в Израиль и сразу принял участие в решении наших проблем, подключив своих сыновей. Дядя Писар много работал с нашими внуками, внушал им уважение к Торе, к ивриту, терпеливо слушал их чтение. Подготовил моего старшего

номера туристической группы, он вместе со старшим сыном Борисом 5 дней искали меня по всей Болгарии. Их желание найти меня победило, и на побережье солнечного берега Болгарии произошла наша встреча через 13 лет: и, конечно, были и слезы радости встречи, и слезы по утрате тети Яэль,

Мордехай, Борис и Михаил Алишаев с Бертой Алишаевой в Болгарии. 1985г.

פגישתם של מרדכי ובוריס עם מיכאל וברטה אלישעייב בבולגריה

Воспоминания супруги Гавриэла - племянника Мордехая Гилькарова, Берты Кимягаровой - Алишаевой

В 1955 году я вошла молоденькой невесткой в дом Алишаевых-Гилькаровых. Этот дом был очень гостеприимным, и родственники, и друзья и соседи-это был дом открытых дверей. Но никого так почтительно не принимали, как дядю Писар-Мордехая.

Он был представительным, и в его взгляде и поведении чувствовалась мудрость и знание жизни. Я сразу же отнеслась к нему с большим уважением, ибо он ко всем относился уважительно, заботливо, никогда не разговаривал громко или на повышенных тонах. Я с первых дней почувствовала его и его супруги внимание к себе, теплые, улыбающиеся глаза, подбадривающие советы. Они очень переживали за меня, когда у меня не было детей. В 1957 году у них родилась дочь Розочка. Как у нас принято, многие женщины в субботу приходят поздравить новорожденную. Когда все расселись по местам, тетя Яэль взяла новорожденную девочку и положила мне на колени и воскликнула:-"Поднимите все руки!" Затем сказала:-"Я желаю и все мы желаем ей в будущем году родить такую девочку." Это было сказано так искренне и трогательно, что Бог услышал это. В апреле следующего 1958 года я действительно родила дочь-Маргариту. В 1970 г. у меня с мужем появилась трудная проблема:- приобрести или не приобрести огромный и красивый дом. За советом мы обратились к дяде (тагои) Писар-Мордехаю. Как всегда, он не торопился с ответом. Увидев этот дом, он выслушал наши доводы и сказал:-"Один час, прожитый красиво, не заменит ничего. " Получив его согласие и благословение, мы приобрели тот большой дом, в котором прожили 22 года. Я и моя семья счастливы и очень признательны ему. В 1985 г. я туристом приехала в Болгарию. Живя в Вене, дядя Мордехай каким-то образом узнал об этом. Не зная ни точного адреса, ни по какой фамилии я оформлена, ни

Я, как мать, давалась диву его выдержке и умению. Этот процесс длился 2-3 года.Он применял метод убеждения. Абсолютно не принуждал своего внука ни в чём. И, наконец, дедушка Мордехай гордился внуком Эфраимом, который уже в 11-тилетнем возрасте полностью оправдал надежды дедушки и в день своей бармицвы продемонстрировал глубокие религиозные знания по иудаизму. А сейчас наш 16-летний сын Эфраим, благодарный своему дедушке Мордехаю, может заменить в любую минуту шалияха в синагоге. Точно также он терпеливо находил ключ к каждому из своих внуков и внучек и добивался успехов. Сейчас все они с гордостью вспоминают своего дедушку Мордехая. Нужно сказать, что наш свёкр так же терпеливо приближал к Торе и религиозным законам и других детей бухарских евреев Вены. ***Нам очень и очень не хватает его.***

Воспоминания Нисона Якубова.

В Израиле Мордехай Гилькаров молился в синагоге "Ильяу". Для нас было большой честью, что он высоко отзывался о нашей синагоге, говорил, что в этой красивейшей бухарско-еврейской синагоге он получает духовное и моральное наслаждение. Я искренне радовался каждой встрече с Мордехаем Гилькаровым. Мне было недостаточно того, что мы встречались на молитве, и я искал других встреч с ним. Любил слушать его мудрые суждения о Торе, о жизни, о человеческих отношениях, о воспитании детей. Я с детства живу на нашей Святой Земле-Израиле, много встречал крупнейших раввинов, знатоков Торы, и с полной уверенностью могу утверждать, что Мордехай Гилькаров относится к этим великим людям. Он и Тору знал и жил по заветам Торы. После каждой встречи с ним я говорил сам себе:-"Как было бы хорошо, если таких порядочных, умных и богобоязненных людей было бы больше!"

а его нет. Нам его не хватает. Не хватает его добрых советов и умных наставлений, ибо наш свёкр был большим знатоком людских душ, ему стоило один раз побеседовать с человеком, как он сразу узнавал его характер. Точно так же он мог педагогично подойти к каждому ребенку и найти к нему ключ. Вот пример. Мой сын Эфраим родился в Вене в 1979 году и обучался в еврейской школе, где, на наш взгляд, недостаточно было религиозного воспитания.

Будучи большим педагогом, дедушка восполнял эти проблемы и методично находил подход к своему внуку, к решению своих целей-вырастить его набожным!

Дочери и снохи Мордехая и Яэль Гилькаровых. Вена 1984г.

בנותיהם וכלותיהם של מרדכי ויעל גילקרוב. וינה, 1984

Воспоминания старшей снохи, супруги Бориса-Сары

Сара с Борисом вот уже 26 лет живут совместно дружно и счастливо. Многие их годы семейной жизни. проходили вместе с покойным Мордехаем Гилькаровым. Посему мы попросили её от имени 3-х снох рассказать о своём свёкре. "Наш амак - (так часто снохи называют своего свекра Амак-брат отца) -Мордехай Гилькаров был очень грамотным, умным и всеми уважаемым человеком. За все годы, что мы снохи породнились с ним, можем сказать о нем только хорошее. Он ценил и уважал каждую из нас, снох, одинаково. Мы как бы дополняли друг друга. Он всегда старался, чтобы у нас в семьях был мир и согласие. Бывали моменты, когда между нами, супругами, появлялись разногласия, он всегда был на стороне своих снох. Если мы в отношении наших детей допускали ошибки, он тактично учил нас как правильно нужно воспитывать детей и находить к ним подход. Внуков своих он очень любил. Для каждого из них он находил всегда нужное слово, давал хорошие советы. Мы очень благодарны ему, что наши дети грамотно научились читать и понимать Тору. Сейчас два его внука обучаются в ешиве. Мы могли говорить с ним на различные темы, например о книгах, так как он очень много читал. По его требованию и настоянию мы два раза в день по радио и телевидению слушали новости, а затем пересказывали ему, ибо во время этих передач он бывал в синагоге. Он желал всегда быть в курсе всех событий, как Израиля, так и всего мира. И нам он всегда советовал быть в курсе международных событий, обязательно знать и изучать законы той страны, где живешь, ибо это очень важно,-говорил он. Своим детям он всегда был опорой и давал им правильные и нужные советы. Мы понимаем, что сейчас нашим супругам-его детям, очень тяжело, ибо когда умерла их мать, а она была и нашей матерью, он был их опорой. А сейчас и его не стало. А ведь подходит время, когда нам нужно женить сыновей, выдавать дочерей замуж,

Воспоминания Исака Ягудаева - артиста Театра одного актера

Мне посчастливилось получить благословение от человека, имя и добрые дела которого переживут время...

Да, ака Мордехай Гилькаров - милый человек, готовый прийти на помощь каждому, кто в беде, нужде... Это при его добром усердии - создан великолепный культурно-религиозный центр в Вене, объединивший общины бухарских евреев, так далеко разбросанные в столице Австрии. Это он, несмотря на возраст и состояние здоровья, неоднократно посещал Израиль, чтобы помочь новым репатриантам в устройстве жизни. Это он протянул руку помощи в создании бухарско-еврейского театра в Израиле. Во время моих гастролей в Вене этот мудрый человек пригласил меня к себе на чашку чая. В окружении детей, снох, зятьёв, внуков и правнуков на своем великолепном приеме, он радовался и благословлял всех, вот там то и было - эта счастливая минута- его благословение меня... Сегодня, отдавая дань памяти этого Человека, хочется сказать словами поэта:

О, Б-г наш, когда таких людей ты иногда б не посылал миру-Заглохла бы нива жизни.

С уважением к светлой памяти Мордехая Гилькарова
Исак Ягудаев

Мордехай благословляет актера Ицхака Ягудаева. Вена. 1994г.

מרדכי מברך את השחקן יצחק יהודייב. וינה, 1994.

узком кругу пел и рядом с нами был домулло Мордехай Гилькаров - меня от волнения обливало потом, потому что он был большим знатоком шашмакома, знатоком поэзии, мне казалось, что он может заметить малейшую фальшь. С этим необыкновенным, гуманным и умудренным сединой человеком можно было говорить на любые темы, и всегда получать добрые и мудрые советы. С ним можно было говорить о Б-ге и о пророках, о добре и зле, о дружбе и выборе друзей, о милосердии, о воспитании детей, о поэзии, о торговле и даже о приобретении дома.

Он не просто говорил о дружбе, но на деле доказывал, что в каждой национальности больше добрых и справедливых людей, что доверием и дружбой надо дорожить, что основа всего - мир. Мир в доме, мир на улице, мир между народами. Мордехай Гилькаров часто любил повторять изречения:

"Людям, пока они живы, без друзей не обойтись,
ибо лучше человеку быть без брата, чем без друзей.

Спросили мудреца: "Друг лучше или брат ?"
Он ответил : "Брат, а когда он еще и друг - это лучше всех!"

Мордехай Гилькаров каждый раз провожая меня говорил: "Вы и Ваши близкие всегда желанные наши гости. Мы всегда будем рады видеть Вас у себя дома".

ким он останется в моей памяти навсегда.

Мордехай с дорогим другом и гостем - народным артистом СССР, Джорабеком Мурадовым. Вена, 1993 г.

מרדכי עם אורחו וידידו הטוב ג'ורבק מורדוב. וינה, 1993.

Нисон Шоулов и другие являются и моими устодами (учителями). Очень жаль, что многие из них уехали в другие страны. Мы потеряли многих друзей и причем очень талантливых. Видимо судьба такова.

Затем я преподнес Мордехаю Гилькарову таджикский халат (жома). Он с благодарностью принял подарок и провозгласил тост за дружбу и за мою семью.

Мои встречи с Мордехаем Гилькаровым продолжались затем неоднократно: уже каждый приезд в Душанбе Мордехая Гилькарова и его детей отмечался нашими встречами. Его сыновья Борис, Моше и Юра часто бывали и моими гостями в моем доме, на улице имени Омара Хайяма. А вскоре братья Гилькаровы, пригласили Кимягарова вместе со мной и моей супругой в гости в Вену. Приглашение было принято с благодарностью. Нам предстояло там участвовать в радостном событии-свадьбе Лазаря, сына Арона Хасидова, ближайшего друга семьи Гилькаровых.

Конечно, мы были всюду желанными гостями. Везде нас встречали гостеприимно. На свадьбе Лазаря Хасидова по просьбе хозяев свадьбы, мы неоднократно приглашались к микрофону. Завершив очередную песню, я поблагодарил всех, кто пригласил нас в Вену, и прежде всего Мордехая Гилькарова и его сыновей, хозяина дома Арона Хасидова и его супругу Яфу, поздравил невесту и жениха.

Мордехай Гилькаров с детства любил и ценил искусство, особенно шашмаком, понимал и ценил истинных певцов. Его старший брат Ханание был одним из учеников придворного певца эмира - Левича Бабаханова. Он пел вместе с Михаилом Толмасовым и Гавриэлом Муллокандовым. Эти маститые мастера ценили его голос, его талант и часто приглашали его на свадебные мероприятия.

Где бы я не находился всегда интересовался здоровьем "Мордехай - амака ", а когда мы оказывались вместе, было ли это в Душанбе, Москве или Вене, мы были всегда рядом и часами могли вести беседу, как старые друзья. Когда я в

Воспоминания Джурабека Мурадова-Народного артиста СССР

Впервые я лицом к лицу познакомился с Мордехаем Гилькаровым в 1988 году, когда он приехал в Душанбе из Австрии в гости к моему большому другу, историку и педагогу Мордехаю Кимягарову, на банкет, устроенный им в честь своего большого друга и родственника Мордехая Гилькарова, где наряду со многими деятелями искусств был приглашен и я со своей супругой - доктором Мушараф. Здесь меня посадили рядом с этим высоким гостем - Мордехаем Гилькаровым. Мы быстро там подружились, будто знали друг друга всю жизнь. Спев несколько своих песен в сопровождении бубниста Амнера Аминова, я встал и произнес приветственные слова, начав стихами Мирзо Турсун-Заде:

Ты друзей своих цени и не теряй,
Без друзей на свете жить никак нельзя!
Им и радости, и беды доверяй,
И тебе помогут верные друзья!

По обычаю ты друга обними,
Знай, что дружба-это счастье жизни всей!
Как родного, друга в доме ты прими!
Во всем мире будет больше пусть друзей!

Далее я сказал, что очень много слышал о добродетелях Мордехая Гилькарова,о его щедрости и мудрости. И теперь рад видеть его в родном Душанбе. Я подчеркнул, что бухарские евреи испокон веков живут вместе с таджиками на одной земле, вместе делили и радость и горе, у нас общий язык, обычаи и традиции. Бухарские евреи внесли особый вклад в развитие науки и искусства Таджикистана. Такие известные певцы и музыканты, как Нерьё Аминов, Рафаэль Толмасов, Барно Исхакова, Рена Галибова, Шоиста Мулладжанова, Яков Галибов, Борис Наматиев, Якуб Бабадустов, Амнер Аминов,

помогал и тем, у кого были жизненные проблемы: кому какими-то продуктами , кому добрым словом и советом , кому материально. Мордехай Гилькаров всегда оказывался рядом с ними. Его доброе сердце, его щедрая рука спасали их.

Помню, как сейчас, в свой очередной приезд в Израиль Мордехай Гилькаров позвонил мне и сказал:" У меня очень важный разговор. Мы должны встретиться, и на этой встрече обязательно должен быть писатель Арон Шаламаев". Встреча состоялась. За пиалой чая Мордехай Гилькаров высказал пожелание, чтобы была написана книга об истории,о культуре бухарских евреев. И я уверен, что для многих эта книга будет настольной, ибо она поможет восстановить память о своем роде, об истории евреев. Подобные книги, написанные опытными людьми, занимавшимися активной общественной деятельностью, в какой-то мере положительно повлияют на молодёжь.

Он говорил о своей идее с волнением, с пониманием важности данной цели для развития культуры и истории бухарских евреев.

Мы всецело поддержали его идею, с удовольствием согласились с ним. Договорились о встрече в следующий его приезд. Когда мы прощались, он крепко пожал нам руки, смотрел на меня и Арона Шаламаева с надеждой, но вместе с тем он смотрел куда-то сквозь нас, далеко вперед, в его глазах была грусть и тревога. Этим же вечером он позвонил мне, сказал, что рано утром он улетает домой в Вену. Оказалось, что он попрощался навсегда! Увы! Наша следующая встреча не состоялась...

мудрецу Мордехаю Гилькарову. Будучи очень вежливым, он всегда отвечал и на наш взгляд очень уставал. Очередную встречу с ним было решено провести в узком кругу во дворе у Якуба Кимягарова. Во дворе, где было немало фруктовых деревьев, на зеленой весенней траве стоял украшенный яствами и цветами стол, на заборах развешены, как полагается в радостные дни яркие узорчатые сузане. За столом, кроме братьев, Кимягаровых присутствовали сам Мордехай Гилькаров, его племянник Гавриэль Алишаев с супругой Бертой, дойрист, народный артист Таджикистана, Амнер Аминов и его дочь Майя, приехавшая в гости из Соединенных Штатов Америки. Только гости уселись и в этот момент во двор вошел, приглашенный в честь высокого гостя, народный артист СССР, известнейший певец Средней Азии Джурабек Муродов с супругой Мушараф.

На лице Мордехая Гилькарова можно было видеть огромную радость. Радость в связи со встречей с дорогими гостями и конечно с Джурабеком Муродовым. Он знал Джурабека, как знаменитого певца и музыканта, наблюдал его творческий взлет двадцать лет. И вот теперь Мордехай Гилькаров за одним столом сидит рядом с Джурабеком Муродовым. Эти моменты жизни никогда не забываются.

Понятие человечность состоит из многих атрибутов. Человеческое добро нескончаемо. Гуманность Мордехая Гилькарова не знала границ. Святым долгом он считал заботу о ближнем, и прежде всего о людях, которых постиг недуг.

Помню, как приезжая в очередной раз из Вены в Душанбе, Самарканд или в Израиль, он составлял список дел, которые нужно было совершить и первое, что он намечал - это навестить всех, кому нездоровится, будь то дома или в больнице.

Самое примечательное то, что Мордехай Гилькаров считал необходимым навестить и помочь не только того, кто физически болен, но и тех, у которых по определенным причинам не складывалась семейная жизнь, были неурядицы на работе или другие неприятности. И всегда он

С гор высоких Памирских бежит к нам вода Душанбе.
Жажду нам утолит, освежит нас вода Душанбе.
Хоть течешь с ледников уже сотни веков,
Для Отчизны всегда молода ты, вода Душанбе!

Каждый раз когда приезжал Мордехай Гилькаров или его сыновья, зная, что гости очень хорошо понимают искусство и любят его, приглашал на организуемые угощения в честь гостей все новых и новых певцов, музыкантов и танцоров. У меня и моих старших братьев Юрия и Якова Кимягаровых дома, в честь гостей из Вены пели народные артисты Таджикистана Барно Исхакова и Шоиста Муладжанова, Рафаэль Толмасов и Борис Наматиев, на нае и на дойре играли соответственно народные артисты Нисон Шоулов и Амнер Аминов, пели сыновья известного певца классика народного артиста Нерьё Аминова - Рашель и Эдуард Аминовы, сын Барно Исхаковой и общественного деятеля, знатока Торы и певца, ныне покойного Исраэля Бадалбаева - Рафаэль Бадалбаев, певец и музыкант Альберт Наркалаев. Практически ни одна встреча с Гилькаровым не проходила без участия всемирно известной танцовщицы, народной артистки СССР, лауреата премии А.Рудаки Малики (Мазол) Калантаровой и ее супруга дайриста и певца, заслуженного артиста Таджикистана Исокчона (Ильи) Гулькарова.

Мордехай Гилькаров встречам с этими музыкантами, певцами, танцорами был очень рад. Особую оценку он дал совсем еще юному певцу Рошелю Рубинову, выходцу из древнего Шахрисабза, студенту Государственного института искусств Таджикистана. Помню, мулло Мордехай после первой встречи с Рошелем Рубиновым сказал:-" У него удивительный голос, своеобразное пение, но у этого юноши большое будущее, его талант и голос еще не раскрыли все свои возможности, будет время Рошель наберется опыта и уже скоро он станет одним из лучших певцов и не только среди бухарских евреев".

Как правило, многочисленная публика не уставала задавать бесчисленное количество разнообразных вопросов

О дружбе

Есть много мудрых изречений ученых о дружбе. Есть и такое, в котором говорится, что приобретать друзей трудно, терять их легко. Так Мордехай Гилькаров до последних дней своей жизни приобретал все новых и новых друзей, радовался встрече и с новыми и со старыми друзьями. Ибо как сказал Рудаки:

Нет в этом мире радости сильней,
Чем лицезрение близких и друзей!
Нет на земле мучительнее муки,
Чем быть с друзьями славными в разлуке!

Была весна. Прекрасная весна в Таджикистане. На горных скалах тает снег и разливается по ручьям, горная ледниковая вода через реки и каналы доходит до Душанбе, столицы солнечного Таджикистана. На холмах вокруг города и в самом городе расцвел миндаль, урюк, абрикосы, яблони и вишни. В этот красивый и уютный город, где вдоль арыков с журчащей водой росли чинары, акации и кустарники роз, где жили гостеприимные и трудолюбивые народы: таджики, узбеки и другие, где большую часть своей жизни прожил Мордехай Гилькаров, он любил приезжать из Вены. Здесь, проходя по улицам, переулкам он вспоминал свою молодость, свою прекрасную супругу Яэль, детство и юность своих детей. Здесь он любил встречаться со своими соседями, близкими и друзьями.

Этой весной, когда земля покрылась зеленым ковром, и, когда воздух был так чист и богат кислородом, когда пчелы снимали нектар с тысяч цветов на площадях, в парках, личных садах горожан, Мордехай Гилькаров в очередной раз приехал в Душанбе. Поездку начали с неповторимого Варзобского ущелья, отдалились от города в горы на шестьдесят километров. Здесь у истоков реки, макая горячую лепешку в ледяную прозрачную и вкусную воду, Мордехай Гилькаров вспомнил стих:

Мы хорошо понимаем, что подобное гостеприимство требует и времени, и физическую нагрузку, и затрату средств. Сыновья и зятья Мордехая Гилькарова все бизнесмены, каждый их час всегда на счету, и несмотря на это, они отказывались от прямых доходов от бизнеса, с тем чтобы гостей ни на минуту не оставлять вне поля зрения.

Мордехай со Шломо Левиевым, его супругой и другими у памятника погибшим на фронтах 2-ой Мировой войны. Вена 1989г.

מרדכי עם ד"ר שלמה לוייב, רעייתו ואחרים
ליד מצבת הזיכרון לנופלי קרבי מלחמת עולם השניה. וינה, 1989.

будущего музея бухарских евреев. А до Вены можно было добраться по железной дороге и естественно можно было больше перевезти вещей. Во-вторых, в одну поездку увидеть две страны, в том числе красивейший город Европы-Вену. И в-третьих, для нас было счастьем быть гостями таких прекрасных людей, как Гилькаровы.

С первых минут на австрийской земле мы думали, что на вокзале встречать нас выйдет кто-то из братьев Гилькаровых. Но нас вышла встречать вся семья - впереди улыбаясь стоял отец -Мордехай Гилькаров. Мы даже были смущены таким вниманием. Нас встретили с искренней радостью, объятиями и цветами. Нас привезли домой к Борису, старшему сыну. Его женой Саррой уже был по-праздничному накрыт стол. Мы расположились в выделенной нам комнате. До отъезда в Израиль мы неделю жили здесь, а по приезде из Израиля, еше 10 дней у Юры.

Каждый день и каждый час нашего пребывания у Гилькаровых был продуман: когда и где мы должны обедать, какие места посмотреть, где весело и интересно провести время днем, где вечером. Нам показывали лучшие достопримечательности Вены.

Порой у Гилькаровых было одновременно в гостях несколько семей, из Самарканда, Душанбе, Ташкента, из Москвы и Израиля, из Америки и Германии.

Каждый из нас гостей имел какие-то просьбы: кому-то надо было навестить своих родственников или друзей, купить что-то в магазине, проконсультироваться у врача, позвонить домой (в другую страну), отремонтировать что-то и так далее. Достаточно было одного намека о какой-либо просьбе, братья Гилькаровы все исполняли.

Надо особо подчеркнуть, что удивительному гостеприимству Гилькаровых, все несомненно обязаны не только Мордехаю Гилькарову и всем его детям, но и прекрасным, чутким, обаятельным, терпеливым и исполнительным невесткам Сарре, Майе и Розе, трудолюбивым, доброжелательным и интеллигентным зятьям Амнуну и Юнатану.

О гостеприимстве Мордехая Гилькарова и его семьи

Подобно нашему патриарху Аврааму, Мордехай Гилькаров всю жизнь и при жизни его любимой супруги Яэли и после ее смерти,(она скончалась в 1983 г.), старался, чтобы в его доме были гости , и здесь они себя чувствовали уютно. В этом духе воспитаны и все его дети. Без преувеличения гостеприимство семьи Гилькаровых, о котором я еще знал и в Душанбе, достойно подражания. Это гостеприимство удивительно, отличается своей искренностью, душевностью, неповторимым вниманием и чуткостью и конечно огромной щедростью души. Разговоры о их гостеприимстве на устах и в сердцах массы людей , которым посчастливилось быть их гостями. Мне, как одному из друзей семьи Гилькаровых еще по Душанбе, хочется рассказать о многом, но остановлюсь на одном - на его гостеприимстве.

О гостеприимстве Мордехая Гилькарова знали и в Средней Азии, и в Израиле, и в Австрии. В связи с перестройкой и началом демократии в Советском Союзе, в результате того, что появилась возможность въезжать в Советский Союз и выезжать из него, целый поток родственников, друзей, знакомых и даже незнакомых побывали в гостях у Мордехая Гилькарова и его детей в Вене из разных городов Средней Азии и бывшего Союза.

Я собирался ехать вместе с супругой в Израиль. Находящийся в Душанбе младший сын Мордехая -Ури Гилькаров, на банкете в его честь у известной певицы, соловья Востока Барно Исхаковой поинтересовался и спросил:- не собираюсь ли я куда-либо в поездку за рубеж? Я ответил, что еду с женой в Израиль. Тогда Ури предложил ехать в Израиль через Вену, чтобы заодно погостить в семье Гилькаровых. Конечно предложение было принято. Это была большая радость для меня и моей супруги. Во-первых, уже тогда я собирался вывозить из Таджикистана часть экспонатов, накопленных мною для

многих, он помогал созданию музея бухарских евреев, он помогал бухарско-еврейскому театру и израильским писателям и журналистам, ешивам, больным и нуждающимся. А самое главное-он воспитал таких, как он сам, благородных детей. И я считаю, что новое поколение бухарских евреев должно дорожить памятью отцов.

Мордехаю Гилькарову было известно , что я создаю музей бухарских евреев. Он знал, что я, как историк, более двадцати лет собираю материалы по истории, этнографии, культуре евреев Средней Азии. Более десяти тысяч экспонатов будущего музея уже собраны, изо всех городов проживания бухарских евреев: из Самарканда и Бухары, Душанбе и Ташкента, Ферганы и Маргилана, Шахрисабза и Хатырчи, Коканда и Намангана, Ходжента и Термеза, Алма- Аты и Ашхабада, Бешкента и Мары, Кзыл -Орды и Навои, Карши и Чарджоу, Паншанбе и Катта-Кургане и других городов. Он знал, что я материалы собирал в библиотеках и музеях, в синагогах и на еврейских кладбищах, в частных домах и на базарах. Все эти материалы с трудом были перевезены через Ташкент и Москву, Вену и Нью-Йорк в Израиль. Во многом этом мне очень помогли кроме моей семьи и многих других добрых людей, семья Гилькаровых.

Но первым, кто начал помогать мне - это Мордехай Гилькаров со всей своей семьей. У меня заведен альбом, куда я вношу имена людей, кто материально помог создающемуся музею. Первыми в этот альбом записано имя Мордехая Гилькарова с его сыновьями.

Увы! Наш дорогой Мордехай Гилькаров не дожил до тех дней, когда музей будет создан и ленту открытия разрежет он.

А дай Б-г, когда будет создано постоянное здание культурного центра и музея, в нем будет отведено почетное место исторической личности бухарско-еврейской общины - Мордехаю Гилькарову.

Для осуществления своей непростой , в условиях Самарканда, цели, он пригласил лучших мастеров, ему помогали руководители бухарской общины, синагоги и кладбища Самарканда. И первым его помощником в этом деле был его племянник, один из активистов бухарско-еврейской общины города Душанбе - Аврам Гилькаров.

Неоднократно Мордехай Гилькаров приезжал из Австрии в Душанбе и Самарканд, следил за ходом работ по восстановлению памятников в Самарканде. Часто я сопровождал его в Самарканд. А когда памятники были готовы на кладбище собралось много людей. Присутствующие прочитали кадиш, возложили цветы на могилы родных, выступали ораторы, были зажжены поминальные свечи, и на память вся эта церемония была запечатлена на видеопленку.

Однажды была проблема с оформлением документов Мордехая Гилькарова в связи с его отъездом в Австрию. Мы с Мордехаем Гилькаровым поехали в Таджикский Республиканский ОВИР. Начальник этой организации Джунайд Ибодов был мне знаком, я вошел к нему в кабинет и, объяснив свою просьбу, рассказал коротко о Мордехае Гилькарове и о том, что Мордехай Гилькаров восстановил 17 памятников из мрамора на могилах своих родственников здесь в Самарканде- удивлению Ибодова не было конца. А когда я сказал, что господин Гилькаров ожидает во дворе ОВИРа приема, он тут же встал с места и сказав:- Я хочу познакомиться с таким благородным человеком, направился к гостю. Мордехай Гилькаров был польщен тем, что сам начальник Республиканского ОВИРа Ибодов, будучи незнаком с ним, вышел за ним и приветствовал его как своего отца. В беседе с Мордехаем Гилькаровым Ибодов остался под большим впечатлением о нем.

Мы знаем многих людей гораздо богаче Мордехая Гилькарова, но ни гроша не пожертвовавших ни для помощи другим, ни для сохранения памятников истории.

В отличие от них Мордехай Гилькаров с женой Яэль совершил много добрых дел. Он воспитал на канонах Торы

Борис и Юра у реставрированных их отцом памятников в Самарканде. 1990г.

בוריס ויורי ליד המצבות המשוחזרות על ידי אביהם בסמרקנד. 1990.

Иосиф Галили, Хаим Пилосов, раввины Юшвах Муродов и Ильяу Абдурахманов.

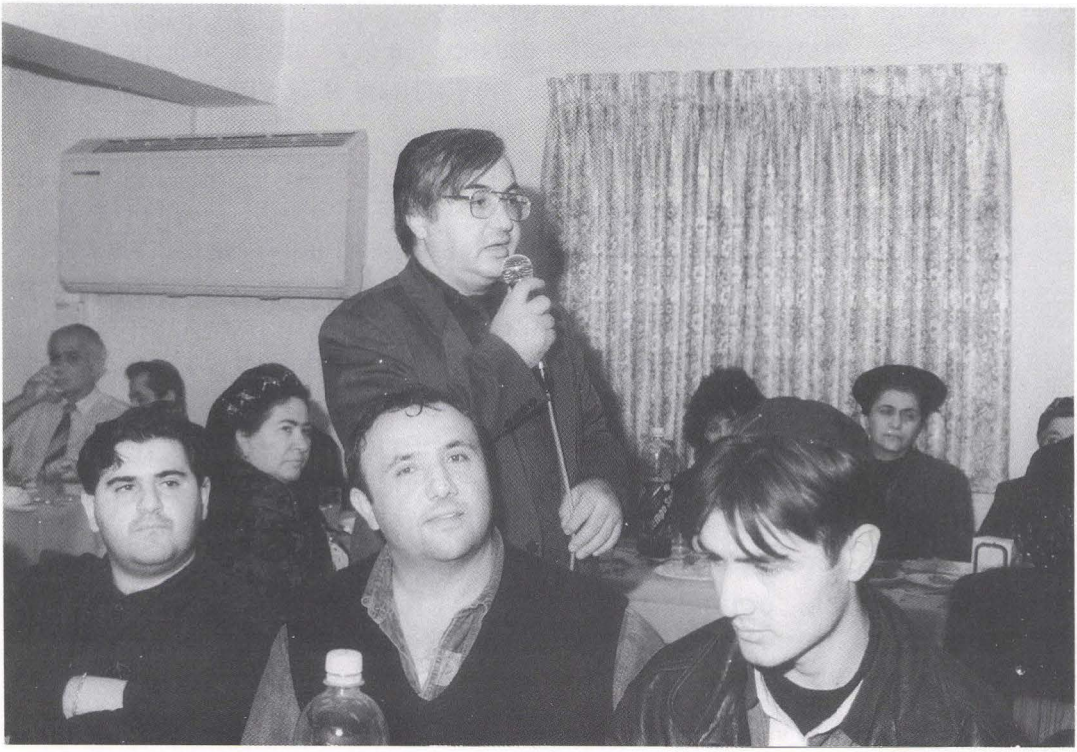
Они удивлялись скромности Мордехая Гилькарова, который очень хорошо знал Тору, был всесторонне образован, а говорил только тогда, когда его просят, когда он чувствовал, что присутствующие не знают того, о чем он будет говорить, а если он беседовал с кем-либо один на один, то находившиеся буквально в метре от него, не могли слышать его голоса, и не потому что он говорил о каком-то секрете, нет, это была манера его разговора, такт вежливости, элемент этики.

Мордехай Гилькаров был педагогом не только по образованию, он был им и по призванию. Он воспитывал свою семью, окружающих не только своим живым словом, но и делом. Одним из важнейших ценностей для человека он считал знание истории как своего народа, так и своего рода, сохранение памяти своих родителей, своих предков.

Семья Мордехая Гилькарова, слава Б-гу , в Вене была одной из самых авторитетнейших и благороднейших семей. Прекрасно воспитанные дети и снохи, отличные зятья, авторитетнейшие сваты (кудо), любознательные и уважающие старших внуки. Все семьи хорошо трудоустроены и материально обеспечены.

Если бы не преждевременная смерть любимой жены Яэль, то Мордехай Гилькаров мог считать себя самым счастливым человеком. И еще одно обстоятельство тяготило его - это "железный занавес" Советского Союза, ибо он не мог выехать в родные края-Самарканд, Душанбе. Он не мог поклониться могилам своих родителей и других родственников. Но как только появилась возможность приехать в СССР, он уже в 1988 году вместе с сыновьями и снохами приезжает в гости в Таджикистан и Узбекистан. Первое, что он решил сделать- это восстановить все памятники на родовом кладбище в городе Самарканде, и не просто восстановить, а на всех 17 могилах поставить новые плиты из дорогого мрамора.

Я часто слышал от авторитетных, образованных и занимающих достаточно высокое положение в обществе добрые и порой восторженные слова о Мордехае Гилькарове. Среди них один из руководителей Тель-Авивского муниципалитета Эли Аминов, руководитель крупнейшей синагоги бухарских евреев города Холона им. Иляу Якубова Нисан Якубов,

Мордехай Кимягаров выступает на поминках Мордехая Гилькарова. Израиль.
מרדכי קימיאגרוב נואם באזכרת מרדכי גילקרוב. ישראל. 1995

В семье, как правило отмечаются не только свадьбы, но все бармицва, батмицва, бритмила, дни рождения- торжественно, оригинально, с участием больщого количества гостей. Все эти мероприятия, семейные торжества организовывались и возглавлялись Мордехаем Гилькаровым, и первое слово на этих праздниках и торжествах - было его слово: искреннее, сердечное, содержательное.

Виновника торжества глава семьи благословлял, давал свои наставления и порой в стихах.

Не только в своей семье, а у всех близких и родственников он был самым почетным и желанным гостем, лучшим оратором и советчиком.

Мы еще и еще раз глубоко вздыхаем, еще и еще раз сильно сжимается сердце, комок боли и обиды застревает в горле- вспоминая Мордехая Гилькарова, вспоминая каждый его штрих, его характер, его улыбку и задаемся риторическим вопросом: почему такие люди умирают? Ведь он сделал столько добра, ведь мы у него так многому хорошему научились. Когда умирают такие прекрасные люди, обычно долго не хочется верить, что такого человека больше нет с нами, что мы теперь никогда не сможем увидеть его лик - это красивое доброжелательное лицо, которое в то же время, при встрече с несправедливостью становилось суровым. Увы ! Мы не сможем теперь общаться с таким заботливым, мудрым, выдержанным, тактичным человеком, не сможем слышать спокойный, тихий, но убедительный его голос. Какое у него было самообладание.

Есть люди, у которых появились деньги, появились знания в какой-то отдельно взятой области, или даже не знания, а какая-то информация. И эти люди кичатся своей копейкой, кричат во весь голос о своих знаниях. Самоуверенно и горделиво ставят себя выше всех окружающих. Не задумываясь могут оскорбить и унизить кого-либо из присутствующих, оклеветать человека, которого в данный момент здесь нет.

ДОБРОЕ ИМЯ. ВОСПОМИНАНИЯ ИСТОРИКА МОРДЕХАЯ КИМЯГАРОВА

Первая синагога, в которой стали молиться бухарские евреи Вены, представляла собой небольшое помещение, находившееся под одной крышей с синагогой ашкеназов. И когда была старая синагога, и когда построили новую - первый, кто рано утром приходил и открывал ее - это был Мордехай Гилькаров. Помню в одну из суббот, когда я был в Вене, мы пошли в синагогу, открыв ее, он прежде всего проверил, на месте ли Сефер Тора, на том ли месте развернут свиток, и перед тем, как читать сидур, дождался других, так как мы пришли намного раньше остальных. Он интересовался у меня, как обстоят дела в Душанбинской синагоге, ходят ли туда евреи, хватает ли книг,как работают раввины и хватает ли их, какие проблемы с кашерным мясом, не требуется ли ремонт?

И каждый раз, приезжая в Душанбе, он передавал в синагогу привезенные им из Израиля религиозные книги, оказывал синагогам бухарских евреев и ашкеназов помощь.

В семье Мордехая Гилькарова с большим почитанием относятся к религиозным праздникам, обрядам. Особенно тщательно готовились к праздникам Песах, Суккот и другим и тут особую нагрузку брали на себя жена Мордехая Гилькарова Яэль, а затем дочери и невестки. С нетерпением этих праздников, которые проходили интересно и весело, ждали внуки, которые к каждому новому празднику изучали и набирались опыта по чтению Торы, подготавливали и исполняли традиционные еврейские песни. И как всегда было в доме много гостей, и прежде всего приглашались кудо-сватья.

Часто вспоминаются его поговорки, его каждое слово, например: Что бы не произошло, он любил говорить : "Ба неки бошад"- ("Чтоб к добру было").

На центральной площади города Вены на Шварценбергплаце возвышается величественный памятник Советским воинам, погибшим в боях за освобождение столицы Австрии - Вены от гитлеровского фашизма. На красном граните памятника (среди других имен) золотыми буквами выбито имя и моего брата гвардии капитана Левиева Бориса Пинхасовича.

Мордехай Гилькаров во главе с моими родственниками, друзьями и близкими, проживающими в Вене, с цветами вышли на встречу с моей семьей на вокзал. Затем все мы на автомобилях прямо с вокзала направились к памятнику. Поклонившись праху и возложив цветы к памятнику, мы - я и моя жена приехали к Гилькаровым по их приглашению.

На следующий день Гилькаровы повезли нас, гостей, непосредственно на кладбище, где похоронен мой брат. Здесь прошел траурный митинг с участием многих бухарских евреев-жителей Вены. Первым выступил участник Великой Отечественной Войны Мордехай Гилькаров. Здесь же им был прочитан кадиш. Мордехай Гилькаров в своей речи подчеркнул:-"Десятки тысяч бухарских евреев участвовали во второй мировой войне, тысячи из них погибли на полях сражений. Среди них были и летчики, и танкисты, артиллеристы и разведчики, которые внесли свою лепту в освобождение человечества от коричневой чумы. Одним из них- был наш земляк, брат нашего гостя Шаломо Левиева, воин-гвардеец, погибший ровно за месяц до окончания этой проклятой войны- 8 апреля 1945 года - офицер Левиев Борис Пинхасович".

В конце своих воспоминаний о Мордехае Гилькарове я хочу сказать: -"Я своим детям и внукам буду рассказывать о том, как семья Гилькаровых помогла мне приехать и поклониться могиле моего брата, какое гостеприимство и внимание было проявлено, с какими благородными и интеллигентными людьми мы встретились. Мордехай Гилькаров с цветами со щедрой душой встречал нас в Вене, и провожал.

Воспоминание кандидата медицинских наук доктора Шаломо Левиева

Наш большой друг Мордехай Гилькаров приехал вместе с сыновьями в гости в Душанбе в 1988 году. Этот его приезд совпал с моим 50 - летним юбилеем. На этом торжественном вечере Мордехай, как желанный и любимый гость душанбинцев и, конечно, нас Левиевых и Толмасовых, был в центре внимания всех гостей. Его сын Юра, узнав о моей давней мечте побывать в городе Вене и увидеть памятник моему брату, гвардии капитану, Левиеву Борису, погибшему в боях за освобождение столицы Австрии, искренне выразил свою готовность встретить меня в Вене. Приглашение было принято. Меня с моей супругой Маргаритой на железнодорожном вокзале встретил покойный Мордехай Гилькаров со всей семьей Гилькаровых. Почти две недели мы жили у Гилькаровых, под их теплой и доброй опекой.

На поминках Мордехая выступает доктор Шломо Левиев. Израиль 1995г.
שלמה לוייב נואם באזכרת מרדכי. 1995

Воспоминания свата (кудо) Пинхаса Ядгарова

Мы породнились с семьёй Мордехая Гилькарова 26 лет назад. Все эти годы мы прожили дружно. Кудо Мордехай Гилькаров всегда активно участвовал на всех наших торжествах, юшво и т. д. Для нас всех было очень большое горе, когда безвременно ушла из жизни наша уважаемая, молодая Яэль кудо. Она была очень отзывчивая, добрая. У нее и у Мордехая кудо всегда можно было получить совет и утешение. Никогда не забуду, когда умерла моя покойная дочь Мафрат Ядгарова 28 тишри (8 октября) 1988 года Мордехай кудо в это время находился в Самарканде, реставрировал памятники. Находясь в Самарканде, несмотря на плохую международную телефонную связь, он дозвонился до нас в Израиль, и выразил свои соболезнования. Затем он из Самарканда приехал в Израиль на 30 дней покойной Мафрат, чтобы поддержать нас в это трудное для нас время. Приехав к нам, он переживал вместе с нами, сочувствуя нашему горю, что покойная Мафрат, которая была очень добрая, услужливая, уважительная ко всем, ушла из жизни так рано.

Да будет вечно его место в Ган-Эден. ***Пинхас Ядгаров***

Мордехай у памятника дочери своего свата Ядгарова - Мафрат. Израиль. 1988 г.

מרדכי ליד מצבת מפרת-בתו של מחותנו ידגרוב. ישראל, 1988

В этом можно убедиться самому: нет человека, который от ожога пальца не вскрикнул бы от боли, ибо при этом нельзя удержаться от крика. Но люди, сделавшие кидуш Ашем, при ожоге не кричали. Таким был и Мордехай Гилькаров, яркий пропагандист идей Торы. Мулло Мордехай мечтал и стремился, чтобы в каждом еврейском доме не только знали, но и соблюдали все еврейские заповеди, обычаи и традиции, почитали Тору и своих родителей.

Мордехай Гилькаров гордился тем, что в каждом бухарском доме соблюдают религиозные заповеди, он радовался, когда были праздники в этих домах, он был счастлив успеху каждого.

Память о мулло Мордехае навсегда останется в наших сердцах

рядом с ними, как учитель (море дерех) читал и пел сам Мордехай Гилькаров.

Если человек решил освятить имя Творца (Кидуш Ашем), тогда, как бы над ним не издевались чужие - он не чувствует боли и горечи.

Мордехай на бар-мицве сына Абрама Кайкова. Израиль.
מרדכי בחגיגת בר-מצווה של אלכס בן אברהם קייקוב. ישראל, 1988.

Кайков Авраам -
вице - президент Брит Йоцей Бухара

Все в мире покроется пылью забвения,
Лишь двое не знают не смерти, ни тленья.
Лишь дело героя да речь мудреца,
Проходят столетия, не зная конца.
И солнце и бури - все выдержит смело,
Высокое слово и доброе дело..

Фирдоуси

Слово о мулло Мордехае

Человек обладает свободой воли. Пожелает он пойти по пути добра и быть праведником - ему дано это, пожелает пойти по пути зла и быть грешником - у него есть и такой выбор. Об этом сказано в Торе: " Вот, человек стал единственным, от него - познание добра и зла "(Брейшит 3,22) - то есть, человеческий род - единственный в мире, обладающий способностью самостоятельно, своим собственным разумом и сознанием познавать добро и зло и поступать, как он того пожелает, и никто не помешает ему творить добро и зло.

Остался в моей памяти Мордехай Гилькаров, как праведник, ибо он особенно, в свои последние 20 - 25 лет совершал добро и был учителем еврейских братьев. Находясь в городе Вене, он призывал их ежедневно читать и изучать Тору. Он призывал их посылать детей в еврейскую школу, ежедневно молиться, и в субботу не работать. Можно с гордостью говорить о лекциях по Торе Исака Ахунова. Кстати, он - Исак Ахунов считает Мордехая Гилькарова своим духовным учителем. Да он был духовным учителем всех детей, совершивших бар - мицву. Можно с большой гордостью сказать, что все бухарские евреи, проживающие в Вене, говорят превосходно на иврите, а молодые ребята в субботу ходят в Бейт - Кнессет, поочередно читают Сефер-Тору. Он на праздниках приглашал специально из Израиля хороших хазанов. А

и на молитве и в руководстве синагогой. И вся община, как и я, ощущала его отсутствие.

Как велик был покойный своими качествами, добродетелями и благодеяниями, и в то же время он был одним из тех, для кого сей мир-суета сует, как сказал царь Давид в псалме, что говорят по случаю траура:"Ибо умирая не возьмет ничего, не пойдет за ним слава его" (Псалмы 49, 18).

Несомненно к покойному Мордехаю Гилькарову относится и другой стих:"Ходит праведник в своей непорочности, блаженны после него дети его."(Мишле 20,7).

Мудрецы блаженной памяти толковали этот стих, что следует читать не "бетуммо " (в его непорочности), а "бе мото" ("по его смерти"), т. е. "ходит праведник" и после своей смерти. И здесь мы видим, что сыновья и дочери Мордехая Гилькарова (да живут они долго!) продолжают дело жизни их отца, занимаются общественной деятельностью во имя Бога, руководя общинной синагогой и заботясь о ближнем так, как это делал их покойный отец (мир ему!).

Я молю Творца (да благословится его имя), чтобы душа покойного молилась в небесах за его сыновей, дочерей, зятьев, невесток, внуков, правнуков и за весь его род, и за все еврейские общины в Израиле и в мире-за телесное здоровье и душевный покой, и за успехи. И хватит нам наших бед! Давайте поучимся у покойного его любви к людям. С Божьей помощью все мы удостоимся близкого избавления и прихода Машиаха вскоре в наши дни. Амен, амен.

Обожающий и почитающий Мордехая Гилькарова
Элияху Аминов.

щедрой рукой собственные деньги, стремясь к благодеяниям и благочестию. Когда я бывал в Вене, мне приходилось подолгу беседовать с покойным рабби Мордехаем на разные темы. Он всегда интересовался, как дела у новых репатриантов в Израиле, как они там устраиваются в материальном и духовном плане. Всегда он выслушивал меня терпеливо и терпимо и отвечал мне спокойно и с юмором. Покойный говорил о своем одиночестве после смерти супруги (да будет память ее благословенна!) и подчеркивал, что ему придавали силу связь с синагогой, его детьми и членами его семьи, жившими с ним в Вене и очень его уважавшими.

Каждый год на протяжении нескольких лет бухарская община Вены приглашала меня в качестве кантора на Рош-ха-Шана и Йом-Кипур. Когда покойный Мордехай встречал меня, он всегда очень радовался, тепло и любовно обнимал меня и говорил, что он ждет этих дней, чтобы молиться вместе со мной. Так несколько раз я приезжал в Вену и служил кантором в венской общине, а рабби Мордехай стоял рядом со мной во время этих молитв. И он пел молитвы своим приятным голосом по традиции бухарских евреев, от всей души. И каждый раз я восхищался его преданностью Создателю (да благословится его имя!)

В последний Йом-Кипур перед его кончиной, после утренней молитвы, я сказал Мордехаю, что с удовольствием слушал его молитву, и поблагодарил его за помощь, которую он оказал мне, как кантору. Я приветствовал его словами:"Хазак у барух!" ("Силен и благословен!") и пожелал, чтобы с божьей помощью нам и в будущем году выпала честь молиться вместе со всей общиной. Его ответ меня поразил-впервые, в отличие от прошлых лет, он сказал мне:"Бог знает, доживу ли я до будущего года"-с застенчивой улыбкой. Эти слова он сказал конечно на бухарско-еврейском языке.

В этом году, после смерти Мордехая, меня снова пригласили в Вену читать молитвы на Новый Год и в Судный День. Я чувствовал, как не хватает рабби Мордехая

Штрихи к портрету покойного
Да будет мир ему

Элияху Аминов - член муниципалитета г. Тель-Авива

Мое первое знакомство с рабби Мордехаем (да будет его память благословенна!) состоялось во время моего первого посещения бухарской общины Вены в 1992 г. по поручению организации "Морешет Яхдут Бухара бе Исраэль". Я увидел человека, всецело отдавшегося работе во имя Бога в венской общине. Покойный служил габаем и хазаном в центральной синагоге общины, заботился об ее открытии каждое утро, занимался этим в такие дни, когда было трудно выйти на улицу из-за сильного дождя, снега или холода, а рабби Мордехай с радостью вставал и преодолевал пешком довольно далекое расстояние от его дома до синагоги, и это благодаря его любви к Торе и привязанности к Создателю (да благословится его имя!). Он был, как царь Давид (мир ему!), сказавший:"Об одном я просил Господа, одного желаю: пребывать мне в доме Господнем все дни жизни моей, дабы видеть прелесть Господа и посещать его Храм" (Псалмы 27, 4).

У рабби Мордехая были характерные особые черты, как у человека, занимавшегося многими общественными делами. Покойный умел всегда связать узами дружбы одного человека с другим и мужа с женой для оказания помощи и поддержки, даже если это ему стоило денег из собственного кармана, умел создавать вокруг себя атмосферу положительного лидерства и был всем, как любящий отец.

Вспоминаю, как часто приезжая в Вену, видел я дела, которым он придавал мировое значение в силу своего человеколюбия и благочестия, и все делал с приветливым выражением лица. Всегда он заботился о том, чтобы община помогала каждому, кто обращался за помощью для ешив или других религиозных учреждений, или нуждающихся, и мало того , что он уделял немало времени для помощи тем, кто к нему обращался, но и жертвовал

Воспоминания

Рав Шмуэль Алишаев-председатель Всеизраильского форума "Хазан Авнер"

Память о благочестивых навсегда останется в сердцах людей

Истории известны имена многих благочестивых лиц, совершивших и ныне совершающих дела по пропаганде иудаизма, по духовному обогащению людей, особенно молодежи, по укреплению их веры в единство и могущество Всевышнего. Нам известны благочестивые дела покойного Мордехая Гилькарова. Он, будучи в бывшем Советском Союзе более 50 лет, несмотря на антирелигиозную политику властей, сохранил свое духовное богатство и остался верен иудаизму. За последние двадцать лет своей жизни он смог в Вене-столице Австрии создать все условия для духовного обогащения бухарских евреев, был одним из основателей синагоги в Вене. И по его инициативе синагога была оснащена необходимыми религиозными атрибутами. Он делал все, чтобы были созданы условия для богослужения.

Кроме этого, он всячески старался отправлять детей бухарских евреев Вены учиться в школах "Шаарей Цион" Израиля. Помню нашу с ним встречу по этому поводу в Вене незадолго до его смерти. В результате его усилий ныне в нашей школе "Шаарей Цион" обучаются дети бухарских евреев Вены.

Имя благородного Мордехая Гилькарова навсегда сохранится в памяти всех нас.

Зихроно ливраха.

подряд со дня захоронения. Затем-каждую неделю в течение месяца, а затем - ежемесячно в течение года, не считая традиционных в каждый субботний день. Говорят, что о благородном человеке многое становится известно после его смерти. Так было и на церемониях прощания с ним, так было и на вечерах поминок. На 1-ом вечере поминок со своими воспоминаниями о покойном Мордехае Гилькарове выступили: Абрам Кайков, Хаим Пилосов, Давид Мошеев, Мордехай Кимягаров, Борис Аллаев и другие. Таким высоким оказался авторитет покойного Мордехая Гилькарова, что временами поминки в его память одновременно проводились и в Самарканде, где он родился, и в Душанбе, где он жил, и в Вене, и в Израиле. На этих поминках многие выступали и тепло отзывались о нем. А сколько было выражено соболезнований по телефону. А еще больше было писем и телеграмм - соболезнований родственников и друзей.

На поминках Мордухая выступает его племянник Абрам Гилькаров. Вена 1995г.
אברם גילקרוב, אחיינו (בן אחיו) של מרדכי נואם באזכרתו. וינה, 1995

Затем состоялось чтение погребального кадиша сыновьями-Борисом, Моше и Уриэлем, здесь же на кладбище состоялось массовое чтение дневной молитвы минха. - Ведущим-("шалиях цибур") был внук покойного, сын Бориса Эфраим.

Несмотря на то, что Мордехай Гилькаров завещал не устраивать пышные поминки, это было нарушено. Но такое нарушение объясняется искренним и добрым отношением к Мордехаю Гилькарову и его памяти многих бухарских евреев. Как положено у бухарских евреев, поминки Мордехая Гилькарова по всем их обычаям и религиозным законам были проведены первые семь дней

Внук Мордехая - Эфраим читает молитву Аравит на поминках дедушки. Израиль.
אפרים, נכדו של מרדכי, חזן באזכרת סבאו. ישראל, 1995.

После траурного песнопения доктор Галибов предоставил слово раввину Вены господину Моше Исраилову. Он сказал:-Мы потеряли большого и крупного организатора религиозных дел Вены-мулло Мордехая Гилькарова. Мы, как бы находясь на пароходе, остались без капитана. Сказав это, раввин подошел к гробу покойного, добавил:-Прощай, прощай наш дорогой габбай и наставник мулло Мордехай. После раввина Моше Исраилова слово было предоставлено бывшему калонтару (старосте) синагоги Душанбе господину Илье Абдурахманову. Митинг закончился прощальной траурной песней в исполнении Менаше Абрамова, и затем тело покойного Мордехая Гилькарова было предано земле, рядом с могилой его супруги Яэль.

- О, дорогая апа Яэль, вот через 12 лет, вы встретились со своим дорогим и любимым супругом ака Мордехаем. Теперь Вы вечно будете вместе. Сделав краткую паузу, ведущий церемонию первое слово предоставил заместителю мэра Тель-Авива господину Эли Аминову. Вторым выступил вице президент "Брит Йоцей Бухара" господин Абрам Кайков, затем-народный артист Таджикистана Борис Наматиев, сказав пару слов о покойном, спел традиционную траурную песню. К его песнопениям присоединились женщины, оплакивая покойного.

Он сказал: - Дорогие друзья! У нас всех сегодня большой траур! Ушел из жизни один из руководителей бухарско-еврейской общины Австрии, габбай синагоги Вены, мой сват дорогой Мордехай Гилькаров. Этот прекрасный и благородный человек сделал очень многое для приближения бухарских евреев Австрии к Торе и религиозным законам. Будучи сам сугубо религиозным и преданным иудаизму человеком, он способствовал тому, чтобы в первую очередь молодежь следовала за ним и он в этом добивался успехов. Наша утрата велика и невосполнима... Прощай, наш дорогой и любимый Мулла Мордехай. Затем доктор Галибов, поворачиваясь лицом к могиле супруги покойного, как бы символично сказал:

Траурный митинг ведет доктор Галибов. Иерусалим. 1995г.

ד״ר גריגורי גליבוב מנהל את עצרת הלוויה של מרדכי ירושלים, 1995

В Иерусалиме собрались люди не только из Вены и Иерусалима. Были и из многих городов Израиля, Узбекистана, Таджикистана, из Нью-Йорка. Люди не только оплакивали его, но и считали своим долгом дотронуться до его гроба. А гроб с телом покойного Мордехая до самой его могилы несли и на плечах, и на руках, каждый последующий ежеминутно заменяющий предыдущего. Таким образом, после исполнения всех религиозных ритуалов, его тело было доставлено к могиле его супруги Яэль на кладбище гиват Шауль Иерусалима. Через двенадцать лет они, как бы встретились, теперь навсегда. Здесь состоялся траурный митинг прошания с Мордехаем Гилькаровым. Митинг с кратким вступительным словом открыл сват покойного, тесть его сына Уриэла (Юрия) доктор Григорий Галибов.

Сыновья провожают отца в последний путь. Иерусалим. 1995г.
בניו של מרדכי מלווים אותו בלוויתו. ירושלים, 1995

слово предоставил раву Моше Исраэлову. Он, а за ним все присутствующие поочередно подошли к гробу покойного и простились с Мордехаем Гилькаровым. После этой церемонии сыновья, родные и друзья покойного, взяв гроб покойного на плечи, прошлись по всей территории кладбища Вены а затем доставив его на самолет, отправили в Иерусалим.

... Со словами скорби Шломо Устониязов на траурном митинге. Вена, 1995.

Еврейское обшество Вены провожает Мордехая в последний путь. Вена, 1995 г.

יהודי וינה מלווים את מרדכי, חברם היקר, לדרכו האחרונה בירושלים. וינה, 1995.

Да будет Ваше достойное место в Ган Эдене.

После этого он предоставил слово ребе Якову который на иврите говорил о всех хороших делах покойного Мордехая, связав это с законами Торы.

Затем доктор Галибов слово предоставил Шломо Устаниязову. Он на трех языках красноречиво применяя крылатые слова говоря о человечности покойного Мордехая, особенно подчеркнул его достоинство как отца бухарских евреев Вены. Затем выразив соболезнование родным и близким покойного, он попрощался с Мордехаем Гилькаровым. После него выступил Ицхак Ахунов, считающий себя одним из учеников Мордехая Гилькарова. Первым долгом он подошел к гробу и попросил прощения у своего наставника. Затем он сказал: - друзья, человек должен знать откуда он появился на божий свет, зачем Б-г его создал, и куда он должен идти после своей смерти, ибо душа человека не знает смерти. Все эти три условия честно и благородно выполнил наш дорогой габбай и хазан синагоги, наш учитель и наставник, отец всех бухарских евреев Вены, благочестивый мулло Мордехай Гилькаров. От такой большой утраты все мы ныне в трауре. Что будет с нами без него, знает только Б-г! От Б-га мы просим принять его душу в Ган Эден, ибо всеми своими благотворительными делами он это заслужил. После на иврите выступил - АМТс директор доктор Ходик. Затем выступил рав еврейско - грузинской общины Австрии господин Авраам. В заключение траурного митинга, доктор Галибов повторно

Рав Моше подчеркнув, что покойный Мордехай ушел из жизни, оставив доброе имя, подробно остановился на принципах Торы... Затем выступил на немецком языке президент всей австрийской общины евреев доктор Пауль Гросс. Его речь тут же была переведена на русский язык. Продолжив траурный митинг, доктор Григорий Галибов сказал: - Род Гилькаровых, да и не только их род, все мы бухарские евреи Австрии, лишились своего главы, своего учителя, хранителя и проповедника еврейской религии. Мордехай Гилькаров был душой и сердцем нашей синагоги. Он был прекрасным отцом детей, верным супругом своей покойной жены - Яэль. Он достойно в духе иудаизма воспитывал своих детей, а особенно сыновей. Он был примером для многих из нас. Жаль, очень жаль, что мы лишились такого благородного и благочестивого человека... Затем добавил - О дорогой наш отец и наставник, если при нашей совместной общественной деятельности я или члены нашей общины допустили оплошность в разговоре с вами, или не желая того, сказали что-то не ладное - простите меня и всех нас.

Прощание

Есть люди, на церемонии прощания в связи с их кончиной собираются один или два десятка лиц, а при чтении погребального Кадиша с трудом можно собрать десять положенных мужчин. Говорят:-"Что посеял, то и пожнешь".

Обычно у нас бухарских евреев людей на похороны не приглашают. Каждый по велению своего сердца принимает участие. А вот церемония прощания с Мордехаем Гилькаровым, в Вене, где он скончался, прошла так:

Гроб с телом покойного отца - сыновья, родственники доставили в молитвенную комнату (ханака) кладбища Вены. Тут состоялось траурная церемония прощания с Мордехаем Гилькаровым.

Первым выступил господин Миша Абрамов. Он охарактеризовал покойного и в конце сказав: - прощай отец всех нас бухарских евреев Вены дорогой Мордехай Гилькаров, микрофон передал раву синагоги Моше Исраилову.

5. Те благочестивые и добрые дела, которые остались мною не доведенными до конца, завершите и свершайте новые.

6. Совершенствуйте свои благодеяния, но никогда и нигде не кичитесь этим.

7. Умейте выслушать и богатого, и бедного, и мудреца, и слабоумного, умейте понять и посочувствовать каждому. Не отвечайте на зло местью, умейте прощать. Нацеливайте своих детей, моих дорогих внуков на благородство, умение сдерживать свое слово, чтить память предков, сохранять семейные традиции, особенно любовь к людям разных национальностей и веру в то, что добрых людей на свете больше.

8.Мои дорогие дети, добрые невестки, дружные зятья, родные племянники, родственники, милые друзья, простите мне, если я когда либо чем-то обидел Вас. Ведь говорят же, лишь только Б-г безгрешен. Дай Б-г , чтоб Всевышний всегда был Вам в помощь, чтоб всему еврейскому народу Б-г щедро дарил счастье и покой. Омен.

19 месяца тевет 5755-го года со дня сотворения мира. 21 декабря 1994 года.Мордехай бен Рафаэль и Билурия Гилькаров.

Завещание.

Как только перестало биться сердце Мордехая Гилькарова, после горьких оплакиваний и отправки его тела в распоряжение Хевра Кадиша для подготовки к захоронению, все дети и близкие родственники согласно просьбе покойного решили ознакомиться с текстом его завещания. Ибо он, вручая конверт с завещанием старшему сыну Борису, просил вскрыть конверт тут же, как только он простится с жизнью. Борис вскрыл конверт и со слезами на глазах и болью в сердце начал читать рыдающим братьям, сестрам и всем присутствующим это завещание. Вот, что написано в нем :

1. Б-г дал мне душу , Б-г же взял эту душу. Я благодарен Б-гу, что он мне подарил более 70 лет жизни. И вы, дорогие мои дети, не терзайте себя, ибо этим Вы можете обидеть Б-га. Похороните меня рядом с моей любимой супругой-вашей матерью Яэль в Иерусалиме. Все, что стало традицией для нас бухарских евреев и все что положено по законам иудаизма, совершайте, но без излишеств. Дорогие сыновья! Если мои внуки на поминках будут молиться вместе с вами, соблюдать все религиозные ритуалы, моя душа, которая будет витать среди вас, будет благодарна.

2. Чтите, как и прежде, память вашей матери, моей любимой Яэль.

3. Все вы, мои дорогие дети, как можно быстрее возвращайтесь на постоянное жительство на Святую Землю в Израиль.

4. Всегда, всю жизнь будьте меж собой в дружбе и согласии, как было до сих пор,будьте достойным примером для моих внуков и правнуков.

Мордехая продолжало биться. У Мордехая была и еще одна мечта успеть стать прадедушкой. Его внучка Стелла - дочь Бориса готовилась стать матерью. 21 адара, когда Борис с сестрами был у кровати отца, пришла весть, что его дочь только что доставили в родильное отделение этой же больницы. Борис попросил разрешения у отца пойти к дочери. Мордехай не только разрешил, но и просил своих дочерей сопроводить Бориса. Видимо он хотел уйти из жизни в отсутствии своих детей.

Так и случилось. Через несколько минут он с улыбкой на лице вручил свою душу Всевышнему, без шума, без тревоги, и без слез!..

Наверное, такую смерть можно считать красивой...

На следующий день дети госпитализировали отца в одну из больниц Вены. По окончании всех анализов, рентгеновских снимков, электрокардиограмм и прочих процедур был организован консилиум виднейших профессоров различных отраслей медицины. Был установлен диагноз его болезни. Как принято говорить: точный диагноз-половина лечения. Врачи приступили к лечению Мордехая Гилькарова. Существует легенда:-1000 лет тому назад эмир Бухары заболел. Пригласили 18 летнего уже известного врачевателя Авиценну лечить эмира. Авиценна, приступая к лечению, сказал больному эмиру. Нас трое:-Вы-больной, я-лекарь, и 3-ий-это Ваш недуг. Если Вы будете в союзе со мной на моей стороне, т.е. будете верить мне и моему лечению, то мы вдвоём, я и Вы-больной, победим Ваш недуг. Если же Вы будете в союзе с Вашим недугом, т.е. про себя будете думать, что Ваша болезнь неизлечима, что мои старания-напрасный труд, то я окажусь один на один и вылечить Вас не смогу. Посему, дорогой эмир, выбирайте, с кем будете Вы в союзе, со мной или с Вашим недугом...

Эмир улыбнулся и сказал - Б-г с Вами! И добавил:-И я с Вами...

К великому сожалению, Мордехай Гилькаров внушил себе, что он 7-го Адара должен вручить свою душу Всевышнему...

Быть может это обстоятельство, сыграло свою роль, что ни самые лучшие профессора, ни наиценнейшие лекарства и препараты, ни душевное отношение всех родных, родственников и друзей, не покидавших его ни на минуту, ни огромные заботы и старания всего коллектива больницы, не смогли спасти его жизнь. Через 28 дней Мордехай, почувствовав приближение минут расставания с душой, попросил Бориса сфотографировать его одного на больничной койке.

Кстати говоря, его сердце действительно перестало биться 7-го Адара. Наступила клиническая смерть. Но медицина, врачи скрупулезно приняли все меры, и сердце

-19-ое число месяца тевет 5755 года со дня создания вселенной.

-Так, так!.. Сынок ты мой, сегодня говорить буду я, а ты будешь только слушать и если будут вопросы, потом.

Ты знаешь, мне 7-ого адара исполнится дай Б-г 74 года. И я чувствую, что должен вручить свою душу всевышнему тоже 7-го Адара. Осталось мне жить не так уж много. Бориса как будто бы ударила молния. Он онемел. У него самопроизвольно покатились слезы. Придя в себя, крепко прижав к своей груди руку отца, он сказал:-Отец, мой милый, о чем это Вы?... Вы же крепкий и здоровый человек.

-Я просил тебя вначале, не перебивать. Так вот, сынок, мой отец - Рафаэл Гилькаров более полувека тому назад, когда ему было 76 лет, пригласил к себе всех нас: своих детей, внуков и родственников, будучи весьма крепким и здоровым, заявил, что ровно через час он вручит свою душу Всевышнему. Мы все удивились, стали сомневаться, а он же начал молиться и дойдя до молитвы "Шма Исроэл", и сказав:-"Шма Исроэл, Адунай Элохену", скончался... Очевидно, так будет и со мной. Но вы должны уяснить себе, что я покидаю жизнь, улыбаясь, ибо мне уже за 70, и я не потеряв ни одного из Вас при своей жизни, умираю сам. Так положено. Дети должны хоронить своих родителей.

Сегодня 12 лет, как нет с нами нашей матери, вечером ее поминки, а завтра я должен лечь в больницу.

Сказав это, Мордехай достал из - под подушки конверт и протянув его Борису добавил:-Вот моё завещание. Вскроете конверт, только после моей смерти, до моих похорон... А теперь, сын мой, иди и готовьтесь к поминкам, чтобы как всегда достойно почтить память моей неповторимой супруги, и Вашей дорогой матери Яэль...

Уйдя от отца, Борис в первую очередь собрал всех братьев и сестер, полностью пересказал им слова отца. Все со слезами на глазах и болью в сердце восприняли эти слова отца.

Но сейчас нам хочется поговорить о том, кто как встречает эту смерть. Как это признают сугубо религиозные люди, Всевышний отбирает душу человека по-разному... У злодея жестоко, а у добродетельного-мило. А есть иные люди, о смерти которых говорят: Деревья умирают стоя. Точно также, как в человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли, хочется добавить: и смерть должна быть красивой. Нам хочется, дорогой читатель, рассказать Вам, как герой нашей книги Мордехай Гилькаров встретил свою смерть. Очевидно, неспроста в свою любимую тетрадь "Крылатых слов" он когда-то записал слова Джами следущего содержания:

Когда ты родился, все смеялись, радовались,
Но ты плакал, кричал.
Но ты так проживи жизнь, чтобы при твоей смерти
Все плакали, а ты, улыбаясь, покидал жизнь.

(Подстрочный перевод Арона Шаламаева)

К концу 1994 года здоровье Мордехая Гилькарова ухудшилось. По этой причине, Мордехай Гилькаров пригласил к себе на беседу своего старшего сына. Борис задержался и пришел с опозданием, подойдя к двери комнаты, услышав голос отца, разговаривающего с кем-то, остановился у двери. Отец же, надевший цицит, и привязавший ко лбу и левой руке тефилин, говорил вслух:

“О боже, прости мне, если я нечаянно согрешил...

...О Б-же, у меня к тебе ещё одна просьба:-Когда будешь забирать мою душу, не терзай меня. Ведь ты Б-г милостивый... А самое главное, благослови моих детей, сказав эти слова, Мордехай заметил в дверях Бориса, далее он что-то тихо-тихо говорил как-бы про себя... Потом он снял с себя цицит и тефилин и, свернув их, вложил в специальный футляр, затем, обратившись к сыну, спросил:-Что случилось, сынок! Почему задержался?

-Извините, отец, задержался, -Какое сегодня число?-спросил отец.

Есть в этом мире двое врат больших,
В одних воротах-жизнь, а смерть в других.
И тот, кто через первые пройдет,
Не сможет обойти вторых ворот.

Юсуф Ходжиб

Красивая смерть

С тех пор, как Б-г создал вселенную и человека, он одновременно предусмотрел и рождение и смерть людей. С тех времен по сей день, начиная с первого человека-Адама, сколько людей пришло, а сколько ушло! И все же сегодня на нашей планете, называемой Земля, живет и здравствует более пяти миллиардов людей. Значит, жизнь побеждает!

племянник, упаси Б-г нас от таких игроков в дурака. Далее, продолжил Гавриэл Алишаев- дядя Мордехай страшно не любил, людей, которые в любом деле ищут личную выгоду. Эти люди в первую очередь, наподобие этого мудреца, спрашивают, - а что я от этого буду иметь?.. Вот и получил мудрец по своему рецепту игру в дурака...

Дорогие, - продолжил Гавриэл - мы все родственники признавали дядю Мордехая факелом родственников, за его ум, за его мудрость, за его моральную чистоту. Мне кажется, что все люди, которым доверяется главенство, будь то семья, будь то родня, будь то большая ответственная должность, как в обществе, так и в государственном масштабе, должны обладать такими добрыми качествами, как мой дядя Мордехай. Все мы, присутствующие, сказав "Омен", на пожелания Гавриэла Алишаева, поблагодарили его и хозяйку дома, добрую и гостеприимную Берту Давыдовну, ушли с большим количеством материалов о Мордехае Гилькарове.

Мордехай со своими сватьями Ядгаровыми и сватьями сына - Бориса - Устаниязовами. Вена 1994г.

מרדכי עם מחותניו: פנחס וראייה ידגרוב ועם מחותני בנו בוריס: דוד ומרים אוסתאניאזוב.

должнике и кредиторе, как пример плохих людей. К одному мудрецу однажды явился его родственник, нуждающийся в деньгах,и попросил у него деньги в долг. Мудрец сказал ему - денег-то я тебе не дам, но советом помогу. Пойди к твоему родственнику богачу Н., и попроси у него деньги в долг сроком на один год. Он конечно тебе не откажет. Получив деньги, пусти их в оборот. За год ты выручишь и прибыль, и деньги, взятые в долг. Через год ты вернешь долг, а от прибыли будешь танцевать дальше. Родственник поступил так, как ему посоветовал мудрец. И действительно случилось все так, как сказал мудрец. Но он через год опять явился к мудрецу с просьбой - посоветуй, мудрец, что если я не верну свой долг и эти деньги опять пущу в оборот. Посоветуй, ты же мудрец. Мудрец говорит ему- Я тебе дам совет, при условии, если мой совет даст свои плоды, и тогда ты половину своего долга, вручишь мне. -Какой может быть разговор. Конечно! Только скажи, как поступить, сказал родственник.- Ты к нему не ходи. Жди, пока он сам к тебе придет за деньгами. Вот тогда ты притворись дурачком и играй в "дурака". Он посмотрит на тебя и скажет- он же с ума сошел... и уйдет не попросив долг. Ну, а потом конечно ты придешь ко мне домой с половиной выручки. Родственник поблагодарил мудреца за его совет, так и поступил. Н. не дождавшись явки должника, через два года сам явился к нему. Увидев Н. у себя дома, родственник хихикая пустился плясать, кувыркаться на полу, затем встал, начал как бы изгонять из дому ведьм, приговаривая - Рата-пута, Пута-рата, шикала-микала... Затем, опрокинув, на голову ведро с водой, начал подпрыгивать и кричать ой-ой, о Б-же, что со мной? Что со мной ?... Увидев все это, поверив, в то, что его родственник сошел с ума, он покинул его дом. Далее Гавриэл Алишаев, рассказавший нам эту притчу, добавил - я же, улыбаясь, спросил у закатывающегося от смеха дяди Мордехая - а как поступил он с мудрецом, посоветовавшим ему эту игру в дурака. Дядя Мордехай, продолжая красиво смеяться, сказал:-Этот родственник и с мудрецом сыграл в дурака. Так, что мой

случилась ссора ну, например, между некими Палтиэлом и Амиэлом. Он встречался с Палтиэлом, выслушав его, всю вину за появившийся раздор возлагал на него самого, при том добавляя- Я имел беседу с Амиэлом. Он о тебе ничего отрицательного не говорил. Затем аналогичную беседу имел и с Амиэлом. Точно так же разговаривал и с ним. И поверьте, в течение недели дружба между Палтиэлом и Амиэлом восстанавливалась. А самое главное, мой дядя никому и нигде и никогда не говорил, что мол между Палтиэлом и Амиэлом оказывается была вражда. Он часто повторял мудрое изречение:- Если ты гневаешься на кого-то, не избегай его близости, пойди к нему с поклоном и без шипов злоречия вырази ему все то, что в тебе вызвало обиду. И заново забьет ключ любви. И лучшим будет тот, кто первым придет с поклоном.

Он всегда твердил, что самое лучшее качество человека- его человечность! Будьте всегда человечны. Человечность, он говорил, нужно проявлять во всем. Особенно нужно совершать добро вдовам, сиротам, малоимущим, больным и т.д. Он лично сам никогда не упускал случая навестить больного, даже если близких ему больных бывало много. Он находил время навещать их, согревать их душу теплым советом и даже, если ему было известно, что этот его больной друг нуждается в средствах для лечения, он незаметно для больного, проявлял материальную поддержку.

У моего дяди Мордехая была еще одна особенность. Он никому денег взаймы на проценты не давал. Он говорил, по законам иудаизма, брать проценты за отданные в долг деньги запрещается. Мало того, бывали случаи, когда его друг должник к сроку не вернул долг, а дядя Мордехай на улице издалека заметив его, чтобы не смутить друга, не вернувшего в срок свой долг, сворачивал со своего пути, дабы не встретиться с ним лицом к лицу. Однажды дядя Мордехай перед сном рассказал мне такую притчу о

укреплению дружбы, как между семьями его детей, так и всех родных. Да будет вам известно, дорогие авторы, что мы все родственники дядю Мордехая приняли своим главой, но мы никогда от него не слышали, чтоб он кичился и говорил:- Я ваш глава, слушайтесь и подчиняйтесь мне! Мы его считали своим главой потому, что каждый из нас видел в нем и мудрость, и щедрость, и благородство, и справедливость. Не только родственники, но и сваты относились к нему с почтением. А у него ведь пять авторитетнейших сватов. Один из них - тесть Бориса - Пинхас бен Мамон Ядгаров, второй сват - тесть Моше-Хананиель Алаев, третий сват - тесть Уриэла (Юрия)- доктор Гавриэль бен Шломохаим Галибов, 4-ый сват- свёкр Неккадам (Нины) - Моше Пинхасов и наконец пятый сват-свёкр Ривки (Розы) Бхор Муллакандов сын Иммануэля Кози. Все они среди народа пользуются большим авторитетом. Дядя Мордехай, если по выражению лица своих сыновей и дочерей, чувствовал неполадки в их семейной жизни, а это случалось очень редко, он быстро анализировал обстоятельство, принимал срочные меры по устранению недоразумений, при том чаще всего в этих недоразумениях обвинял своих детей. Он никогда не допускал, чтоб искорка зла в семейных отношениях превращалась в пламя.

Он не только укреплял дружбу между своими сыновьями и снохами, между дочерями и зятьями, но и между ними и сватами. Если до него доходили сведения, что между двумя его друзьями, как говорится пробежала черная кошка, т.е. появился конфликт, он принимал все меры, чтобы потушить огонь и восстановить дружбу. Между прочим, он действовал очень методично. Например,

авторитетом уговорил родителей тех дочерей, на которых мы желали женить своих сыновей, когда та сторона не была согласна. И он добивался успеха. А потом он сам организовывал свадьбы этих молодоженов.

Покойный мой дядя Мордехай , как при жизни своей супруги Яэль завел, так и после ее смерти сохранил в своей семье такой порядок: - В каждый субботний вечер и днем в субботу все его дети со своими семьями собирались вместе на ужин и на обед. Здесь и днем и вечером проводились все религиозные ритуалы. На этих торжествах по случаю субботы мы очень любили слушать песнопения нашего дорогого дяди Мордехая. Он пел из " Песни песней " (Шир Хаширим), " Кол шомрей шаббат" (Каждый, кто дорожит субботой) и на иврите, и на бухарско-еврейском языке. Он требовал от молодежи, а особенно от своих внуков, чтобы они усвоили все эти религиозные ритуалы, научились грамотно читать молитвы и исполнять песнопения. Очевидно, именно благодаря такой "дедушкиной школе" все его внуки на его поминках грамотно читали все молитвы, при том на уровне Шалияха (ведущего).

Этот порядок дядей Мордехаем был введен не только в субботние дни, но и во все религиозные праздники, особенно на пасху и суккот. Здесь уже количество присутствующих удваивалось и даже утраивалось за счет сватов, родственников и гостей, приехавших из других городов. Особенно на пасхальных вечерах все мы, и стар, и млад с любовью слушали его рассказы об Исходе из Египетского рабства и дальнейшей истории Моисея и евреев...

Все эти его мероприятия способствовали

Б-г их умом не наградил. Но они не плохие люди.

Есть умные, даже очень умные, знающие, когда и как что сказать, когда что можно совершать, а что нельзя. Они очень начитаны, и у них большая информация в голове. Но никому на помощь не придут. Ничего доброго для общества не совершат. В большинстве случаев эгоисты. Вот таких умных людей разве можно считать хорошими людьми? По-моему, нет и ни в коем случае.

Так что, мой юный друг Гавриэл, нельзя говорить-умный, значит хороший, а глупый значит-плохой. Это большая ошибка. Вообще-то говоря о том, что хорошо и что плохо, можно очень много поспорить, но уже поздний час. Пора предаться сну. Об остальном в другой раз. Сказав это, дядя Мордехай, справил все ритуалы, полагающиеся перед сном, и прочитав молитву "Шма Исраэл", лег спать,- сказал Гавриэль Алишаев.

Мы же авторы и все присутствующие, услышав увлекательный и содержательный рассказ, во-первых, поблагодарили его, а затем добавили: "Дорогой Гавриэл, если Вас мы не утомили, не объясните ли Вы, почему покойного Мордехая все родственники считали главой рода?"

"Говорить о дяде Мордехае хоть до утра меня не утомит, ибо так я снова и снова познаю его величие. Да, мы все родственники независимо от своих фамилий, а мы и Гилькаровы, и Алишаевы, и Гавриэловы и иные дядю Мордехая Гилькарова восприняли, как главу рода. Ибо каждый из нас приходил к нему и за советом, и за помощью. И он всегда давал нам верные советы. Мы к нему приходили даже и за тем, чтобы он своим

поговорить, выпить и поесть - обижать их не надо. Ну, поговори с ним, ну, ладно, даже накорми и напои его, но не более!

А знаешь, что, мой дорогой Гавриэл, когда-то и я одному из друзей задал вопрос-что хорошо и что плохо. По его мнению, ему хорошо, когда он напьется вина, набьёт свой желудок, а затем попадет в объятия женщины. А плохо ему, когда подают подогретое вчерашнее блюдо... Вот так, все пальцы твоей руки, как говорят у нас в народе, не одинаковы. И люди с разными нравами. По-моему, же, хорошо, когда цветок благоухает, сердце воспринимает людскую боль и человек прост с людьми. Но к великому сожалению есть ещё немало мнимых друзей. Точно также, как среди тонны руды можно найти лишь несколько карат бриллианта, точно также среди тысяч людей можно сыскать одного или двух друзей.

Многие люди говорят одно, делают другое. Тебя встречают с раскрытыми объятиями, а за пазухой держат нож. При тебе тебя хвалят, превозносят до небес, а за спиной твоей клевещут, унижают тебя. Особенно так поступают, когда повышается твой авторитет, тебя начинают любить многие, ты талантлив, а он ничтожество. Вот зависть ему не дает покоя. По-моему, вот это плохо! Плохо, когда люди неискренни, завистливы, злобны, недружелюбны, интриганы. Хорошо, когда у людей и язык и душа в согласии, когда люди любят друг друга искренне, без корысти.

Дорогой Гавриэл, только не надо путать: глупость и подлость, умного и доброго. Есть люди, которые по натуре добрые, готовые в любую минуту прийти на помощь, но

ничего не принимает. Посему в народе говорят:-Лучше с умным потерять, чем с глупцом найти, а Пушкин сказал стихами: "Не требуй венца и не оспаривай глупца" и т. д.

А теперь, дорогой Гавриэль, ты очевидно хочешь из моих уст услышать: кого же можно считать умным. Сказав, да, конечно, я собрался внимательно слушать дядю Мордехая: "Так вот, на мой взгляд, умным нужно считать того, который вовремя может говорить и вовремя умеет молчать, знает, когда что можно совершать и когда нельзя. Умный человек больше слушает и меньше говорит, ибо Б-г нас одарил двумя ушами и одним ртом. Умный никогда не включится в чужой разговор, никого- ни старшего, ни младшего не перебивает. Он придерживается такта. Никогда не позволит себе высокомерия. Умный человек много читает. Он перечитывает и Тору, и различную художественную литературу, ибо книга - это большая и великая сила. Он никогда не бахвальствует. Он всегда скромен, доступен и прост в общении с людьми. А теперь поговорим-что хорошо, а что плохо!

По-моему хорошо, когда у человека есть друзья и притом душевные, искренние друзья. Но к сожалению, их не так-то много бывает. На Востоке часто употребляют фразу: "Ростом с себя нашел, но равного по душе своей не нашел." Но все равно друга искать надо. И друзья - то бывают различные:-кто болтает о дружбе, кто друг за деньги, а кто настоящий искренний друг, без корысти и претензий. Вот такого друга нужно беречь. Человек без настоящего друга все равно, что ракушка без жемчуга, или рыба без воды. И уйдет он из жизни бесследно. А что же касается напрашивающихся в друзья: любителей

"Мы благодарны Вам за столь подробное изложение биографических данных Мордехая Гилькарова. Но насколько нам известно, он, вернувшись инвалидом войны с фронта в Душанбе, в Ваш дом, продолжил свою учебу в пединституте и учительскую работу в школах. Ввиду того, что он был учителем школы, а у учителей, подобных Мордехаю Гилькарову, обычно бывает свое мировоззрение, свой взгляд на жизненные ситуации и поскольку Вы с ним были единомышленниками, не рассказали бы о его мировоззрении."

"С великим удовольствием", ответил Гавриэль: "Помню, как сейчас, однажды вечером, как это часто бывало, я затеял беседу. На этот раз тема беседы была: "Кого нужно считать умным и кого глупым, и что-хорошо, а что-плохо?" Обычно я, задав вопросы, не перебивая его, затаив дыхание, слушал его мудрые суждения, высказанные образно и красноречиво. Услышав мои вопросы, дядя Мордехай, как это часто у него бывало, любезно посмотрел мне в глаза и с улыбкой на лице начал: "Дорогой Гавриэль, Всевышний создал людей удивительно разнохарактерными, разномыслящими. Мне уже за 70 и я по сей день ни от кого не услышал, чтоб он сказал- У меня не хватает ума. Все считают себя умными, и никто: ни царь и ни нищий не довольствуются всем тем, что у них есть. Все считают, что у каждого из них ума-то много, а вот денег мало! Ну, а если ты наберешься мужества и глупцу скажешь, что у него ума-то маловато, не дай Б-г, подымет скандал на весь квартал и так тебя опозорит, что ты будешь не рад сказанному, ибо глуп-то он потому, что никогда себя глупым не считает, да и от умных людей

Роза (Ривка).
Мулокандова -Гилькарова.

Родилась в 1957 году в городе Душанбе. В 1972 году закончила среднюю школу. В 1973 году вместе с родителями переехала в Израиль. Здесь, окончив медицинское училище, проработала несколько лет мед-сестрой в больнице Бейлинсон. В1978 году вышла замуж за Енатана Мулокандова.

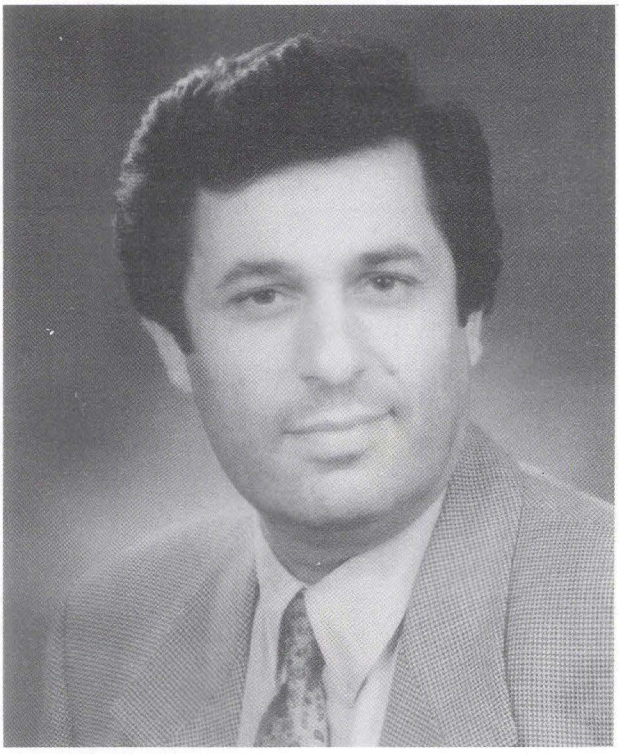
С 1979 - 1995 г проживали в Вене. У Розы с Енатаном трое детей: Эмануель, Яель и Ярон. В 1995 году Роза со своей семьей переезжают на постоянное место-жительство в Израиль.

Нина (Неккадам) Пинхасова - Гилькарова.

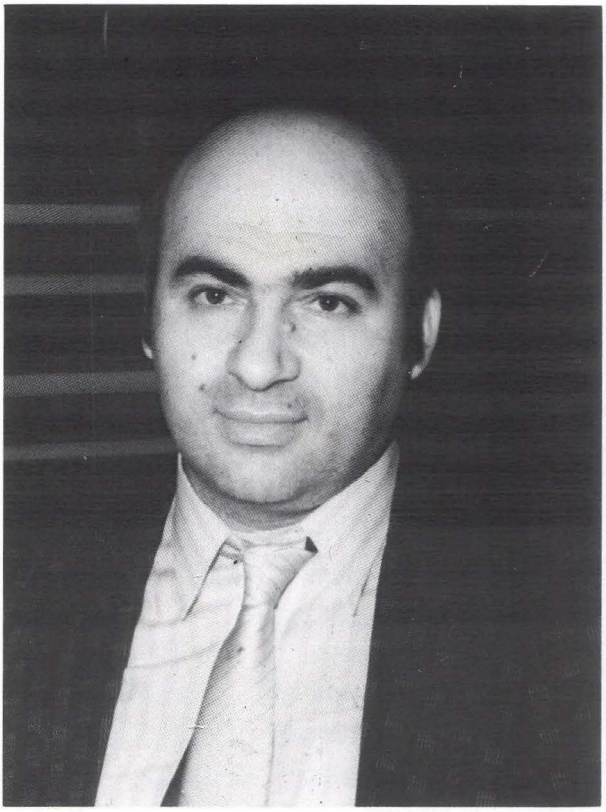
Родилась в 1954 г. в Душанбе. Закончила восемь классов средней школы. С 1969 - 1972 училась в медицинском училище. В 1973 г. выходит замуж за Амнуна Пинхасова. Вместе со своими и его родителями в 1973 г. переезжают в Израиль. В Израиле они прожили 10 лет. Нина все эти годы работала медсестрой в больнице Адаса. В 1983 г. вместе с мужем и тремя детьми: Натаном, Иланой и Даниэлем переезжают в Вену, где проживают по настоящее время.

Юрий (Уриэл) Гилькаров.

Родился в 1952 г. в Душанбе. Закончил курс средней школы в 1970г. По окончании школы стал работать в торговой системе. В 1973 г. вместе с родителями иммигрировал в Израиль, а в 1974 г. переехал в Австрию. Там он также продолжает работать в торговой системе. В 1976 г. женится на Розе Галибовой. В настоящее время они являются родителями троих детей: дочери-Юдит, и двоих сыновей: - Рафаэля и Беньямина. В 1994 г. в Израиле он выдал свою дочь Юдит замуж за Леви Левиева, а через год у Юрия с Розой родилась внучка - Сапир. В настоящее время Юрий со своей супругой и двумя сыновьями проживает в Вене, где он является общественным деятелем еврейской общины города Вены.

Моше Гилькаров.

Моше родился в Душанбе в 1949 году. В 1964 году закончил курс средней школы, в 1968 г. Душанбинское художественное училище. Работал художественным оформителем в Худфонде Таджикистана, затем в Театре оперы и балета, а потом на ВДНХ Таджикистана. В 1972 году женился на Майе Алаевой, а в 1973 году со своей семьей переехал в Израиль. С 1975 - 1993 гг. Моше с семьей жил в Вене, работал в сфере торговли и очень много времени посвящал искусству. В 1993 году Моше возвращается в Израиль. Сейчас у него двое детей: Давид и Хана. Давид в 1994 году женился на Элен Маслиях.

Борис (Бхор) Гилькаров.

Борис родился в 1946 году в г. Душанбе. В 1965 году заканчивает среднюю школу и в этом же году поступает в Государственный университет г. Душанбе. В 1969 году он женится на Саре Ядгаровой. В 1970 году он заканчивает отделение товароведения экономического факультета. Закончив университет, он до 1973 года в Душанбе работает на разных должностях в сфере торговли. В 1973 году он со своей женой и родителями переезжает в Израиль. В 1974, году через несколько месяцев после рождения старшей дочери - Стеллы, он со всей своей семьей уезжает в Австрию. В Вене он работает по своей профессии в системе торговли. Там у него рождаются еще двое детей: Изабелла и Эфраим. В 1994 году старшая дочь Стелла выходит замуж за Устаниязова Иссака. В феврале 1995г у Бориса с Сарой родилась внучка - Эстер. В июле, Борис с женой и с двумя детьми: Изабелой и Эфраимом переезжают в Израиль.

Яэль Алаева-Гилькарова.

Родилась в 1928 г. В Самарканде. После окончания 7-ми классов школы она в 1945 г. заканчивает торговые курсы. В 1945 г. выходит замуж за Мордехая Гилькарова - За годы совместной жизни они стали родителями трех сыновей : Бориса, Моше, Юры и двух дочерей: Нины и Розы. В 1973 году всей семьей иммигрировали в Израиль. В 1976 году Яэль с мужем переезжают к детям в Вену. В декабре 1982 года из-за тяжелой болезни Яэль переехала в Израиль с надеждой вылечиться и здесь 4 января 1983 года скончалась. Похоронена Яэль на Иерусалимском кладбище.

Яэль Гилькарова 1979г.

1979 יעל גילקרוב

Мордехай Гилькаров.

Родился в 1921 г в Самарканде. В 1939 г., окончив среднюю школу, переезжает в Душанбе и поступает в педагогический институт.

В 1942 г. его призывают в армию. В 1943 г. он возвращается в Душанбе инвалидом войны. В 1945 г. он женится на Яэль Алаевой. С 1943 г. он продолжает учебу в институте, одновременно работая учителем школы и собственным корреспондентом газеты "Таджикистони Совети". С 1945 г. он переходит на работу в торговую сеть. В 1973 г. он вместе со всей семьей-супругой и 5-ю детьми приезжает в Израиль, а в 1976 г. переезжает в Австрию к своим детям. В Австрии он проводит большую общественную деятельность. В феврале 1995 г. в возрасте 74 лет он скончался в Вене, и похоронен в Иерусалиме.

Мордехай Гилькаров 1994
מרדכי גילקרוב. 1994

Таким образом, в народе он известен и как Мордехай Гилькаров и как Писар Гилькаров. Его старший брат Ханания был одаренным певцом, который многие годы был учеником известного певца эмира Бухары - Леви Бабаханова. Его второй брат, Иосиф Сви (Мича) в 1941 году добровольно уходит на фронт и буквально за месяц до дня Победы пропадает без вести на территории Украины, у него остался сын Абраам Гилькаров, который ныне живет в США, является крупным общественным деятелем бухарско - еврейской общины, 3-ий сын моего деда и бабушки - мой дядя Мордехай в 1943-ем году как инвалид войны возвращается в Душанбе. В 1945-ом году он женится на дочери Эфраима Алаева и Хевси Кулангиевой-Яэли. От дяди Мордехая и тети Яэли остались пятеро детей:- трое сыновей- Борис, Моше, Юрий и двое дочерей - Нина и Роза и множество внуков и правнуков."

Мордехай в кругу родных на вечере брит мила - внука Ярона. Вена 1991г.

מרדכי בחוג קרוביו במסיבת ברית-מילת נכדו ירון. וינה, 1991.

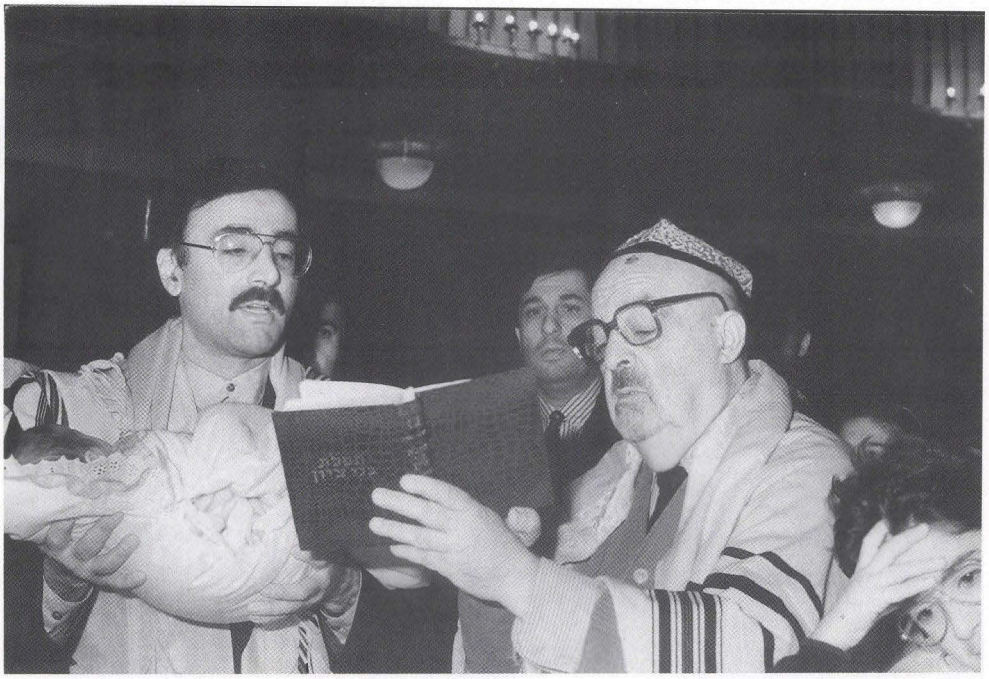
У нас бухарских евреев, да и не только у нас, а также и у узбеков и таджиков, сложился обычай, когда предшествующие малолетние дети умирают, последующего новорожденного, хотя ему присваивают имя, по имени не зовут. Если это сын, его зовут Писар (сын), а если дочь-Истад (дословно-пусть останется). И вот до рождения Мордехая многие дети моего деда Рафаэла и бабушки Балория рано умирали. Посему, когда родился Мордехай, его звали и Писаром.

Мордехай – сандак внука - Ярона. Вена 1991г.

מרדכי סנדק של נכדו ירון. וינה, 1991.

Беседа продолжилась за чашкой чая. Рассказ о страницах жизни своего дяди начал его племянник Гавриэл Алишаев. "Мой дядя Мордехай, да будет вечна память о нем", начал свой рассказ Гавриэл, "родился в Самарканде в 1921-ом году. Его родители - отец Рафаэл Гилькаров и мать Балория, т.е. мои дед и бабушка. Мой дед был сыном Ильи и Эстер Гилькаровых. У моего прадеда Ильи и прабабушки Эстер было пять сыновей: Рафаэл, Михаил, Хия, Гавриэл, Исабарух. А у моего деда Рафаэла и бабушки Балория было девять детей: - трое сыновей: Ханания, Иосеф Сви (Мича), Мордехай и шестеро дочерей:- Яэль, Товия (мать моя), Яфа, Мазаль, Рахель и Сипоро. Самым младшим в семье был мой дядя Мордехай.

Мордехай на брит мила внука - Ярона. Вена 1991 г.
מרדכי בטכס ברית-מילה של נכדו ירון. וינה, 1991

"Эта беседа должна состояться у меня на квартире. Там я Вас познакомлю со многими фотографиями, письмами, его записями и выступлениями, записанными на магнитофонной пленке, и за чашкой душистого зеленого чая будем беседовать. "Очевидно, Гавриэл Алишаев успел сообщить о нашем прибытии в его дом, сыновьям Мордехая Гилькарова. Буквально через считанные минуты явились Борис, Моше, Юри Гилькаровы вместе с Авраамом Кайковым. В процессе застолья Гавриэл Алишаев включил магнитофон. Мы, присутствующие, услышав голос покойного Мордехая со скорбью в сердце, стоя минутным молчанием почтили его память. Затем каждый из нас, выражая свою боль и соболезнование по поводу его смерти старались утешить Бориса, Моше, Юрия, Гавриэла и Берту Давыдовну.

Мордехай-Сандак новорожденного внука - Эфраима. Вена 1979г.
מרדכי סנדק של נכדו אפרים. וינה, 1979.

Средь народа ценен тот,
Кто народу больше пользы принесет.

Глава рода

Дорогой читатель! Мы авторы этой книги, которая теперь у вас в руках, как в начале, так и в процессе своей работы над ней, неоднократно встречались с сыновьями, родственниками, друзьями и близкими покойного Мордехая Гилькарова, имели теплые беседы, в результате чего получили много сведений о герое этой книги, за что мы им благодарны. Особенно большую беседу мы имели с его племянником-Гавриэлом Алишаевым, сыном его сестры Товии. Однажды, увидев его в Шхунат Шапиро, мы дали ему знать, что собираемся писать книгу о его дяде Мордехае и желаем иметь с ним беседу, ибо, как нам известно, покойный Мордехай не только дружил с ним в Душанбе, но и каждый раз, приезжая в гости из Вены в Израиль, останавливался у него. Услышав о наших намерениях, Гавриэл Алишаев заявил:

Мордехай-Сандак новорожденного внука - Рафаеля. Вена. 1979г.
מרדכי סנדק של נכדו רפאל. וינה, 1979.

Схема родства
супруги Мордехая Гилькарова - Яэль Алаевой - Гилькаровой

Давид 1912
∞
Истат Ягудаева

- Рива
- Тамара
- Юра
- Роза

Иосеф 1915-1987
∞
Сивье Илябаева

- Лида
- Алик
- Исак
- Софа

Ксия 1917-1971
∞
Ишай Гавриэлов

- Шура
- Соня
- Илюша
- Лида
- Роза

Яэль 1928-1983
∞
Мордехай Гилькаров

- Борис
- Моше
- Юра
- Нина
- Роза

Эфраим Алаев
1880-1931

∞

Хевси Кулангиева
1880-1932

Зулай 1900-1975

∞

Абохие Аронов

- Зоя
- Дора
- Рена
- Миша
- Залман
- Мазол
- Мафрат
- Ильич
- Гулчера

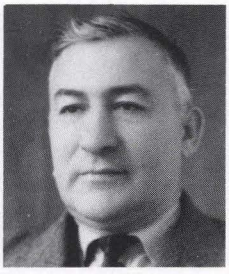

Неккадам 1901-1979

∞

Шимун Гавриэлов

- Авнер
- Ософ
- Тамара
- Еуда
- Туво
- Дина
- Исраэль

Хананиэл 1910-1978

∞

Рахель Пинхасова

- Борис
- Истат
- Майя

Дочери, снохи и сватья Мордехая на годовщине смерти его супруги Яэль.
בנותיו, כלותיו ומחותנותיו של מרדכי באזכרת שנה לפטירת יעל. וינה, 1983.

Мордехай с сыновьями Борисом, Моше и Юрой у памятника Яэль Гилькаровой.
מרדכי עם בניו בוריס, משה ויורי ליד מצבת יעל גילקרוב. ירושלים, 1992

Мордехай и сыновья читают молитву на 30-й день смерти Яэль. Вена 1983г.

מרדכי ובניו בתפילה ביום השלושים לפטירת יעל. וינה, 1983.

Мордехай с сыновьями дочерьми и снохами на трауре 30 дней смерти Яэль.

מרדכי עם ילדיו וכלותיו באזכרת שלושים לפטירת יעל. וינה, 1983.

Но, увы! Яэль в Вене заболела тяжелой болезнью. Ее привезли в Израиль на лечение. И она после непродолжительной, но тяжелой болезни в 1983 году ушла от Мордехая навсегда. Ее похоронили на кладбище Гиват Шауль в Иерусалиме. Были проведены все религиозные ритуалы, затем поминки по сложившимся обычаям бухарских евреев в течение всего года со дня ее смерти. Лишь после всех ритуалов, Мордехай Гилькаров вернулся в Вену к сыновьям и за все 12 лет жизни был верен её доброму имени.

После смерти Яэль он часто вечерами перед сном всматривался в её портрет. Ему вспоминались минуты, часы, дни, месяцы и годы их счастливой совместной жизни. И так до последних дней. Не это ли выражение благодарности и верности Мордехая своей Яэль?

Мордехай с детьми провожают в последний путь маму.

מרדכי ובניו מלווים את יעל בדרכה האחרונה.

Но, очевидно, Всевышнему захотелось ускорить возвращение евреев из диаспоры на свою священную землю - Эрец Исраэл. В 1970-71 годы начался массовый выезд евреев из многих стран, в том числе и из Душанбе. Многие, оставляя свои прекрасные дома, дачи, автомашины, даже ответственные посты, титулы и почетные звания, начали уезжать в Израиль. В том числе и Мордехай Гилькаров со всей своей семьей в 1973 году приехал в Израиль. Но, как мы в одной из предыдущих глав этой книги писали, сыновья Мордехая из Израиля вскоре переехали в столицу Австрии Вену. Года два спустя, Мордехай и Яэль, не выдержав разлуки со своими детьми, тоже переехали в Вену.

И здесь в Вене Мордехай и Яэль дружно продолжили свою семейную жизнь...

Мордехай с сыновьями у гроба Яэль на траурной церемонии. Иерусалим. 1983г.

מרדכי ובניו ליד ארונה של יעל בלוויתה. ירושלים, 1983

Как Вам известно, дорогой читатель, Мордехай, вернувшись с фронта в 1943 году, опять приехал в Душанбе, жил у своей сестры Товии, продолжил свою учебу в институте и работал учителем.

А теперь , когда у него появился сын , учительская зарплата не обеспечивала его новую жизнь - жизнь отца и мужа. Посему он расстался с учительской работой, перешел в сферу торговли, стал руководящим работником и одновременно сотрудничал в республиканской газете "Таджикистони Совети" в качестве спецкора. Через некоторое время у них был уже свой дом. А его любимая Яэль продолжала дарить ему счастье - рожать сыновей и дочерей. Таким образом Мордехай и Яэль стали отцом и матерью пятерых детей: троих сыновей - Бориса , Моше, Юры и двух дочерей - Нины и Розы - и так продолжали свою радостную и счастливую жизнь.

Мордехай и Яэль в кругу своих сватов: Моше Пинхасова с супругой Истат

מרדכי ויעל עם מחותניו - משה פינחסוב ורעייתו איסתת

В 1946 году Яэль родила первого сына. Радости счастью Мордехая не было границ. На 8-ой день, как принято у евреев, состоялось обрезание. Первую молитву в честь новорожденного сына прочитал сам Мордехай, а "Сандак" поручил Ишаю Гавриэлову (племяннику известного поэта Мухиба). Ишай и его жена- (сестра Яэль), Ксио, были очень близки к ним, и они заменяли им родителей. Новорожденного, как положено - первенцу, назвали Бхором (Борисом). Состоялся пир в честь новорожденного. На банкете выражались добрые пожелания. А самое главное, появление первенца удесятерило любовь Мордехая к Яэль. Мордехаю казалось, что теперь счастливее его нет на свете никого.

Теперь Мордехай-отец, Яэль-мать.

Мордехай и Яэль со своими 5-ю детьми. 1959 г.

מרדכי ויעל עם חמישה הילדים שלהם. 1959.

За короткое время она изучила его характер и все свои действия совершала соответственно этому. Зная его характер и нрав, она никогда, ни на кого и нигде не повышала голоса, старалась со всеми, а в первую очередь с Мордехаем, разговаривать приветливо, ни с кем не вступала в спор, не огорчала Мордехая неприятными новостями. Никогда не требовала, а только просила у Мордехая то, что желанно ей. И все это выражалось чистосердечно, без лукавства и игры. Все это конечно пленяло Мордехая.

Семейная радость - Рождение первого внука - Давида.

שימחה משפחתית לכבוד דויד, נכד הבכור. ישראל, 1973.
משמאל: מרדכי, יעל ומחותנם ואחיה של יעל, חנניאל אלייב.

Мордехай приехал в Самарканд. Его познакомили с молоденькой, красивенькой и улыбающейся 17-летней Яэлью, (дочерью Эфраима Алаева и Хевси Кулангиевой), которая в 4 года осталась круглой сиротой и воспитывалась у брата - Давида Алаева. Как говорится, любовь с первого взгляда, Мордехай и Яэль друг другу понравились. Состоялась свадьба. Мордехай и Яэль из Самарканда приехали в Душанбе. За короткое время между ними завязалась раньше дружба, а затем настоящая любовь! Яэль всегда старалась облегчить его проблемы, и радость и горе они делили пополам.

Мордехай и Яэль с внучкой - Стеллой. Вена 1976г.
מרדכי ויעל עם נכדתם סטלה. וינה, 1976

Благословенны станут те,
В ком нет огня раздора,
В труде и в счастье, и в беде
Им добрый нрав опора.

Счастье Мордехая с Яэль

Детские и юношеские годы Мордехая не были сладкими и радостными. В 1937 году, когда ему было всего-навсего 16 лет, он потерял любимую мать и стал полусиротой, в 1939 году, когда ему было 18 лет, он лишился отца, совсем осиротел. В те годы умерли еще две его родные сестры. В конце второй мировой войны он лишился родного брата Иосифа Сви. Иосиф Сви в начале войны ушел добровольцем на фронт, героически сражался на полях сражений и пропал без вести. Да и на фронтах войны на его глазах погибли десятки друзей. Все это конечно, Мордехая не сломило, но сделало чувствительнее. Видя такое его состояние, любимая его сестра Товия, у которой он жил в Душанбе, вот уже несколько лет, однажды ласково и мило сказала Мордехаю: "Найди себе подругу жизни. Настоящая подруга снимает боли сердца, дарит радость и счастье. С такой любимой ты позабудешь горе и приобретешь покой. Согласись, мой братик дорогой, и я с моим супругом - твоим дядей Рафаэлом все возьмем на себя. И война закончилась нашей победой. Тебе уже исполнилось 24 года. Что же касается твоей учебы в институте, не беспокойся, ты и учебу будешь продолжать и семьей заниматься. Дай согласие, и я все устрою." Сказав это, она поцеловала Мордехая... Согласие состоялось...

Однажды на поле боя пал смертью храбрых, его близкий самаркандский друг, таджик по национальности. Он вместе с руководством своей части похоронил его и хорошо запомнил место захоронения. По окончании войны Мордехай из Душанбе специально приезжает в Самарканд, разыскивает родителей и родственников погибшего друга и с ними приезжает сюда к его могиле. Родители вскрывают могилу и забирают останки своего сына в Самарканд, перезахороняют его и ставят ему памятник. Все это время Мордехай был рядом с родителями своего погибшего друга, разделяя их горе...

Увы! Через месяц после гибели друга на полях сражения, вражеская пуля тяжело ранит и Мордехая. После лечения в госпитале его как инвалида войны отправляют домой. Мордехай приезжает в Душанбе к своей любимой сестре Товии. Затем он продолжает свою учебу в институте. Мордехай, обучаясь в институте, одновременно работает учителем.

неподалеку от Москвы. Здесь мы с моим другом Мордехаем служили до января 1943 г., а потом нас отправили в разные войсковые части. В течение трех месяцев обучали военному делу. Одновременно мне, как артисту, было поручено организовать музыкальный ансамбль песни и пляски. Мордехай Гилькаров в ансамбле был назначен бубнистом, Михаил Аронбаев-балетмейстером и Авнер Хожаев-дойристом. Наш ансамбль обслуживал шестой десант военно-воздушных сил армии. В эти дни мы работали и учились по 15-16 часов в сутки. И Мордехай Гилькаров ни разу не нарушил воинскую дисциплину и завоевал авторитет перед командирами. В январе 1943 г. нас направили в различные войсковые части, расположенные под Ленинградом, и тогда я на фронте потерял связь с Мордехаем.

На фронте на полях сражений Мордехай с винтовкой в руках мужественно сражался с врагами. Сугубо религиозный Мордехай и на фронтах войны не расставался с миниатюрным молитвенником, тайно произносил молитвы и при возможности перед сном, прикрывая ладонью глаза, читал молитву:-"Слушай, Исраэл, Наш Господь Б-г-Б-г единственный". Даже миниатюрный молитвенник "Техилим", подаренный ему его сестрой Товией перед отъездом в армию, он всегда держал в нагрудном кармане и находил время его читать.

Его друзья - узбеки, таджики, русские, пораженные его глубокими знаниями истории, часто в часы затишья между боями, просили его рассказывать, об истории и делах пророков, и он с удовольствием выполнял их просьбы и старался укреплять дружбу между народами.

редакции газеты "Тоджикистони Совети", всегда были его наставниками, и он с ними имел частые беседы. Будучи юношей, по субботам посещал синагогу и слушал их лекции. В общеобразовательной школе он учился отлично.

2 сентября Мордехай уехал в Самарканд. 3 сентября вечером под субботу и 4 сентября в субботу он посетил синагогу "Гумбаз" и совершил все субботние молитвы-и в память своих родителей зачитал молитвы и кадиш при раскрытой Сефер Тора. Затем, как в канун субботы, так и в субботу родственники и друзья собрались как на субботний традиционный ужин, и обед. За столом было сказано много теплых слов о доброй памяти родителей Мордехая - Рафаэля и Балория. Затем на следующий день, в воскресенье, Мордехай посетив кладбище с группой своих родственников и друзей и прочитав кадиш на могилах родителей, уехал в Душанбе.

В Душанбе 5 сентября Мордехай с вещами явился в военкомат. Среди призывников оказались и его друзья популярный артист Рафаэл Толмасов, Михаил Аронбаев и Авнер Ходжаев сын Иляу Ходжи, чему он был очень рад. Призывников выстроили в ряд, провели перекличку и всех тут же отправили на вокзал. На вокзале их провожало очень много родственников и друзей. Каждый из них желал уезжающим благополучного возвращения с победой. Наконец, всех призывников посадили в красные вагоны. Прозвучал гудок, и красный поезд тронулся с места...

Как об этом нам, авторам, рассказал теперь уже народный артист Таджикистана Рафаэл Толмасов: "Нас всех привезли в город Ногинск, который расположен

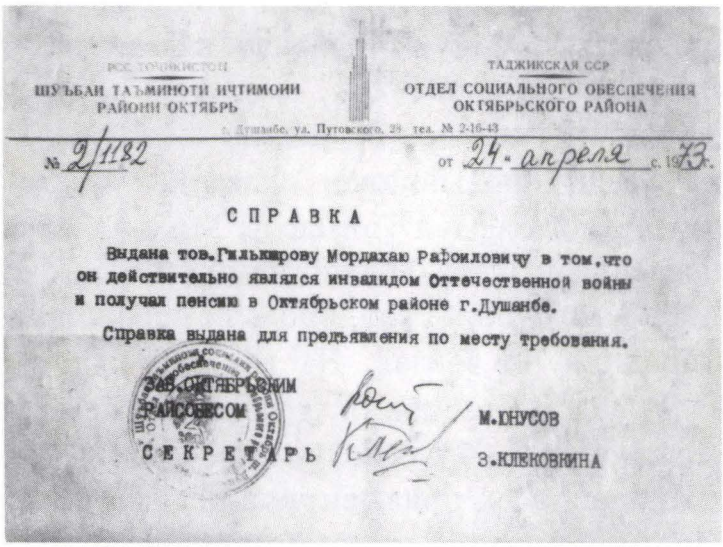
ОКТЯБРЬСКИЙ
РАЙОННЫЙ
Военный Комиссариат
города Душанбе

Часть 7
15.12.42
№ 386

СПРАВКА

Выдана Гилькорову Мордухаю Рафаиловичу
1923 года рождения, в том, что
он служил в Советской Армии с
"5" сентября 1942 г. по
"10" августа 1943 г.
с "—" ——— 19— г. по "—" ——— 19— г.

Справка выдана в отдел соцобеспечения.
ОСНОВАНИЕ: Военный билет серия НП
№ 2833895 выданный Октябрьским РВК
"21" июня 1963 г.
Октябрьским райвоенкомом
ПОДПОЛКОВНИК Соболев

РСС ТОҶИКИСТОН
ШЎЪБАИ ТАЪМИНОТИ ИҶТИМОИИ
РАЙОНИ ОКТЯБРЬ

ТАДЖИКСКАЯ ССР
ОТДЕЛ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ОКТЯБРЬСКОГО РАЙОНА

г. Душанбе, ул. Путовского, 28 тел. № 2-16-43

№ 2/1182 от 24 апреля с. 1973 г.

СПРАВКА

Выдана тов. Гилькорову Мордахаю Рафоиловичу в том, что он действительно являлся инвалидом Отечественной войны и получал пенсию в Октябрьском районе г. Душанбе.

Справка выдана для предъявления по месту требования.

ЗАВ. ОКТЯБРЬСКИМ РАЙСОБЕСОМ М. ЮНУСОВ
СЕКРЕТАРЬ З. КЛЕКОВКИНА

нему слушать его наставления. И не только рав Пилосов, но и такие знатоки Торы, как Абойи Хоров, муж его сестры Рафаэл Алишаев, Эфраим Ошер, Бенсион Мусаев, кстати, с которым позднее он совместно работал в

Победа, завоеванная
во второй мировой войне,
стала основной силой для
возрождения государства
Израиль.

Ицхак Рабин-
премьер-министр и
министр обороны Израиля

На фронтах войны

1 сентября 1942 г. Мордехаю Гилькарову была вручена повестка военкомата -5 сентября в 9 часов утра с вещами явиться в военкомат. Он не удивился, ибо знал, что не сегодня-завтра придет и его черед сражаться на фронте. Ведь его же старший брат Иосиф-Сви (Мича) вот уже второй год сражается на войне. Он хорошо знал, что наряду с парнями различных национальностей, и еврейские парни, сражаясь на фронтах, проявляют мужество и храбрость, и что есть семьи, в которых по 3 или 4 сына одновременно на фронтах сражаются с врагом-немецкими фашистами. Его беспокоило лишь одно-сможет ли он после фронта вернуться и продолжить свою учебу в институте. Он еще с детства мечтал быть образованным, знать и познавать многое, особенно по литературе и искусству и поэтому, будучи еще школьником, очень увлекался художественной литературой, читал и перечитывал книги. Иногда из книг выписывал в свою особо заведенную тетрадь ценные крылатые слова. У него еще с детства было влечение быть со взрослыми, старше его на 10-15 лет и учиться у них уму-разуму. В Самарканде с ними по соседству проживал крупный талмудист рав Моше Пилосов. Его часто тянуло к

Детям

О дитя земли! Цени мать свою всегда!
И в молитве помяни ты ее всегда!
Тебя в муках родила,
Молоком своим поила,
И ночами не спала,
Чтоб тебе уютно было.
Забывая про себя,
Всё ребенку отдавала
И бывало для тебя
Хлеб последний оставляла.
Если, ставши взрослым, мать
Обижать ты будешь.
Если, будучи богат,
Ей помочь забудешь,
Стороною обойдешь
Дом тот не шикарный,
Где был ласков и хорош
Взгляд мамин лучезарный,
Ты в глазах моих падешь,
О неблагодарный!

Моему внуку Ярону

С днем рождения, внук мой Ярон!
Поздравления со всех сторон.
Вот, любуясь тобой и любя,
Я, твой дед, поздравляю тебя.
Внук четырнадцатый ты мой
Хоть и маленький, да дорогой!
Ты продолжил коэнов род,
А коэны вели наш народ!
И теперь я пред Торой стою,
Жизнь я благословляю твою.
Чтоб закон соблюдал ты наш,
Тору знал, и Талмуд, и Мидраш,
Чтобы Бога не забывал,
Чтоб в работе не уставал.
Чтобы мать и отца любил,
Чтоб полезен народу был,
Чтобы крепок был, как орех,
Чтоб не знал, что такое грех.
В знаменательный этот час
Поздравленья прими от нас!

Мордехай благословляет внука - Ярона. Вена 1994г.
מרדכי מברך את נכדו ירון. וינה, 1994

Внуку Рафаэлю

День бар-мицвы, тринадцать лет!
Славный день для тебя, Рафаэль!
Поздравляет тебя твой дед.
Пусть ясна будет жизни цель!
Ты стоишь перед Торой святой,
Привязал тефиллин ко лбу.
Твердо за нашу веру стой!
Пусть даст легкую Бог судьбу!
Имя прадеда ты получил.
Это имя не посрами!
Он примером своим нас учил,
Как достойными стать людьми!
Подражай же и ты ему,
Сильным, смелым и честным расти,
Изучай Тору и Талмуд
И живи лет до ста двадцати!

Вена, 1992

Внучке Хане

Дорогая Хана, внученька моя,
Ты уже бат-мицва, о как счастлив я!
Радуй, дорогая, и отца, и мать,
Чтобы счастье в жизни ты смогла познать!
Ты лицом красива, видом хороша.
Надо, чтоб была прекрасной и душа,
Чтобы твои мысли и твои дела
Шли на благо людям, доброй чтоб была!
Ты заветы Бога строго соблюдай,
И тогда ты будешь счастлива всегда.
Боже, нашу розу храни от невзгод,
Чтобы ее свадьба длилась целый год!

Вена, 1991

Внучке Стелле в день ее свадьбы

Стеллочку с законным браком
Поздравляет дед.
Рука об руку с Исхаком
Жить не зная бед!
Я тебе желаю, внучка,
Ярко расцвести!
Вам дожить благополучно
До ста двадцати!
Чтоб любовью озарялся
Ваш семейный дом!
Детский звонкий смех раздался
Чтоб скорее в нем!
И родителей я ваших
Здесь поздравить рад:
Им ведь будет счастье ваше
Выше всех наград!
Воздадим молитву Богу,
Чтоб добра и счастья много
Он для вас нашел!

Вена, 1994

Мордехай на церемонии **ширинихури** (помолвка) своей внучки Стеллы. Вена 1994, מרדכי באירוסין של נכדתו סטלה. וינה

Снохе Майе в день сорокалетия

Сноха моя Майя, невестка родная!
Тебя с днем рождения я поздравляю!
Безмерного счастья тебе с мужем Мишей,
С детьми под уютною, мирною крышей!
Муж-счастье твое! Береги ж его, Майя,
Заботой его окружи и вниманьем!
В семейных делах будь всегда справедливой,
Лицом и душой оставайся красивой!
Как прежде, чтоб беды вас все миновали,
Чтоб жили вы дружно, добра наживали!
О боже, храни от завистливых глаз
Семью Майи с Мишей да и всех нас!

Вена, 1988

Внуку Натану.

Натанжан, внук послушный мой,
Поздравляю с бар-мицвой тебя!
Ты шагай по земле родной,
Тору и народ свой любя!
Умным, сильным, здоровым расти
И родителям помогай!
Бог тебя не оставит в пути.
Ты ж заветы его соблюдай!

Вена, 1987

Сыну Юре в день его сорокалетия

С радостью я поздравляю тебя!
С гордостью я восхваляю тебя!
За сорок лет много добрых дел
Ты уже в жизни сделать успел!
Любишь отца, память матери чтишь,
С братьями, с сёстрами дружбу крепишь
Ты жене Розе не просто супруг,
А настоящий и преданный друг!
Бога прошу, чтоб тебя он хранил,
Чтоб чаще были твои счастливые дни!
Чтобы желания твои все сбылись,
Чтоб все мечты воплотилися в жизнь!
С милою Розочкой долго живи
В счастьи, согласии и любви!
Да хранит Бог Вас от всяких злых глаз,
Чтоб лет сто двадцать жил каждый из Вас!

Вена, 1992

Мордехай и Яэль на свадьбе своего сына - Юры и Розы. Вена 1976г.
מרדכי ויעל בחתונתם של יורי ורוזה. וינה, 1976

Убит я горем навсегда!
Как пережить такой удар?
Ночами я порой не сплю
И слышу ясно сквозь года
Твой голос:"Я тебя люблю!"
О Боже, что же ждет меня?
Жизнь стала, как тяжелый сон...
И где конец несчастным дням?
Об этом знает только Он!

февраль, 1983 год

Мордехай и Яэль Гилькаровы. Израиль. 1981г.
מרדכי עם רעייתו יעל. 1981. ישראל.

Моей любимой супруге Яэль

(Посвящается её кончине)

Друзья, послушайте меня!
Судьбой обижен тяжко я.
Я в юности нашел Яэль,
И стала ясной жизни цель.
Мы жили счастливо вдвоём,
Построили семейный дом.
Мне подарила пять детей,
И не было любви сильней!
Я долгих 38 лет
Её любовью был согрет.
И вдруг она ушла от нас,
Прекрасный взор навек погас.
Убит я горем, одинок
И увядаю, как венок.
"Как не хватает мне тебя,
Яэль!"-я говорю скорбя!
Твоей души живую нить
Никто не может заменить!
С тобой я рядом не скучал,
Теперь же мой удел-печаль!
Покоя я лишен и сна...
В моей душе ты лишь одна!
Ты розой в цветнике была,
На радость людям расцвела.
Но лютый вихрь тебя унес,
И мне других не надо роз!
Сгорела яркая звезда...

Иными словами они этим хотят сказать, что трудно будет пережить утрату любимого мужа или жены.

Но бывает и так, что супруги прожив 20-25 лет совместно, вырастив детей, из-за незначительных разногласий расстаются навсегда. При этом вновь страдают их невинные дети.

Жизнь так коротка, что её нужно прожить в радости, с друзьями и близкими, и конечно в дружной семье.

А в свою очередь жена должна быть более терпеливой, дальновидной, умеющей создать гуманные супружеские отношения. Путь к семейному счастью не легкий. Этот путь требует терпеливость и выдержку. За семейное счастье надо бороться. Первая любовь, первое супружество должно быть и последним. Настоящее счастье в первом и единственном супружестве. Есть много семей, которые живут в любви и согласии. Супруги, всегда советуясь между собой, идут по жизненному пути. Они хорошо воспитывают детей и ставят их на ноги. Затем они женят сына, выдают дочь замуж. И родители становятся добрым примером для детей.

Но есть семьи, которые проводят свою жизнь в скандалах, спорах, обидах. Супруги не могут найти общий язык, омрачают свою жизнь злостью, упрямством, и даже местью. Невинные дети при таких родителях становятся нервными, замученными, злыми. Многие скандалы возникают из-за денег. Из-за денег порою разводятся супруги. Из-за денег происходит разрыв между отцом и детьми. Часто деньги становятся причиной раздора и раскола между друзьями и близкими. Хочется сказать, что не каждый, став богатым, остаётся мужчиной. Каждый человек трудом своим, делами своими должен создать себе и состояние и авторитет. И будучи благодарным Богу, каждый должен и будет жить счастливо. Не надо горевать, нервничать и расстраиваться по мелочам семейной жизни. Если семейная жизнь сладкая, она продлевает жизнь супругов.

В хорошей семье каждый из супругов обычно любит повторять: Лучше было бы умереть мне раньше тебя.

В жизни беда и радость часто бывают рядом. Понимая это, супруги должны быть единомышленниками и заботиться друг о друге. Нельзя ожидать от жизни только праздников. Будьте строги и не допускайте в доме скандалов, дрязг и ворчливости. Возглавлять и вести семью, супружество это очень тонкое искусство. Как актер на сцене хорошо выполняет свою роль, так и вы должны выполнять свою роль в семье. Жизнь без преград и трудностей не бывает. Мы, мужчины, не должны забывать, что именно в нашу обязанность входит решение всех жизненных проблем. Ведь девушка приходит в дом мужа с большими мечтами и надеждами. Но не все мужчины это понимают. Некоторые мужчины жестоко относятся к своим женам. Муж должен быть сердечным и доброжелательным.

Мордехай Яэль с дочерьми и зятьями в день брит мила внука Имануэля.
מרדכי ויעל עם בנותיהם וחתניהם בחגיגת ברית-מילת נכדו, עמנואל. ישראל, 1981.

не страшны. Терпение, взаимопонимание, уступчивость супругов приведут их к согласию и успехам. Я вижу счастье супругов в их взаимной любви, благородстве, доброте, уважении. И вы, дорогие друзья - читатели, к этому стремитесь. Знайте, что ваше счастье и благополучие зависит от стараний каждого из супругов. Если хотите, чтоб ваша семейная жизнь протекала счастливо и радостно, то каждый из вас должен быть трудолюбивым, скромным, ласковым и добрым. Вы должны и словом и делом поддерживать друг друга.

Мордехай и Яэль на свадьбе дочери Ривки (Розы). Израиль. 1978г.

מרדכי ויעל בחתונת בנם רוזה עב"ל יהונתן. ישראל, 1978.

Прекрасен дом, в котором есть жена,
Благородная, умная подруга.
Но та обитель света лишена,
В которой нет, жены, хозяйки, друга

Навои.

Семья

статья в журнал "Факел" (Машъал)

Эта статья не была напечатана в "Факеле" в связи с прекращением выхода его очередных номеров.

Жена и муж-основа семьи. Бог посылает семьям детей с тем,чтоб впоследствии сын женился, а дочь вышла замуж, чтобы род человеческий, продолжался без конца. Посему Бог многое создал парами. Образовав семью, каждый из супругов выполняет свою обязанность. Женщина в доме это и радость, это и эстетика, это и каприз, это и нежность и уют. Если в доме нет женщины, будто б там нет света. Сила, мощь и вера мужчины- это его жена. Жена это и заботливая мать, и строгий воспитатель. В доме есть жена-значит есть и вкусные блюда,и красивый стол. Она хранитель домашнего очага. Мужчина, муж зачастую это глава семьи, а исторически-кормилец семьи, это и заботливый отец, опора жены и семьи. Богатство, счастье и благополучие семьи-в единстве мужа и жены. При хорошей жене дом в достатке, двери дома распахнуты для гостей. В доме радостно справляются традиционные субботы и другие праздники. Если муж и жена любят друг друга и всегда в дружбе, они легко переносят все невзгоды жизни, препятствия, встречающиеся на жизненном пути. Если сердца супругов сольются в одно, никакие трудности

Дорогой читатель! Не только читать, но и собирать крылатые слова, стихи, рассказы по своей душе не дело каждого. Им очевидно занимаются благородные и интеллигентные люди, как Мордехай Гилькаров.

Статьи и стихи Мордехая Гилькарова

В архиве Мордехая Гилькарова на бухарско-еврейском языке немало рассказов, статей, стихов, но более всего - поздравлении в стихотворной форме, посвященных близким. Мы решили в этой книге поместить некоторые из них, а именно:

1. Статья *"Семья"*-в журнал *"Факел"*
2. Стихотворение памяти супруги Яэль
3. Поздравление сына - Юрия с его 40-летием
4. Поздравление снохи - Майи с её 40 летием
5. Поздравление внука - Натана с его бармицвой
6. Поздравление внучки - Стеллы в день её свадьбы
7. Поздравление внука - Рафаэля с бармицвой
8. Поздравление внучки-Ханы с батмицвой
9. Поздравление внука-Ярона с днем рождения
10. Стих *"Детям"*

К сведению читателей!

Стихи Мордехая Гилькарова, написанные им на бухарско-еврейском языке, на русский язык подстрочно переведены Ароном Шаламаевым и литературно обработаны Виктором Бохманом.

Пожалуйста, знакомьтесь с записями Мордехая Гилькарова.

Говорил, что она немая- это значило, что она не умеет говорить дурное. А затем старец добавил: "Благодарен я твоим родителям, что они вырастили и воспитали такого парня, как ты. Ведь ты терпеливо слушал меня и все же решил жениться на моей дочери и нашел свое счастье."

Миэрхай Гавриэлов.

Мордехай и Яэль на брит мила внука - Имануэля. 1981г.

מרדכי ויעל בטכס ברית-מילה של נכדם עמנואל. 1981

ноги ее больные- это значило, что она не умеет ходить по дурному пути.

Мордехай и Яэль на торжестве внука -Имануэля. Израиль,1981г.

מרדכי ויעל בחגיגה לכבוד עמנואל,נכדם. ישראל, 1981

А теперь познакомьтесь с рассказом
"Авось улыбнется счастье"

Некий молодой парень решил жениться. Соседи порекомендовали ему дочь старца из этого же квартала. Они хвалили дочь старца, что она умна, красива и лицом и станом. Парень послушался своих соседей и направился к старцу. Старец принял парня, как самого дорогого гостя. От беседы с ним парень понял, что старец мудр, и его сердце доброе, он полюбил его. И старцу по душе оказался парень. Старец, поняв причину визита парня, заговорил:- Свою дочь я не могу порекомендовать благородным людям, ибо у нее множество изъянов.-Она плохо видит, ее руки как будто бы парализованы, не может поднимать тяжести, и ноги больные, ходит-то она силком, язык у нее таков, как будто бы она немая и говорит-то она еле-еле.

Но парень всему этому, сказанному старцем, не поверил и только молчал. Как говорится:-Молчание знак согласия. Он решил:- Авось, улыбнется счастье...

Но, в брачную ночь парень встретился с ясноликой красавицей. Глаза, что наргизы, губы-рубины, и говорит красиво, и слышит прекрасно, и ходит нормально... Парень поспешно спросил у старца:"Это моя невеста?"

-Да, сынок мой.

-Но у нее же нет никаких дефектов.

-Да, сынок! Но ты меня прости. Когда я тебе говорил, что у моей дочери слепые глаза - это значило, что она не видит плохое. Говорил, что она глуха и нема-это значило, что она не может слышать неправду, клевету, ругань. Говорил, что ее руки парализованы - это значило, что ее руки не созданы для совершения дурного. Говорил, что

Сперва Рубаи:

1. *Пусть друзей не поранит твой меч никогда,*
   Не обидит горячая речь никогда.
   Если в пламени гнева находишь блаженство-
   Сам сгори, чтоб других не обжечь никогда.

   Омар Хайям.

2. *Кто мне скажет, что завтра случится со мной ?*
   Буду радовать сердце усладой земной.
   Буду счастье искать в этом мире подлунном,
   Ибо все мы не вечны под вечной луной.

   Омар Хайям.

3. *На два дня эта жизнь нам с тобою дана,*
   Прошумит и назад не вернется она.
   С этим миром ты скоро простишься, несчастный,
   Днем напейся, и на ночь потребуй вина.

   Омар Хайям.

4. *Ты к дружбе с каждым встречным не стремись,*
   И тайн не поверяй кому попало,
   Гони лжеца, пройдохи сторонись,
   Иначе повредишь себе немало.

   Абу Али ибн Сина.

5. *Воистину чудесные дела:*
   Возносятся безмозглые тела.
   Их наделила тупостью природа
   А родовая знатность вознесла.

   Абу Али ибн Сина.

6. *Перед глазами ты, мой свет,.*
   Иных кумиров в сердце нет.
   Грудь-крепость, ты шахиня в ней,.
   Чужих не велено пускать.

   Хафиз.

Дорогой читатель! В тетради Мордехая Гилькарова записано более двухсот крылатых слов, поговорок, пословиц, четверостиший Хайяма, Хафиза, Шахина, Саади, стихотворения Мухиба и даже краткие рассказы. Всех их представить невозможно, ибо это займет очень много страниц. Мы Вас ознакомим лишь с некоторыми рубаи (четверостишиями) и кратеньким рассказом его племянника, писателя и журналиста Миэрхая Гавриэлова, записанным в его тетради.

3. Четыре вещи украшают жизнь :

а. Доброе слово.

б. Добрый характер.

в. Доброе пожелание.

г. Добрая беседа.

4. Подлецу гордиться богатством-
что снег в летнюю жару.

5. Кичливость же каждого глупца-
- Как дождь средь жатвы урожая.

6. Беседа с подлецами и глупцами-
- Отрицание человеческого разума.

7. Лучше сто лет прожить в зиндане,
чем часок с глупцом и подлецом.

8. У подлецов нет ни стыда, ни совести,
им лишь бы зависть разжечь меж людьми.

9. Временами посещай кладбище,
Взгляни на могилы и богачей и бедных.
Увы! И богач, и бедняк взяли лишь с собой
Саван-одежду белую и то по одной.

10. Подлец, сколь бы ты его не назидал,
Он останется таким же, услышав, что ты сказал.

11. В молодости своей береги стариков,
Ведь позже со временем и ты будешь таков.

повелению брошен в зиндан," сказал премьер. - "Что?! Хафиз в зиндане?! Немедленно его ко мне", приказал царь. Сарвазир (премьер), придя в зиндан сказал: "Хафиз, тебе посчастливилось. Твоих умных бесед ждет падишах..." - "Ах вот как... Скажите владыке, что я не приду к нему..." Услышав об этом, любящий Хафиза царь, попросил мыслителей подсказать, что нужно сделать, чтоб Хафиз добровольно покинул зиндан и явился к нему. Советы были различные. Остановились на одном. Подобно тому, что в клетку соловья поместить и ворону, в зиндан к мудрецу Хафизу подбросили глупца. И не вытерпел Хафиз соседства с глупцом. Покидая зиндан, он заявил:

Лучше с ведьмами быть,
Да беседу глупца позабыть.
Пыль с ног мудреца,
Дороже всего глупца.

Услышав этот рассказ из уст отца Борис спросил: "И что же случилось, отец?" И отец рассказал сыну о происшедшем.

А теперь, дорогой читатель, познакомьтесь с некоторыми мудрыми, крылатыми словами, записанными в тетрадях покойного Мордехая Гилькарова. Они записаны на бухарско-еврейском языке, а мы по мере своих сил перевели их на русский.

1. *Тот, кто не признает мыслей мудрецов, тот непризнанным будет сам.*

2. *Кого ты познал в благородстве, не подозревай его ни в чём.*

творчеством такого великого еврея, как Рамбам - т.е. раби Моше бен Маймон. Он знал шесть-семь языков, в том числе и мусульманские. Не смог же он овладеть этими языками, не читая книг на этом языке. Более того, он сам сочинял медицинские и философские труды на арабском языке. Плюс ко всему этому он почти двадцать лет был главным лекарем мусульманского султана Египта. И все это не помешало ему написать сугубо религиозную книгу "Мишне Тора". Возьмём например жизнь и творчество рава Шимуна Хахама, который знал языки иврит, фарси, арабский и даже испанский. Очевидно он читал книги и на других языках, но это не помешало ему перевести Пятикнижие Моисея на бухарско - еврейский язык" Не успел Мордехай закончить эти слова, как незванный гость, заявив: "Я не намерен слушать Ваши рассуждения", покинул его дом. Когда Мордехай остался один на один со своими мыслями и рассуждениями, к счастью в этот момент к нему пришел его старший сын Борис. Увидев отца озабоченным, он спросил: "Отец, что случилось, что Вы очень расстроены?" Мордехай, вздохнув глубоко, сказал: "Присядь, сынок, и я тебе расскажу одну историю. Говорят, что однажды некий царь, в пьяном состоянии прочитав стих:

Когда б прекрасная турчанка моим сердцем овладела,
За родинку её одну и Самарканд и Бухару я б отдал смело."

в гневе приказал автора этих стихов заточить в зиндан (подземелье). Так и свершилось.

На следующий день, когда падишах был трезв, и не увидев Хафиза в кругу придворных мыслителей, его мыслителей, спросил: "А где Хафиз?" - "Хафиз по вашему

Мордехай в день своего 70-летия в кругу своих сыновей, дочерей и снох. Вена 1991г.

מרדכי ביום הולדתו עם ילדיו וכלותיו. וינה, 1991.

стихами и т. д., о которых мы чуть позже расскажем Вам подробнее. Но об истории одной записи хочется рассказать сейчас. Эта запись народной поговорки в подлиннике гласит: "Хамнишини дев шав, сухбати нодон маталав". В переводе значит: "Лучше быть с ведьмами, чем беседовать с глупцом". Причиной этой записи послужил следующий эпизод его жизни.

Однажды, когда он перечитывал стихи Хафиза, одновременно слушая бухарскую классическую музыку в исполнении соловья Востока, как ее называет народ-Барно Исхаковой, к нему в квартиру пришёл один из знакомых, считающий себя знатоком Торы. Входя в дом, он возмущённо упрекнул его: "Ай, ай, мулла Мордехай, как же это так, Вы набожный человек, да еще староста синагоги,слушаете песни в исполнении женщины, да еще не на нашем языке иврит. Затем, увидев в его руках книгу, добавил: "И читаете мусульманские книги... Это же грешно! Нам кроме Торы, Талмуда и иных религиозных книг ничего другого читать нельзя! Если у Вас есть свободное время, читайте Зохар, Техилим." Сказав это, он стал гневно шагать по комнате.

Мордехай, готовый спокойно выслушать собеседника, не гневаясь, придерживался поговорки: "Чахл биёяд, ъакл мегурезад"-(При гневе рассудок исчезает). Вот и сейчас, услышав ересь из уст полуграмотного, он вначале рассердился, Но затем, успокоившись, протянул гостю пиалу чая, и заговорил: "Неужели Вы не знакомы с

А теперь, дорогой читатель, мы познакомим Вас с некоторыми чертами Мордехая Гилькарова.

В человеке все должно
быть прекрасно :
И лицо, и мысли ,
и душа, и одежда.

Чехов

Обаятельный человек

Да! У настоящего обаятельного человека все должно быть прекрасным. У такого человека и сердце чистое, и он благожелателен к другим. Одним из таких обаятельных был и Мордехай Гилькаров. Всегда опрятно одет, всегда подтянут, и речь его красива, и совершая благие дела, он искреннен. Есть люди, красивые, с приятной внешностью, шикарно и модно одетые. Но как только он или она заговорят - становится неприятно, и тогда эта, кажущаяся на первый взгляд красота лица, в ваших глазах исчезает. Человеку красоту придают его душа, его добрые и умные мысли. Вот таким человеком, обладающим внешней и внутренней красотой, был наш герой. Особую красоту и обаятельность ему придавали его любовь к человеку, к книгам, к поэзии, к искусству. Любой его собеседник всегда наслаждался в общении с ним. Но бывали случаи, когда некоторым это не нравилось. Вот пример. У Мордехая был выработан такой порядок. Он ежедневно находил время сидеть за столом, перечитывать любимые им книги и в свою, заведенную им тетрадь, записывать понравившиеся мысли, будь то стихи или просто крылатые слова. Эта тетрадь всё набухала и набухала изречениями,

долгих лет жизни на счастье, всех евреев! Со всеми Вашими доводами я вполне согласен." Сказав это, гость направился к выходу. Мордехай на прощание вручил ему в подарок три книги, сказав, что в этих книгах очень много интересного. "Прочитайте их обязательно. Да, и на прощание хочу Вам заявить , что писатели этих книг очень дорогие для нашего народа люди и я не хочу, чтобы их постигла участь великого Фирдоуси." "А какая же участь постигла Фирдоуси?" - спросил гость. "Фирдоуси, как говорит легенда, почти 1000 лет тому назад 30 лет работал над великим своим ныне всемирно известным произведением "Шахнаме". Закончив писать поэму, он преподнес ее султану своего времени - Махмуду Газневи. Султан Махмуд, при нем перелистав эту поэму, велел дать автору несколько золотых монет. Покинув дворец Султана, Фирдоуси не дойдя до своих ворот, эти монеты раздал нищим и пришел домой с пустыми руками. Спустя некоторое время, мудрецы, прочитав "Шахнаме", явились к султану и изложили ему содержание поэмы. Теперь султану эта поэма понравилась, и он приказал отправить в дом Фирдоуси тридцать верблюдов, нагруженных добром. Увы, тридцать верблюдов с богатством явились к Фирдоуси тогда, когда гроб с его телом уже выносили из его дома..."

даже не дотронулся. И вдруг вижу: на полу в одном из уголков этого зала лежит кусочек сухого хлеба и стоит чашка воды! Я как тигр, нападающий на свою жертву, кинулся в этот уголок. Взял в руки эту чашку с водой и тот кусочек хлеба, поцеловал чашку и хлеб и только хотел приблизить их к губам, как откуда ни возьмись передо мной появляется человек, покрытый с ног до головы шалью, и говорит: "Ну, великий Искандар, что же ты пренебрёг богатством! Все, что тебе хотелось,-это кусочек хлеба и чашка воды!?" Я спросил: "Кто ты, о ангел небесный...?" - "Я царица этой страны! Ты пришел в мой край за богатством! Вот они. Бери! Но крови людской не проливай", сказала она. Чашка воды и этот кусочек хлеба выпали из моих рук! Я поклонился к ногам царицы и поднял вверх свои руки в знак покорности! Царица гостеприимно приняла меня, а затем вместе с караваном подарков проводила до ворот дворца. Вот этот эпизод заставил меня сделать это завещание, чтобы люди собственными глазами видели, как я-великий завоеватель и властелин полмира ухожу в иной мир с пустыми руками...

Закончив изложение рассказа "Завещание Искандара", Мордехай добавил: "Да, мой дорогой гость, у нас же бухарских евреев на этот счет имеется мудрая поговорка: -"Кафан кисса надорад", т.е." У савана нет кармана". Гость, восторгаясь всем услышанным, встав с места сказал: "Жаль, что нам пора идти в синагогу на вечернюю молитву, а то вас можно слушать до утра... Но одно я Вам скажу, дорогой Мордехай-ака. Я к Вам пришел со своими мыслями, а ухожу с Вашими! Дай Б-г Вам

Мордехай, улыбнувшись, сказал: "Говорят, что Александр Македонский на Востоке, на 33-ем году своей жизни, перед своей смертью завещал: "Прошу гроб с моим телом до самого места захоронения донести на плечах так, чтобы моя правая рука торчала из гроба." Присутствовавший при этом один из его близких к нему везиров, спросил у него причину такого завещания. Искандар сказал:- в эти минуты, когда душа покидает меня, вспомнился один эпизод из моей жизни. Однажды, когда я решил покорить страну Чин (Китай), направился туда с огромным войском. Добрались до Китая. Идём с войском по городам и сёлам, удивительно, что никто нам не сопротивляется. Я решил, что эти люди, наверное, не знают, что такое война, и направился вместе с войском своим в направлении к замку царя.. Передо мной раскрылись ворота замка. Я смело переступил порог, но... тут-же ворота закрылись. Я и моё войско остались по разные стороны громадных металлических ворот. Внезапно на меня напали воины, связали по рукам и ногам, надели на меня мешок и бросили в какой-то подвал. Три дня и три ночи меня не навещали, не поили, не кормили. На 4-ый день сняли с моих рук и ног цепи и повели меня в замок. Передо мной раскрылись золотые инкрустированные двери, какой-то голос приказал мне войти. Я вошел и глазам своим не поверил. В этом огромном, меблированном великолепном зале на столах разложено много бриллиантов, золотых монет, драгоценных камней, янтарных изделий и т. д. и т. п, а в зале-никого, кроме меня. Мне же истощенному за эти три дня и три ночи не до всех этих богатств! Я ни до чего-либо из этого богатства

как здорово, а! Затем, добавил, о дорогой Мордехай-ака, я получил море удовольствия. И если Вы не устали, прочтите пожалуйста или расскажите вкратце ещё один рассказ из этой книги под названием "Завещание Искандара".

Мордехай поздравляет сына Бориса с 45 -летием и внука - Эфраима с 12 - летием. Вена 1991г.

מרדכי מברך את בנו בוריס ביום הולדתו ה-45 ואת נכדו אפרים ביום הולדתו ה-12. וינה, 1991.

назидания и ты раскаешься, то последнее мое завещание таково- повесишься вон на том гвозде, который ты видишь. На гвозде заготовлена и верёвка. Сказав это, отец упал и умер...

Сын в течение года справлял все положенные церемонии. Ходил в трауре. Даже годовщину смерти отца провёл, как положено. Но, как говорится, от привычки не уйти. И вот Палтиэл по окончании траурного года вновь взялся за старое. Опять застолья, опять пьянки. Он однажды позволил себе даже на глазах одной из легкомысленных девиц вскипятить в один чайничек воды, сжигая бумажные деньги и заварив кофе напоил её.

Прошло два-три года, и отцовская казна опустошилась. Палтиэл стал бегать то к одному, то к другому бывшим друзьям. Но им было не до него. Увы, куда исчезли эти друзья? Никто ему ни копейки... Хоть головой о стенку бейся, Палтиэл! Тщетно! Ни.. Ни.. Дойдя до отчаяния, Палтиэл вспомнил последнее завещание отца - повеситься на том гвозде! Залпом выпив стакан водки, Палтиэл повесился. И тут-то ирония судьбы! Палтиэл упал на землю вместе с той стеной, в которой был тот самый гвоздь, где он пытался повеситься. Любовь отца не дала умереть сыну даже и теперь. Встав с места, Палтиэл за развалинами увидел сундук. На сундуке ключ. Палтиэл вскрывает сундук, а в сундуке опять несметные богатства и сверху над ними записка отца:- Ну, сынок, быть может, теперь ты опомнишься!..

Услышав этот рассказ, гость попросил у Мордехая книгу, из которой был прочитан этот рассказ, перелистал её, встал с места, обнял и поцеловал Мордехая , сказав: -

А теперь, о том, чтобы я оставил своим детям наследство. Наследство бывает материальное, конечно надо думать о том, чтоб максимально, дети были обеспечены. Но есть наследство нравственное, религиозное, которое заключается в том, чтобы прежде всего оставить детям своё доброе имя, чтоб дети были образованными, воспитанными в духе любви к человеку, к добру и труду. Затем, Мордехай Гилькаров встал с места и взяв из шкафа три книги, сказал: "В этих трёх книгах очень много поучительного, и я хочу вкратце изложить Вам содержание одного из этих рассказов."

Рассказ называется "Избалованный Палтиэл". У одного богатейшего отца в последние дни его жизни были всего две вещи: 1ое - несметные богатства и 2ое - единственный сын по имени Палтиэл. Отец, почувствовав приближение смерти, пригласил к себе сына и сказал ему: "О, сын мой родной! Кажется, я вот-вот распрощаюсь с тобой! Посему, возьми из моих рук ключ от моей казны. Там всё моё богатство. Хватит не только на твой век, но и даже на жизнь твоих будущих пра-правнуков. Только к тебе просьба: не будь расточителем денег, как ныне. Ведь тебе уже под сорок. А у тебя всё ещё нет жены и детей, и проводишь жизнь развратно. У тебя всё ещё нет даже ремесла. Ты чересчур увлекаешься друзьями. Они тебе друзья, пока в кармане густо. А как только в кармане будет пусто, они забудут тебя. Эти банкеты, азартные игры, хождения по ресторанам, разгуливание с женщинами к добру не приведут. Измени образ своей жизни... Ну, а если после моей смерти ты всё же будешь продолжать вести такой образ жизни и в конце концов сбудутся мои

расходовать его средства для награждения борцов за мир и для развития литературы и науки в мировом масштабе. И вот из оставшихся по его завещанию 31,5 миллионов шведских крон с 1901 года ежегодно в память о нём вручаются пять премий. Как видите, добрых людей немало на этом свете. И я пример беру с них. Я, конечно, не хочу сказать, чтобы и Вы были таким. Каждый человек, конечно, сам себе хозяин. Но я с этого пути не сойду...

Мордехай и Яэль со своими тремя сыновьями. Вена, 1976 г.

מרדכי ויעל עם בניהם - בוריס, משה ויורי. וינה, 1976

большого доброго дела... И я пожертвовал театру сколько мог. Быть может, мое пожертвование - это капля в море для жизни театра, но не это главное. Я увидел воплощение своих идей. И таким оказался не только я один. Мне стало известно, что и другие лица также поддержали театр, как могли. Мне кажется, это лучше, чем осыпать долларами танцующую на свадьбах почти раздетую танцовщицу. Или вот другой пример. Да, я помогаю некоторым авторам книг из числа олим хадашим. Эти авторы не требуют гонорара за свой труд. У них нет средств для издания своих произведенй. Известно, что типографии для выпуска книг требуют большие средства. Один из моих любимых писателей долгое время работал над транскрипцией в русской графике книги Авраама Мапу "Ахават Цион" в переводе Шимона Хахама. Эта книга еврейским шрифтом была издана 90 лет тому назад. Олим хадашим, плохо владеющие еврейским шрифтом, не могут прочесть эту книгу. А в книге описывается жизнь Иерусалима в период царствования Царя Хизкиягу, блокада Иерусалима ассирийским царём Саргоном Вторым, почти 2600 лет тому назад и победы израильтян в этой войне чудесами Всевышнего. Ну как же не прийти на помощь этому писателю! Разве этот мой жест можно назвать растранжириванием денег?...

Не один я такой. В начале века, в 1910-е годы в городе Коканде (Узбекистан) Рахмин Давидбаев за свои средства организовал перевод книги - "Памятники дома Давида" с иврита на бухарско-еврейский язык. И вот 85 лет бухарские евреи, читая эту книгу, чтят его память. А шведский инженер, промышленник Нобель завещал

повторяя- неужели вы мои дорогие... останетесь, а я покину вас...? Он даже не заметил, как я пришёл, как поздоровался... В это время в комнату входит его жена и говорит:"Уважаемый Мордехай, Ваш друг тяжело заболел. Вот уже второй день , как он никого не узнаёт и повторяет одни и те же слова..."Я, окинув взглядом всю эту ситуацию, покинул этот дом, сказав:- О Б-же! Сохрани нас от такого несчастья. Мне кажется, лучше умереть красиво без денег, чем так безобразно расставаться с богатством. А теперь по поводу моих щедрот! Во- первых, я не миллионер и не крупный богач. У каждого человека должны быть идеи, с которыми он должен жить и стараться воплощать их в жизнь. Моя же идея - закреплять в людях веру в Б-га, в Тору, в жизнь. Эта идея воплощается в жизнь не только созданием, оборудованием синагоги и организацией в ней богослужения. Всё, что способствует укреплению нашей религии и развитию культуры, связанной с историей нашего народа, интересует и волнует меня. К примеру, увидев на сцене вновь самодеятельно организованного бухарско-еврейского театра спектакль "Йосеф Хацадик" (Иосиф прекрасный), я был в восторге от всего: и от текста пьесы, и от постановки спектакля, и от музыки, и от игры актёров, и от художественного оформления сцены, и от костюмов и прочего. Чувствовалась проделанная большая кропотливая работа всего коллектива. И я узнаю, что этот самодеятельный театр не имеет ни помещения, ни зарплаты актёрам и работникам театра и т. д. и т. п. А ведь коллектив театра пропагандирует нашу историю времён патриарха Якова и воспевает верность Б-гу его сына Иосифа... Ну как же я мог быть в стороне от такого

своему гостю, предварительно спросив у него, располагает ли он временем. Услышав от гостя, что тот может слушать его хоть до утра, хозяин дома встал с места, заварил душистый зелёный чай, накрыл столик яствами, и стал отвечать гостю: "Мне кажется, что суть сказанного Вами заключается вмыслях о приумножении своего богатства, о якобы неблагодарных людях и обеспечении детей наследством. -Так ли это?"-Да, так!

"Дорогой гость, мне хотелось бы Вам рассказать притчу, про одного человека, который только и знал что копить деньги. Этот ненасытный человек однажды тяжело заболел. Врачи предупреждают его: - У Вас больное сердце, тяжести более килограмма не таскать. Но вот однажды поздно вечером, возвращаясь домой, он на тротуаре увидел саквояжик. Кругом никого. Раскрывает, а там золотые монеты. Много, много... Как быть?.. Он принимает решение - взвалить на плечо и домой в тайничок подвала. О тайничке не знал никто, даже жена. Так он и сделал. Но, возвращаясь из подвала по лестнице к больной жене, он упал и умер. Таков был конец этого скряги... Это было притчей. А теперь я Вам расскажу то, что видел собственными глазами. Однажды, я навестил больного. Прихожу к нему, а он лежит как бы сам не свой, глаза навыкате, рядом с ним раскрытый сундучок, а в нём полно драгоценностей. Больной то, всматриваясь в драгоценности, то, теряя сознание, неестественным голосом кричит - Что? Я уйду на тот свет, а Вы останетесь?.. Нет, нет ... Опять теряет сознание, опять приходит в себя... Опять кричит. Теперь уже забирает бриллиантовые ожерелья, то их прижимает к сердцу, то к глазам,

люди! Дашь им тысячу, они про себя скажут: неужели он не мог дать мне две тысячи. Говорят, что эмир Бухары в своё время пригласил на свадьбу своей дочери множество людей. Пир по случаю свадьбы продолжался семь дней. По окончании пиршеств эмир каждому гостю подарил по барану. И вот, верёвка, привязанная к шее барана одного из гостей, оказалась непрочной. Баран сорвался с верёвки и убежал. Тогда хозяин этого барана проклял эмира за то, что он не обеспечил его барана надёжной верёвкой. Видите, какова людская неблагодарность! Вот почему я лично не позволяю себе этой щедрости и не рекомендую другим, в том числе и Вам. Слава Б-гу, у Вас пятеро детей и кажется, более десятка внуков, а Вам уже за 70.

А им бы наследство важнее всего. И потом, ведь умные люди всегда стараются приумножать свои деньги! Если их 100 тысяч, копят до 200 тысяч. Ведь деньги это утешение и радость души! На меня Вы, Мордехай, не обижайтесь, но вывод сделайте! Я Вам не враг..."

Есть категория людей, которые не дослушав до конца слов своего собеседника, или, дослу шав его, тут же, незамедлительно, как говорят, строчат ответ. Мудрецы на этот счёт говорят: "Тот, кто спешит с ответом - медленно думает." Мордехай же Гилькаров по своему характеру был уравновешен, мудр, никогда не спешил с ответом. Взвешивая обстоятельство, и всё услышанное, затем с присущим ему красноречием, хладнокровно, на примерах и фактах, используя народные поговорки, крылатые слова и даже кратенькие произведения писателей, начинал отвечать или красиво возражать своему собеседнику. И на сей раз он,не отходя от своих убеждений, решил ответить

Есть четыре разновидности, дающих пожертвования. Тот, кто сам хочет давать, но не хочет, чтобы давали другие -недоброжелателен по отношению к другим. Кто желает, чтобы другие давали, а сам не будет давать - недоброжелателен по отношению к себе. Хочет и сам давать, и чтобы другие давали -благочестив. Не дает и не хочет, чтобы другие давали-злодей.

Пирке Авот V, 16

Мордехай Гилькаров о благочестии и благородстве

Как нам стало известно, в 1993 году Мордехая навестил один из его знакомых и укоризненно ему заявил: "Дорогой друг, мне непонятна Ваша излишняя щедрость. Да, я слышал о Вашей деятельности по созданию здесь в Вене синагоги и Ваших личных стараниях в этом деле. Это ещё допустимо, ибо конечно Всевышний наградит Вас за это достойно. А вот до меня доходят и другие слухи, будто б Вы, растранжиривая свои деньги, помогаете посторонним людям. Что, у Вас нет детей, кому бы оставили наследство? И потом, неужели Вы считаете, что люди, получающие из Ваших рук материальную помощь, остаются вполне довольны Вами? О эти неблагодарные

мероприятиях, о которых мы вкратце рассказали. Он своими благотворительными делами отличался и в других сферах общественной жизни.

На свадьбе Розы Мордехай читает "Шева Брахот". Израиль 1978г.

מרדכי בחתונת בתו רוזה עב"ל יהונתן. ישראל, 1978.

OFFIZIELLES ORGAN DER ISRAELITISCHEN KULTUSGEMEINDE WIEN

die GEMEINDE

Nr. 392/93 | 7. September 1990 – 17. Elul 5750 | S 25,– | Erscheinungsort Wien Verlagspostamt 1010 | P.b.b.

ברח' טמפלגסה 7 בונה הקהילה היהודית בווינה את המרכז הספרדי עם בית-כנסת ובית דיור. נציגי הקהילות האזרבייג'נית, הבוכרית והגרוזינית בירכו בשלום את התקדמות הבנייה. משמאל לימין: רחב ארנבייב, ר' יעקב בידרמן (חב"ד), סמיון קיקוזשווילי, ר' משה ישראלוב, יוסף כהן, מרדכי גילקרוב, ד"ר גרגורי גליבוב.

На Темпельгассе 7 **Еврейская община Вены.** Сефардский Центр с синагогой и жилым помещением представители азербайджанской, бухарской и грузинской общин наблюдают за ходом строительства. слева на право: Рехав Аранбаев, Рав Яков Бидерман (Хабад), Семен Кикозашвили, рав Моше Исраэлов, Йосеф Коэн, Мордехай Гилькаров, доктор Галибов

In der Tempelgasse 7 errichtet die israelitische Kultusgemeinde Wien ein SEPHARDISCHES ZENTRUM MIT SYNAGOGE UND WOHNHEIM. Die Vertreter der aserbaidschanishen, bucharischen und georgischen Kehilot begutachten den Baufortschritt. V.l.n.r.: Rechav ARANBAJEV, Rav Jakov BIDERMAN (Chabad), Semion KIKOZASHWILI, Rav Moshe ISRAELOV, Josef COHEN, Morduchai GILKAROV, Dr. GALIBOV

уютно и приятно. Теперь бухарская синагога Вены располагает двумя Хафторо, и тремя Сефер Тора, одна из которых подарена Мордехаем Гилькаровым.

Каждое утро раньше всех в этом здании первым появляется наш герой. Он открывает двери синагоги и гостеприимно приглашает молящихся. Кроме того, каждую субботу собирается много людей, чтобы слушать лекции по иудаизму прекрасного талмудиста молодого оратора Исхака Ахунова. Все эти благотворительные дела Мордехая Гилькарова говорят о его благочестии и благородстве. Дела Мордехая Гилькарова выражались не только в рамках его участия в чисто религиозных

исполняется на разные мелодии. У ашкеназов - одни мелодии, у марокканцев другие. У иранских евреев - одни мелодии, у йеменских - другие, а у бухарских евреев свои мелодии, близкие к шашмакамам- классическим мелодиям народов Средней Азии, в том числе бухарских евреев. И вот габбай Мордехай Гилькаров классически, под мелодии бухарских евреев совершал утренние, дневные, вечерние молитвы, особенно в дни Субботы - и шехарит и мусаф. Все благотворительные дела Мордехая Гилькарова послужили росту его авторитета как в Австрии, так и в Израиле, ибо в Израиль неоднократно об этом поступали сведения. Многие бухарские евреи, особенно молодые, почитали его как своего отца. В этот период в Вене образовалась бухарско-еврейская община. Президентом этой общины был избран, молодой по сравнению с Мордехаем, врач - уролог Гавриэл Галибов, который также вёл благотворительную деятельность. Одним из первых важных дел община сочла строительство своей синагоги и обеспечение её необходимым оборудованием и религиозной атрибутикой. Эту благородную миссию возглавил президент общины Гавриэл Галибов. Строительство синагоги, начатое в 1989 г., закончилось в 1992 году, благодаря сплочённости бухарских евреев Вены и дружной совместной деятельности Мордехая Гилькарова и Гавриэла Галибова.

На первом этаже синагоги могут одновременно молиться двести мужчин. Второй этаж отведён женщинам. На 3-ем этаже здания, где имеется зал на 250 человек можно проводить различные мероприятия. Все помещения обеспечены комфортабельной мебелью. Тут

Здесь вокруг него сплачиваются такие друзья, как Шаламохаим Галибов и его сын Гавриэл (Григорий) Галибов, Бенямин Левиев, Нерия Ашеров, Нерия Левиев, Миша Давыдов, Рафаэл Алаев, Писар Кандов, его сын Давид Кандов, Аркадий Борухов, Юрий Шаулов, Соломон Зауров, и другие, которые добиваются коллективного исполнения бухарскими евреями молитв, получения из синагоги ашкеназов Вены Сефер Торы для временного пользования. Мордехай Гилькаров способствует приобретению из Израиля религиозных предметов - Цицит (талит), молитвенники, тефилин и прочее. Ввиду отсутствия синагоги, он организовывает коллективное богослужение- исполнение молитв то у себя дома, то у других своих друзей поочередно.

Затем еврейская община Австрии (а в Австрии в то время проживало более 10 тысяч евреев) выделяет свободное помещение под синагогу для бухарских евреев Вены. Бухарские евреи избирают Мордехая Гилькарова габбаем (старостой) этой синагоги. Мордехай же помогает молодому преданному Торе раву Моше Исраилову, направленного Хабадом в Вену, освоить специфику бухарской синагоги. Энергичный староста бухарско-еврейской синагоги- Мордехай Гилькаров и другие активисты обзванивали всех и добивались полной явки их в синагогу. Теперь уже все молящиеся бухарские евреи радостно собирались в синагоге, тем более, что роль Шалиаха молитв, звучно и мелодично исполнял сам габбай синагоги Мордехай Гилькаров. Так уж сложилось, что за тысячелетний период диаспоры евреев один и тот же текст молитв различными этническими группами евреев

В 1970-ые годы из Ташкента в Израиль переезжают благотворители в лице Иосифа Алишаева и Авнера Левиева, которые за свой счёт переиздают много религиозных книг, написанных на бухарско-еврейском языке, как Пятикнижие Моисея - "Брешит", "Шемот", "Вайикра", "Бамидбар" и "Дварим" и делают их достоянием бухарских евреев. Мало того, они создают религиозные школы-ешивы под названием "Шаарей Цион", где обучают детей бухарских евреев. Кстати, сын Иосифа Алишаева рав Шамуэль Алишаев вот уже долгие годы руководит этими ешивами, а внук Авраама Талмуди рав Исхак Аминов, ныне главный рав бухарских евреев, также долгие годы возглавляет ешиву "Рамбам". Этот перечень можно было бы продолжить, но поскольку книга о Мордехае Гилькарове, мы теперь расскажем Вам, дорогой читатель, о его благотворительных делах.

В 1972-1973 годы большая группа бухарских евреев Советского Союза, в том числе из Ташкента, Душанбе, Самарканда, Бухары и других городов, переезжают кто - в Израиль, кто - в США, а кто - в Австрию. В их числе и Мордехай Гилькаров, который вместе со всей семьёй из Душанбе приезжает в Израиль. Через некоторое время его сыновья переезжают в Австрию. Мордехай же, скучая по сыновьям, в течение 2-х лет несколько раз приезжает к ним в Вену.

Здесь, куда съезжались из Советского Союза, Израиля бухарские семьи, он видел, что из-за трудностей первых лет устройства на новом месте, они практически не могли соблюдать религиозные традиции, обряды, и вообще не было своей синагоги.

проживающие в Средней Азии, из-за незнания языка иврит, на котором написана вся религиозная литература, оторваны от Торы и других религиозных книг, не знакомы с их содержанием и слепо читают непонятное.

Шимун Хахам в 1890 году переезжает в Иерусалим, где он переводит почти всю религиозную литературу на язык бухарских евреев, на свои средства издает эти книги, а затем отправляет их в города Средней Азии. Этим он совершает благотворительное дело, по-настоящему приблизив бухарских евреев к Торе и иудаизму. После смерти Шимуна Хахама в 1910 году другой благотворитель по имени Рахмин Давидбаев, проживающий в Коканде, продолжает дело Шимуна Хахама. Он в 1910 году за свой счёт создаёт газету "Рахамим" на бухарско-еврейском языке, на страницах которой печатаются и религиозная литература, и частично материалы из жизни бухарских евреев. Эта газета издавалась почти до революции 1917 года. Мало того , он за свои деньги организовывал перевод литературы с иврита на бухарско-еврейский язык. Одна из изданных им книг называется "Зихронот лбет Давид" (Памятники дома Давида), которую перевёл Рафаэль Галибов. Этим и он приближал бухарских евреев к Торе и иудаизму. Сто лет назад в Палестине жил рав Авраам Аминов, которого звали Авраам Талмуди. Он написал на иврите два тома книги "Ликутей Диним" (свод религиозных законов) и поручил перевод этой книги своему другу Шимуну Хахаму. Все расходы по выпуску этой книги Авраам Талмуди взял на себя. Так и он способствовал распространению среди бухарских евреев религиозных законов.

Ни одно дело не делается
так рьяно, как то, которое
считаешь возникшим
по собственному желанию.
Искать и находить путь к добру –
вот благородная цель.

Алишер Навои.

Благочестие и благотворительность

Точно так же, как каждый человек внешне отличается от другого, так и сердца людей, их души бывают разными. Одни - сердобольные, милосердные, другие - бессердечные. Про некоторых говорят: он душа - человек, про других- ни рыба, ни мясо. О некоторых говорят: - он - человек с огненным сердцем, он творит, совершает добро, сам не спокоен и других не оставляет в покое. Вот таким пламенносердечным человеком был наш дорогой Мордехай Гилькаров. За последнее столетие в нашей истории известны имена многих благотворителей, в том числе среди бухарских евреев. Мы вначале расскажем о благотворителях начала двадцатого столетия, ибо их деятельность была хорошо известна нашему Мордехаю Гилькарову и им он подражал.

Более ста лет тому назад жил в Бухаре крупный учёный - талмудист, поэт и переводчик по имени рав Шимун Хахам. Он заметил, что бухарские евреи,

отец обладал всеми этими тремя качествами. И далее, - Знатность человека измеряется не богатством, не благосостоянием, а щедростью души, чистотой помыслов, благородством поступков, сердечным теплом, способным согреть людей.

Ваш отец, к великому счастью всех нас, был одним из таких благородных личностей. В результате долгой и убедительной беседы мы получили согласие детей, которые в свою очередь предоставили в наше распоряжение семейный архив и оказали всестороннюю поддержку.

После получения материалов семейного архива, мы, авторы, с энтузиазмом начали писать книгу, которая была издана к годовщине смерти Мордехая Гилькарова, да будет светлая память ему навсегда.

Дорогой читатель, если у Вас имеются материалы и Вам известны факты о Мордехае Гилькарове, которых нет в этой книге, мы будем благодарны Вам, если Вы о них сообщите нам, авторам, или его сыновьям для использования их во 2-ом издании. И далее, да будет Вам известно, что в процессе работы над книгой, нам посчастливилось неоднократно встречаться и иметь беседы с сыновьями, родственниками и друзьями покойного Мордехая Гилькарова - Борисом, Моше, Юрием и их супругами, племянниками Мерхаем Гавриловым, Гавриэлом Алишаевым, его супругой Бертой Давыдовной, Абрамом Кайковым, и другими. За их чистосердечные беседы и поддержку выражаем им свою благодарность.

Авторы.

Предисловие

Дорогой читатель! Появление в свет книги **"Благородное Сердце"** имеет маленькую предысторию. Многие лица, хорошо знающие покойного Мордехая Гилькарова, такие, как руководители синагоги города Душанбе, Ешувах Мурадов, Нерия Абрамов, Илья Абдурахманов, Исраэль Бадалбаев, синагоги "Ильяу" в Холоне Нисон Якубов, член муниципалитета г. Тель - Авива Эли Аминов, Народный артист СССР Джурабек Мурадов, известнейший педагог Давид Мошеев и многие другие, как при жизни Мордехая Гилькарова, так и после его смерти, высказывались за создание книги о нём.

Вице-президент бухарско - еврейской общины Израиля **"Брит йоцей Бухара леИсраель"** и близкий друг семьи Гилькаровых, глубокоуважаемый господин Абрам Кайков, порекомендовал нам, ныне авторам этой книги, написать книгу о покойном Мордехае Гилькарове, ибо о нём много можно и нужно рассказать читателям. Мы согласились и обратились к сыновьям покойного Мордехая Гилькарова - к Борису, Моше и Юрию и рассказали им о своих намерениях. Сыновья оказались по образцу своего отца очень скромными и сказали нам: - Наш отец был очень простым и обыкновенным человеком, он не был ни знаменитым богословом или актёром, ни известным учёным, ни героем, ни знатным человеком. Что же о нём можно было бы написать? -Возразив им, мы сказали: - Ведь знатность - это не самое главное. У Человека должны быть три бесценных качества. Первое - разум, второе - искренность, третье - человечность. А Ваш

Содержание

Предисловие

1. *Благочестие и благотворительность*
2. *Мордехай Гилькаров о благочестии и благородстве*
3. *Обаятельный человек*
4. *Статьи и стихи Мордехая Гилькарова*
5. *На фронтах войны*
6. *Счастье Мордехая с Яэль*
7. *Глава Рода*
8. *Красивая смерть*
9. *Завещание*
10. *Прощание*
11. *Воспоминания*

Послесловие

Уважаемый читатель !

Мы, авторы этой книги, хотим заранее отметить, что в результате подстрочного перевода с бухарско-еврейского языка, могли быть допущены незначительные ошибки.

БЛАГОРОДНОЕ СЕРДЦЕ

Страницы жизни

Мордехая Гилькарова

1921-1995

Редактор русского текста и переводчик
стихов по подстрочному переводу Арона Шаламаева -
доктор филологических наук Виктор Бохман.

Израиль.
1996г.

Ҳамчунин се келин-Соро, Майя, Роза, ду домод-Амнун ва Йўнотон 31 ҷиян-аз ҷумла, фарзандони Ҳанониё акешон -Гавриэл, Барно, Залмон, Ёшор, якка фарзанди Йўсеф Сви акаашон-Абраш, фарзандони Ёъел апешон-Панир, Миэрҳай, Шуламит, Абраш, Исохор, фарзандони Тўвиё апешон-Брухо, Довид, Михоэл, Гавриэл, Мишоэл, Авром, Неққадам, фарзандони Ёфо апешон-Юҳой, Авнер, Менаше, Амнун, Аврех, Духтар, фарзандони Мазол апешон-Уриэл, Мишоэл, Тамара, Раҳмин ва фарзандони Роҳел апешон- Яша, Рена, Шура, Рома, ҳамчунин чорда навераҳояшон-Стелла, Изобелла, Эфраим, Довид, Ҳано, Юдит, Рафоэл, Бенёмин, Натан, Илана, Дониэл, Имонуэл, Ёъел, Ярон, наверадомодҳо-Исоқу Леви, наверакелин Роҳел, ёру-дўст, хешу тоборон ва дигар одамон ҳамеша таърифи мулло Мордехайро карда раҳмати мерасонанд. Номи неки ин шахси ъазиз доимо дар ёду дилҳойи онҳо ҷой гирифтааст.

Мордехай Гилькаров в кругу своих детей, внуков, зятей, снох. Вена. 1993 г.

מרדכי עם ילדיו, נכדיו, חתניו וכלותיו. וינה, 1993.

Мордехай со своей супругой Яэль. Израиль. 1982 г.
מרדכי עם רעייתו יעל. 1982. ישראל.

Фарзандони қобил келинҳойи нек, домодҳойи меҳрубон, ҷиянҳойи дилсӯз.

Давлати асосийи мулло Мордехай Гилкоров панҷ фарзанди қобили ӯ мебошанд. Илоҳи ҳар падару модар соҳиби чунин фарзандони қобил гарданд.

Гарчанде,

"Фарзанд агар тӯдайи хокистар ҳаст,
Сурмайи чашми падару модар ҳаст"-

мегӯянд, аммо агар фарзандон қобил бошанд, ба падару модар аз ин зиёд бахту иқбол нахоҳам бод. Фарзандони мулло Мордехаю Ёъел Гилкоровҳо- Борис (Бахӯр), Мӯше, Уриэл (Юрий), Некқадам ва Ривқо ба кулли васиятҳойи падарро бачо оварда истодаянд.

Бештарини онҳо алҳол ба Эрец Исроэл кӯчида омадаянд ва байни худ дӯсту меҳрубон аҳдуду мададкори ҳамдигаранд. Нашудаст ва мо имони комил дорем, ки аз онҳо намешавад коре, ки арвоҳҳойи раҳмати мулло Мордехай ва Ёъел ҳамсарашон аз онҳо норизо гарданд.

Сыновья Мордехая-Борис, Моше, Юра и габбай Хаим Пилосов читают кадиш ва могилах отца и матери на 7-ой день смерти отца.

בניו של מרדכי: בוריס, משה ויורי והגבאי חיים פילוסוב קוראים קדיש ליד **קבריהם של מרדכי ויעל ביום השביעי לפטירתו של מרדכי גילקרוב.**

Родственники и друзья на кладбище на 7-ой день смерти Мордехая Гилькарова.

הקרובים והידידים של מרדכי גילקרוב בבית-העלמין ביום השביעי לפטירתו.

Выступление народного артиста Таджикистана Рафаэла Толмасова.
נאומו של רפאל טולמסוב, שחקן עממי של טגיקיסטן.

Менаше Абрамов с траурным песнопением завершает один из вечеров поминок.
מנשה אברמוב מסיים בקינה את אזכרתו של מרדכי גילקרוב.

Ба хотирайи неки муъаллим Мордехай Гилкоров.

Чароғи равшан ба ҳар он ту гашти муъаллим,
Ба халқ ҳамеша, меҳрубон ту гашти муъаллим.
Хоҳ новиаст, хоҳ Сикандари замон буд касе,
Варо устоди ҷоначон ту гашти муъаллим.
Зи дасти нокас агар тирра гашт рӯзи равшан,
Дар ин асно нури тобон ту гашти муъаллим.
Ҳар он кас ки таваллуд бигашт рӯзе зи модар,
Ба он кас бахшиди ъилму ирфон ту муъаллим.
Гар касе ҳайрону кӯр буд дар раҳи бераҳ,
Ба он кас дилбари раҳдон ту гашти муъаллим.
Ба ҳар тӯю мотам ту буди дилхоҳи мардум,
Дар онҷо нотиқи гапдон ту гашти муъаллим.
Бо нутқи ширин доим, ки чу малҳами ҷоназт,
Ба васфи ҳар нек қаламрон ту гашти муъаллим.
Ба ҳар кори мисво ту ҳозиру нозир буди,
Ҳам шону шӯҳрати даврон ту гашти муъаллим.
Алвидоъ Мордехай, алвидоъ садиқи ъонов,
Алвидоъ, неккор ба ҳар он ту гашти муъаллим.

Ахарӯн Шаламӯев.
27 феврали соли 1995.
Ерушолайим.

Выступление Арона Шаламаева. נאומו של אהרון שלמייב.

Ёдоварий шоъира Фрида Гавриэлова.

Касе гар бигащт бо номи нек машҳур,
Пас аз вафоташ варо зинда донанд,
Касе, ки вале бадфеъл ҳасту бадном,
Агар чи зинда бошад, мурда хонанд.

Номи нек монда рафтанд.

Во дареғ! Дили ака Писар Гилкоров аз задан монд. Он дил-дили шахси бузург буд, дили шахси ҳалолу мумтозу садиқу ъонов буд.Чора чист?! Дунё чунинаст... Вафоти ин шахси ъазизро ҳам ана як соли мукаммал шуд. Аз чашм ашку аз дил хун чакад ҳам, ки аз зиндагон лозимаст сабру бардош ва тассалле биёфтанд. Тасалле баройи вафот ёфтани мулло Мордехай ҳамин, ки ин марди бузург баъд аз худ дар қатори панҷ фарзанди ъоличанобашон номи нек монда рафтаанд.

Ман мулло Мордехайро ҳоло аз Душанбе мешинохтам, ки ин шахси ъазиз бо шавҳари марҳум гаштаам раҳмати Мошияҳ Гавриэлов ҳовер буданд ва дар ин натича ман аз корҳойи некашон хабардор будам. Сонитар ошногии мо дар Эрец Исроэл давом ёфт. Ака Писар-Мордехай Гилкоров чун шахси Тўрохону талмуд ҳохом, мисводўсту ҳамеша кори хайркунанда (маъасим тўвим кунанда), чун марди беваю бечораро дастгиркунанда дар хотирайи ман абадул абад мемонад. Алалхусус ака Мордехай чун падари падарон, шавҳари меҳрубон, сардори авлоду мишпоҳо, чун шахси некхоҳ, чун муъаллими азим на фақат дар хотирайи ман, балке дар хотирайи тамоми яҳудиёни бухорий Самарқанду Душанбе, Австрияю, Америкаю, Эрец Исроэл мемонад.

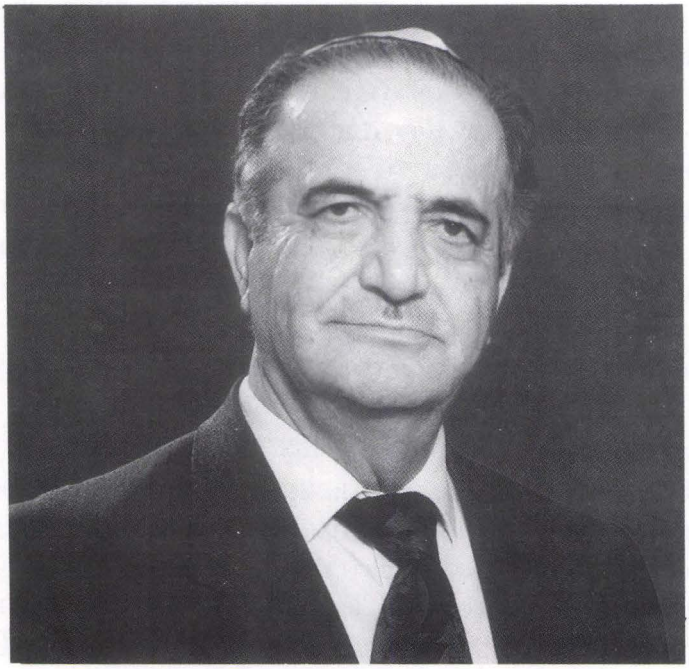
Ҷояшон дар Ган-Ъеден бошад.

Омен.

мукаррам бо ъойилайи худ дар соли 1976 ба Вена ба назди фарзандҳойи худ кӯчида рафтаанду, аммо соле як ду бор илоҷе нест, ки мулло Мордехай ба Эрец Исроэл омада зиёрат накунанд. Ман интизор гаштам ва ниҳоят дар соли 1993 дар тамошойи "Йӯсеф Ҳацадик" дар Тел-Авив, ки ин шахс баъд аз тамошоро дида аз ҳад афзун хурсанд шуданду ба саҳна баромада баройи равнақи театр матана карданд, ошно шудем. Аниқтараш, ман мафтуни корҳойи некашон-дар Самарқанд таъамир намудани 17 қавӯро, дар Тел-Авив баройи равнақи театр матана додан-ро дида худам пеши раҳи ин шахси ъазизро гирифтам, худро шинос кардам ва баъд аз тамошо каме сӯҳбат намудам, ва сонитар мо дар, хонайи ҷиянашон мулло Гавриэл Алишаев як чанд бор ҳамсӯҳбат гаштем. Аз сӯҳбати хуши мулло Мордехай сарфароз гаштани маро ҳаду худуд набуд. Дар айни сӯҳбат гӯё, ки аз даъонашон шаҳду шакар мерехт. Аз сари сӯҳбат аз лутфу каломашон ба ман аён гашт, ки ин марди пурдону хоксор муъаллимаст, гарчи дар ин хусус мулло Мордехай лом ҳам нагуфтанд. Сӯҳбатҳоямо аз ончи дуру дароз мегашт. Охир баройи муъаллим аз бо шахси доно ҳамсӯхбат шудан қийматтар чизе мавҷуд нест-ку. Бо чунин сӯҳбатҳойи хушу зебояшон маро ба худ асир намуданд. Ҳар боре, ки аз Австрия ба Эрец Исроэл меомаданд ман албаттайи албатта ҳамсӯҳбат гашта мафтуни хулқу одобашон, сухандонию хоксориашон мегаштам. Сад афсӯз, ки аз чунин марди садиқу ъонов мо бенасиб гаштем. Ҷояшон дар Ган Ъеден бошад. Арвоҳашон ба кулли ёру дӯст ва даставвал ба фарзандҳояшон сипар шавад. Зеро, чи тавре, ки ман сонитар бо писарони худо раҳмати мулло Мордехай-Борис, Мӯше ва Юра ошно гаштам, озмудам, ки онҳо дар ҳақиқат ҷойгири падар гаштаанд.

Ёдоварий муъаллими машҳур мулло Довидсиён Мӯшеев.

Сад афсӯз, ки ман бо мулло Мордехай Гилкоров дар солҳойи охирин, дар Эрец Исроэл шинос гаштам ва на аз ин пештар.Аз ин пештар ъилоҷи шинос шудан набуд, ки мулло Мордехай солҳойи бисёр дар Душанбею ман дар Самарқанд мезистем.

Выступление Давида Мошеева. נאומו של דויד מושייב.

Аммо боре дар Самарқанд дар соли 1988 шунида будам, ки як марди неккор аслаш Самарқанди, номаш Мордехай Гилкоров, аз Эрец Исроэл ба Самарқанд омада 17 қвӯройи авлодашро аз киссайи худ пул хароҷот карда, таъамир (ремонт) карда рафтааст. Ин хабарро шунида ман ба он мард офаринҳо гуфта будам. Гардиши аём кунун чунин шуд, ки ман бо ъойилаям дар соли 1991 ба Эрец Исроэл кӯчида омадам ва баъд аз чанд вақт дар сурогӣ мулло Мордехай Гилкоров шудам. Маълум шуд, ки он шахси ъазизу

баромада пурсидам, ки қучо меравед. Ин кас аз ман пурсиданд, ки ман куҷо меравам. Ман гуфтам ки ба Тель-Авив меравам. Манро ба Тахана марказит бурда мони ҷудо ҳам хуб мешуд, гуфта ака Мордехай камтарона илтимос карданд. Ман зуд дари машинаро ела карда ин касро шинондам. Вақте ки ба роҳ даромадем, ман аз худо раҳмати пурсидам, ки хонетон қучое? Ин кас ҷавоб доданд, ки хонаи ман дар "Яҳуд" аст. Машинаро ҳай карда истода, мо ба якдигар аз ёдовариҳои гузашта сухан рондем. Ака Мордехай аз бораи паси парда шудани ҳамсарашон тўти Ёъел ҳасратҳои дил карда оби чашм карданд.

Қарибҳои ба шаҳри Яҳуд расидан, ман аз ин шахси ъазиз пурсидам, ки чаро ягон беваи ба синну соли худатон мос намеёбед. Ин шахси мўътабар ба ман ҷавоб дода гуфтанд:- Натанҷон, ман то ҳамин рўза ба фарзандҳои худам падар ҳастам. Боз чанд соли дигар ба ин дуньё, ки ҳастам ва зиндаям, намехоҳам, ки ба фарзандонам "тағои" шавам. Ман аз ин дуньё бо ин кори ба синну соли худам намезебидаги рафтор карда, аз ин дуньё чи бурдани ҳастам. Ба худо шукур ки фарзандонам аз ҷумла, духтарҳоям қобил. Келинхоям ку ду чандони духтарҳои худам.

Набераҳоям ба ду чашмам баробар. О, зиндаги ҳамин қадар будагист-да гуфта, ака Мордехай аз фарзандҳою келинҳою набераҳои худ хеле миннатдори карданд.

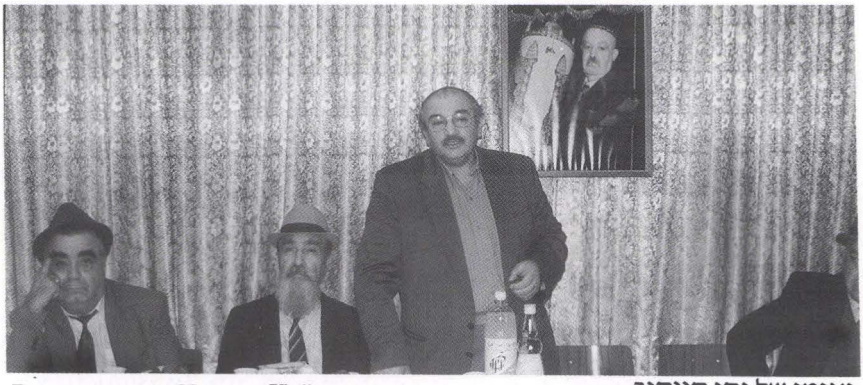
Акнун дўстони азиз як ҳикоячае, ки ба хислатҳои мулло Мордехай монанди дорад ба шумо азизҳо гўшрас кардани ҳастам.

-Рўзе, подшоҳ Ҳусайн Бойқаро дар айни базми калон, баройи ба мардум оқилу доно будани вазири худ Алишер Навойиро намойиш кардан, дар забони турки савол медиҳад:- Алишер, ики карра қирқ қанҷа бўлур? Алишер, агар саксон гўяд мардум ба маънойи саг-сан рафтанашон мумкинаст гуфта, дурандешаги мекунаду,-агар ҷаноблари яна йигирма кўшсалар юз бўлур гуфта ҷавоб дода будаст...

Мулло Мордехай, мнуҳотў ба Ган Ъеден, ҳам монанди Алишер Навойи чунин ҳохоми дурандеш буданд.

Ёдоварий
Натан Кайков-сухандону нотики пурдон!

Ёдоштҳо аз хотири шахси неккору некрафтор, дурандешу ширинзабону хушрафтор-шахси соҳиби дасти садоқододу ба оҷизон роҳи нек нишондиҳанда, ба худо наздику ба Тӯройи Мӯше қоил мулло Мордехай Гилкоров.

Выступление Натана Кайкова. נאומו של נתן קייקוב.

"Доно ба ҳар диёр азизу мӯътабар аст."

Дӯстони ъазиз ва ёру бародарони китобхон! Ман як-ду сухан аз хусуси худо раҳмати Мордехай Гилкоров, ки ҷошон ба Ган Ъеден бошад ба шумо дӯстон, хотиррасон карданиам. Худо раҳмати ака Мордехай як одами хоксор, вазнину ҳангин, хушафту, мулоимсухан ва дурандеш буданд. Яке аз ёдоштҳое ки ба ман аз ака Мордехай нишона мондаги ҳаст чунинаст: Як шаб, ин гап як чанд сол пеш аз паси парда шуданашон буд, дар Рамле дар канесои Йусеф Кайков ба азкараи як шахс ҷамъомад будем. Ба вақте, ки ба ака Мордехай сухан дода шуд, ин шахс, ба халқ муроҷиат карда дар бобати ба тӯро наздик ва арзони шудан, фарзандҳоро бо одоб калон кардан, қадри як дигарро донистан, падару модарро ҳурмат кардан ва аз дерехи одами берун нагаштан сухан гуфтанд.

Баъди шабнишин тамом шудан ака Мордехай бо ҳама хайру-хӯш карда ба берун баромаданд. Ман аз қафошон

Ёдоварийи собиқ калонтари канесойи Душанбе, алҳол канесойи шаҳри Афулайи Исроэл ҷаноби мулло Ильёву Абдураҳмонов

Худо раҳмат кунад, ҷояшон дар Ган Ъеден бошад мулло Мордехай Гилкоровро, ки ман ин шахси садиқу ъонов, Худотарсу Тӯродӯст, баъл садоқою мисводӯстро аз Душанбе мешинохтам. Мулло Мордехай, ки ба канесо меомаданд дар канесо нури равшан ва дар рухи намозхонон табассум пайдо мешуд. Сабаб, ки мулло Мордехай албаттайи албатта як чанд намозро бо оҳанги дилкашу дилрабо чун шолияҳ бачо оварда дили онҳоро хушнуд менамуданд. Баъд аз итмоми намозхони бо мардум сӯҳбат дар борайи Худоҷӯйи, Тӯродӯсти аз сидқи дил мекарданд. Ҳамайи он аҳли сӯхбат ба саволҳойи худ ҷавобҳойи пурмаъне мешунавиданд. Ин ҳолат ба мулло Мордехай ҳам дар Душанбе, ҳам дар Вена, ҳам дар Эрец Исроэл мансуб буд. Ғайра, ба мо дӯстони он шахси ъазиз чи қадар мулло Мордехай оиладӯсту фарзанддӯст буданд маълумаст. Аз ҳамин сабаб мо алҳол дида истодаем, ки фарзандони он шахси муборак ҳам монанди худашон Тӯродӯсту мисводӯст ҳастанд. Ба мо бисёр корҳойи неки дар Австрия дар давоми 20 соли умри худ бо мулло Мордехай ичрошуда ҳам маълумаст. Бо ташаббуси ин шахси неккор дар Вена бештарин яҳудиёни бухори ба Худо ва Тӯро боз ҳам зиёдтар наздик шудаанд. Чи тавре, ки шоъир Роғиб гуфтааст:-

"Ҳамеша бо халойиқ муштарак бош,
Ба ҳар ош ҳам пиёзу ҳам намак бош",

мулло Мордехай дар кучое, ки:-

хоҳ дар Самарқанд, хоҳ дар Душанбе, хоҳ дар Вена, хоҳ дар Эрец Исроэл зиндаги кардаанд, ҳамеша бо халқ ҳамҷиҳату ҳаммаслак буданд. Номи ин тавр шахси садиқ аз дунё барҳам намехӯрад.

21 ноябри соли 1995.

мардум расонаду ахлоқу одоби покизаро талқин намояд. Ман, алоқадри ҳол ва донишам, ин хоҳишашро меовардам ба ҷо. Ман мегуфтаму ӯ мегуфт ва мо якдигарро аз ақлу фаҳм сарпур мекардем. Ин марди шеъру китобдӯст баъзе аз нақлҳои ба худаш маъқулшударо, албатта, навишта мегирифт. Вақте ки ман бори дуюм (соли1993) ба Эрец-Исроэл сафар карда будам, бо хоҳишаш ду ҳикояи хурдеро дасти навишта додам. Яке аз онҳо дар журнали "Машъал" чоп шуд, ки "Иҷоранишин" ном дошт. Ана имрӯз адиби мӯҳтарами мо Арон Шаламӯев, ки аз ҳаёти тағоиям китобе навишта истодаанд, аз мағзи коғазҳои ӯ ҳикоячаи дуюми маро, ки "Бахт аз таваккал" ном дорад, пайдо кардаанд. Ин ҳикоя ба хотири руҳи покаш ба хонандагони азиз пешкаш мешавад. Ин асно, ки ман бори сеюм ба Эрец-Исроэл омадам, ба дидори тағоиям насиб нашудам. Тағоии азизам, писари охирини бовою бивиам аз дунёи рӯшан чашм пӯшидааст. Ман ба фарзандони, ин инсони бошараф ба аҳли хонадони онҳо, ба авлоду аҷдоди Гилкоровҳо, ба ҳамаи онҳое, ки тағоии марҳумамро мешинохтанд, ҳамдардии худро изҳор менамоям. Тағоиям бо номи нек ба он дунё рафт. Ман шодам, ки аз тағоиям Борис, Мӯше, Юра, Нина ва Роза борин фарзандони қобил, навераю ъавераҳо, қудою андаҳои меҳрубон, келину домодҳо, ёру дӯстони бисёре мондаанд. Бигузор фарзандони тағоим ҳамеша дар паноҳи неки Худованд бошанд. Арвоҳи падару модарашон мудом ёру мададгорашон бошад! Писар-Мордехай тағоиямро ҷояш дар ганъеден бошад! Ёдаш бахайр ин марди ъонову накӯкор, ғамхору фидоии мардумро! Раҳматаш карда бошад!

Алвидоъ, ҷигарам!

Навиштам ин ёдномаро аз қаъри дили озурдаам дар зикри тағоии ба ҷон баробарам ман

Миерҳаим бен Ёъэлтӯв бат Балӯриё ва
Рафоэл Гилкоров, бен Нисим бен
Яшуъо ва Нисим Гавриэлов.

Тел-Авив, 2 ноябри соли 1995.

равшанфикр, зеҳнаш баланду ба дониш ёр, мламедҳо буданд аз ӯ шод. Ин хислатҳо аз хурдсолиаш кард ӯро пайванд ба Тӯро, зуд бишуд намозу ниёзхон. Мехонд ӯ инчунин дар мактаби ҷамоъати, мегирифт илму дониши замонави. Рафта-рафта бишуд соҳиби номи бошарафи мламеду тарбиятгар. Ҳама буданд қоил ба ақлу ҳӯшаш, меҳнатдӯстияш. Авлоду аҷдод буданд шоду мамнун аз пешравиҳояш. Падар-модар бошанд, мекарданд дуъо:

"Боши дур аз чашми бад,
Худо бошад ҳамроҳат!"

Ҳа, Худо буд доимо ҳамроҳаш: рӯзе расид, ки омад ба сараш заҳмате: ӯро бурданд ба корзор, доданд яроқ ба дасташ, то ки биҷангад зидди душмани ғаддор-қир кунад фашистони гирмонро. Мадад кард Худованд, арвоҳи падар-модар ва баргашт ӯ ба хона сар ба саломат, вале буд маризаш. Омад ба хона, пардохт боз ба таҳсил ва меҳнат: бишуд соҳиби зану фарзанд, касбу кору манзил, бирӯёнд панҷ фарзанд: се писар ва духтар. Тарбия кард онҳоро бо ранҷи зиёде, бо меҳри том, бикард онҳоро соҳиби илму дониш, касбу ҳунар, зану фарзанд...

Баҳори панҷоҳумини умраш ӯро ба Каноъан-Эрец Исроэл кард арзони. Аз ин шуд шод арвоҳи аҷдодон. Ӯ дар ин сарзамин шуд ёри мудомии Тӯрои Мӯше, дину оини исроэли ва пардохт ба хизмати мардум, бикард пиру барноро ёр ба ибодати Худо. Пеша кард амалҳои нек, хизмати мардумро гирифта ба дӯш: сарвари ҷамоъат, пешнамозу насиҳатгар, накӯкору ба мушкилоти мардум марҳам. Омад писанд амалҳои некаш ба мардум...

Ёд дорам, ҳар боре ба Эрец-Исроэл сафар мекардам, Писар-Мордехай бо ман мешуд ҳамнишасту ҳамнишаст. Аз аҳволаш, хизматҳои мардумеш мешудам пурсон. Ӯ бошад, аз хизматҳояш бисёр ҳарф намезад, чунки худнамой ва худтаърифкуниро бад медид. Ба ман мардуми Исроэл аз амалҳои некаш бисёр нақл мекарданд. Писар-Мордехай дар ҳамнишиниҳо бо ман кӯшиш мекард, ки барояш шеъру ривоятҳо, зарбулмасалу рубоиҳои нав, шеъру ҳикоятҳои панду насиҳатомези қаламкашонро бигӯям, то ки онҳоро ба

Ёдоварийи ҷиянашон Миэрҳайим Гавриэлов

Эркаи авлоду меҳрвари мардум.

Ҷигарам об шуду рехт зи ду чашми тарам,
Ҷигарам, воҷигарам, воҷигарам, воҷигарам.

Дареғо, сад дареғо, ки кард падруд аз дунёи рӯшан ҷигарам. Шудем ҳама ҷигарпора, ғамгину пурдарду ашкрез. Варо ҳама-падару модар, аҳли хонадону авлод ва мардум Писар меномиданд. Писар, гарчи буд ӯро ном Мордехай. Чаро? Чунки ӯ буд эркаи хонадону авлод, бензакунимфарзанди кенҷаю азизи падару модар.

Выступление племянника Мордехая-Миэрхаима Гавриэлова.
נאומו של מאיר-חיים גבריאלוב,אחיינו של מרדכי,באזכרת מרדכי.

Он рӯзе, ки ӯ омад ба дунё, модар буд чилу панҷсола, падар-панҷоҳу ҳаштсола. Падар-модар мекарданд Писарро бо меҳру навозиш калон. Падар-марди худотарсу худошинос-ба Тӯро ёр мекард Писарро. Агарчи мегуфтанд ӯро эрка, аммо Писар намекард инро писанд бо ҳамаҳамсолонаш ва аҳли оила буд як ранг, хоксору шармгину нармсухан, меҳрубон, боору номус, дастёри падару модар дар ҳар кор, ба сиккаю сомон, хушмеҳру хушахлоқ, хушёру

Соли гузашта раҳмати Мордехай ба ман телефон карда, гуфт:

-Мехоҳам аз шумо як чизро илтимос кунам: ман аз яҳудиҳои бухории Вена барои чопи китобчаи "Фолклор"-и З. Увайдов як маблағ пул ҷамъ кардам. Чи хеле ки шумо дар китобчаи худ-"Достони Шимшӯни паҳлавон", мувофиқи хоҳиши одамҳои ёрдампули расондаги, рӯйхати хешу табори вафоткардаи онҳоро чоп кардед, то ки ёдгории некашон барои наслҳои оянда зинда монад, мо низ мехоҳем, ки дар китобчаи "Фолклор" ҳамон хел рӯйхат чоп карда шавад. Ман он рӯйхатро тартиб дода ба шумо роҳи мекунам, ва аз шумо хоҳишмандам, ки дар ин бобат ба мо ёрдам кунед.

Ман дарҳол ба ин кори хайр розиги додам, ва баъд аз муддате он рӯйхатро таҳрир карда, ба муаллифи китобча супурдам.

Раҳмати Мордехай Гилкоров шахси бофаросат, дурандеш ва қадрдон буда, қарзи фарзандии худро ба хуби адо кард, аз ҷумла дар он рӯйхат номҳои падару модари худро барои наслҳои оянда зинда кард, бехабар аз он ки дере нагузашта худаш аз ин дунёи фони чашм мепӯшад. Ман ва ҳамсарам аз вафоти бемаҳали ӯ хабар ёфта, бисёр афсӯс хӯрдем.

Худо раҳматаш кунад! Чояш дар Ган-Ъеден бошад!

Ёдоварийи шоъири забардаст Муҳиб (М.Х. Бачаев)

Марди китобдўст.

Бо чаноби Мордехай Гилкоров ман бештар аз чил сол шинос будам. Раҳмати Мордехай боҷаи ҷиянам Йишай Гавриэлов буд, ва ман назди апаам Эстер (модари Йишай) рафту омад доштам ва дар он ҷо, дар ҷамъомадҳои оилави, рахмати Мордехайро низ медидам. Ин марди ҷавони ситорагарм бо саломҳои гармаш ва рафтору гуфтори оромонаи нармаш, ки хуштарбият будани ўро нишон медод, диққати маро ҷалб карда буд, ва аз ҳамон вақт ин ҷониб ман ўро бисёр ҳурмат мекардам.

Соли 1955, вақте ки ман аз Тошканд ба шаҳри Сталинобод (Душанбе) ба кор таклиф шудам, дар рўзҳои аввал як дар хона пайдо карданам лозим шуд. Раҳмати Мордехай Гилкоров дар ҳавлии худ барои ман як хонаи алоҳида ҷудо кард, ва ман тақрибан ду моҳ он ҷо истиқомат доштам.

Раҳмати Мордехай шахси худотарс, тўрохон ва китобдўст буд. Баъд аз чандин сол, вақте ки дар Йисроэл китобҳои ашъор ва насри ман чоп шуда баромадан гирифт, яке аз хонандагони аввалин ва фаъоли он китобҳо раҳмати Мордехай Гилкоров буд, ва ҳар бор, ки ў аз шаҳри Вена (Австрия) ба Йисроэл меомад, назди ман даромада, китоб мегирифт ё ки, агар худаш набиёяд, ба шиносаш ҷаноби Мўше Пинҳосов супориш медод, ки назди ман омада, барои ў китоб гирад.

Ёдовариҳо:

Народная артистка Таджикистана Барно Исхакова
в гостях у Мордехая Гилькарова. Вена. 1988г.
ברנו יסחקובה, שחקנית עממית של טגיקיסטן, עם בעלה ישראל בדלבייב
מתארחים אצל מרדכי גילקרוב. וינה, 1988.

Ёдоварий артисткайи ҳалкий Тоҷикистон Барно Исҳоқўва.

Раҳмат кунад мулло Мордехайро илоҳим ҷояшон дар Ган Ъеден бошад, ки ин шахси ъазиз бо мишпоҳойи мо бисёр ҳам наздик буданд. Дўстигарийи моён дар Душанбе реша бастааст. Мулло Мордехай, ки марди фоҳиму шунаванда буданд ҳам ба маънойи ҳар сухани суруд ҳам ба маънейи ҳар оҳанги он нозук мерафтанд, ъодатан ман дар вақти тараннум намудани суруд аз бо завқ шунавидани ин кас баҳра бурда якчанд сурудро бозу боз ичро мекардам. Бо мулло Мордехай ҳамсўҳбат шудан ба кас кайфияти ъачиб мебахшид. Чун , ки ин шахси ъазиз ҳам аз адабиёти нафиси ва ҳам аз шашмақом воқифу ҳолдон буданд. Ба ғайр аз ин мулло Мордехай, ки бисёри бисёр Тўродўсту широхон буданд, бо раҳмати шавҳари ман Исроэлҷон бештарин вақтҳо ҳамсўҳбат мешуданд ва ман ҳам аз сўҳбати онҳо баҳраманд мегаштам. Хотирайи неки ака Мордехай дар дили мо абадул абад мемонад.

шаббот, ҳар маҳ дар давоми сол ба асоси дину-шариъати исроэли ва минҳоги яҳудиёни бухори мегузашт. Мегўянд:-ки будани одамизод баъд аз вафоташ мушарраҳтар ъаён мешавад. Ин гап барҳақаст. Обрўю иззати мулло Мордехай чунон баланд, ки шуде вақте ешивойи он кас дар як вақт ҳам дар Эрец Исроэл, ҳам дар Вена, ҳам дар Америка ҳам дар Самарқанд, ҳам дар Душанбе гузаштааст. Дар он ешиваҳо эҳе чи миқдор ҳоровҳою адибону ъолимон, сарояндагону муъалимон, хешу таборон, ёру дўстон ёдовари карда суханрони кардаанд ва хатҳою телеграммаҳойи ъазорасони фиристондаанд. Мо муъаллифон, лозим ёфтем, ки бо нутқи мухтасари баъзе нотиқон дар он забоне, ки онҳо нутқ карданд ва бо қисми хату телеграммаҳойи ъазорасонийи онҳо шумо хонандайи ъазизро шиносо кунем.

Сыновья на плечах несут гроб отца в последний путь.

בניו של מרדכי נושאים את ארון גופת אביהם לקברו.

дар охири суханашон-ба халқ мурочиат намуда: -дӯстон мо алвақт дар пароходи бе капитан мондем, гуфтанд. Баъд аз мулло Мӯше сухан ба собиқ калонтари канесойи Душанбе, мулло Ильёву Абдураҳмонов дода шуд.

Прощальное выступление Ильяу Абдурахманова.
נאום פרידה של אליהו אבדורחמנוב.

Сони Менаше Абрамов дар борайи аз падар чудо гаштани фарзандҳо нола карда фаръёд зад. Бо ҳамин ба сухангӯйи нуқта монда шуд. Ҷасади бечони мулло Мордехай Гилкоров ба қавӯройи дар ёни қавӯройи ҳамсари меҳрубонашон Ёъелтӯв монда шуду ба ҳесед расид. Сони фарзандҳо ва овелдорҳо гиребон пора намуданду писарҳо-Борис, Мӯше, Уриэл қадиш гуфтанд. Дар ҳаминҷо бо иштироки ҷамоъат минҳо хонда шуд. Минҳоро чу шолиях, наверайи калонийи раҳмати мулло Мордехай Эфраим бен Бхӯр Гилкоров ичро намуд.

Агарчанде, ки мулло Мордехайи ъонов маросимҳойи ешиваҳоро камтарона гузаштанро хоҳиш доштанд, аммо ин маросимҳо акнун бе ихтиёр калон мегузаштанд. Ҳафт шаби аввал, ҳар се ҳафтайи дигар, ҳар шаби шабботу рӯзи

зад:-Ҳой Ёъел қудо! Мана, баъд аз 12 сол ҷасади мулло Мордехай, шавҳари меҳрубонатонро ба наздатон овардем. Акнун ҷасади шумоён боз якҷо мешавад, гуфта гиръя карду, сухани аввалинро ба муовини сардори шаҳри Тел Авив ҷаноби Эли Аминов дод.

Выступает вице-президент "Брит Йоцей Бухара Исраэл" Абрам Кайков.
נאומו של אברהם קייקוב, סגן יו"ר "ברית יוצאי בוכרה, ישראל"

Баъд вице президенти "Брит Йоцей Бухоро" ҷаноби Авроҳом Кайков сухан кард, сони артисти халқийи Тоҷикистон Борис Наматиев дар хусуси ҳоло дар Душанбе бо раҳмати мулло Мордехай ҳовери наздик буданаш ва фарзандҳойи онҳо ҳам байни худ дӯсту бародар будан сухан гуфту, як чанд суруди ҳақони хонд. Ба ҳақони хондани ӯ занҳо ҷӯр гашта овоз кашиданд, ҳақониҳо хонданд: Сони Ғолибов сухани навбатиро ба ҳорови Вена ҷаноби Мӯше Исроэлов дод.

Мулло Мӯше, даставвал ба сари товут хам шуда, аз раҳмати мулло Мордехай мҳело талабид, сони дар борайи Худотарсу Тӯродӯсту мисводӯст будан ва ба корҳойи канесо ъоқилона раҳбари кардани мулло Мордехай таъриф намуда

Маросими мотамиро қудойи раҳмати мулло Мордехай, падаръарўси писарашон Уриэл (Юра), доктор Гавриэл Ғолибов кушода чунин сухан кард:- Бародарҳойи ъазиз! Имрўз рўзи мотам...

Доктор Галибов открывает траурный митинг в Израиле.

ד"ר גליבוב פותח את טקס הלווייה.

Имрўз ҷамоати яҳудиёни бухорийи шаҳри Вена аз яке рохбарҳойи худ, аз габбойи канесо, аз марди садиқу ъонов, аз шахси Ҳудотарсу Тўродўст ва ман аз қудойи меҳрубону дилсўз ҷудо гаштем. Во дареғ! Аҷали бераҳму бешавқат аз байни моён як шахси ъазиз, шахси мисводўсту соҳиби маъасим тўвим, шахсе, ки баройи яҳудиёни бухорийи Венаро ба дину-шариъати исроэли наздик кардан бо ҳаммаслакони худ хизматҳойи калон кардаанд, гирифта бурд! Афсўз, сад афсўз! Алвидоъ, қудойи ъазизам мулло Мордехай! Сони, Гавриэл Ғолибов бар қвўройи ҳамсари раҳмати мулло Мордехай-биби Ёъел муроҷиат карду нидо

Бо чунин тартиб ҷасади мулло Мордехай дар бет ҳаҳайими гвиъат Шоули Ерушолайим ба ёни қавӯройи ҳамсари меҳрубонашон Ёъелтӯв оварда шуду маросими видоъшави сар шуд.

Проводы Мордехая Гилькарова В Иерусалиме.
לוויית מרדכי גילקרוב בירושלים. 23 בפברואר, 1995.

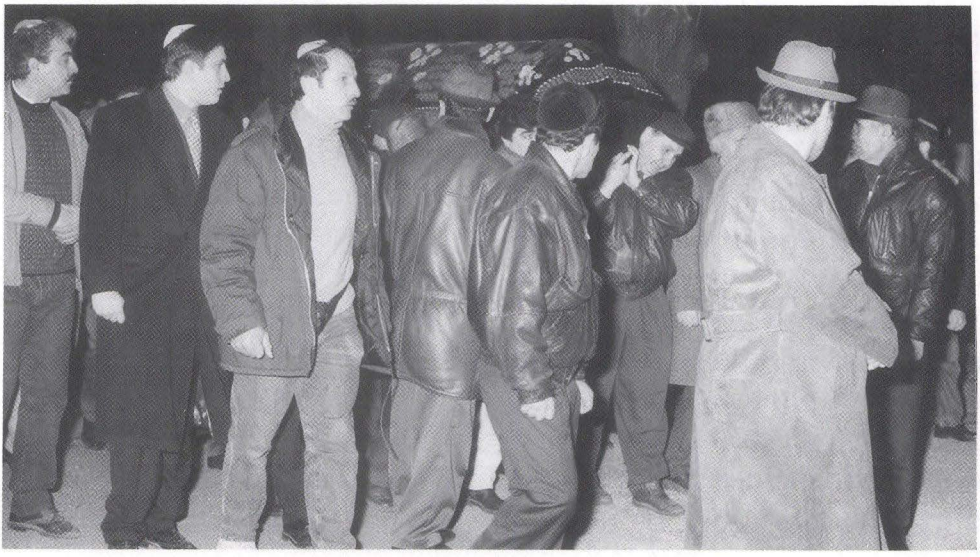

Гроб с телом Мордехая Гилькарова жители Вены провожают в Иерусалим для захоронения.

יהודי וינה נפרדים מחברם היקר להם, מרדכי גילקרוב לקבורה בירושלים.

Илоҳи моён тезтар аз голут бе геуло бароем. Сони сухан ба "Амтс" директор, доктор Ходик дода шуд ва ӯ дар забони ъиври сухан кард. Баъд аз ӯ ҳорови ҷамъияти яҳудиёни грузиний ҷаноби Авроҳом сухан кард. Дар охири митинг доктор Ғолибов ба раҳмати мулло Мордехай алвидоъ гуфта, сухани охиринро ба ҳоров Мӯше Исроэлов дод. Раби Мӯше ба назди тобут як бори дигар омада мҳелоталви кард, баъд аз ӯ доктор Ғолибов ва ҳама ҷамъомадагон бо навбат ба назди тобут омада мҳелоталви карданд. Сони фарзандҳо тобутро бардошта бо ҷамоъат аз сар то сари бетҳаҳайими Вена гузаштанд ва дар охир тобут бо ҷасади мулло Мордехай ба самолет монда шуду ба Эрец Исроэл равона гашт.

Мӯрдехай бо шеъру ашъор баён намуда гуфт, ки мо ҳама яҳудиёни бухори аз калонтари худ ҷудо гаштем. Ягон ҷамъомади мо яҳудиёни бухорийи Вена бе мулло Мордехай намегузашт. Дар охири сухани худ ба ъазодорон, даставвал ба фарзандони мулло Мордехай таъзия ва ҳамдардийи худро изҳор намуд. Баъд аз он, сухан ба ҷаноби Исҳоқ Охунов дода шуд. Ин нотиқи пурдону хушсухан, даставвал ба товути раҳмати мулло Мордехай наздик омада аз раҳмати мҳелоталви кард сони гуфт:-бародарон, мо сардори худро, габбою ҳазони хушавози канесоморо гум кардем, мо ҳама алвақт дар ъазоем. Намедонем, ки ҳоли мо чи мешавад. Одамизод бояд се чизро аз худ кунад. Якум ӯ бояд донад, ки аз куҷо омадаяст, дувум-баройи чи ба ъолам омадааст, сеюм-ба куҷо мераваду ва ба ки ҳисоб медиҳад. Чунки нишомойи одамизод охир надорад. Мнуҳотӯ ба Ган Ъеден, мулло Мордехай ба кулли ҳар ин се шартро баҷо овардаанд. Мо аз Ҳақодӯш борух-ҳу металабем, аз сабаби маъасим тӯвимҳойи бисёр кардаашон дарвозаҳойи Ган Ъеденро ба рӯйи мулло Мордехай кушояд ва ӯро ба неки қабул кунад.

Гроб с телом Мордехая Гилькарова жители Вены провожают в Иерусалим для захоронения.

יהודי וינה נפרדים מחברם היקר להם, מרדכי גילקרוב לקבורה בירושלים.

Ин лавоё дар Вена чунин сар шуда гузашт:-Товутро бо ҷасади мулло Мордехай фарзандҳо бардошта ба хонақойи бет ҳаҳайими Вена оварданд. Дар ин маросими мотами аввалин шуда ҷаноби Миша Абромов сухан кард. Ӯ сифатҳойи неки мулло Мордехайро изҳор намуда дар охир-алвидоъ падари яҳудиёни бухорийи Вена, мулло Мордехай Гилкоров гуфту сухани навбатиро ба ҳорови канесойи Вена ҷаноби Мӯше Исроилов супорид. Ҳоров мулло Мӯше дар борайи бо номи нек аз ин дунё рафтани мулло Мордехай сухан намуда баъд диврей Тӯро кард. Дар охир,-одамизод аз хок омадааст, ба хок меравад гуфта суханашро тамом кард. Сони президенти ҷамъияти кулли яҳудиёни Австрия ҷаноби доктор Пауль Гросс дар забони немеци баромад кард ва сухани ӯ ба руси тарҷима карда шуд. Маросими мотамирояке аз сардорҳойи ҷамъияти яҳудиёни бухорийи Вена доктор Гавриэл Ғолибов давом дода сухан кард. Дар сухани худ аз ҷумла чунин гуфт:- Мишпоҳойи Гилкоровҳо ва на фақат онҳо, ҳамайи мо яҳудиёни бухорийи Вена аз сардори худ, аз муъаллими худ, аз паҳмкунандайи дину шариъати исроэли байни яҳудиёни бухори ҷудо гаштем. Мулло Мордехай дилу ҷони канесойи мо буданд. Мулло Мордехай падари панҷ фарзанду шавҳари эшет ҳайл апа Ёъел қудомо буданд. Мулло Мордехай фарзандҳойи худро дар роҳи дину шариъати исроэли, бо тарси Худо бо меҳри Тӯро калон кардаанд. Мулло Мордехай чун яҳудийи Худотарсу Тӯродӯст ба ҳамайи яҳудиёни бухори намуна буданд. Афсӯз, сад афсӯз, ки аҷали бе раҳм моёнро аз ҳамтӯр марди садиқу ъонов бармаҳал ҷудо кард. Ҷояшон дар Ган Ъеден бошад, гуфта-мулло Мордехай, агар дар вақти ҳамкориамо аз ман ва аз дигар аъзоёни ҷамъият кӯтоҳие гузашта нохост нотӯғри гап зада бошем, ба ман ва ба моён маҳело кунед гуфта оби чашм кард. Баъд аз нутқи худ доктор Ғолибов ба ребе Яков сухан дод, ки ӯ дар забони ъиври сифатҳойи неки мулло Мордехайро гуфта диврей Тӯро кард.

Сони доктор Ғолибов ба ҷаноби мулло Шаламӯ Устониёзов сухан дод. Ин нотиқи пурдон дар се забон-руси, яҳудиёни бухори ва ъиврит лутфи хуши худро дар хусуси мулло

Дар лавоёйи мулло Мордехай Гилкоров аввал дар Вена, сони дар Эрец Исроэл лаки даҳ лак одамон ҷамъ гаштанд. Баройи бо мулло Мордехай алвидоъ гуфтан мардум аз Австрия, Эрец Исроэлу Америка ҷамъ гаштанд. Хешу табор, ёру дӯстон ба тобути мулло Мордехай дасти худро расонда ё, ки то ба сари қавӯро расида оварданро тобути мулло Мордехайро аз даст ба даст мегузаронданд бо дили сӯзону чашми гирён:-алвидоъ мулло Мордехай, ҷоятон дар Ган Ъеден бошад, шуморо раҳмат кунад мегуфтанд.

Выступает рав бухарско-еврейской общины Вены-Моше Исраилов.

ר' משה ישראלוב, רב קהילת יהודי בוכרה בווינה,
נואם בלוויית מרדכי. וינה, 23 בפברואר, 1995.

Общественность Вены прощается с Мордехаем Гилькаровым.

הציבור הווינאי בלוויית מרדכי גילקרוב. 23 בפברואר, 1995.

Алвидоъ марди садиқ ва ъонов

Шуде вақте, ки ба маросими лавоё ъасоро нафар одам, ё ки аз он зиёдтар мардум ҷамъ мешаванду халос. Ҳато, ки дар маросими ҷасади варо ба қавўро супоридан баройи қадиш гуфтан даҳ мард ёфт намешавад. Ба ҳоли ин тоифа касон - "Чиро, ки кошти варо даравиди", мегўянд. Ъодатон ба маросими лавоё мардумро хабар намекунанд. Одамон бо амри дили худ худро ба он лавоё мерасонанд.

На траурном митинге выступает Миша Абрамов.
מישה אברמוב נואם בלווייתו של מרדכי.

Прощание с Мордехаем Гилькаровым. Вена. 23 февраля 1995 г.
לוויתו של מרדכי גילקרוב. וינה. 23 בפברואר 1995. ד"ר גליבוב נואם ליד הארון

ба ман маҳело кунетон, агар нохост дили шумоенро ранҷонда будам. Бе ъайб фақат Парвардигор мегўянд.

Илоҳи, Ҳақодўш борух-ҳу доимо мададкоратон бошад ва ба ҳамайи шумоён ва ба кулли Исроэл ъамў шеваъ броҳо, аслаҳо, тани сиҳат, хотири ҷамъ амони ва шолўми расонад. Омен, кен яҳи роцўн.

19 тевети соли 5755 либриат ъўлом.
21 декабря соли 1994
Мордехай бен Рафоэл ва Балўриё Гилкоров

басаст: Баройи ин шумоён ҷасади маро ба Ерушолайим баретон ва ба ёни модаратон - маҳбубайи абадийи ман Ёъелтӯв қавӯро кунетон. Чи расму расуми Исроэли ва мо яҳудиёни бухори минҳог гаштааст онро бачо биёретон, руҳам шод мегардад. Агар дар шабҳойи ёдовари ва ҳамчунин дар канесо шумо писаронам ҳам қадишу ҳам тефило хонетон ва навераҳоям ҳам тефило хонанд, руҳам боз ҳам зиёдтар шод мегардад.

Дуюм:

Руҳи модаратон - Ёъелтӯви маро ҳамеша шод кунетон.

Сеюм:

Фарзандонакам, шумоён бояд аз Вена, агар илочаш бошад, зудтар ба Эрец Исроэл кӯчида раветон ва дар он замини қӯдеш зиндагони карда меҳнат кунетон.

Чорум:

Ягон коре ё гапе байни шумоён шуда нагузарад, ки ба дӯстию-бародаригийи шумоён футур расонад. Ҳама вақт абадул абад меҳрубони ҳамдигар гардед.

Панҷум:

Он маъсим тӯвимҳое, ки ман дар вақти зиндагиам ба охир нарасондаам, шумоён бачо биёретон.

Шашум:

Аз касони ҳасадхӯру дилсиёю нотавонбин, аз шахсоне, ки корҳойи неки дигаронро аз номи худ карда ба мардум шарҳ медиҳанд, аз он нокасоне, ки ақли оқилонро дуздида аз номи худ эълон мекунанд, барҳазар бошетон, ки аз ин тавр касон неки намерӯяд.

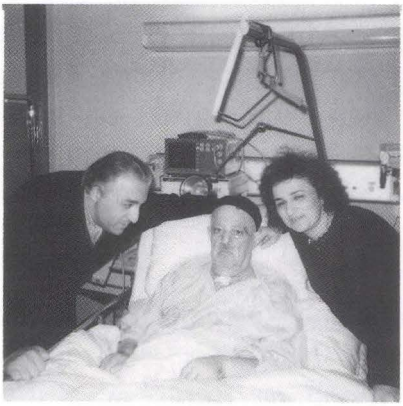
Ҳафтум:

Дасти дарози хайри худро калта накунетон ва чи тавре шоъир гуфтааст:

Чу инъом карди машав худпараст,
Ки ман сарварам, дигарон зердаст.

Хаштум:

Писарони қобилам, келинҳойи нек, духтарони ғахмхӯр, домодҳойи аҳдуд, чиянҳойи дилсӯз, хешу-табор, қудою анда, ёру дӯстони меҳрубон,

Сын Борис и дочь Роза у кровати больного отца.
בנו בוריס ובתו רוזה ליד מרדכי, אביהם החולה. 1995.

ВАСИЯТНОМА

Чуноне, ки падар ҷони худро ба Холиқаш супорид, баъд аз гиряю нола дар асное, ки ҷасади беҷон гаштайи Мулло Мордехай ба ҳевра қадишо супорида шуд, писари нахўстин Борисҷон ба асоси супориши падар додарҳою хоҳарҳоро дар хона ҷамъ намуда бо мазмуни васиятномайи падар ошно кардани шуд. Зеро, ки ҳама маросимҳойи видоъ намудан бояд ба асоси он васият гузаронда шуданаш лозимаст. Фарзандонро аз дил хун ва аз чашм ашк меборид. Дар ҳамин ҳол бо дастҳойи ларзон Борисҷон конвертро кушода васиятномаро гирифт. Дар он васиятнома чунин суханҳо нависта шуда буданд:

Якум:

Ҳашем нотан ли руаҳ ве Ҳашем локаҳ мимени руаҳ. Хоҳиши ман ва дар ин бобат хоҳиши Ҳақодўш борух-ху як баромад. Чоне, яъне нишомое ки аз 70 сол зиёд пештар худованд ба ман амонат дода буд ба вақту соъаташ ман амонатимро ба Худо супоридам. Шумоён беҳуда дар ин бобат мўйканию рўйкани, доду фаръёд накунетон, ки қаҳри Худо мебиёяд. Маро ба ҳесед расонетон баройи ман ҳамин

Агар шумо бо дард ҳамроҳи кунед ман шифокор танҳо мемонаму таслими дарди шумо мешавам ва шумо бемор агарчи амир ҳастед, шифо намеёбед. Шумо бояд ба шифо ёфтан эмуна бандед, яъне ба шифо ефтан бовари кунед. Ба ин гапҳойи Абу али ибн-Сино, амир мутеъ гашта ба шифо ёфтани худ аз таҳи дил эмуна мебандад ва фақат сони дорую-дармони шифокор ба ў шифо мебахшанд. Сад афсўз, ки мулло Мордехай аз дили худ гузаронда буданд, ки дар байни як-ду ҳафта ман бояд ҷони худро ба Холиқам супорам гуфта. Балке ки аз ҳамин сабаб на хизмати калони профессорон, на дорую дармони камёфт на тоз-тозу ғамхўрийи бе ҳаду ҳудуди фарзандон, ки онҳо дар даври беморий падар кору бори худро тарк сохта аз назди он дур намерафтанд, кор надод. Ба рости ҳам рўзи 7 одор, дили Мулло Мордехай аз задан монд. Аммо щифокорон ба зуди чорахойи тиббиро ба кор даровардан ва дили мулло Мордехай боз ба задан даромад. Мулло Мордехай боз як умед доштанд, ки ъавераи якум- наверайи аввалини Борис писарашонро дида сони ҷони худро ба Холиқ супоранд. Мулло Мордехай озмуданд, ки соъаташон буд шуда истодааст ба писари нахўстин Борисҷон фармуданд, ки ба зуди сураташонро кашад. Борис ҳам чунин кард.

Баъд аз 14 рўзи аз нав зинда шудани дили мулло Мордехай, ба палата хабар омада расид, ки духтари Борис наверешон дард ёд кардаст ва ўро баройи таваллуди фарзанд ба ҳамин шифохона овардаанд. Борисҷон аз падар рухсат пурсид, ки як рафта аз духтараш хабар гирад. Мулло Мордехай ин хабарро шунида хурсанд шуданд ва ба Борису хоҳархояш рухсат доданд. Э воҳ! Фарзандҳо аз пеши падар баромаданду, мулло Мордехайро дил акнун тамоман аз задан монд. Аз пеши падар рафтани фарзандҳою ҷон супоридани падарро гўё ки Худо аз рўйи хости мулло Мордехай бачо овард. Магарки ин тавр ба Холиқ ҷони худ супориданро - вафоти хушу зебо мегўянд. Ҳа! Барҳак, чи тавре, ки мулло Мордехай Гилкоров дар ҳаёти худ хушу зебо буданд, вафоташон ҳам хушу зебо гузашт.

Бахўрҷонро дил бехуш шуд. Чаклаҳойи ашк дар рўяш марварид гаштанд. Тоқаташ намонд. Бародарону хоҳаронро ҷеғ зад ва аз ин воқеъа онҳоро хабардор кард. Бародарону хоҳарон кала ба кала ва даст болойи кифти ҳамдигар монда басе гиристанд. Дар саъўдойи ешивойи модар ҳамаашон бар сари дастархон ба атрофи падар нишастанд. Мулло Мордехай ба ешуво худашон раҳбари карданд. Дар борайи раҳмати Ёъелтўв суханҳо гуфта, диврей Тўро карданд. Хуллас ешиво тамом шуд ва падар дар хонайи Борисҷон хоб рафтанд ва фардо ба шифохона рафтанд. Шифокорони номдор, профессорони бузурги Австрия ба нигоҳу-бини мулло Мордехай ҷалб гаштанд. Дарҳол, баъд аз анализҳою рентгену кардиограммаҳо профессорҳо ба консилиум ҷамъ гаштанд. Маълумаст, ки диагнози тўғри ниспи табобат ҳисоб меёбад. Аз ҳамин сабаб баройи диагнози касалийи мулло Мордехайро тўғри аниқ кардан, фарзандҳо кулли ҷораҳоро диданд. Диагноз аниқ шуд. Табобат сар гашт. Мегўянд, ки 1000 сол аз ин пеш вақте, ки баройи табобати амири Бухоро шифокори бузург Авиценна-Абу-али-ибн Синоро таклиф мекунанд, ў ба амир мегўяд, ки мо алҳол се касем. Якаш шумо - бемор, дуюмаш ман шифокор, сеюмаш дард. Агар шумо аз тарафи ман шифокор бошед, дард таъно мемонаду ва ба тези ба ҳардуйи мо таслим мешавад.

ман ба шифохона рафта тансиҳатиамро тўғритар санҷидани ҳастам, гуфта мулло Мордехай аз хона баромаданд.

.Мордехай Гилькаров 1994 г.

.1994 מרדכי גילקרוב.

боз як некие кун. Чонамро ба осони гир. Ъасе ламаъан шмехо. Охир ту Худойи раҳум ва ҳанун ҳасти-ку...

Мулло Мордехай ҳамин суханро гуфтанду, чашмашон ба Бахӯр фарзандашон афтид. Афтиду суханҳойи муноҷотро дар дили худ бо овози паст давом доданд, сони сисситу тефилинро кашиданд, онҳоро бӯса карданд, ба ҷилдаш андохтанду - хӯш, ҳалай намуди, гуфта ба Бахӯрҷон муроҷиъат карданд.

-Падарҷон, маҳело кунед, саҳл дермон шудам гуфта, Бахӯрҷон ришу мӯйлави падарро бӯса кард.

-Имрӯз рӯзи чист, гуфта падар савол карданд. -19-уми тевети соли 5755 либриат ъӯлом. Имшаб ёшивойи соли модарамо мебошад.

- Балле, бӯтам. Акнун Бхӯрҷон, суханҳойи манро гӯш кун, ва лекин ба ман савол ҳам надеҳ, гап ҳам назан. Шукронаҳо ба Бӯре ъӯлом, ки ман аз ҳафтод гузаштам. Ту медони, ки ман дар рӯзи 7 одор таваллуд гаштаам. Он рӯз рӯзи қӯдешаст. Чунки дар он рӯз Мӯше Рабену таваллуд гаштаанд. Ман умед дорам, ки дар он рӯзи 7 одор ҷони худро ба холиқи ъолам супорам. Дар он рӯз Ҳақодӯш Борух-ху ҷони Мӯше Рабенуро қабул кардааст. Агар тефилойи маро ҳашем Йитборах қабул карда бошад бояд ман ҳам 7 одор вафот кунам. Ба Худо ҳазор шукр, ки ман бе доғи фарзанд аз ин ъӯлом меравам. Доғи падару модар ба фарзанд меросаст. Илоҳи акси он нашавад. Ҳеҷ падар ва модар доғи фарзандашро набинад. Аз ин зиёд талхи дар ъолам набувад. Акнун аз ту илтимосам ҳамин, ман ки алҳол бемор гаштаам ҷони маро дар шифохона ба ъазоб монда бисёр дӯхтурбози накунетон. - Падарҷон, чаро бедили карда истодаед, гуфта Бахӯр сухан карда буд, ки мулло Мордехай аз киссайи худ як конверт баровардану - мана ин васиятномайи-ман. Аммо, ин конверт дуруни шкаф назди китобҳоям меистад. Ту, Бахӯрҷон баъд аз вафотам пеш аз ҷасади манро ба қавӯро мондан инро кушода ба бародаронату хоҳарҳоят мехони. Гап тамом! Акнун имшаб ешивойи раҳмати Ёъелтӯвамро мегузаронем ва сони фардо

вафоти хушу зеборо Ҳақодўш борух-ҳу бештарин ба садиқим, ба шахсони худотарсу, баъал садоҳо, раво мебинад.

Падари қаҳрамони ҳамин китоб - мулло Мордехай Гилкоров - мулло Рафоэл Гилкорови соғу саломат, дар айни қурчу қуввати баркамолийи худ фарзандону ҷиянҳо, умуман ъайли байти худро ба назди худ ҷеғ зада мегўяд, ки имрўз ман бояд ҷони худро ба Ҳақодўш борух-ҳу супорам. Чамъомадагон ба ин гапи мулло Рафоэл мутҳайир мешаванд ва яке аз навераҳойи дўстдорашон Миэрҳай Гавриэлов - бобоҷон ҳазил ҳам вақт дорад, ин чи маъне, ки шумо одами соғу саломат ин тавр сухан мекунед, мегўяд. - Не Миэрҳай ҷони бобош, ин гапи аниқаст гуфта, мулло Рафоэл намози ъарвитро хонда истода дар вақти "Шмаъ Исроэл" гуфтан ҷони худро ба соҳибаш - ба Бўре Ъўлом месупорад. Ин тавр вафотро - вафоти хушу зебо мегўянд.

Рўзе фарзанди мулло Рафоэл мулло Мордехай писари нахўстини худ Бахўрҷонро назди худ таклиф мекунад. Бахўрҷон каме ҳаллай карда мебиёяду аз паси дар авози худ ба худ сухан гуфтани падарро шунида ба ўйла мемонад. Аз паси дар мефаҳмад, ки падараш ба Худо муноҷот намуда талабиш мекунад. Ў оҳиста дарро кушода медарояд ва мебинад, ки падар зери сиссит бо тефилин дар сару даст ва рўй ба деворе, ки он ба самти Ерушолайимаст сухан гуфта истодааст. Бахўр, ҳатто оҳиста оҳиста нафас мекашад, ки падар ўро дида кавоноаш вайрон нашавад. Падар ба Худо муноҷот карда чунин сухан мегуфт: -

-Худоё Худовандо, мабодо ман гунохе кардаам, ба ман маҳело кун. Мабодо ман бе ихтиёр яке аз супоришҳойи Тўротену Ҳақдушоро бачо ноаварда бошам гузаройи кун. Мабодо нохост дили бева бечораро озор дода бошам ъузру маъзур дорам. Ман иқрорам ба он, ки ҳоло тамоми маъсим тўвимҳое, ки дар дил дорам, ҳамааш ичро нашудаанд... Балке ҳаминро ба ман гуноҳ дони ман чи гуфта метавонам. Аммо, ман аминам, ки он маъсим тўвими ман сарпур накардаамро фарзандонам бачо мебиёранд... Ба ман фақат

ҳоришӯн сар карда то имрӯзро эҳе, чи миқдор бней одам таваллуд гашту чи миқдори он вафот ёфт. Алвақт аз панҷ миллиард зиёдтари он ҳоло зинда ҳасту халос. Аммо зиндаги дар рӯйи замин давом дорад. Боз касон таваллуд мегарданд, боз дигарон вафот меёбанд... Ин фалсафа аз қадим қадим замонҳо давом дорад. Аммо, алҳол сухан дар хусуси чи тавр вафот ёфтани одамзод меравад. Чун ки Ҳақодӯш Борух-ҳу вафотро ҳам ҳархела сохтааст. Якеро бинед хушу зебо вафот мекунад, дигареро бинед ифлосу расво ҷон медиҳад. Чи тавре, ки аз ин пеш гуфта гузаштем, ки "Одамеро афту симо, ҳам фикру ҳам ақлу ҳӯхмо, либоси тану сару поҳ бояд бувад хушу зебо" вафоти одам ҳам хушу зебо шуданаш лозимаст. Одамзод бояд дар вақти беморийи худ, алалхусус пеш аз ҷон додани худ, зану фарзанд, хешу табор, ёру дӯстро дар ъазоб намонад. "Э вой ба ҳоли ман, ки ман мемурам. Ҳой одамон манро аз марг халос кунетон. Ҷанд пуле, ки равад-равад, аммо манро аз марг нигаҳ доретон", гуфта доду фаръёд накунанд. Бар акс, хандакунон ҷон диҳад, ки аз дарвозайи марг бо осойиши гузарад. Аз Тӯротену ҳақдушо ба мо маълумаст, чи тавр Аҳарӯн Ҳакӯҳен ҷони худро ба Холиқи ъӯлом хушу зебо супоридааст ва Қӯраҳи рошоъро чи тавр замин баҳрӣ худ зиндалай ҳӯрт кашида гирифтааст. Аз ҳамин сабаб байни мардум ъиборае мавҷудаст, ки варо "марги ҷаннатию, марги ҷаҳанами" мегӯянд. Вафоти хушу зеборо-ҷаннати яъне арвоҳи он дарҳол ба Ганъеден рафта мерасад, ва арвоҳи ҷаҳанами хору зор гашта ба геҳеном меравад мегӯянд. Магар, ки вафоти бештарин садиқим ҷаннатиясту, вафоти рошоъим - ҷаҳанами мебошад. Дар "Аҳават Цион" ном китоб, ки онро ба забони яҳудиёни бухори 90 сол аз ин пеш ҳоров Шимъун Ҳохом тарҷима кардааст, вафоти Матан қозие, ки дар даври Ҳизқиёҳу ҳамелех зиндаги мекард тасвири худро ёфтааст. Матан қози аз сабаби корҳойи бади худ пеш аз вафоташ васваса мегардад, ҷони ӯро Ҳақодӯш Боруҳ-ҳу ба осони намегирад, дар охир ӯ ва ъайли байташ дар алангайи оташи ҳавлию хонааш сӯхта вафот мекунанд. Ин тавр вафотро вафоти ифлосу расво мегӯянд. Аммо

Мордехай в день своего 70-летия с фото покойной супруги Яэль.

מרדכי ביום הולדתו השיבעים עם תמונת רעייתו יעל. 1991.

Во дареғ! Ба ҳукми аҷал чора чист?
Ногашта мутеъ ба ҳукми аҷал кист?

ВАФОТИ ХУШУ ЗЕБО

Аз он рӯзе, ки Бӯре Ъӯлом дунё ва дар ин дунё одамизодро офаридааст, ҳаёту мамот, таваллуд ёфтану вафот гаштани ӯро хам сохтааст. Дар давоми ин муддат аз Одом

Мордехай в день годовщины смерти супруги.
מרדכי ביום אזכרת שנה של יעל. 1984.

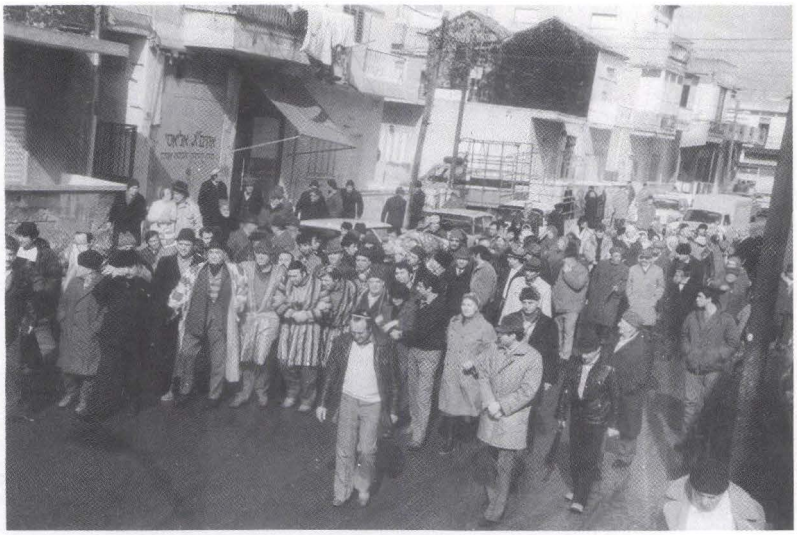
Мордехай со всей семьей на годовщине своей супруги. 1984 г.
מרדכי עם כל משפחתו באזכרת שנה של יעל. 1984.

Мордехай и дети на могиле Яэль Гилькаровой.
מרדכי וילדיו על יד קברה של יעל גילברוב. 1983.

Мордехай с сыновьями на 30 дней-супруги Яэль.
מרדכי ובניו באזכרת שלושים של יעל. 1983.

Проводы в последний путь Яэль Гилькаровой.

לוויית יעל גילקרוב. 1983.

Мордехай и дети несут гроб Яэль Гилькаровой.

מרדכי וילדיו עם ארון גופת יעל. 1983.

Аз бозе, ки соли Ёъелтўв гузашта буд, бисёр занҳойи бева орзую ҳавас доштанд, ки бо мулло Мордехай ҳамхона шаванд. Аммо мулло Мордехай ба ҳамайи он тоифа занон - баъд аз Ёъелтўв-ҳамсари меҳрубонам ба ман зани дигар ҳаром бошад мегуфтанд. Аз ҳамин сабабҳо мо мегўем, ки мулло Мордехай Гилкоров шавҳари вафодор буданд.

Похороны Яэль-супруги Мордехая. Израиль. 1983 г.

הפרידה מיעל גילקרוב. 1983.

Ёъелҷон дар Вена бемори сахт шуд ва варо ба Эрец Исроэл баройи табобат оварданд. Моҳи январи 1983 Ёъел дар Эрец Исроэл хам шифо наёфт ва аз ин ъўлом чашм пўшид.

Мулло Мордехай бо фарзандони худ ҷасади ҳамсари меҳрубони худро дар Ерушолайим дар бет ҳаҳайими Гвиат Шоул ба ҳесед расонданд ва баъд аз маросими видоъ намудан, баъд аз қадишу, ҳашковоро хонда шудан Мулло Мордехай ба қабри ҳамсари меҳрубони худ Ёъелҷон нигоҳ карда чунин гуфтанд: Ё Худоё Худовандо, руҳи поки Ёъелҷонро ба ту супоридам. Худат сипар шав. Сони ба хок нидо карда:

-Хоко, зинҳори зинҳор,
Он ёри вафодори маро накў дор

гуфтанд.

Мулло Мордехай ва фарзандонашон соли раҳмати ҳамсарашон ва модарашонро ба неки гузаронданд. Наки фақат солро, балке ҳар сол, соли ба сол бар сари қабри он эшетҳайил омада, қадишро бачо оварда сони ешиваҳо гузаронда истодаянд.

Мулло Мордехай бошанд, дувоздаҳ соли комил аз соли 1983 то охири ъумри худ, соли 1995 ъумри худро дар беваги гузаронданд. Дар ин давр коре нашуд, ки арвоҳи худо раҳмати Ёъелтўв аз мулло Мордехай ва фарзандҳо норози шуда бошад. Чун, ки арвоҳи Ёъелтўв ба туфайли шавҳари вафодори худ ва фарзандони меҳрубонаш фақат раҳмати мешунавад. Мулло Мордехай ъодатан, ҳар шаб пеш аз хоб рафтан сурати Ёъелхонро назди худ монда китоб мехонданд, ба дафтари худ аз он китобҳо суханҳойи қиматбаҳоро кўчонда менавистанд, худ бо худ он суханҳоро мутолиъа мекарданд, ба муъаллифҳойи он суханони қиматбаҳо офаринҳо изҳор менамуданд, ва симойи хуши Ёъелтўв ҳеч маҳал аз назди чашмашон дур намешуд ва ин шеъри Лоҳутиро такрор-такрор мехонданд:

Чунон месўзам аз ишқат, ки сўзад хона ҳам аз ман,
Аз ин диёр азми сафар кард, ёри ман,
Гурезад аз шарори синаам парвона ҳам аз ман,
Бе ёр вой бар ману, ба рўзғори ман.

Сони мисво саъўдойи калон ташкил гардид. Ҳама ба симҳойи Мордехаю Ёъел шароб нўшиданд ва ба Бхўр нахўстини онҳо бахту саъодатро аз даргоҳи ҳашем йитборах биталабиданд. Таваллуди ин писар меҳру муҳаббати Мордехаю Ёъелро рўз ба рўз барафзоид. Мордехай кори муъаллимиро, ки акнун маъоши он хароҷоти хонаводиро намебардошгт, партофту ба кори раҳбарийи савдо гузашт. Дар айни замон дар газетайи Тоҷикистони Совети корреспондент шуда хизмат кард. Поҳу қадами ин писар-Бахўрҷон ба кори Мордехай шеваъ брохо овард. Якаш дах шуд. Дар муддати кўтоҳ сохиби хонаю ҳавли гашт. Ёъелҷон пушт ба пушт боз ду писару боз ду духтар таваллуд намуд. Ба писарҳо Мўше, ва Уриэл, ба духтарҳо Некқадам ва Ривқо номҳо дода шуд. Хулласи калом Мордехаю Ёъел соҳиби ъойилайи калон-се писару ду духтар гаштанд ва зиндагиро бареваҳ мегузаронданд.

Аммо, магарки хоҳиши Ҳақодўш борух-ҳу акнун чунин шуд, ки яҳудиён тезтар аз голут баромада ба Эрец Исроэл кўчида раванду геуло ёбанд. Аз ҳамин сабаб аз солҳойи 1970-71 сар шуда яҳудиёни рўйи ҷаҳон, алалхусус яҳудиёни бухорийи Ўзбекистону Тоҷикистон гура-гура аз баҳри хонаю ҳавлиҳойи данғиллама, автомашинаҳойи Волгаю Жигули, корҳойи раҳбари, обрўю иззат баромада ба Эрец Исроэл кўчида омаданд. Аз ин ҷумла мулло Мордехай Гилкоров ҳам дар соли 1973 ба Эрец Исроэл бо тамоми мишпоҳойи худ кўчида омаданд. Чи тавре, ки мо ба шумо, хонандайи ъазиз, аз ин пеш гуфта гузашта будем, дар Эрец Исроэл кору-бори фарзандонашон бароре наёфт ва онҳо баъд аз як чанд вақт ба Австрия кўчида рафта буданд. Мулло Мордехай ҳам фироқи фарзандонро тоқат наоварда ба Австрия рафтанд ва дар Австрия ҳам бо Ёъелҷони худ он дўстию муҳаббатро давом дода зиндагонийи бареваҳ мегузаронданд.

Аммо, во дареғ! Магарки ъумри Ёъелҷон кўтоҳ будаст, ки мулло Мордехай аз он ёру маҳбубаашон дар соли 1983 бенасиб шуданд.

Яэль с 3-мя сыновьями. 1953 г.

יעל עם שלושת בנייה. 1953.

Мордехай и Яэль с дочерьми и зятьями в день брит-мила внука Имануэла. 1981г. Израиль.

מרדכי ויעל עם בנותיהם וחתניהם ביום ברית-מילת נכדם עמנואל.

гузарад. Шуде вақте, ки - магар ўро дилаш анори туруш металабад гуфта, ба фасли сол ба даври замистон нигоҳ накарда Мордехай он анорро муҳаё мекард. Агар Ёъелро шаби озод хоб тарки чашмонаш мекард ва ў ба оҳу-воҳ шабро саҳар мекард, донед, ки Мордехай ҳам ба гирди Ёъел парвона мегашту баройи ин дарди ўро сабук намудан чораҳо медид, тефило мехонд гаҳе ба маҳбубааш мос шеърҳойи шоъироне ки варо Ёъел дўст медошт, хонда медод. Алқиса он даври гудоишийи саҳт гузашта рафту Ёъелхон ба шавҳари меҳрубонаш тўра писаре таваллуд бинамуд. Шодию хурсандийи Мордехаю Ёъелро ҳаду-ҳудуд набуд...

Дар рўзи ҳаштуми таваллуди писар - дар рўзи брит милло Мордехай брохойи "Брухим атем"-ро бачо овард, сандоқи писарро ба боҷешон (чияни шоъир Муҳиб) мулло Ишай Гавриэлов доданд ва ба писар Бхўр ном дода шуд.

Свояк Мордехая-Ишай Гавриэлов.
ישי גבריאלוב,גיסו של מרדכי.

Сестра Яэль-Ксио-супруга Ишая.
קציעה אחות יעל, רעייתו של ישי.

Яэль 1962 г.
יעל. 1962.

Мордехай. 1962 г.
מרדכי. 1962.

Эфраими Аълою Ҳевси Кулангиеваро дида маъфи ҷамол гашт... Хулас тӯи ҳам сар шуд...

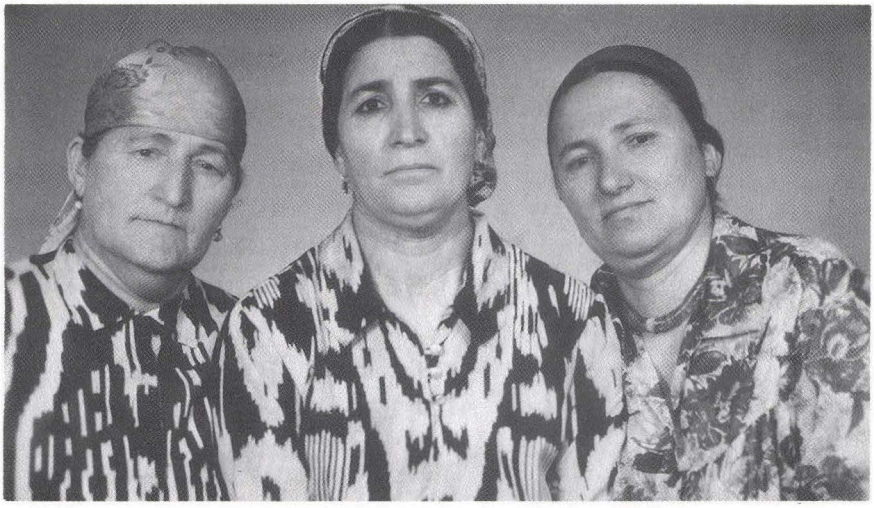
Сухани аввалини Мордехай ба бахшидааш Ёъелҷон, дар ҳӯҷрайи ъарӯси, чунин шудааст:

Еъелҷон, фақат ту ба ман ҳамсари,
Ба ту бахшидам ман дили шавҳари,
Ғайр аз ту ҳаром бар ман ҷононае,
Бо ту маро тану-ҷон ҳамхонае.

Ҳа, мулло Мордехай ин суханро, на аз нӯги забон, балке аз таҳи дилу ҷон, дар шаби мурод, ба маъшуқайи худ Ёъелҷон изҳор намуда буд ва дар давоми 38 соли бо он ҳамхона шудани худ, дар ъамал исбот кардааст. Агар касе ба Ёъелҷон гапи сахту зор менамуд он касро ба нокаси ъайбдор бикарда танбеҳ мебизад. Чи тавре шоъир гуфта асту ва ҳалқ такрор мекунад:

"Дилро ба дил раҳест дар ин гумбази сипеҳр,
Аз рӯйи кина - кинаю, аз рӯйи меҳр-меҳр".

Ёъелҷон ҳам Мордехайро аз ҷони худ зиёдтар дӯст медошту, чу гавҳараки чашми худ варо эҳтиёт мекард. Ҳамеша ғамбуру ғамгузор, меҳрубону ғамхӯри асил шуда, чу ду кабутари шайдойи Мордехаю Ёъел дар ҳаваси ҳамдигар буданд. Хоҳ дар сари дастарҳон, хоҳ дар дигар вазъияти зиндагони шумо-шумойи онҳо ба ту ту нагузаштааст. Дар муддати кӯтоҳ - 3-4 моҳи бо ҳамдигар шавҳару ҳамсар гаштани худ, ҳолекай Ёъелҷони Мордехай кулли феълу-фазилатҳойи шавҳарашро чунон аз худ карда буд, ки ҳочати Мордехайро - ҳой Ёъел гуфтан намешуд. Ногуфта тайёр гуфтагиҳо борин Ёъел кулли нози Мордехайро пешаки дида бачо меовард. Дар моҳи сеюми шавҳарию ҳамсари Ёъелро аз ҳолаташ гузашту, ҳомиладор шуд ва ба ӯ гудойишийи сахт рӯй дод. Гарчанде ъазоби гудойиши худро Ёъел изҳор намекард, аммо Мордехайи зийрак варо озмоиш мекард ва чораҳо медид, ки он даври гудоишийи Ёъелҷонаш бо осони

Яэль со своими сёстрами-Зулай и Ксио.

יעל עם אחיותיה זולאי וקציעה. 1966.

Чи тавре, ки мегӯянд, "ду дил бигардад як дил, мурод гардад ҳосил". Ана ҳамин маҳбуба ба Мордехайи ҷавон Ёъел бигашт. Ба Ёъел ҳамхона шудани Мордехай чунин ташкил гаштааст. Рӯзе Тӯво апайи меҳрубони ӯ, пайт ёфта ба Мордехай чунин сӯҳбате ороид:

- Ҷони апеш Мордехайҷони ъазиз. Як бошад солат 24-и комил шуд. Ҷанги тӯфон ҳам бо ғалабайи мо тамом гашт. Ба ин дили зери ғам гаштайи ту фақат ҳамсари меҳрубон малҳами ҷон шуда метавонад. Ҳамсари ширину дилбар роҳати ҷони шавҳараст. Ӯ ғамбураст, дилкушояст, оромиҷонаст, ба шавҳар бахт ъатокунонаст. Агар бар гапи ман рози шави ман ва Рафоэл язанет худамо сардор мешавем ва туро соҳиби хонумон мекунем. Дар институт хонданатро ҳам давом медиҳи ва ҳам ба ёри нозанин ҳамхона мешави. Раҳмат кунад Рафоэл падараморо, пеш аз вафоти худ васият карда буданд, ки Мордехай бояд ба худ ҳамсарро аз авлодҳойи худамо, аз Самарқанд гирад. Чони апа, рози шав, ман худи пагаҳ кори хайрро пеш мегирам, гуфта апа Тувиё додари меҳрубону ъазизи худро бӯса карданд... Мордехай рози шуд ва ба Самарқанд омад. Мордехай Ёъел ном бокира духтари 17 солайи мулло

ҷанг бо чашми худ дида он рӯзҳойи сияҳро пуштисар кардаяст. Аз ҳамин сабаб мисраъҳойи шеъри Лохути:

"Зи доғи марги ёрони азиз,
Дойим дидайи ман ашкрезаст"

гӯё, ки ба ҳақи мулло Мордехай нависта шуда бошад. Ин тавр одамро дил нозукаст. Дили ин тоифа шахс нидо мекунад, тараннум меафзояд, пинҳона доду фиғон мекашад, аммо зоҳиран табассум мекунад ва кофту ков карда ба худ маҳбубае металабад, ки ба он худро супорад.

Мордехай и Яэль со своими 5-ю детьми. 1959 г.

מרדכי ויעל עם חמשת ילדיהם.1959.

Яэль 1952 г.

.1952 יעל

Мордехай 1952 г.

.1952 מרדכי

Вале маро пайкарам сузон зи ишқ аст,
Дилам, ҷонам, сарам сӯзон зи ишқ аст,
Зи доғи марги ёрони азиз аст,
Ки дойим дидайи ман ашкрез аст.
Чу мирад ошики ман дар бари ман,
Зи ҳайрат дуд хезад аз сари ман.

Лохути

Шавҳари вафодор

Ин шеърро Лоҳутий гӯёки дафтари дили мулло Мордехайро хонда нависта бошад. Аз ҳамин сабаб, мо муъаллифон лойиқ дидем, ки ин шеърро чу эпиграф ба ҳамин боби ШАВҲАРИ ВАФОДОР кор фармоем.

Зеро, ки дар давоми ҳаёти худ, алалхусус дар даври муҷарадийи худ Мордехай вафоти падару модар Йӯсеф-Сиви акааш як чанд апаҳо ва ёру дӯстонро дар майдони

тоҷикаш, ки ӯ аз Самарқанд буд, аз зарби ӯқи душман ғалтида мурд. Мордехай бо раҳбарҳойи қисмаш ҷасади рафиқашро ба хок супориду, онҷоро зери чашм кард. Баъд аз оне, ки ҷанг тамом шуд Мордехай ба Самарқанд омада хешу таборҳойи ҷӯрайи вафот кардаашро меёбад ва бо яки онҳо ба ҳамон ҷое, ки дӯсташро ба хок супорида буд, меравад он ҷойро меёбад ва устуғонҳойи онро ба ҳамроҳи хешу таборҳояш аз он хок гирифта ба Самарқанд оварда қавӯро мекунад, ки ин кори мисвояст мегӯяд. Во дареғ, баъд аз як ҳафтайи вафоти дӯсти тоҷикаш, Мордехай ярадор мешавад ва ӯ баъд аз табобати госпиталь чун инвалид ба хонааш, ба Душанбе, ба хонаводайи Тӯво апайи дӯстораш мебиёяд.

Ба Душанбе омадан баъд, пас аз каме вақт ба он институте, ки дар онҷо таълим мегирифт, бозгашт мешавад ва таълим гирифтанро давом медиҳад. Дар айни вақт, Мордехай дар мактаб муъаллим шуда кор мекунад. Дар соли 1945, баъд аз тамом шудани ҷанг ба Самарқанд омада Мордехай Ёъел ном духтари 17 солайи хешовандайи модараш мулло Эфраим Аълоеву ҳамсари ӯ Ҳевси Кулангиеваро ба зани мегирад. Баъд аз тӯй Мордехай акнун ба Душанбе бо Ёъел бозгашт мешавад. Дар институт таълим гирифтану муъаллим шуда хизмат карданро давом медиҳад. Доценти институт, нависанда мулло Гавриэл Самандаров Мордехайро дӯст медорад ва ба ӯ бештарин вақт меҳрубони ва дастгири мекунад. Сонитар Мордехай,-ман шогирди Гавриэл Самандаров мебошам гуфта фахр мекард. Ғайра, бо шоъери забардасти тоҷикон Боқи Раҳимзода яқҷо таълим мегирад ва байни онҳо дӯсти мустаҳкам мегардад.

январи соли 1943 якҷо мебошад. Бо онҳо якҷо Авнер Хӯҷаев ҳам хизмат мекунад. Дар инҷо дар давоми се моҳ ба онҳо аз корҳойи ҳарбий таълимот медиҳанд. Дар ин муддат бо раҳбарийи Рафоэл Толмасов дар он қисми ҳарбий ансамбли мусиқавию рақс ташкил мегардад. Михоэл Аронбаев балетмейстр, Мордехай ва Авнер Хӯҷаев дар он ансамбль дойра менавозанд. Он ансамбль ба солдатҳойи девизияйи шашуми десанти ҳавойи хизмат мекунад.

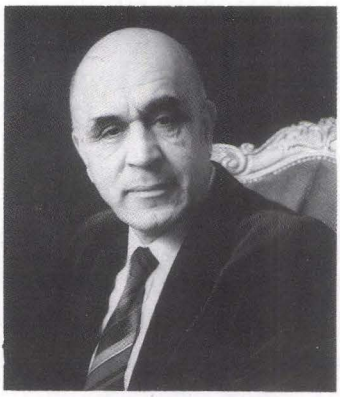
Дар ин давр онҳо рӯзе қариб 15-16 соъат ҳам мехонданд ва ҳам ба ансамбль хизмат мекарданд. Дар давоми ин муддат Мордехай ягон бор интизоми ҳарбийро вайрон намекунад ва назди роҳбарони қисм соҳиби обрӯ мегардад. Аммо, онҳоро дар моҳи январи соли 1943 ба фронти Шимоли Ғарби, ки он дар останаҳойи Ленинград буд, мефиристонанд ва Рафоэлу Мордехай аз ҳамдигари ба майдони ҷангҳо ҷудо ҷудо фиристонда мешаванд. Дар қисми нави ҳарбий, дар майдони ҷангу ҷадале, ки агар варо одам дар хобаш медид, доду чирас кашида бедор мешуд, Мордехай милтиқ дар дасту гранатаҳо дар миён, далерона ҷанг мекард. Ҳар дафъае ки ба сӯйи душман ӯқ мепаронд ё, ки граната мефиристонд, даставвал номи худоро ба ёд оварда ба Шем Шадай мегуфт. Мордехай аз баске, худро ба Худо наздик мегирифт дар таҳи дилаш бештарин вақт дину шариъатро бачо меовард. Шуде вақте, ки "Шмаъ Исроэл" нагуфта худро ба хоб намесупорид. Ҳатто, ки телимчайи майдекакро, ки пеш аз ба ҷанг рафтан Тӯво апааш ба ӯ дода буд, Мордехай дар киссайи пеши синааш нигоҳ медошт ва вақту соъаташро ёфта посуққойи телимро мехонд. Дар майдони ҷанг ҳам, дар вақти сӯҳбат бо ҷангчиён ҳам номи Худо аз даъони ӯ канда намешуд. Мордехай, ки таърихи исроэлиро ҷудо ҳам нағз медонисту ҷӯраҳойи ӯзбеку, тоҷикаш, аз ин дониши ӯ хабардор буданд, онҳо дар дамҳойи хомӯшийи ӯқу, снаряд аз ӯ илтимос мекарданд, ки таъриху корҳойи Мусо алайк саломро ба онҳо мушарраҳ намуда ҳикоя кунад. Мордехай бо ҷону дил илтимосҳойи онҳоро бачо меовард ва дӯстиро тараннум мекард. Рӯзе дар майдони ҷанг яке аз ҷӯраҳойи

шаби шаббот ва ҳам рӯзи шаббот яқчо ҷамъ шуда саъӯдо карданд. Дар саъӯдо Мордехай ва ду се нафар аз ҷамъомадагон эспет карда сифатҳойи неки падару модари Мордехай мулo Рафоэлу биби Балӯриёро гуфта раҳмати доданд. Пагеш рӯзи якшаббот Мордехай бо 10-15 хешу тавору дӯст ба қабристон омада бар сари қавӯройи падар алоҳида ва ба сари қавӯройи модар алоҳида қадиш гуфт ва сони рӯй ба ҷониби Душанбе кард.

Ҳуллас, 5 сентябрь ҳам омада расид. Мордехай бо ҷизу анҷоми худ дар тахти пушт ба военкомат омад. Байни ҷавонони ба фронт ҷеғзада шудагон ӯ дӯстони қарини худ артисти номдор Рафоэл Толмасов Миҳоэл Аронбаев ва Авнер Ҳӯҷаев-ҳоро дид. Аз ин гуна вохӯри дилаш кӯҳ гашт.

Онҳоро ба саф рост намуда яке аз сардорони военкомат аз рӯйхат гузаронду рах бо вохзал кунонд.

Дар вокзал лаки даҳ лак ёру дӯстҳо, хешу таборҳо баройи бо онҳо хайр-хӯши карда роҳи сафед изҳор намудан омада буданд.

Рафаэл Толмасов
רפאל טולמסוב

Авнер Ходжаев
אבנר חוגייב

Ҳамайи онҳоро ба вагонҳойи сурх савор намуданд паровоз ҳуштак кашиду состави вагонҳо ба раҳ даромад... Баъд аз чанд вақт, чи тавре, ки ба моён артисти халқи Рафоэл Толмасов ҳикоя кард, онҳоро ба шаҳри Ногилск, ки он дар яке аз останаҳойи Москва ҷойгираст, оварда мефароранд. Дар Ногилск Рафоэл бо Мордухай то моҳи

ба соҳиби ъилм шудан, бо маълумотҳойи ҳар соҳайи фан ва адабиёт таффакури худро бой намудан кӯшиш мекард ва аз ҳамин сабаб китоб аз дасти ӯ дур намегашт. Гаҳе то ниспҳойи шаб китоб хонда мебаромад. Сони ӯ соҳиби як фазилати нек буд. Ҳамеша бо касони аз худ 10-15 сол калон ҳамсӯҳбату ҳамроҳ мегашт. Аз онҳо ақл "медуздид." Ҳар рӯзи шаббот ба канесо рафта дароши ҳоровҳоро бо шавқ гӯш мекард. Сухани қимматбаҳойи онҳоро шунида дарҳол ба дафтарчааш менавист. Дар вақти дар Самарқанд зистанаш, ӯ бисёр вақтҳо бо мӯло Мӯше Пилосов, ки он шахси Тӯрохону талмид ҳохом ҳамсояшон буд, бо мулло Абойи ҳоров, мулло Рафоэл Алишоев, Ҳанан Абрамов, Нисим Гавриэлов, Бенсион Мусоев, ки сони Мордехай бо ӯ дар редакцияйи газета кор кардааст ҳамсуҳбат мешуд. Бе сабаб ҳам Мордехай мактаби миёнаро бо медали тиллойи тамом накардааст-да! Баъзе бокира духтарҳо мегӯянд, ки

Ман ёре кунам, ки ёри ёрон бошад,
Миёни маърака оё намоён бошад.

Ба ҳусну ҷамол, ба ақлу фаҳм, ба рафтору гуфтори Мордехай як чанд бокира духтарон маъшуқайи беқарор мегаштанд, аммо дар вақти бо ӯ рӯ ба рӯ шудан забонашон лол мегашт ва сухане гуфта наметавонистанд.

Мегӯянд, ки

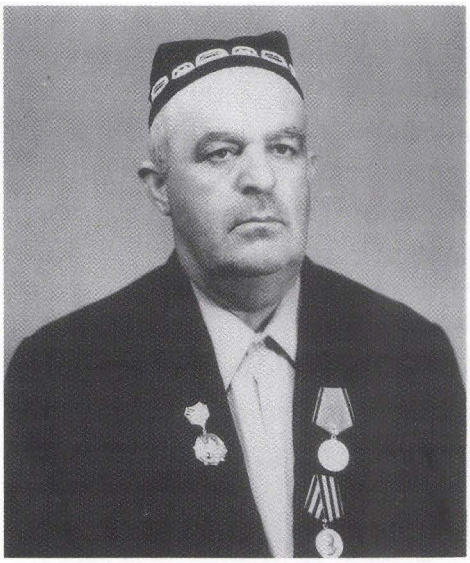
Рӯ ба рӯ бигашта аз забон монди,
Ошиқро бар касе раво нахонди,
Бӯсаҳо надоди бо ихтиёри,
Аниқаст ту зи ошиқони зори.

Мордехай Гилкоров дили он маъшуқа духтаронро нозеъ намуда, 1 сентябрь, ки он шаби ҷумъа буд ба Самарқанд роҳ гирифт. Дар шаби шаббот, яъне 2 сентябрь ва рӯзи шаббот яъне 3 сентябрь ба канесойи "гумбаз" рафт. Дар онҷо ба арвоҳи падар алоҳида ва ба арвоҳи модар алоҳида тефило хонд, қадиш гуфт, брохойи машлими Сефартӯроро хонд. Сони бо ёру дӯстон ва хешу тавор ҳам

Аз як миллион зиёд, аз ин ҷумла 500 ҳазор аскар -яҳудиён дар сафи армияйи Совети ва боқияш дар сафи аскарони рӯйи ҷаҳон бо душман ҷангу ҷадал намуда ҷасорату қаҳрамонийи худро намоиш карданд. Ғалабае, ки дар ҷанги ҷаҳонийи дуюм ба даст дароварда шуд, он баройи аз нав барпо ёфтани давлати Исроэл қуввайи асоси шуда ҳаст.

Исҳоқ Рабин.
Мнуҳотӯ ба Ган Ъеден Премьер-министр
(Рӯш мимшала) ва вазири мӯдофаайи Исроэл.

Дар ҷанги ҷаҳони

1 сентябри соли 1942 ба дасти Мордехай Гилкоров повесткайи военкомат, ки у бояд 5 сентябри соли 1942 с вещами, яъне бо чизҳойи даркориаш ба соъатҳойи 9-йи пагоҳи ба военкомат расида омаданаш супорида шуд. Мордехайро аз ин воқеъа дилаш чирсе ҳам накард. Зеро ӯ медонист, ки имрӯз не пагоҳ, пагоҳ не фардо навбат ба ӯ ҳам мебиёяд-да. Охир акайи он Йӯсеф-Сви-Мича, бо хоҳиши худ ҳолекай дар сафи ҷангчиёни бисёр ҷанг намуда истодаст-ку. Ӯ ҷудо нағз медонист ва воқиф буд, ки дар қатори фарзандони ҳар миллат дӯсту бародарони ӯ яҳудиёни бухори ҳам ба ҷанг рафтаанд ва рафта истодаанд. Ба ӯ маълум буд, ки аз баъзе мишпаҳо 5-6 фарзандҳойи яҳудиёни бухори ба ҷанг сафарбар гаштаанд ва онҳо дар ин ҷанги оташсӯзон далерона хизмат намуда истодаанд. Дили ӯро фақат як масала нозеҳ мекард. Ӯ ки студенти институт буд, ба мақсади институтро тамом кардан мерасида бошам-ми, гуфта пичча ғамгин мешуд. Аммо ин нозеҳийи худро ҳеҷ вақт, ошкор намекард. Мордехай ҳоло аз соли кӯдакийи худ

Ривқо Гилкорова - Муллоқандова

Ривқо 20 июли соли 1957 дар Душанбе таваллуд ёфтааст. Аз соли 1964 сар карда дар мактаби миёнайи руси таълим гирифт. Сони дар курсҳойи дарздӯзи таълим гирифта устоди (мастери) либосҳойи занҳо мешавад. Дар соли 1973 бо мишпоҳойи падару - модар ба Эрец Исроэл кӯчида мебиёяд. Дар Исроэл соли 1975 училищейи тиббиро тамом карда, дар шифохонайи Белинсони шаҳри Птаҳ Тиқва ҳамшира (медсестра) шуда хизмат мекунад. Дар соли 1978 бо Йӯнотон Муллоқандов ҳамхона мешавад. Аз соли 1978 то соли 1995-ро дар Вена зиндагони карда бо шавҳараш дар магазин хизмат мекунад. Ривқою Йӯнотон соҳиби се фарзанд - Ъимонуэл (15 сола) Ёъел (12 сола) ва Ярон (4 сола) мебошанд. Дар асоси васияти падар Ривқо бо мишпоҳойи худ дар соли 1995 ба Эрец Исроэл бозгашт мешавад ва алҳол дар шаҳри Холон истиқомат мекунад.

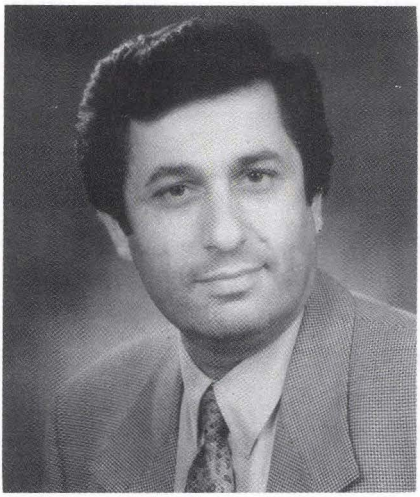
Мо муъалифон бо маълумотҳойи саҳеху даркори ошно шуда ба мулло Гавриэл ва ҳамсарашон гверет Берта миннатдори изҳор намудем ва хайр-хӯш намуда аз онҷо рафтем.

Некқадам Гилкорова -Пинҳосова

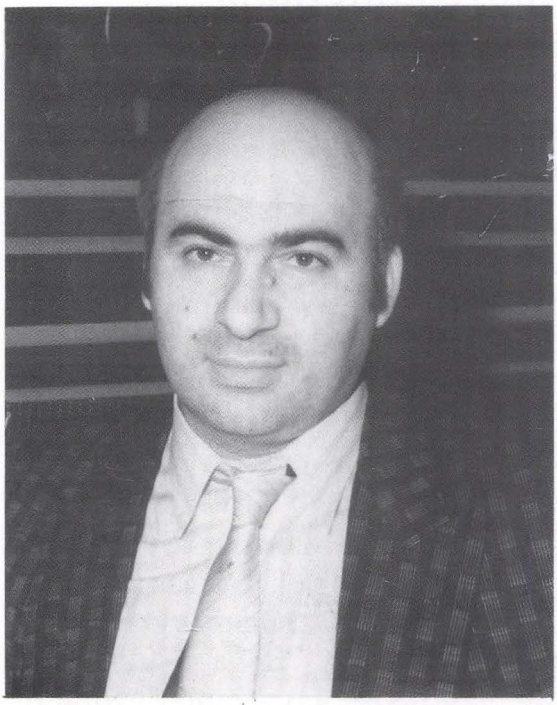
Некқадам дар соли 1954 дар Душанбе таваллуд ёфтааст. Ӯ 8 синфи мактабро дар забони руси тамом мекунад ва дар соли 1969 омӯзгори училищейи тибби мешавад. Дар соли 1972 училищеро тамом мекунад ва дар соли 1973 ба Амнун Пинҳосов ҳамсар мегардад. Некқадам бо шавҳар ва падару модар ва тамоми мишпаҳо дар соли 1973 ба Эрец Исроэл кӯчида мебиёяд. Дар инҷо ӯ 10 сол аз соли 1973 то соли 1983-ро ҳамшира (медсестра) шуда хизмат мекунад. Дар соли 1983 ӯ бо шавҳараш Амнун ва се фарзандаш - Натан, Илана ва Даниэл ба Австрия кӯчида меравад ва алҳол дар Вена зиндагони мекунад.

Уриэл (Юрий) Гилкоров

Уриэл соли 1952 дар Душанбе таваллуд ёфтааст. Соли 1970 ӯ мактаби миёнаро дар забони руси тамом мекунад. Баъд аз мактабро тамом намудан ӯ дар соҳайи савдо хизмат мекунад. Дар соли 1973 бо падару модар ва тамоми мишпаҳо ба Эрец Исроэл кӯчида мебиёяд. Дар соли 1974 Уриэл ба Вена кӯчида меравад ва дар соҳайи савдо хизмат мекунад. Дар соли 1976 ӯ бо Роза Ғолибова ҳамхона мегардад. Алвақт Уриэл ва Роза соҳиби се фарзанд - як духтар - Юдит ду писар - Рафоэлу Бенёмин мебошанд ва дар Вена зиндагони мекунанд. Уриэл чун арбоби ҷамоъати яҳудиёни бухорийи Вена бо падари худ Мордехай ва падаръарӯси худ Гавриэл Ғолибов фаъолона хизмат намуда соҳиби обрӯю ъиззати калон гаштааст. Алвақт ӯ давомдиҳандайи корҳойи неки падараш дар Австрия мебошад.

Мӯше Гилкоров

Мӯше соли 1949 дар Душанбе таваллуд гаштааст. Ӯ соли 1964 ҳашт синфи мактаби миёнайи русиро тамом карда ба училищейи бадеъи қабул мегардад ва онро дар соли 1968 тамом карда муссавир (художник) мешавад.

Чун муссавир даставвал дар фонди бадеийи (худфонд) Тоҷикистон хизматро сар карда, сони дар театри операю балети Душанбе давом медиҳад ва дар охир дар ВДНХйи Тоҷикистон хизмат мекунад. Ӯ дар соли 1973 бо ъайлу байти падару модар ва ҳамсари худ Мая ба Эрец Исроэл кӯчида мебиёяд. Дар Исроэл ӯ соҳиби фарзанди нахӯстин мешавад ва чун муссавир хизмат мекунад. Аммо акаю додари ӯ - Борису Уриэл ӯро ба Вена таклиф мекунанд ва ӯ дар соли 1975 бо ҳамсару фарзанди худ ба Вена кӯчида меравад ва бо бородарони худ дар соҳайи савдо хизмат мекунад. Дар соли 1993 Мӯше бо ъойилайи худ ба Эрец Исроэл бозгашт мешавад ва муссавири мекунад. Алвақт Мӯшею Мая соҳиби ду фарзанд-Довиду Ҳано мебошанд. Довид дар университети Бар Илан дар соҳайи иудаизм таълим гирифта истодааст.

Бахўр Гилкоров

Бхўр дар соли 1946 дар шаҳри Душанбе таваллуд гаштааст. Соли 1965 мактаби миёнайи русиро тамом карда дар ҳамон сол студенти Университети Душанбе мегардад. Дар соли 1969 бо Соро- духтари Пинҳос Ёдгоров, наверайи мулло Мушейи Катта ҳамхона мешавад. Соли 1970 шўъбайи молшиносийи факултети иқтисодийи университетро тамом мекунад ва аз соли 1970 то соли 1973 дар соҳайи корҳойи савдо раҳбар гашта хизмат мекунад. Соли 1973 бо мишпоҳойи худ-падару модар, додарҳою хоҳарҳо ҳамсару фарзанд аз Душанбе ба Эрец Исроэл кўчида мебиёяд. Дар Эрец Исроэл қуллайи корро аз табъи дили худ намеёбад ва бо зану бача ба Вена кўчида меравад. Дар Вена аз рўйи ихтисоси худ дар соҳайи савдо хизмат мекунад. Аз соли 1990 сар карда дар соҳайи бизнес-ба экспорту импорти молҳо машғул мешавад.

Соли 1995 баъд аз вафоти падар Борис Гилкоров бо ҳамсараш Соро ва фарзандҳойи худ Стелла, Изобелла ва Эфраим ба Эрец Исроэл бозгашт мешавад. Дар Эрец, ў даставвал васияти падар, ки он дар хусуси фарзандҳоро ба забони ъиври ёд додан буд, бачо оварда истодааст.

Ёъел Аьлоева - Гилкорова

Ёъел Аълоева - Гилкорова соли 1928 дар Самарқанд таваллуд гаштааст. Дар соли 1945 баъд аз 7 синфи мактаб курси савдоро тамом мекунад, ба Мордехай Гилкоров ҳамхона мешавад ва соҳиби панҷ фарзанд: се писар-Бхўр (Борис), Мўше, Уриэл (Юрий) ва ду духтар- Неққадам ва Ривқо (Роза) мегардад. Соли 1973 бо ъайли байти худ ба Эрец Исроэл кўчида мебиёяд. Соли 1976 бо шавҳари худ ба Австрия ба назди фарзандҳойи худ кўчида меравад.

Дар Австрия Ёъел соли 1982 ба касалийи сахт гирифтор мешавад. Ўро ба Исроэл баройи табобат мебиёранд, аммо шифо намеёбад. Соли 1983 Ёъел мнуҳо меёбад ва қвуройи ў дар бетҳаҳайими Ерушолайим ҷойгир шудааст.

Яэль и Мордехай с детьми. Вена. 1976 г.

יעל עם מרדכי וילדיהם. 1976. וינה.

Мордехай Гилкоров

Мордехай Гилкоров дар соли 1921 дар Самарқанд таваллуд шудааст. Соли 1939 мактаби миёнаро тамом карда ба Душанбе мебиёяд ва дар институти педагоги омӯзгор мегардад. Соли 1942 ӯ ба кори ҳарбий сафарбар мегардад ва соли 1943 ярадор гашта аз ҷанг ба Душанбе бозгашт мешавад, таълими худро дар институт давом медиҳад ва дар айни заман ҳам муъаллими мактаб, ҳам мухбири газетайи "Тоҷикистони Совети" шуда хизмат мекунад. Соли 1945 бо Ёъел Аълоева ҳамхона мешавад ва аз кори муъаллими ба кори савдо мегузарад. Соли 1973 ӯ бо ҳамсараш Ёъел ва панҷ фарзандаш ба Исроэл кӯчида мебиёяд. Соли 1976 Мордехай Гилкоров бо ҳамсараш ба Австрия ба назди фарзандони худ кӯчида меравад. Дар Австрия ӯ бисёр корҳойи ъомавиро баҷо мебиёрад. Дар соли 1995 моҳи февраль дар синни 74 солаги Мордехай Гилкоров мнуҳо меёбад. Қавӯройи он дар Бетҳаҳайими Ерушолайим ҷойгираст.

ғалат намекард. Қанин акнун кулли баъл ҳабайтҳойи хонаводаю корҳонаю магазинҳо чун мулло Мордехай мешуданд. Магар ки Мӯшияҳи мо тезтар меомаданд, гуфта мулло Гавриэл сухани худро ба охир расонданд. Ҳамайи моён, омен, кен яҳи росӯн гуфтем.

Акнун рухсат диҳед, ман шумоёнро бо тарҷимайи ҳоли мухтасари Мордехай тағоиам, Ёъел тӯтиям ва фарзандҳояшон ошно кунам, гуфта мулло Гавриэл илова карданд.

Мордехай и Яэль с детьми и внуками. Вена.1982 г.

מרדכי ויעל עם ילדיהם ונכדיהם. 1 9 8 2 . וינה.

қарзатро диҳи ман ба ту маслиҳати хуб медиҳам, ки қарзат дар кисаат монад. Ишмоъел ба ниспи қарзашро додан рози мешавад. Онгаҳ рафиқаш чунин гуфта будаст - Мабодо худи он қарз додаги ба хонаат омада қарзашро талаб кунад, ту худро ба девонаги зан. Он рафиқат, ки пичча содаги дорад ба девона шудагет бовар мекунад ва аз баҳри талаби қарзат даст мекашад ва ба ту он пули ман додаги садоқо шавад гуфта баромада меравад. Ин гап ба Ишмоъел маъқул мешаваду чунин ҳам мекунад. Он шахси пул қарз додаги баъд аз ду сол ба хонайи Ишмоъел шолӯм ъалехем гуфта омадаст. Дар ҳақиқат Ишмоъел онро дидан замоно худро ба девонаги мезанад. Ҳи.. ҳи.. хи.. - ҳа..ҳа-ха.. ана алвасти, ана чӯрғоси гуфта аз деворҳойи хонааш гӯё шедимону мизиқимро ҳай мекунад, гаҳе қаҳ-қаҳи ханда мекунад, гаҳе ъуласи гирёнро мебардорад. Гаҳе бар сараш сатил пӯшида гирд-гирди хонааш чарх рафтаст... Ин ҳолатро дида он ҳотамтой аз талаби қарзаш баргузидасту баромада рафтаст, гуфта тағоам боз қаҳ-қаҳи ханда карданд. Сони ман аз тағоам пурсидам, гуфтанд мулло Гавриэл, ки хӯш, Ишмоъел-ку аз қарзаш халос шудаст, ниспи қарзе, ки ӯ бояд ба рафиқи маслиҳат додааш медод чи шуд? - Он Ишмоъели фиребгар маслиҳати рафиқаш додагиро ба худи он ҳам гардонда будаст. Вақте ки он маслиҳатгӯй ба хонаи Ишмоъел баройи ҳақи худро гирифтан мебиёяд, Ишмоъел ба ӯ ҳам девонагиро баён мекунад. Ин маслиҳатгӯй - ҳарчанде - о Ишмоъел, ин тавр девона шуданро ба ту худи ман ёд дода будамку, гӯяд ҳам, ки нафъе накарда будаст. Магарки, аз ҳамин сабаб - "кори девонаҳоро Худо рост мебиёрад" гуфтаанд, гуфта тағоам илова карданд. Аз ин тоифа касон Худо худаш нигаҳдорамо шавад гуфта боз хандиданд...

Дӯстони ъазиз - раҳмати Мордехай тағоиморо ана аз ҳамин сабабҳо мо авлод ба худ сардору раҳнамо медонистем. Ба фикри ман, ин шахси ъазиз на фақат ба сардор шудани мишпаҳою авлоду канесо лойиқ буданд, ин шахсро ба сар бардошта ба сардорийи ҳаргуна идораҳойи давлати агар таъин мекарданд, мдинайи мо Эрец Исроэл

суханони худ ъамал мекарданд. Ҳатто, бемороне, ки хоҳ дар хонайи худ ва хоҳ дар шифохона буданд ҳамаро ба рӯйхат гирифта ба ҳузури онҳо албаттайи албатта мерафтанд, бо сӯҳбати хуши худ дили онҳоро мебардоштанд. Ъаҷибаш он ҳолат буд, ки ба назди бемор бо дасти хушку-холи намерафтанду аммо чизи ба бемор бурдагийи худро ноошкор, ё дар даҳлез, ё дар ҷойи паноҳи хуспидаи бемор оҳиста мемонданд, ки бемор варо озмуда дар ҳиҷолат намонад гуфта. Бемор баъд аз баромада рафтани мулло Мордехай тағомо, аз чизи овардайи он воқиф мегашт. Бемор агар ҷудо ҳам камбизоъат мебуд, мулло Мордехай ба дору-дармони он мадад шавад, гуфта секинак ба зери болишти бемор каме пул ҳам мемонданд. Тағоам боз як хислати ъаҷоибе доштанд, ки дар ин хусус ман гап нозада наметавонам. Бар касоне пул қарз медоданду риббит (процент) намегирифтанд. Аз рӯйи дину шариъати исроэли риббит гирифтан осураст мегуфтанд. Одами аз шон пул қарз мегирифтагиро бисёр танг намекарданд. Агар чанде, ки муддати қарзро гардонда додани қарзор мегузашт, бо ӯ гуфту-гӯйи зиёти намекарданд, ки бечораро магар ъилоҷе нашудаст ва бояд ман хуни рӯйи ӯро нарезонам, мегуфтанд. Ҳатто ки он шахси қарзорро дар кӯча аз дур медиданд, рубарӯ шаваму хуни рӯяш нарезад гуфта, раҳи тӯғрийи худро монда аз дигар кӯча раҳ мегирифтанд. Дар хусуси бар касе пул қарздода чи тавр он қарзор аз гардонда надодани қарзаш халос шуда будаст, тағоам шабе пеш аз хоб ба ман хандида хандида чунин чақ-чақе карда буданд:

-Рӯзе, фараз кунем Ишмоъел, ном шахсе хотамтой будани як рафиқашро фаҳмида ба наздаш мебиёяду як лӯкка пулро ба мудати як сол қарз мегирад. Ишмоъел пулро гирифтан замоно варо чалон чалон мекунад ва дар давоми як сол якаш ҳазор мешаваду ба назди як рафиқи дигараш рафта маслиҳат мекунад, ки раҳи гардонда надодани карзашро силоҳ диҳад. Рафиқаш аввал ба ӯйла мемонаду сони мегӯяд: - Ту худат акнун ба пеши шахси ба ту пул қарз додаги нарав. Аз ӯ як чанд вақт гурехта гард. Сони, он рафиқи Ишмоъел гуфтаст: - агар ту ба ман ниспи он

Ривқо духтарашон ҳамеша ҳамҷиҳат буданд. Мабодо байни зану-шавҳар, яъне фарзандҳо аз сабаби ёшигари кўтоҳие, ё хафаги пайдо мегашт, мулло Мордехай тағоимо, варо аз нўги бинийи фарзандонашон гапи дар дуруни онҳо будагиро ҳис мекарданд. Агар дар ҳақиқат ҳам ъайб аз тарафи келинашон мегузашт, раҳе ёфта ъайбро ба гардани писарашон мепартофтанду зуди байни онҳо муросо мекунонданд. Ҳеҷ вақт учқунро ба аланга гаштан наемонданд. Ҳамчунин корро байни духтару домодҳояшон ҳам мегузаронданд.

Мордехай тағоимо, мнуҳотў ба Ганъеден, ҳамин тавр ъамалро байни ҷўраҳойи байнашон гап гузаштаги ҳам мегузаронданд. Мабодо ба гўшашон мерасид, ки байни ду ҳоверашон, масалан байни Палтиэлу Ъамиэл дилсиёйи пайдо шудаст ва онҳо бо ҳамдигари ҳамгап нестанд, то рўзи Кипурро бардош накарда, аз ин сун ва он сун сабабҳойи ҷанги гаштани онҳоро мешунавиданд ва дарҳол аввал назди якаш, мисол Палтиэл мерафтанд, аз ў ҳама гапро мешунавиданд ва ъайбро ба худи он монда Ъамиэлро мумтоз мекарданд. Ба Палтиэл мегуфтанд, ки охир бечора Ъамиэл ба болойи ту мурда меравад-ку. Ту дили ўро нафаҳмиди магар. Сони ба пеши Ъамиэл рафта ҳам чунин сухан мекарданд. Хуллас ба тези байни он ҳарду ҳоверашон мисол Палтиэлу Ъамиэл шолўми пайдо мегашт. Аммо ягон бор ва дар ягон ҷо аз ин кори кардагешон овоза намекарданд. Ба моён чунин маслиҳате медоданд: - Агар ту аз касе хафаги дори, ҷанги нашин, бо тавозуъ ба назди он каси туро хафа кардаги рав ва бе пичингу-ачинг ҳасрати дилатро ба ў холи кун. Ба эмет-ки байни шумоён боз шолўми қарор меёбад. Аввалин шуда, каси ба назди ховери ҷангиаш сар партофта омадаги аз Худо барохо меёбад, мегуфтанд. Дўстон, тағойи садиқу ъонови мо боз мегуфтанд, ки аз кулли гари-гариҳойи ъолам-масалан аз заргари, савдогари, эҳвогари ва ҳоказо одамгари хубтараст.

Аз ҳама беҳтар агар одам алалхусус дили одамони мискин, беваю-бечора ва дили шахси беморро ёбад. Аз ин зиёд одамгари нахоҳад шавад. Тағомо ҳамма вақт ба ин

албатта ин широҳоро аз ёд кунанд ва бо навбат ичро кунанд. Магар бесабаб нест, ки дар шабҳойи азкара - ешиваҳойи раҳмати Мордехай тағоиам ҳама фарзандҳо аз сари ешива то охири онро бо писарони худ дар маърака рост меистанд, дар вақти қадиш гуфтанҳояшон писарбачаҳойи онҳо аз хурд ва то калон ҳам назди онҳо рост истода кавоно мебанданд. Чунки ҳатто гургбача ҳам кори дар ғор дидаашро такрор мекунад.

Мулло Мордехай ин тариқа тартибро на фақат дар шаби шабботу рӯзи шаббот ҷори кардаанд. Ин гуна тартиб бо аз ин зиёдтар хешу табор дар мӯъедҳойи Песах ва Суко ҳам такрор мегашт. Алалхусус дар сари шулҳони песаҳ, дар вақти чор пиёла Мордехай тағоимо таърихи чи тавр баройи-исроэлонро аз ғуломи, аз дасти паръӯйи Мисраим баровардан Ҳақодӯш борух-ҳу мӯъҷизаҳо карда буд ва ба асоси супориши Худойи мо Мӯше рабену баройи озод шудани исроэлҳо чи корҳоро бачо оварда аст, ба ҳама нишастагон ҳикоя мекарданд. Ҳамайи ин бечиз нест, албатта. Ин тартибу низоме, ки Мордехай тағоимо дар ҳаёт мегузаронданд, авлодро байни ҳамдигар дӯсту меҳрубон мекард. Фарзанду ёшу ҷавонро дар роҳи Худойи ва Тӯро тарбия мекард ва мекунад. Ҳаминро донед, муъаллифони муҳтарам, ки мулло Мордехай тағоимо ҳеҷ вакт ба ягон каси авлод такабурона - ман сардори шумоям, шумоён бояд аз гапи ман берун набароед, нагуфтаанд. Аз баске, ки раҳмати ба ҳар кадоми мо неки мекарданд, маслиҳатҳойи хубу нек медоданд худи авлодамо, ҳатто ки қудоҳояшон мулло Мордехайро ба худ сардор медонистанд. Охир он кас бо панҷ мишпаҳойи одамшаванда қудо гаштаанд. Нашуде рӯзе, ки аз ягон қудошон гапи пасту баланд фаҳмида ба онҳо ситеза карда бошанд. Бо мулло Пинҳос Ёдгоров бен Мамон Ёдгоров падаръарӯси Борис писарашон, бо акаъарӯсашон мулло Ҳананиэл Аълоев падаръарӯси Мӯше писарашон, бо доктор Гавриэл Ғолибов бен мулло Шаламӯҳайим падаръарӯси Уриэл (Юра) писарашон, бо Мӯше Пинҳосов - падаршӯйи Некқадам духтарашон ва бо Бахӯр Мулоқандов, писари Имонуэл Қозиев падаршӯйи

мешуд ба маслиҳат ба назди ҳамин шахси ъазиз меомадем. Ҳатто, ки агар бар писар духтар ба зани гирифтани мешудем ҳамин тағоморо ба хостгори мефиристондем ва албаттайи албатта корро пазонда меомаданд ва бьаъд аз дусе рӯз маросими ширинихӯри ва сони тӯйи ҳотон ва кало мешуд. Ба он маросимҳо шахсан худашон сардори мекарданд. Мулло Мордехай тағоимо байни авлоду мишпаҳоҳо як тартибро ҷори карда баъд Ҳар шаби шабботу рӯзи шаббот албаттайи албатта ба сари дастарҳонашон, хоҳ дар вақти зинда будани худо раҳмати Ёъел ҳамсарашон, хоҳ баъд аз вафоти Ёъел тӯтимо, мишпаҳо аз хурд ва то калон: писарҳо, келинҳо, духтарҳо, домодҳо набераҳо гаҳе меҳмонҳойи аз дигар шаҳрҳо омадагон ҷамъ мешуданд ва шаби шабботу рӯзи шабот албатта ба шаббот мансуб мегузашт. Дар ин шабботҳо мулло Мордехай тағоимо широҳойи шаббот -

аз "кӯл шумрей шаббот" сар карда дигар пизмунимҳоро дар забони мо яҳудиёни бухори, бо овози фораму дилкаши худ ичро мекарданд. Аз баске, ки широҳойи:

Рӯз ба рӯз гӯям шукур
ман банда бар номи Худо
Зимраҳо аз нав ба нав
ба даргоҳат садо
Фазлу неки Ту бувад доим
бар шоҳу гадо
Холиқо бишнав ҳадисам
дар само, ё Худо...
ё ки:
Ё бузургвори ъолам ва дунё
Ту Шоҳи шаҳон ҳасти дар сурайё
Ту мавҷуди ба хушки ҳам ба дарё
Туро тасбеҳ хонанд кулли ошё -

ро нағз медиданд, онҳоро такрор-такрор мехонданд ва аз фарзандону набераҳо талаб мекарданд, ки онҳо албаттайи

ба ҷамъомадагон чун як одами садиқу Тўрохон мешиносонанд. Аммо, бар касе гарчи зарар нарасонанд ҳам, ки нафъе ҳам намерасонанд. Кори маъасим тўвимро шарҳ медиҳанду, аммо худашон аз кори мисво кардан дур мегарданд. Дар бобати ин тоифа касон Саъдийи Шерози гуфтааст:

Одаме, ки бар ъилми худ ъамал намекунад,
Аз он хари борбардор беҳтараст.

Аммо шахсони нодоне, ки фаҳму фаросот кам дошта бошанд ҳам, ки дилу нияташон тоза ҳаст ва аз кори некию мисво кардан рўй намегардонанд. Чи чора?! Дунё чунинаст. Одамон ҳаргунаанд. Ба фарқи он рафтан даркораст.
Сухан, ки ба ҳаминҷо расид, тағоам.

- "Ниспи шаб шуд, наомад ёрам, гулу гулзорам", гуфта, ба гап нуқта монданд. Сони ъилова карданд. Мулло Гавриэл ҷиян, дар хусуси чи хуб ва чи нохубаст сухан гуфтан охир надорад. Дарёҳо дафтар шаванду найзахо-қалам, онҳоро навистану гуфтан адойи надорад.

Боқияш дар дигар шаб. Монанди қиссайи ҳазору як шаб, ҳоло сўхбатҳо дар пеш гуфтанду "Шмаъ Исроэл, адўной элўҳену, адўнай эҳад"-ро хонда либосҳояшонро кашида ба дуруни кўрпаю бистар даромаданд.

Аз завқи ин суханҳойи мулло Мордехай, ки онро аз даҳони ҷиянашон алҳол фаҳмидем, сармасту сархуш гаштем, як пиёлаги шарбат нўшидем, ба мулло Мордехай раҳмати расондем ва сони ба мулло Гавриэл боз муроҷиат кардему пурсидем:-

-Мулло Мордехайро авлод ба худ сардор ҳисоб кардааст. Дар ҳамин бобат ҳам, агар монда нашуда бошед чаҳор даҳан сухан мекардет, гуфтем.

-Дар бобати мулло Мордехай тағоиам то саҳар гап занам ҳам, ки монда намешавам. Зеро, ки бар акс завқ гирифта баҳраманд мешавам. Дар ҳақиқат моён тамоми авлод, кулли мишпаҳоҳойи авлод мулло Мордехайро ба худ сардор медонистем. Бар сари кадомамо мушкилие пайдо

Одаме, ки дӯст надорад монандаст ба бемаҳал ба саҳро боридани қатрайи нам. Ӯ аз дунё бе ному нишон меравад.

Қадри дӯстиро медонистаги одамро дилаш покаст. Ӯ дар дунё бо ғурур зиндаги мекунад. Чун, ки дӯстонаш ба дарди ӯ дойим дармон мешаванд. Бойгариро бисёр намудан мумкинаст, лекин одаме, ки дӯст надорад ё хасисаст ва ё латааст.

"Гуле чинда нашуд зи бӯстон,
Бе мадади ёру дӯстон..."

Аз ҳамин сабаб магар шоъир гуфтааст:

Ҳабибам, бар касе ошнойи макун,
Гар мекуни - бевафойи макун.
Гар лофи муҳаббат изҳор намуди,
То қиёмат аз ӯ ҷудойи макун.

Аммо, сад афсӯз, чи тавре, ки аз байни ҳазор ҳазор тонна маъданҳойи ангишт фақат панҷ ё шаш қирот бриллиант ёфт мешавад, аз байни ҳазор кас як дӯст оё ефт шаваду оё не. Бештарин касон, сад афсӯз, пеш як гапу пас дигар гап. Туро қуҷоғ кушода ба оғӯш мегирад, бӯсаҳойи чап чап мекунад, аммо дилу ботинаш дигараст. Алалхусус агар туро давлату обрӯй баландаст. Дидаю сӯхта наметавонад. Кори ҳамин тавр касон нохубаст. Хуб он касаст, ки дилу забонаш як бувад.

Агар касеро фарқ кунад дилу забон,
Кафанлибос гардад ва ё банди зиндон.

Аммо, ҷони тағош ҳаминро нағз аз худ кунед, ки одами доно ҳамеша некаст ва одами нодон доим бадаст гуфта намешавад. Доно будан дигараст, неккор будан дигараст. Нодон будан дигараст ва бадкор, бадном будан дигараст. Ман бисёр одамҳойи доноро мешиносам, ки онҳо дар ешиваҳо, дар маъракаҳо баромадҳойи хушрӯй мекунанд. Ба мардум ъақл мешаванд, панду насиҳатгӯйи мекунанд. Худро

Акнун дар хусуси чи хубасту ва чи нохубаст.

Рӯзе ман ҳам ба яке ҳоверам чунин савол карда будам ва ҷиян медонед, ки ба фикри ӯ чи хубу чи нохуб будаст.

-Хӯш, хӯш, гуфта ман ба шарҳи фикри ҳоверашон интизор шудам.

-Ҷиян, ӯ бигуфт: - Хуб -

Ҷир-ҷири сихи кабоб,
Қул-қули шишайи шароб,
Чап-чапи бӯсаю канор,
Қучоғи ёри дилдор

ва нохуб - авқоти пасмондаро гарм карда хӯрдан мебошад.

Э ҷиян, панҷ лелетон баровар нест...

Ха, қучоғи ёри дилдор хубаст, албатта, лекин дар фикри ман, хуб боз он ҳолатаст, ки гул -бӯю дил-дарду, кас-фаҳму сачда дошта бошад. Агар чунин набошад чу шоъир гуфтааст:

Гуле, ки бӯй надорад, ба вай чаман ҳайф,
Касе, ки фаҳм надорад ба вай сухан ҳайф,
Диле, ки дард надорад ба вай бадан ҳайф,
Касе, ки сачда надорад ба вай кафан ҳайф.

Ба фикри мани бандайи Худо, гуфта суханашонро давом доданд тағо, боз хуб онаст агар дӯстат дӯсти ҷони бошад. Аммо сад афсӯз, ки он кам ёфт мешавад. Бештарин вақт мегӯянд, "ҳамқад ёфтаму ҳамдил наёфтам". Ҳамдил гуфта ъодатан дӯсти ҷониро мегӯянд. Аммо дӯст се хел мебошад. Дӯсти нони, дӯсти забони ва дӯсти ҷони.

Мегӯянд, ки :

Ҷаҳонеро се тақсим бикун то бидони,
Ки номи ҳасту ҷони ҳасту забони.
Ба нони нонаш бидеҳ аз сар бадар кун,
Мулоқот кун бо мардумони забони.
Агар дони, ки ёрат ёри ҷони,
Ба ҷонаш ҷон бидеҳ то метавони.

мегўянд. Агар касеро ту нодон буди-ку гўйи, дарҳол аз ёқаат мегирад, бо ту ҷанҷоле мекунад, туро ба балоҳо гирифтор мекунад, ки аз гуфтаат пушаймон мешави. Аз ҳамин сабаб нодон доимо фикри худро маъқул медонад, бар гапи доноён гўш намеандозад. Аз ҳамин сабаб байни мардум нақлҳойи бисёре мавҷуданд.
Якаш: нодон ъайши худ дораду, кулфатро доно мекашад. Дигарон мегўянд: Паси доноро бину рўйи нодонро набин, ё ки: То ман доно шуда ғами нодонро хўрданам, беҳ ки ман нодон шаваму ғами маро доноён хўранд.

Боз мегўянд, ки:

Зийраки заҳраст,
нодони шакар,
Зийракиро бифурўш
нодониро бихар.

Ё ки мегўянд:
Сад нодон мураду як доно дарди сар нашавад...

Сони тағо, каме сукут карданду гуфтанд:

-Шумо ҷиян, албатта акнун хоҳише доред, ки дар хусуси киро доно гуфтан мумкинаст аз ман фикр шунавед. Ба фикри ъоҷизи ман, одаме, ки дар кадом вақт кадом гапро гуфтанаш мумкинасту ва дар кадом вақт мумкин набуданро донад ва дар кадом вақт кадом корро карданаш мумкинасту ва кадом корро карданаш мумкин набуданро донад, ўро доно гуфтан мумкинаст. Одами доно бисёртар гап гўш мекунаду кам гап мезанад. Худо ба одам ду гўшу як даъон додааст. Дучандон шунаву якчандон сухан кун. Доно пешдахани намекунад, сухани ҳар касро бо сабру тоқат гўш мекунад. Ў хурдасту ва ў калонаст гуфта ба гапи хурд гўш наандохта наемонад. Аз ҷавонон ҳам ақл ёд мегирад. Доно Тўрохону китобхон мебиёяд. Чун, ки китоб - ойинайи ҷахонаст. Одами доно ҳеҷ вақт таърифи худ намекунад ва ҳамеша хоксораст...

Моён бо шавқу завқ бо он схема ошно шудему - бисёр шаведу кам нашавед гуфта нахи сухани мулло Гавриэлро бурида яки мо аз муъаллифон чунин сухан кард: -мулло Гавриэл,забонатон доим буро бошад, аз аҳбороти шумо мо гаштаю баргашта сарфароз шудем. Аммо, як илтимос ҳаст... - Марҳабо, ҳеҷ ҳиҷолат нашуда пурсед, ба ъезрат ҳашем ба ҳоли қудрат ҷавоб медиҳам гуфта мулло Гавриэл як кӯс шарбати анорро ба саволгӯй узот карданд.

- Ба моён маълум ҳаст, ки мулло Мордехай як чанд вақт, баъд аз ҷанг омадани худ дар ъилмгоҳи педагоги таҳсилу таълим гирифта дар айни вақт муъаллими кардаанд. Мулло Мордехай, ки марди оташину шунаванда, муъаллими бачагони мактабхон буданд, албаттайи албатта ин тоифа шахсон бисёри бисёр философсифат мебошанд. Онҳо ҳар воқеъайи зиндагиро таҳлил мекунанд, месанҷанд ба хулосаҳойи маъқул мерасанд. Ин тоифа касонро табъу хислат ъаҷойибаст. Онҳо ба ҳаргуна гапу суханони касон мулохазайи худ доранд. Шуморо, ки он шахси муборак бисёр дӯст медоштанд, мумкин нест, ки дар ин хусусҳо ба шумо фикри худро изҳор накарда бошанд. Илтимос, аз он тоифа сӯҳбатҳоятон мо муъаллифонро ошно менамудед.

-Ба ҷону дил.

-Чонатон омон бошад

-Ҳа, дар ёдам ҳаст. Дар яке аз шабҳо мо то бевақтиро, қариб то ниспи шаб сӯҳбате доштем. Гап дар хусуси нодону доно ва дар хусуси чи хубу ва чи нохубаст мегузашт. Ъодатан ман савол медодаму дар вақти ҷавоб додани он кас дам ба дурун нишаста гӯш мекардам, ва аз лутфи ширин, фикру мулоҳазаҳойи бокираашон кайф мекардам.Чунки тағоам аз фикру мулоҳазаҳойи худ гӯё маст гашта бо шавқу завқ сухан мекарданд. - Чони тағош, худойи таъоло одамро ъаҷоиб сохтааст. Умрам аз 70 гузашту то имрӯзро аз касе нафаҳмидаам, ки ӯ аз таҳи дил на дар нӯги забон - ақлам камаст гӯяд. Лек ҳамон шоҳу гадо ҳам пулам камаст

Аз Роҳел ва шавҳари он Бенсион Мусоев:

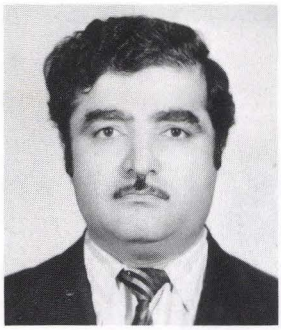
אחייניו ילדיהם של אחותו רחל ובעלה בן-ציון מוסייב:

Рахель
רחילה

Бенсион
בן-ציון

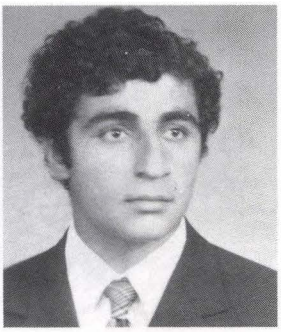
Яша
ישה

Рена
רנה

Шура
שורה

Рома
רומה

Аз Йўсеф Сви (Мича) акаашон ва Фареҳо ҳамсари он:

אחייניו ילדיהם של אחיו יוסף-צבי (מיצ'ה) ורעיתו פריחה:

Йўсеф Сви
יוסף- צבי

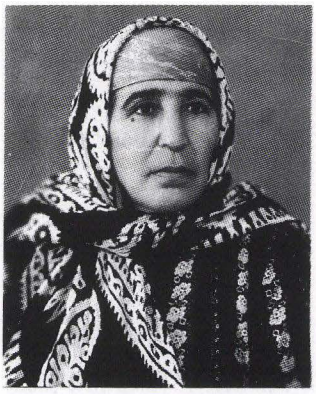
Фареха
פריחה

Абраш
אברם

Аз Мазол апаашон ва шавҳари он:

אחייניו ילדיהם של אחותו מזל ובעלה דויד גילקרוב:

Мазал
מזל

Давид
דויד

Уриэл
אוריאל

Тамара
תמרה

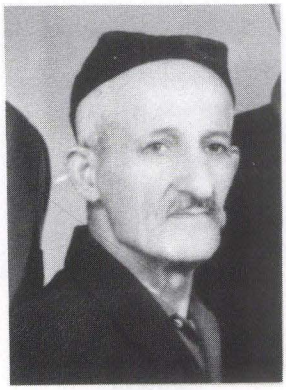
Раҳмин
רחמין

Фото не
сохранилось

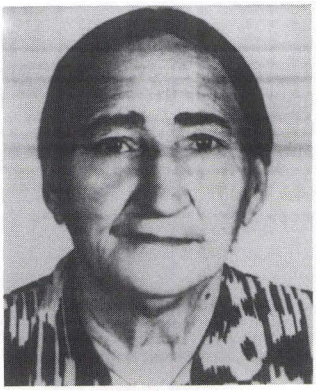
Мишоэл
מישאל

Аз Ҳананиё акаашон ва Фареҳо ҳамсари он:

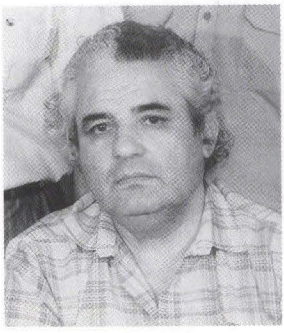
אחייניו ילדיהם של אחיו חנניה ורעיתו פריחה:

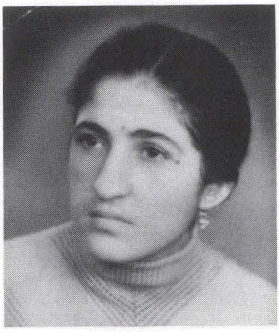
Ханания
חנניה

Фареха
פריחה

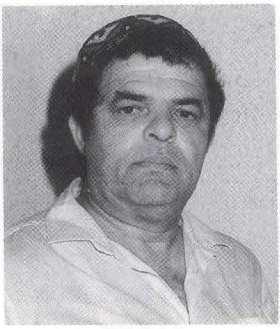
Гавриэл
גבריאל

Барно
ברנו

Залман
זלמן

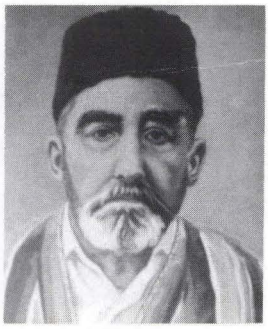
Ёшор
ישר

Аз Тӯвиё апаашон ва Рафоэл шавҳари он:

אחייניו ילדיהם של אחותו טוביה ובעלה רפאל אלישעייב:

Товия
טוביה

Рафаэл Алишаев
רפאל אלישעייב.

Бруха
ברוכה

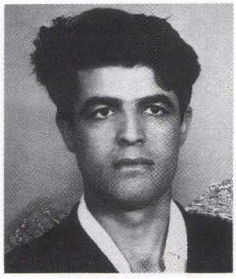
Давид
דויד

Михаил
מיכאל

Гавриэл
גבריאל

Мишоэл
מישאל

Абрам
אברם

Неккадам
נקאדם

Аз Ёфо апаашон ва шавҳари он Ҳананиё Абромов:

אחייניו ילדיהם של אחותו יפה ובעלה חנניה אברמוב:

Ёфо
יפה

Фото не сохранилось

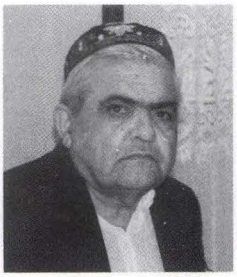
Ҳананиё Абромов
חנניה אברמוב

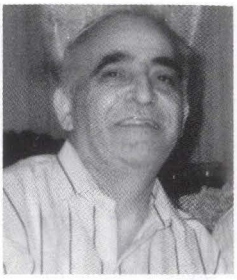
Юҳой
יוחי

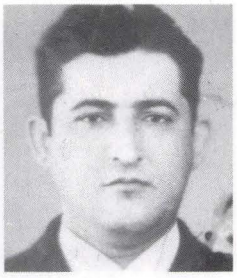
Авнер
אבנר

Менаше
מנשה

Амнун
אמנון

Аврех
אברך

Духтар
דוכתר

Ҷиянҳойи мулло Мордехай Гилкоров

אחייניו של מרדכי גילקרוב:

Аз апайи калонашон
Ёъел ва шавҳарашон
Нисим Гавриэлов

אחייניו ילדיהם של אחותו
הגדולה יעל ובעלה
ניסים גבריאלוב:

Ёъел
אחותה של יעל.

Нисим Гавриэлов
ניסים גבריאלוב.

Панир
פניר

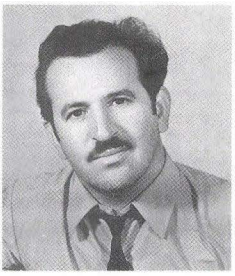
Миэрхай
מאיר-חי

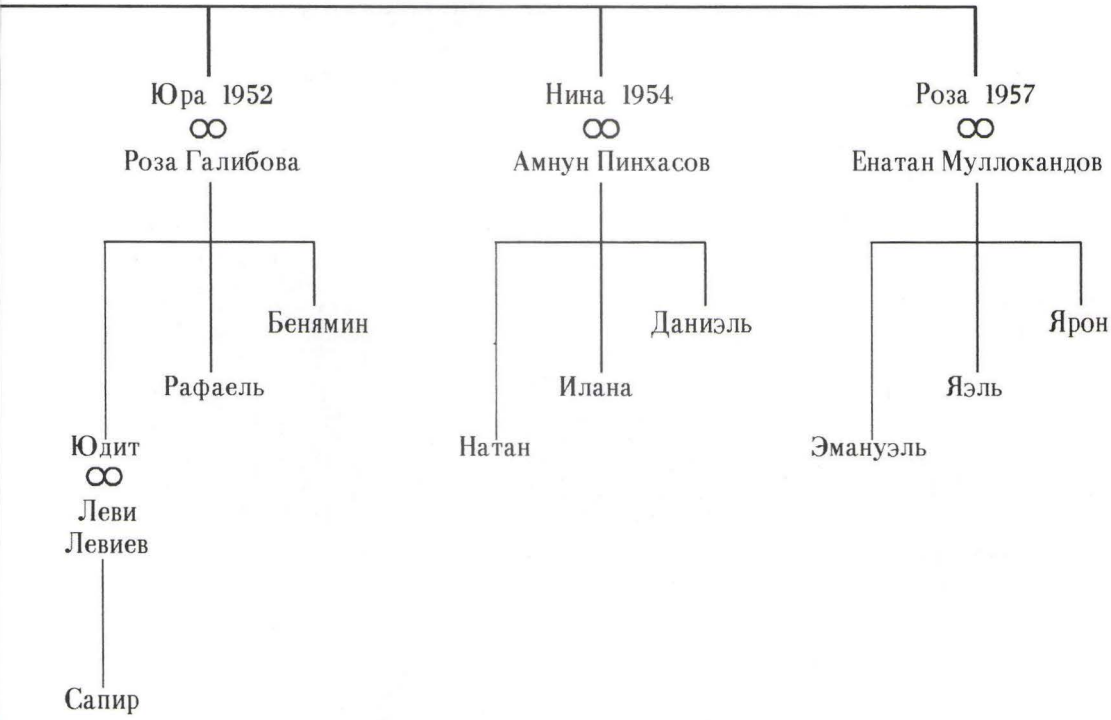
Шуламит
שולמית

Абраш
אברש

Исохор
יששכר

Юра 1952
∞
Роза Галибова
Бенямин
Рафаель
Юдит
∞
Леви
Левиев
Сапир
Нина 1954
∞
Амнун Пинхасов
Даниэль
Илана
Натан
Роза 1957
∞
Енатан Муллокандов
Ярон
Яэль
Эмануэль

Мордехай Гилькаров
1921-1995

∞

Яэль Алаева
1928-1983

Борис 1946
∞
Сара Ядгарова

Моше 1949
∞
Маия Алаева

Эфраим

Изабелла

Ханит

Стелла
∞
Исак
Устониязов

Давид
∞
Элен
Мацлиах

Эстер

РЕШАҲОЙИ МИШПАҲОЙИ МУЛЛО МОРДЕХАЙ ГИЛКОРОВ ДАР ТАЪРИХИ СОЛИ 1995

Мазол 1906-1974

- Уриэл
- Мишоэл
- Томор
- Рахмин

Йўсеф 1914-1943

- Абраш

Рохел 1919

- Яша
- Рена
- Шура
- Рома

Мордехай 1921-1995

- Бахўр
- Мўше
- Уриэл
- Неккадам
- Ривқо

Соро 1905-1923

Падари-мулло Мордехай-
- Рафоел Гилкоров
1863-1939

∞

Модари-мулло Мордехай-
- Балуриё Гилкорова-Каландарова
1871-1937

Ёъел 1894-1956

- Панир
- Миэрхай
- Шуламит
- Абраш
- Исохор

Ёфо 1898-1964

- Йўхой
- Авнер
- Менаше
- Амнун
- Аврех
- Духтар

Тўвиё 1900-1972

- Брухо
- Довид
- Михоэл
- Гавриэл
- Мишоэл
- Авром
- Неккадам

Хананиё 1901-1979

- Гавриэл
- Барно
- Залмон
- Ёшор

Решаҳойи мишпоҳойи мулло Мордехай Гилкоров

Вобояшон-мулло Ильёву Гилкоров
Бибиашон-биби Эстер Гилкорова

אליהו גילקרוב, סבאו של מרדכי
אסתר גילקרוב, סבתו של מרדכי

Падарашон ва амакҳойи мулло Мордехай Гилкоров:
אביו ודודיו של מרדכי גילקרוב:

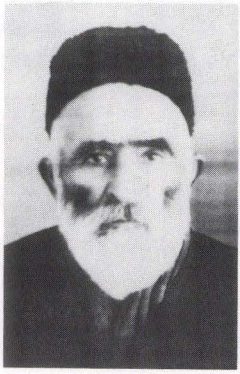
Рафоэл
רפאל גילקרוב

Михоэл
מיכאל גילקרוב

Гавриэл
גבריאל גילקרוב

Ҳиё
חיא גילקרוב

Исоборух
עיסה-ברוך גילקרוב

Мордехай на поминках 30 дней сестры-Товы. 1972 г.

מרדכי באזכרת שלושים של טובה,אחותו. 1972.

Мордехай на поминках 30 дней племянника-Давида. 1990 г. Душанбе.

מרדכי באזכרת שלושים של דויד,אחיינו. 1990.

ҳамхона мешаванд. Мордехай тағоийи 24 солаам ба бокира духтари 17 сола шавҳар гашта соҳиби панҷ фарзанд: се писар - Бахӯр (Борис) Мӯше, Уриэл (Юра) ва ду духтар Некқадам (Нина) ва Ривқо мешаванд. Аз онҳо навераю ъавераҳо мебинанд. Ин авлодро ман бо чунин схема акс намудаям. Марҳабо ошно шавед:

Мордехай в кругу родных на бар-мицве внука-Эфраима. 1992 г.

מרדכי בחוג קרוביו בחגיגת בר-מצוה של אפרים,נכדו. 1992.

магнитофонро зер кард, ки суханони мулло Гавриэл дар он нависта шавад.

- Дӯстони ъазиз, даставвал миннатдорие дорам, ки шумо дӯстон ба хонайи мо қадам ранҷида намудет. Борух ҳашем, ҳеҷ шикасте набинед ба кору боратон ҳашем мададкор бошад, чокаратон бахту саъодат гардад, гуфтанд мулло Гавриэл. Нишастагон омен гуфтанду мо муъаллифон чоргӯш нишастем.

- Худо рахмати Мордехай тағойийи ман, мнуҳотӯ ба Ган Ъеден, дар ъоилайи худо раҳмати бобоям мулло Рафоэл ва бибиам биби Балӯриё дар соли 1921 дар шаҳри Самарқанд таваллуд гаштаанд. Бобоям фарзанди мулло Илёву ва Эстер Гилкоровҳо буданд. Аз бобокалони мо мулло Ильёву ва бибикалонамо биби Эстер панҷ писар - Мулло Рафоэл, мулло Михоэл, мулло Ҳиё, мулло Гавриэл ва мулло Исоборух таваллуд гаштаанд. Низ аз мулло Рафоэл бобоям ва Балӯриё бибиам нӯх фарзанд: се писар: Ҳанания, Йӯсеф-Сиви(Мича), Мордехай ва панҷ духтар- Ёъел, Тӯво(модари ман) Ёфо, Мазол Роҳел ва Соро таваллуд гаштаанд. Мордехай тағоиам, чи тавр ъиборае мавҷудаст, - куни халта буданд. Аз баске, ки Мордехай тағоиамро бештарин апаҳояшон ва боз 5 фарзанди таваллуд шуда бар-маҳал аз ин дунё чашм мепӯшанд, бисёр вақтҳо шонро бо номи худ Мордехай не, балке Писар гуфта ҷеғ мезадаги мешаванд. Ин ҳам як ирим-да! Ҳамин ҳамин ба мардум Мордехай тағоиам чун Писар ҳам маълум мегардад. Аз байни акаҳойи Мордехай тағоиам Ҳанания тағоиам хушавози зӯр будаст, ки ӯ шогирд ва дастпарвари ҳофизи машҳур Левича Бобохонов шуда тарбия меёбад. Тағойи дигарам мулло Йӯсеф Сви (Мича), бо ихтиёри худ ба ҷанги Чаҳони, ҷояшон дар Ганъеден бошад, ки рафта буданд, як чанд рӯз пеш аз тамом шудани ҷанг бедарак мешаванд. Аз он кас як фарзанди номи -Авроҳом Гилкоров мондааст, ки он алвақт фаъоли ҷамъияти бухориёни Америка аст. Мордехай тағоиам дар соли 1943, аз ҷанги ҷаҳони ярадор шуда ба Душанбе бозгашт мешаванд, ва дар соли 1945 бо Ёъел духтари мулло Эфраим Аълоев ва Хевси Кулангиева

заъифаҳо будаст. Мезузоро ба чашм кашида бўса кардему бо хонаашон даромадем, ки аз нозу неъмати дастархон чашмонамо нур гирифтанд. Моро бо заъифаашон шиносо намуданду - "Аввал таъом, сони калом" гуфтаанд, гуфта моёнро сари умывальня сар карда оварда:- як натило гўётон, мисво мешавад гуфтанд. Дар ҳамин асно ба хонайи мулло Гавриэл писарони мулло Мордехай, Борисҷон, Мўшеҷон, Уриэлҷон ва дўсти ҳамаи моён, мулло Авроҳом Кайков пайдо гаштанд. Нур болойи нур гуфтаги борин, аз омадани онҳо мо шод гаштем ва "меҳмон - бе забон" гуфтаги гапро ба ёд оварда мутеъи илтимоси мезбон шудем. "Ъал натилат ёдайимро" гуфта бар сари дастархон нишаста нўтен гуфта будем, ки мезбон кнопкайи магнитофонро зер карду аз он овози раҳмати мулло Мордехай, ъолов ҳашолўм, шунавида мешуд. Ҳамайи мо чуноне, ки овози мулло Мордехайро шунавидему ва чашмонамо сурати онро ки дар девори хона овезон буд нигарид, аз ҷоямо барҷастему як чанд дақиқа хомўш истодем. Сони - раҳмат кунад мулло Мордехайро, ҷояшон дар Ган Ъеден бошад гуфта, ба асоси илтимоси соҳиби хона мулло Гавриэл саъўдоро сар кардем. Гверет Берта-Битиё, дасташон рўйи дардро набинад, пушт ба пушт таъомҳойи хушлаззати исроэлиро оварда ба назди моён мемонданд, мулло Гавриэл бокалҳойи якеро бо коньяку дигареро бо шехор пур мекарданду ҳамсарашонро дуъо карда, дуъо карда, моёнро ба ҳоли худ наземонданд то, ки аз он дастархони пурнеъмат лазатгир нашавем. Хуллас, саъўдоро ба итмом расондем. Наворех ҳам гуфта шуд ва апа Берта акнун моёнро бар сари дигар шулҳон, ки дар дастархони он дону-дун - писта бодом, хурмою ғўлунг, мавизу чормағз, кандфелу- навот ва хоказо мавҷуд буд, таклиф намуданд. Бар сари дастархон чойи фомилию кабуд, шарбату оби анор ва дигар нўшикиҳое, ки ҳавли касро паст мешинонд пай дар пай оварда мешуд. Дар ҳамин давр мулло Гавриэл лутфи ширини худро кушода сарахбор карданд. Мо муъаллифон дарҳол ба даст дафтару қалам гирифтем, яке аз ҷамъомадагон кнопкайи дигари

онҳо миннатдорийи худро изҳор менамоем. Ташаккур мегўем. Аз ҷумла мо ба чияни мулло Мордехай мулло Гавриэл Алишаев писари Тувиё апаашон ки мулло Мордехай солҳойи бисёр дар Душанбе дар хонайи ҳамин апаашон зиндаги карданд ҳамсуҳбати бисёр гаштем ва рўзе ба он шахси мўътабар гуфтем, ки чи тавре нақле мавҷудаст - Чияни нек ба тағоеш меравад, шумо, ки монанди тағоетон фоҳиму заршинос ҳастед, магар аз ҳамин сабаб мулло Мордехай бо шумо бисёртар ҳамсўҳбат мегаштанд. Алалхусус дар солҳойи охири умрашон, ки аз Австрия ба Эрец Исроэл меомаданд, бештарин вақт он кас меҳмони шумо мешуданду шумо мезбониро бачо меовардед. Аз шумо илтимос, ки ба мо муъаллифони ин китобе, ки дар хусуси тағойи дўстдоратон нависта мешавад маълумотҳойи ба шумо шиносбударо баён мекардед. Ин гап дар сари маҳаллайи Шапиройи шаҳри Тел Авив шуда мегузашт, ки мулло Гавриэл аз оринҷайи дасти ҳардўйи мо гирифта гуфтанд, ки ин гапи кўчаги нест. Дарҳол ба хонайи мо меравем ва дар сари шулҳон як пиёлаги чойи кабудро таъм намуда ҳамсуҳбат мешавем ва ҳамчунин бо суратҳою ҳуҷатҳое, ки дар хусуси Мордехай тағоиям дар хонайи ман мавҷудаст, шиносо мешавед. Мо даме хомўш истода будем, ки мулло Гавриэл дар хусуси ташриф намудани мо бо телефон ба хонаашон хабар доданд. - Охир, мулло Гавриэл, телбакориро ҳочате нест. Рўзе бо фурча мо якчо менишинем ва ба сўҳбати шумо арзони мешавем гуфта будем, ки мулло Гавриэл ҳолекай даст бардошта машинайи мунит (таксиро) нигоҳ доштанду моро ба он савор намуда ба хонаашон оварданд.

Ба чони мо занад ҳамсаре, ки аз як имойи шавҳараш кулли хоҳиши онро ҳис мекунаду ва дарҳол онро муҳаё мекунад. Шавҳаре, ки бо чунин тоифа ҳамсар ҳамхонааст, ў подшоҳи ъоламаст.

Гверет Берта (Битиё) духтари арзандайи ҳофизу ъолими даврон, раҳмати Довид Муллокандов аз чунин

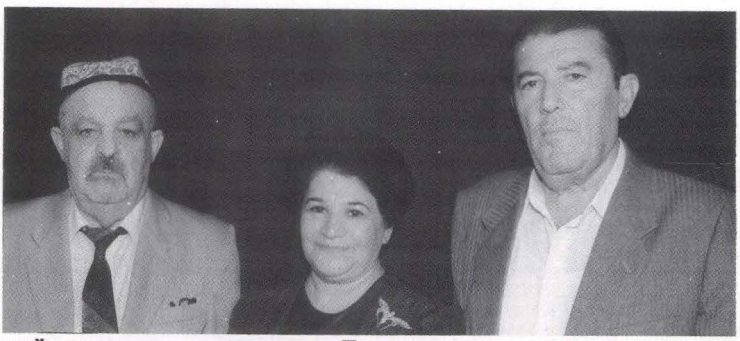

Мордехай с супругой Яэль. Израиль. 1981 г.
מרדכי עם רעייתו יעל. 1 9 8 1 . ישראל.

Байни мардум он шахс бо эътибораст,
Агар варо ба мардум нафъ бисёраст!

САРДОРИ АВЛОД

Ъазизон! Мо муъаллифони ҳамин китоб, пеш аз китоб навистан ва чи дар давоми ин кор бо писарон, хешу таворон, ёру дӯстон, алалхусус бо чиянҳойи мулло Мордехай каратҳо ҳамсуҳбат гаштем, ба туфайли онҳо бо маълумотҳойи сахеҳ шиносо шудем, ки дар ин бобат ба

Мордехай со своим племянником Гавриэлом и его супругой Бертой. 1994 г.
מרדכי עם אחיינו גבריאל וברטה רעייתו של גבריאל. 1 9 9 4 .

Туро назди Сефар Тўро менамоям дуъо:
Чу дарахти боқуввати мевадор боши,
Бо ақлу фаҳму идрок ба мардум ту ёр боши.
Илоҳи хондаю донишманд шави аз Тўро
Назди эхал чу кўҳен мардумро куни дуъо.
Соҳиби иззат бардаму боз боқувват боши
Ҳамон марди хоксор лек бо пулу давлат боши.
Дар ин рўзи таваллуди ту мо хурсанду шод,
Гўем бо шавқу ғурур:-Ярони мо зинда бод!

Мохи сентябри соли 1991.

Чунин табрикномаҳо ба навераҳо-Довид, Эфраим, Изабелла, Элана, Юдит, Иммануэл, Бёнемин, Дониэл ва Ёъел ҳам нависта шудаанд, аммо аз сабабе, ки он табрикномаҳо сайқал наёфта мондаанд, ба китоб ҷой дода нашуд.

Мордехай поздравляет внука-Ярона. 1994 г.
מרדכי מברך את ירון,נכדו. 1994.

Ба Ярони ҷони бобо.

Ту наверайи чордаҳум таваллуд гашти ба бобо,
Ту дар қатори навераҳойи азизу хушу зебо.
Ба ҷону дили мишпоҳо-бобою падару модар,
Ба ҳамайи мо меҳру оқибатат баробар.
Ту руҳи ҷони мо ҳасти, ту кӯҳени дуюм
Ту нури чашмон бигарди байни мардум.
Дар байни мо чу кӯҳени дуюм гули хандони,
Ту орзуйи бобойи, ту машъали тобони.
Э навераам, қуввати дилу ҷони бобо,

Ба навераам Рафоэл.

Ту э наверайи қобили бобо,
Шунав дуъо аз ҷону дили бобо.
Имрӯз, ки сенздаю якрӯза гашти,
Бар сари Тӯро поку тоза гашти,
Тефилин басти ба дасту пешона,
Ҳосил шуд муроди падар ва она.
Дуъоят мекунам бисёри бисёр,
Ки ба Тӯро ва Талмуд бигарди ёр.
Илохи ту боши ба ъумри дароз
Мо ҳама зи ту бигардем сарфароз.
Ба ту дода шуд номи Рафоэл падарам,
Варо пок нигаҳдор ту навера писарам.
Бобо Мордехайро талаб аз Худо,
Бахшад ба ту инсофу ақли расо.

Мохи июли соли 1992.

Мордехай поздравляет внука-Рафаэла с бар-мицвой. 1992 г.

מרדכי מברך את רפאל,נכדו ביום בר-מצווה שלו. 1992.

Ба навераам Ҳано.

Эй Ҳанойи дувоздаҳсолайи зебо,
Ту хушмеҳру ту хушлутфу ҷони бобо.
Дар ин рӯзи муродам, ту навераам,
Дувозда баҳор диди бе кулфату ғам.
Ба бахти бобо ҳам падар ва модар
Ту нигини хуби ҳамчу бирлёну гавҳар
Ту хиром намойи дар ин боғу чаман,
Зи меҳри ту роҳат бикунад ҷону тан.
Илоҳи туро бубинам бо шавҳарат,
Тавқи тилло овезам бар қаду-барат.
Илоҳи, Худованди мо дар паноҳаш
Нигаҳдор бубошад туро бо вафоаш.

Моҳи июли соли 1991.

Мордехай поздравляет внучку-Хану. 1991 г.

מרדכי מברך את נכדתו חנה. וינה, 1991.

Бар навераам Натан.

Эй Натанҷони бобо, эй меҳрубони бобо,
Бободӯсту худотарсу тӯрохони бобо.
Бахти нек-бар мицваат туро муборак бод,
Бар тану ҷонат доим Худоро борах бод.
Ту кунун қадам мон бар ҳаёт мардонавор,
Ки раҳ кушод шуд туро ба ин боғу баҳор.
Ҳамеша хушгуфтору неку паҳлавон бош,
Ба илми Тӯро-Талмуд бо ақли парон бош.
Аз ҷавони бош ҳалолу пок марди некдил,
Ки бар сафи мардон кунун ту гашти дохил.
Бар падар ва модар бигарди ъасойи пир,
Дар пири дасти падар ва модар ту бигир.

Моҳи сентябри соли 1987.

Мордехай на бар-мицве внука-Натана. 1987 г.
מרדכי בעלייתו לתורה של נכדו נתן. וינה, 1987.

Ба ҳупотӯйи Стелаю Исҳоқ.

Бобо бигӯяд:-тӯй муборак, муборак бахту иқбол,
Илоҳи, дар ҳаёт набинед, ҳеҷ рӯзи баду завол!
Ин тӯй муборак бод ба ҳама дӯсту ёри дилсӯз,
Илоҳи ҳотон ва кало биёбанд ризқу феруз.
Эй ъарӯси дилбару домоди хушу зебо,
Муборак бод шуморо ин бахти неку аъло.
Ҳамсару ҳамболин ҷуфт гардед илоҳи то абад,
Ҳар яке шодон бизиед албат бист солу боз сад.
Шумоёнро, ки муҳаббат пайванд намуд дар ин замон,
Бар муҳаббат гӯш занед эй азизон бо дилу ҷон.
Ҳой падарону модарони Стела ва ҳам Исҳоқ,
Муборак бод шуморо ин тӯю бахти хушу ҷоқ.
Илоҳи, бо ҷону дил ва меҳрубон ба ҳамдигар,
Пайванд бигарданд доимо мисли ҷону ҷигар.
Бобо аз ин тӯй, аз ин бахти Ҳотон ва Кало,
Миннатдору хурсанду ризоаст аз Худойи мо!

Мордехай на свадьбе внучки-Стеллы. Вена. 1994 г.
מרדכי בחתונת נכדתו סטלה עב"ל יצחק. וינה, 1994.

Ба Майя келин.

Эй Майя келини дуюмам,
Дур боши аз кулфату ғам.
Чилсолагиат муборак бод,
Ҳамеша гарди бо дили шод.
Хоҳишмандам, ки ту шабу рӯз,
Бо Мӯше якҷо ёфта феруз,
Дилхушу хушвақту меҳрубон,
Бизийи ту хурсанду шодон.
Ба фарзандакот куни модари,
Ба Мӯше шавҳарат-дилбари.
Илоҳи ҳеҷ нагарди ҷудо,
Аз ин шавҳари хушмеҳру аъло.
Эй Худо, бубахш бахти сафед,
Ба Маяйи дил пури умед.

Моше Гилькаров с супругой-Майей.
משה גילקרוב עם רעיתו מייה.

Ба 40 салагийи Юра (Уриэл) фарзандам

Ман бо завқу шавқ туро муборак гўям,
Ки аз шоди пурнураст ин ҳарду рўям.
Ту дар чил соли ъумри феруз,
Бишкуфти сар то сар чун гули наврўз.
Шодам, ки ту ростгўю марди асили,
Бар падар ва модар ҳамеша покдили.
Доною хушмеҳр, ба ҳамсар меҳрубон,
Ба хешу бародарон ҳам дилу ҷон.
Илоҳи дилат пур аз умед бошад,
Умедат амал ёфта сафед бошад.
Бо Роза келинам пиру-кампир гарди,
Аз ғаму кулфат ҳаргиз дилгир нагарди.
Аз ъайин ҳораъ шумо дур бошед доим,
Бизиед ъад меа ъесрим камў ъесрим.

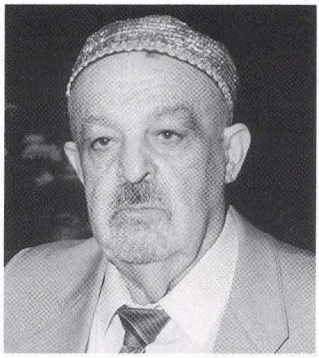
Моҳи апрели соли 1992.

Мордехай с сыном Юрием. מרדכי עם בנו יורי.

Пайкарам сӯзон, чашм пури обаст,
Сӯхти дил чун сихи кабобаст.
Миёни хоку хун афтодаам,
Лек, бар Худо ман итоъаткорам.
Бар ин рӯзи сиёҳ чора надорам,
То ки раҳме хӯрад Парвардигорам.

Феврали соли 1983.

Ба фарзандон.

Эй фарзанд, қадри модар доим бидон,
Варо ба сар бардору намоз бихон.
Модар туро таваллуд кард бо ъазоб,
Шир дода парвариш кард бо изтироб.
Шабҳо гаҳ бехоб гашта аллаё гуфт,
Бигарди некбахти ин дунё мегуфт.
Кунун, ки гашти ботиру паҳлавон,
Давлатманди зӯру номдори замон.
Бо зӯри зар варо фаромӯш макун,
Бо зӯри зан варо фаромӯш макун.
Гар чунин карди нокас донам туро,
Хоку гилу хору хас донам туро.

Ба вафоти ёри меҳрубонам, Он ҳамсари покам, Ёъелҷонам!

Ба 30 рӯзи вафоташ

Ёрон, шунавед аз ман суханон,
Аз дарди дил сифоти он ҷонон.
Рӯзе бар сароғи бахт тохтам,
Ва як ёри ъазизу пок ёфтам.
Будам хурсанду бисёр шодмон,
Аз он ҷавоҳиру нури тобон.
Панҷ фарзанд дидам, ман ғашта шодком,
Аз он ёри ғулу гуландом.
Буд модари меҳрубону ғамхор,
Доно, хушрафтору хушгуфтор.
Зистем сиву ҳашт сол шоду хандон,
Ба ҳамдигар бигашта дилу ҷон.
Лек соли ҳаштодусейи таърих,
Рӯзи маро кард харобу торик.
Он Ёъелҷони ман, ёшу ҷавон,
Монда маро танҳо, рафт аз ҷаҳон.
Во дареғ! Моҳи тобонам бурафт,
Он ғули хушу хандонам бурафт.
Эй гули хандонам, чаро рафти?
Карда маро ҳайронам, чаро рафти?
Маро ҷонон рафту дил-пора, пора,
Гирифтори ғамам, надорам чора.
Аз дида хун ҳамеша мерезам,
Дар сароғи он ҳар шаб мехезам.
Дар ин тағдир тадбире надорам,
Ки авораи бехонумонам.
Ғаму ғусса ба ҷонам сарнихода,
Ғаму ғусса зи мӯйи сарам зиёда.
Ғамам чу ёдгори монд бар ман,
Ки доғи бе ёри монд бар ман.
Ёъел буд ғунчае дар боғи ман,
Аз доғаш сӯзад маро ҷону тан.

ъойилаҳое, ки зиндагонии хушу хушбахтона ба сар мебаранд. Ҳамеша якдигарро изату ҳурмат мекунанд. Бо маслиҳати якдигари рафтор карда, меҳрубони, ғамхўри ва дастёри мекунанд, фарзандонашонро ҳам тарбияи дуруст дода, ба воя мерасонанду бо келину домотҳо, қудоҳо меҳрубонона рафтор карда, бо одобу обрўи худ ба дигарон намуна мешаванд.

Худат нағз-ъолам нағз мегўянд. Ъойилаҳое ҳам ёфт мешаванд, ки зиндагии худро доимо бо ҷангу ҷанҷол, қаҳру хашм ва бо кал-кал мегузаронанд. Онҳо бо якдигари забони умуми ёфта наметавонанд. Бо қастанкори ғаббараки, якраҳаги, зиндагии ширини худро талх мекунанд. Бо ин хел рафтори худ фарзандони бегуноҳро дудила, зиқ ва обу-зор мекунанд. Бисьёриҳои ҷангу ҷанҷоли ъойилави аз болои пул ба вуҷуд меояд. Ҷанҷолҳои пулу-зар занро аз шавҳар ва падарро аз фарзанд ҷудо мекунад. Аз ёр ҳам беёр мекунад. Давлат чирки даст. Гар ба давлат бираси маст нагарди марди. Аз ҳасти макун масти. Кал-калу ҷанҷол бебарохоҳи мебиёрад. Гап кўтоҳу ъолам гулистон мегўянд. Ҳамаи ин ҷанҷолҳои беҳуда аз болои сери ба вуҷуд меояд. Зиндаги осуда шуд-обод шуд. Умр ширин гашт дилҳо шод шуд. Моён дар куҷое ҳастем соҳиби давлат ва давру даврон шудаем. Бинобар, ҳамаи моён бояд шукур гуфта нонаморо ба ширу шарбат тар карда хўрданамо даркор на ин, ки ба заҳру зуқум. Ғамҳои беҳударо хўрдан даркор нест. Моён бояд рўзаморо ба айшу ишрат гузаронем. Як қатра ханда умрро зиёд мекунад. Ғаму ғурбат ба умр зиён дорад. Боз чунин ъойилаҳое, ёфт мешаванд, ки ҳатто 20-25 сол хонаю ҷой мекунанду фарзандҳоро баркамол расонда, бо ҷангу ҷанҷолҳои бекора аз якдигари ҷудо мешаванд. Фарзандони бегуноҳро сарсону ҳайрон мекунанд. Ба ъурфият мегўянд, ки ба ҷангу ҷанҷолҳои зану шў остонаҳои хона механдад. Умр агар хуш гузарад ъумри ҳирс камаст, агар нохуш гузарад ним нафас ҳам бисьёр ҳаст. Биёед эй дўстон чоррўза ъумри боқи мондагии худро фақат бо хурсанди хушвақти, бо шодию айшу ишрат гузаронем. Барои бахтнок шудани фарзандҳо кўшиш намоем. Эй дўстони азиз, давру даврон ғанимат дам ғанимат.

меафтад. Ду гул агар якҷо шавад ҷолам гулистон мешавад. Ду дил агар якчо шавад ҳар мушкиле осон мешавад. Аввалан бор дар ҳама кору-бори зиндаги тоқат ва интизомро аз даст надиҳем, он вақт ба мувофақиятҳо соҳиб шудан осон ҳаст.

Ман хушвақти ҷойиларо дар вафодори, меҳру муҳабати поку ҳурмату эҳтироми якдигар, ҳамдигарро фаҳмида тавонистани зану шавҳар мебинам. Шумо ҳам ба ин кӯшиш кунед ва донед, ки дар ҷойила ғурбат шудан, ва нашудан ба худи аъзоҳои ҷойила вобаста аст. Агар хоҳед, ки зиндагониатон хушу хушбахтона гузарад, пеш аз ҳама, хушу хушгуфтор, хоксор ва меҳнатдӯст бошед. Дар зиндаги ғаму шоди бо ҳам пайвастааст. Дар чунин лаҳзаҳо ҳамдаму ҳамнафас ва ғамхӯри якдигар бошед. Аз зиндаги доимо шодию фароғат талабидан нодуруст ҳаст. Ман мехоҳам, ки шумо дар роҳи печу тоби зиндаги, модоме, ки дар як болин сар мемонед, бо дили софу иродаи мустаҳкам зиндаги намоед ва дар хонадонатон ҳаргиз ғурбатро роҳ надиҳед. Ҷойиладори бисёр санъати нозук ҳаст. Актёри ин санъат шудан ба ҳар инсон насиб намегардад. Зиндаги бе ғурбату бе мушкилиҳо намешавад. Инро мо бояд фаромӯш накунем, ки бартараф кардани мушкилот бисёртар аз тарафи мардон ҳал мешавад. Бисёр мардони мо ба рафиқи ҳаёташон сахтозори мекунанд. Зан бо умеду орзуҳои бисьёр ба хонаи шавҳар меояд, ки давоми зиндаги ва бахти худро дар хонаи шавҳараш ёбад. Амо на ҳамаи мардон инро мефаҳманд. Агар шавҳар ҳамсари худро дӯст дораду ҳамчун шавҳар ба ҷойилааш дилсӯзу ғамхӯр бошад, он вақт дар ҷойила ғурбат намешавад. Зиндаги аз занон ҳам, сабру тоқат, фикру андеша, ҷусту чолоки ва муросо карданро талаб мекунад. Ҷойила аз сабру тоқат дӯстию якдилии ҳамдигар ба мурод мерасад. Собирон аз сабр, бузургон аз бардош мегӯянд. Тақдир муборизаро мехоҳад. Касе, ки аз муборизаи ҳаёт ғолиб мебарояд, ҳаёти хушбахтонаро ба сар бурда метавонад. Бахт-бахти аввал ҳаст. Зану шавҳари аввал ҳамдигарро бояд нағз фаҳманд ва вафодор бошанд. Ситора дар ҳаво тавқи зарин ҳаст, худам ангуштарин ёрам нигин ҳаст. О парвадигор, нигинаамро нигоҳ дор, ки ёри аввалу охирам ҳамин ҳаст. Ҳастанд

Мақола баройи журнали "Машъал". (Аммо, ин мақола дар журнал чоп нашуд аз он сабаб, ки журнали "Машъал" баъд аз шуморайи 9-ум дигар набаромад).

Ъойила

"Зебу зиннати мард-зану дандон бувад,
Бе зану дандон чаҳон зиндон бувад."
аз фолклор

Зану шавҳар якчоя ъойиларо ташкил мекунад. Пас аз худо ба онҳо фарзанд лоиқ дидан ъойилаҳойи онҳо калон шуда меравад. Баройи чи:- Писар калон шавад, бояд зан гирад ва духтар-ба шавҳар барояд мегўянд. Ҳа, аввалан бор баройи рўёндани фарзанд, яъне кишту ҳосилоти одами. Боз баройи он мегўянд, ки худо чуфт офаридааст. Гов чуфт шудаасту, замин ронда шудааст. Қарс аз ду даст баромадаст. Сари замбарро ду кас бардоштаанд. Яъне танҳойи ба худо хуш омадааст ва на ба одами зод. Як сар-бало сар, дусар-хонадорсар мегўянд. Аз ҳамин нуқтаи назар бояд, духтару писар якчоя шуда ъойиларо ташкил кунанд ва ҳар яки онҳо ба худ доир вазифаи муҳимеро ичро кунанд. Акнун мо маънои калимаи зан ва мардро таҳлил намоем. Калимаи зан аз се ҳарф иборат буда, маънои зеринеро медиҳад: З-зебу зинат, А-айшу ишрат, Н-нозу неъмат. Яъне маънои калимаи зан-зебу зинат, айшу ишрат ва нозу неъмати хонадон мебошад. Дар кадом хонадоне, ки зан нест, дар ончо рўшнойи нест. Зан-сутуни хонадону машъали тобон ва модари меҳрубони фарзандон. Зебу зинати мард-зану дандон бувад. Бе зану дандон чаҳон зиндон бувад. Зан пазанда, орастаи дастархон, зебандаи хонадон, ғамхўри фарзандон, роҳбару раҳнамои хонадон ҳаст. Қадри зарро заргар бидонад. Калимаи мард бошад, аз чор ҳарф иборат буда маънои зерин дорад:- М-муҳиб, меҳрубон, А-айшу ишрат, Р-раҳнамо, раҳмхўр, Д-давлати сар. Яъне маънои калимаи мард-муҳиб, меҳрубон, раҳмхўри зан ва давлати сари фарзандон ҳаст. Эй зан, барохои хайру барохои хонадон бо мард ҳаст. Шабботу ъиду аёмат бо шавҳарат ҳаст, дари хонаат кушода бо шавҳарат, сару дастархонат обод бо шавҳарат. Айшу ишрат дори якчоя бо шавҳарат. Агар зану шавҳар ъойиларо бо аҳдуди доимо якчоя гирифта баранд ин бисёр сабук ва осон

Мордехай Гилкоров.
Мақолаҳо, табрикномахо, марсияҳо, шеърҳо.

Дар архиви мулло Мордехай бисёр мақолаю табрикномаю марсия мавҷуданд. Ҷунончи мақолаҳо дар бобати мустаҳкамнамудани ъойила, тарбияйи фарзанд, дӯстигари, табрикномаҳо дар бобати рӯзҳойи таваллуди фарзандҳо, келинҳо, навераҳо, ҳупотӯйҳо, бармицвою батмицвоҳо, марсияҳо дар бобати вафоти хешу таворон ва ҳоказо. Мо дар ин боб баъзе аз онҳо ҷой додем.

1.Ъойила ном мақола.
2.Ба вафоти ҳамсарашон Ёъел-марсия.
3.Ба фарзандон ном шеър.
4.Ба 40 солагийи писарашон Юра-табрикнома.
5.Ба 40 солагийи келини дуюмашон Майя-табрикнома.
6.Ба ҳупотӯйи навераашон Стелла-табрикнома.
7.Ба бармицвойи навераашон Натан-табрикнома.
8.Ба батмицвойи навераашон Ҳано-табрикнома.
9.Ба навераашон Рафоэл-табрикнома.
10.Ба Ярони ҷони бобо-табрикнома.

Акнун бо он навис-нависҳойи мулло Мордехай ошно шавед.

Мордехай и Яэль в день бракосочетания сына Моше с Майей. Душанбе. 1972 г.

מרדכי ויעל ביום חתונת בנם משה עב"ל מייה. דושנבה, 1972.

Мордехай в день брит-мила внука-Рафаэла.
Новорожденный на руках матери-Розы. Вена. 1979 г.

מרדכי ביום ברית-מילת נכדו רפאל. הנכד שוכב בידי אמו רוזה. וינה, 1979.

- Ҳа, писарам. Маро маҳело мекуни. Ман гуфта будам, ки духтарам оҷиз ҳаст. Ин чунин маъно дошт, ки вай чашми бад надорад. Гуфта будам, ки кар аст. Ин чунин маъно дошт, ки вай гапи бадро шунидан намехоҳад. Гуфта будам, ки дастонаш шал. Ин чунин маъно дошт, ки дастонаш ба амали бад пеш намеравад. Гуфта будам, ки пойҳояш шал. Ин чунин маъне дошт, ки вай ба раҳи бад намеравад. Гуфта будам, ки гунгаст. Ин чунин маъно дошт, ки сухани бад гуфтан намехоҳад. Ба падару модарат раҳмат, ки ту бахт аз таваккал карда, бо сабру бардошт аз имтиҳони ман гузашти ва бахти худро ёфти. Илоҳи пиру ҳампир шаветон..

Ҳамин тавр, ҷавони бо ҳикмат ба орзуяш расид. Ба туфайли вай ҳама ба орзуи худ бирасанд.

Ин тариқа шеъру ғазалу ҳикояро на фақат хондан, балке онҳоро дар ҳаёти худ хотирнамои кардан, кори фақат шахси шоъирқалбаст. Ҳа! Мулло Мордехай дар ҳақиқат шахси фоҳиму шунаванда буданд.

Мордехай с племянником Миэрхаимом. Израиль. 1993 г.

מרדכי עם אחיינו מאיר-חיים. 1993. ישראל.

нависандайи арзандаю хушкалому хушқалам Миэрхай Гавриэлов мебошад. Дар байни ин шеъру, ғазалу масалҳое, ки дар папкаашон будасту ва қисми онҳоро мо ба шумоён ошкор намудем, дастнависи ҳамин ҷиянашон Миэрҳайимҷон ҳам аён гашт. Аз басе, ки ин ҳикояҷайи калтекак ширин ҳаст, мо дар ҳамин боби ин китоб ҷой додем.

Миэрҳай Гавриэлов

Бахт аз таваккал

Ҷавоне бо духтаре хонадор шудан мехоҳад. Ҳаққу-ҳамсояҳои маҳалла духтари пирамардеро дарак медиҳанд. Онҳо пирамардро хеле таърифу тавсиф карда, мегўянд, ки духтараш ниҳоят сохибҷамол, дар ақлу фаросот аз падараш мондаги надорад. Ҷавон аз рўи маслиҳати ҳамсояҳо амал мекунад ва ба хонаи пирамард меравад. Пирамард вайро бо иззати тамом меҳмондори мекунад. Ҷавон аз гуфтору рафтори пирамард пай мебарад, ки ў марди хирадманду дунёдида, покдилу дурандеш аст. Чавон ҳам ба пирамард хеле маъқул мешавад. Вай ҳис мекард, ки ҷавон муштоқи дидори арўсшавандааш мебошад ва ба сари мақсад омада,ба ҷавон арз мекунад:-Духтарамро ба касе аз одамшавандаҳо нишон додан намеарзад, чунки вай айбҳойи бисёр дорад: чашмонаш - оҷиз, чизеро намебинад, дастонаш - шал, чизеро бардошта наметавонад, пойҳояш - шал, роҳ гашта наметавонад, забонаш - лол, гунг, гап зада наметавонад...

Чавон ба ин гапҳо бовар намекард ва чизе ҳам намегуфт. "Сукут аломати ризо" гуфтаги борин, ба тақдираш тан медиҳад.

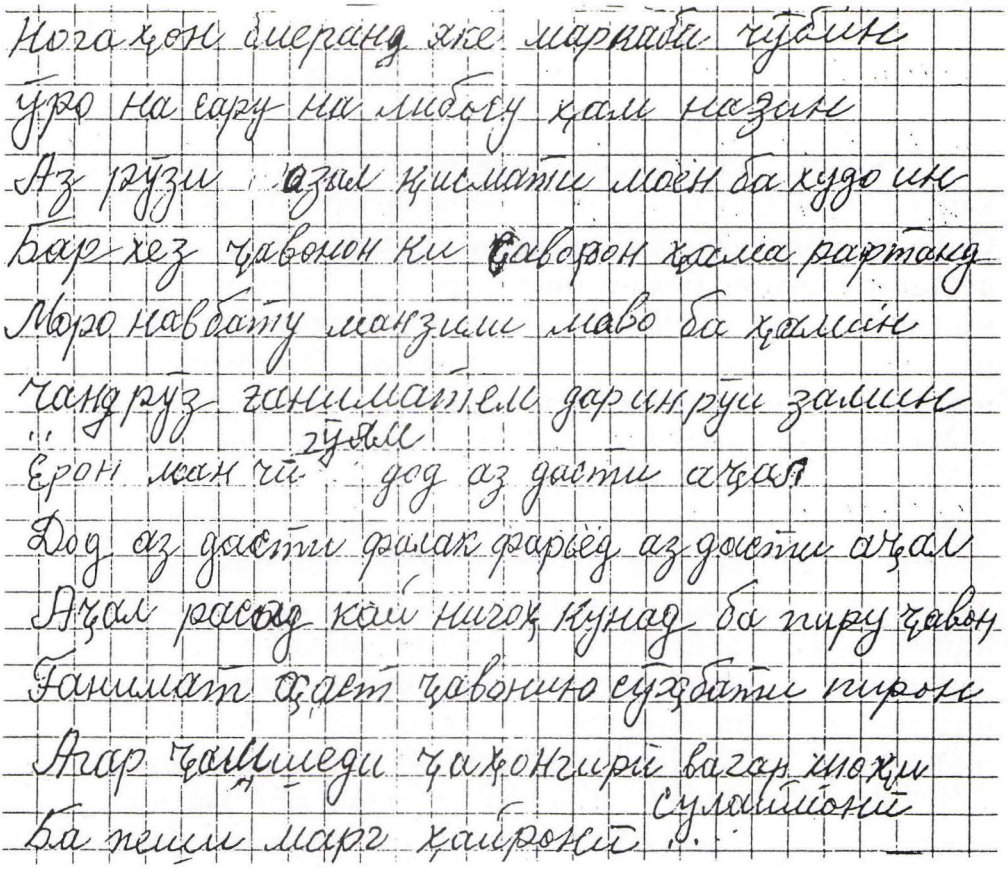
Ҳамин ки вақти ҳупо арўсро оварданд, дар паҳлуяш як маҳлиқо пайдо шуд, ки чашмони шаҳло, дасту пои равон, гўши шунаво дошт. Ҷавон аз соҳиби духтар бесаброна пурсон шуд:

- Падар, ҳамин арўси ман аст?
- Ҳа, писарам...
- Ҳамаи чор афзолаш дар ҷояш-ку...

Нокаси худбин бувад хору хаси рӯи замин,
Пок мегардад ҷаҳон, вақте ки камхас мешавад.

Аз балои худписандӣ барҳазар бош, эй Муҳиб,
Чунки худбин дар ҷаҳон беёру бекас мешавад.

Муҳиб

Копия Рукописи Мордухая צילום כתב ידו של מרדכי

Хонандайи дилкаш!

Дар байни хешу таворони худ мулло Мордехай бисёри бисёр фарзанду, наверао, чиянҳойи бо истеъдод доранд. Яки онҳо-журналисти хизматнишондодайи Тоҷикистон,

45. Сулх дар ҳама дунъё лашкар дорад,
Ҷанг ба ҳама дунъё хатар дорад

Лоҳути.

46. Ҳар дил, ки асири меҳнати ўст, хуш аст,
Ҳар сар, ки фидои сари некўст, хуш аст.

47. Аз дўст бо новаки ғам озурда машав,
Хуш бош, ки ҳар чи ояд аз дўст, хуш аст.

Умар Хайём.

48. Зиндаги бе рафиқҳо марг аст
Шахси бе дўст шохи бебарг аст

Дўсти баҳри мард таъйин аст,
Намаки оинаи зиндаги ин аст

Лоҳути

49. Бани одам аъзои якдигаранд,
Ки дар офариниши - зи як гавҳаранд.
Чу узве ба дард оварад рўзғор,
Дигар узвҳоро намонад қарор.

Саъадийи Шерози

50. Ҳар ки ҳар чи мешавад, аз дасти худ бас мешавад,
Боиси ҳар неку бад феъли худи кас мешавад.

Кас агар монад ба фардо чораи имрўзро,
Байни мардум ҷояш охир дар сафи пас мешавад.

Танбали миҳнатгурез аз хислати манфури худ,
Нафратовар оқибат монанди каргас мешавад.

Гар писар ё духтаре модар -падарро хор дошт,
Пеши фарзандони худ беқадр чун хас мешавад.

Он ки аз фасли ҷавони нокасиро пеша кард,
Дар пиронсолии худ муҳтоҷи нокас мешавад.

36. Гар дар ёд ойи, ларза гирад баданам,
Гар даҳон кушоям, гирех афтад суханам,
Мову ту яке будем, ду нима шудем,
Надонам кадом аз ними манам

Умар Хайём

37. Ҳеҷ шоди нест андар ин ҷаҳон,
Беҳтар аз дидани рӯйи дӯстон.
Ҳеҷ талхи нест бар дил талхтар,
Аз фироқи дӯстони пурҳунар.

Рӯдаки

38. То тавони дӯстонро гум макун,
Дӯстони меҳрубонро гум макун.
Дар ҷаҳон бе дӯст будан мушкил аст,
Мушкилосонкун касонро гум макун.

Дӯст ояд гар, дар оғӯш гир,
Расми хуби тоҷиконро гум макун.
Халқи олам дӯст бо мо гаштааст,
Ваҳдати халқи ҷахонро гум макун.

Мирзо Турсунзода

39. Курбони ватан бош, ки қурбонат шавад.

40. Шахси бе ватан - булбули бе чаман

41. Инсон -бародари инсон ҳаст.

42. Бародари - баровари

43. Дӯст бо мардуми доно накӯст,
Душмани доно беҳ аз нодони дӯст.

44. Ошнодори - беҳ аз пулдори.

Э Худоё, мушкили ҳар бандаро осон бикун,
Дар ҳамин мурда ватан беҳуда саргардон макун, ки
Навҷавони бигзарад, Боғбони бигзарад, Подшоҳи бигзарад..

33. О, вах! Чи тавр бо ҳиммати падарҷон,
Шоистайи ибрати, падарҷон!
Нек созам, агарчи мансабат нест,
Дар курсии иззати, падарҷон!
Чун ҳоҷате, барори ба ҳар кас,
Гар бингари ҳоҷате, падарҷон.
Ҳар ҳарфи ту як китоби панд аст,
Ту махзани ҳикмати, падарҷон.
Дар роҳи ҷаҳонам бар сари ман
Ту сояйи давлати, падарҷон.
Оре, чу дами хуши ҷавони
Ҳар лаҳза ғанимати, падарҷон!
Умри ту харам ба нархи сад ҷон,
К-аз зиндаги қиммати, падарҷон!
Гӯй, чу манам тавонгаре нест
Ҳоло, ки бақуввати, падарҷон!

34. Набанд дил ҳеҷ ба ёри касе,
Намон чашм ҳеҷ ба нори касе,
Ёри кас нашавад ҳеҷ ёрат,
Равнақ наёбад туро корат.

35. Эй дӯст, бишнав зи ман ин пандро,
Ҳамсӯҳбат машав бо нодон ҳеҷ,
Нодон талх бигӯяд он қандро,
Аз сӯҳбати он ҳаргиз мапеч.

Чахорум

Умри дарози бехатар бини
Фарзандҳои хуб - писару духтар бини
Боши ту бо навераю авераҳо
Дар ин вақт гар бошам, бисёр вафо кунам!

Панҷум

Неки аз ёри ба инсон бини,
То ту умри дароз, марги осон бини.
Дар ин замон афсўз нестам, ки боз туро
Панҷто не, ман панчҳазор нав дуъо кунам.

Гавриэл Пинхосийи Самарканди.

31. Сухан гар аз Ватан гўям, ту оташвор месўзи,
Ба ёди мардуми дур аз диёру ёр месўзи.
Нафас аз синаат, ҳамчун шарори дил бурун ояд,
Ба сони ҳезуми тар дар миёни хор месўзи.
Даме, ки бишнави афғони афғон бо дили пурхун,
Ба ҳоли танги он дармондаи, ночор месўзи.
Гули боғи диёратро бо ранги заъфарон дида,
Зи андўҳу алам бо дидайи хунбор месўзи.

32. Парча аз ғазали Бигзарад

Дил ба ин дунё набанд,
Дунёйи фони бигзарад,
Навбати пири ки ояд
Навҷавони бигзарад
Боғу майдон ту дори,
Э ҷавони боғубон,
Боғу майдонат бимонад
Боғбони бигзарад

ПАНҶ ДУЪО БА ФАРЗАНД:

30. Биё фарзанд, ки ман туро дуъо кунам,
Дуъойи неку хуш аз дил раҳо кунам
То ин, ки мисли сарв ту калон шави
Туро бо ақл, хушқомату зебо кунам.

Дар ин ҷаҳон панҷ дуъойи пурҳиматаст,
Ҳар дуъояш бароят чун ҳур қиматаст,
Азиз дошта аз ҷони худ ту фарзандро,
Бароят ман ин панҷ дуъо раво кунам:

Якум дуъо

Доим боши ту бадавлат,
Донишманду бо одобу ва бе савлат.
Аз корҳоят ҳама бошанд ба хурсанди,
Ки аз шоди мисли булбул ҳаво кунам.

Дуюм

Авқот бо иштиҳо доим хўри,
Ки гўштинро аз одами ҷасур бури
Тандурусту бо ғайрату хушзабон бош,
Ки ман туро ба оқили баҳо кунам.

Сеюм

Шабат ба ороми бигузарад,
Хобат сахту бехавотир бошад сарат
Чизе беҳтар надонам аз умри беғам,
Тинҷиатро ба дарди худ даво кунам.

28. Модар, модар зи духтари модар бош
Ширинсухану нармдилу дилбар бош.
Гар некии кӯдакони худро хоҳи,
Ҳамфикру шарику пайрави шавҳар бош.

29. Дорам ҳавасе зи нав шавам мактабхон,
Бо дафтару бо китоб бошам тозон,
Ошиқ ба муаллимаи хушрӯй шавам,
Аз дониши ӯ бахра барам бо дилу ҷон.
Дорам ҳавасе, ҷавониям боз ояд,
Мурғи дили ман зи нав ба парвоз ояд,
Дар махфили аҳбоб ба гӯшам ҳар дам
Овози рафиқи нағмапардоз ояд.
Афсӯз ки нест дар табиъат мӯъҷиз,
Муҷро нашавад ин орзуям ҳаргиз.

18. Ҳар киро рӯзғор доно накунад,
Ҳеч доно ӯро доно натавонад сохт.

19. Ҳар ки одамиёнро аз ӯ манфаат набувад,
Маргу зиндагийи ӯ баробараст.

20. Ноасл доим бар ҷаҳон вайронкори овард,
ҳасрат зи номи нек хӯрад, аз баске нонаш мубталост.

21. Дилёби бояд, на дилозори.

22. Бадро ҳарчанд насиҳат куни,
нек нахоҳад шуд.
Некро ҳоҷати панду насиҳат нест.

23. Одам, ки суханфаҳм нашуд,
Ҳайвонсифат гирди ҷахон мегардад.

24. Бар хок нидо кардам: -Хоко, зинҳор
Он ёри вафодори маро накӯ дор!

25. Саъе бикун бо мардуми доно бинишин,
Ё бо санами ҳалиму раъно бинишин.
Ин ҳар ду агар ба ту муяссар нашавад,
Кунҷе бигиру ғарибу танҳо бинишин.

26. Таърифҳо ба он касе, ки дар ҷаҳон нек кардааст,
Неки баҳри оламу ҳам баҳри инсон кардааст.
Дар ҷаҳон сад кӯшки сангини номдор буд агар,
Мумкинаст гардад хароб, лек номи нек маҳкамтараст.
Яҳиэл Оқилов.

27. Модар, модар ту чун зироаткори,
Аз дашт ҳар он чи кошти, бардори.
Ҳосил нашавад зи тухми арзан, гандум
Тарбуз нагири, гар каду кори

9. Говону харони борбардор
Беҳ з-одамиёни мардумозор.

10. Сад сол асири зиндон бошу,
В-лек як лаҳза ба сўҳбати аблаҳу нокас мабош.

11. Нокасонро дар ҷаҳон ҳеҷ
номусе даркор нест,
Бас паи рашку ъадоват
вақт гузаронанд.

12. Гар ба савлат дар ҷаҳон
Сому Наримон боши,
Гар ту дар маъракаҳо
сардори майдон боши,
Гар бо бозуи қави
Рустами достон боши,
Охир аз дасти аҷал
хаставу бечон боши.

13. Ба қабристон гузар кун каму беш,
Бубин қабри давлатманду дарвеш.
На дарвеш бе кафан ба хок рафта,
На давлатманд бурда як кафан беш.

14. Дар ҷавони дор пиронро азиз,
То азизи дигарон гарди ту низ.

15. Адаб пирояи нодону доност
Хуш он к-ӯ аз адаб худро биорост.

16. Ҳар ки бо покон нишинад,
Дар ҷавхари руҳи сафо пайдо шавад.

17. Ҳар ки бо доно машварат намояд,
Пушаймони набинад.

Аз сабабе, ки дар дафтари мулло Мордехай бештарин шеърҳо бе номи нависандааш нависта шудааст, мо дар чунин ҳолат онҳоро ба ин китоб ҷой додем.

1. Ҳар ки сухани доноёнро хор дорад,
   Хорийи бисёр кашад.

2. Касеро, ки ба неки шинохта боши,
   Аз вай баргумон мабош.

3. Нишонайи зиндагийи шоҳиста чаҳор чизаст:
   а). Гуфтори нек.
   б). Феъли нек.
   в). Нияти нек.
   г). Сӯҳбати нек.

4. Одаме одам набошад,
   Кай тавон одам шудан.
   Шамъ агар оташ набинад,
   Кай тавон равшан шудан.

5. Зебиши давлат ба ҳар шахси вайрон
   Барҳак монанд ба барфи тобистонаст,
   Зебиши иззат ва обрӯй ба нодон
   Чу вақти дарров бориши боронаст.

6. Эй ҳоча, дар ин ҷаҳон чи бехабари,
   Ҳар шому саҳар дар толиби симу зари.
   Дасмояйи ту аз ин ҷаҳон як кафан аст,
   Ин ҳам ба гумон аст оё бари ё набари.

7. Дунейи ду-серӯза умри гузарон,
   Имрӯз моем, фардо дигарон.

8. Бо мардуми бе хирад (бе ақл)
   ва бардират (сиёҳдил)
   Сӯҳбат доштан, инкори хирадаст.

сарвазир ҷавоб медиҳад. - Хӯҷа Ҳофиз дар зиндон?! Дарҳол Ҳофиз назди ман шавад гуфта подшоҳ амр мекунад. Сарвазир сари зиндон омада - Ҳофиз, қуши мурод бар сарат нишаст. Шаҳаншоҳ туро пазмон шуда-ӯро аз зиндон биёред гуфтаанд, мегӯяд. Ҳофиз - ҳа... ҳоле шаҳаншоҳ баройи ба суҳбати ман муштоқ шудан, суроқи ман кардааст. Гӯед, ки Ҳофиз аз зиндон намебуромадаст. Ин хабарро шунида подшоҳ аркони давлатро ба наздаш таклиф мекунад, ва аз барое, ки ӯ Хофизро аз ҳад афзун дӯст медошт, аз онҳо маслиҳате мепурсад:-чи кардан лозимаст, ки Ҳофиз аз зиндон бо ихтиёри худ барояд? Ҳар ки фикри худро баён мекунад. Яки онҳо мегӯяд, ки аз зиндон варо дасту пояшро баста баровардан лозимаст. Ба ин гап Шаҳаншоҳ рози намешавад ва мегӯяд, ки фикри Ҳофизро бе озор аз зиндон баровардан дидан лозимаст. Онгаҳ пирамарди хирадманд мегӯяд, ки ба ёни Ҳофиз ба зиндон як одами нодон фароварда шавад ва ӯ худаш аз нодон безор шуда мебарояд. Чунин хам мекунанд. Ҳофиз бо одами нодон аз як соъат зиёд тоқати якҷо нишастан намекунад ва

Ҳамнишини дев шав,
Сӯҳбати нодон маталав,
Суҳбати нодон қавзи табиъат мекунад,
Хоки пойи доноёнро тӯтиё созем камаст,

гуфта, талаб кардаст, ки ӯро ба зуди аз назди он нодон халос кунанд. Ин ҳикояро шунавида Борисҷон, сабаби алвақт гуфтани ин ҳикоятро аз падар мепурсад ва мулло Мордехай воқеъайи як дам аз ин пеш сухбати худро бо ҳосидшӯтте шуда гузаштаро гуфта медиҳад.

Ҳамин тавр ин байти Ҳофиз ба мулло Мордехай мақбул мешаваду ва ба дафтар нависта мешавад.

Акнун, хонандайи ъазиз бо чунин байту ғазалҳое, ки дар дафтари мулло Мордехай бисери бисёр нависта шудаанд ошно шавед: Мо фақат 50 шеъру, байту ғазалро ба шумо пешниҳод кардему, халос.

ҳосидшўте ба таъвашон нашишту каме ҷаҳлашон омад, ба меҳмон як пиёла чойро узот карданд, худашон ҳам як пиёла чойро қулт заданду бо вазнинийи ба худ мансуб оҳистаю секин лутфи калом карда гуфтанд: -ҷаноб, нахот, ки шумо бо таърихи, ъолов ҳашолўм, Ҳорамбом, ё ки ҳоров Шимъун Ҳохом шинос набошед. Он шахсони бузург ҳам Тўро, ҳам Гаморо, ҳам Раши, ҳам Теҳелим, ҳам Зўҳар мехонданду ҳам китобҳойи мусулмониро. Охир Ҳорамбом - яъне ҳоров риби Моше бен Мамон панҷ шаш забонро, ё ки ҳоров Шимъун Ҳохом 4-5 забон - форси, араби, ҳатоки испониро медонистанд-ку. То оне, ки онҳо китобҳойи мусулмониро нахонда бошанду аз худ накарда бошанд чи тавр ёд гирифтаанд? Ҳорамбоме, ки Мишне Тўроро навистааст, 20 соли комил шифокори султони мусулмонҳо шуда хизмат кардааст-ку, гуфта фаҳмонидани шуд, ки ҳоверашон - э монед-э, мулло Мордехай ман ба назди шумо баройи ин тариқа гапҳоро шунидан наомадаям гуфта бо қаҳру хашм баромада рафтаст. Мулло Мордехай аз ин кори ҳоверашон хафа шуда бошанд, ҳам, аммо гўшкардани сурудҳойи Барно ва хондани шеърҳойи Ҳофизро давом дода истода буданд, ки фарзандашон Борисҷон ба саломи падар мебиёяд. Мебиёяду хотирпарешонийи падарро озмуда савол мекунад. Писарам, як дам нишин ман ба ту як ҳикояе кунам, гуфта мулло Мордехай лутф мекунанд. - Мегўянд, ки рўзе подшоҳ дар вақти мастийи худ шеърҳойи шоъири дўстдоштайи худ Ҳофизи шерозиро аз чашм гузаронида байти:

-"Агар он турки шерози ба даст орад дили моро,
Ба холи ҳиндуяш бубахшам Самарқанду Бухороро"-ро

мехонаду дар ғазаб мешавад, ки ин чи маъне гап, ман бо ҷангу ҷадал шаҳрҳоро ба даст дарораму Ҳофиз ба як холи сиёйи дилбараш Самарқанду Бухороро мебахшидаст. Гиретон Ҳофизро зиндон кунед, гуфта ба сарбозонаш мефармояд. Инчунин ҳам мешавад... Аммо пагеш дар вақти ҳушёриаш хумори Ҳофиз ўро маҷбур мекунад, ки дар суроҳи ў шавад. - Ўро шумо дина рўз зиндон кардаед гуфта

харида ба Вена мебурданду ба бисёр яхудиёни бухори матана (савғо) мекарданд... Аз ҳамайи ин кору гапҳо қийматтараш онаст, ки ин шахси мукаррам на фақат китоби бисёре мехонданду халос. Чи тавре кафтари дасти, аз рӯйи замин фақат донҳойи ба ӯ мансуб бударо чуғ зада мегираду мехӯрад, мулло Мордехай аз ҳар китоби мехондагешон фикрҳойи қимматбаҳойи варо ба дафтари худ бо дастхати марваридсифати худ нависта ҷамъ мекарданд ва дар ҳаёт он фикрҳоро тадбиқ мекарданд. Мо шуморо, хонандайи ъазиз дар охири ҳамин боби китоб бо бештарини онҳо шиносо мекунем. Аммо алвақт дар борайи яки он батафсил ҳикоя мекунем. Дар дафтарашон нависта шудааст: "Ҳамнишини дев шав, сӯҳбати нодон маталав." Баройи ин байтро ба дафтари худ навистан як воқеъача рӯй дода будаст. Рӯзе дар хонаашон мулло Мордехай бо кайфи чойи кабуд аз магнитофон сурудҳойи дӯстдоштайи худ дар ичройи булбуловоз, Левичайи занхо Барно Исҳоқоваро шунидан маҷмуъайи шеърҳойи Ҳофизи Шерозиро аз чашм мегузаронданд, ки ба хонаашон як ҳоверашон (номи онро мо намебарем) мебиёяд. Баъд аз "Шолӯм ъалехем" ва "ъалехем ҳашолӯм" гуфта пурсу-пос кардан, чашми ҳоверашон ба китоби зери дасти мулло Мордехай меғалтад. Мебинаду даст ба даст зада, "ҳос ва шалӯм, ҳос ва шолӯм" гуфта ба мулло Мордехай танбеҳ додани мешавад, ки чаро ӯ китоби мусулмониро ба дасташ мегирифтаст, боз сурудҳойи мусулмониро бо овози заъифа мешунавидаст.-Шумо-ки Тӯрохону Талмудҳохом ҳастед, ба шумо осури осураст, ки ба дастатон китоби гӯйими гиреду варо хонед, сурудҳойи муслимонро шунавед. Аз инҳо шумо чи гапи нав мефаҳмед. Хамайи он гапҳо дар Тӯройи мо нависта шудагияст. Шумо бояд фақат Тӯро, вақт дошта бошед - Теҳелим хонед, Зӯҳар хонед... Ман ба ин кори шумо ҳеҷ ризо шуда неметавонам, ки наметавонам гуфта, меҳмон аз ин тарафи хона ба он тарафи хона раҳ рафтаст. Мулло Мордехайро ъодат ҳамин буд, ки ба ҳеҷ кас ҷаҳл гирифта гап намезаданд. Зеро, ки ъиборайи "Ҷаҳл биёяд - ъақл мегурезад"-ро доимо кор мефармоиданд. Алвақт ҳам, агарчанде гапҳойи ин

Одамеро афту симо,
Ҳам фикру ақлу ҳўхмо,
Либоси тану сару пох
Бояд бувад хушу зебо.
Чехов.

Шахси фоҳиму шунаванда

Шахси фоҳиму шунаванда ҳамеша софдиласт, раҳмдиласт, мухлиси санъату ашъораст, дар дилаш меҳри худояст, баъл садоқояст. Варо рафтору гуфтораш афту симоаш, фикру шуъураш, либоси тану сару пояш доимо зебоаст. Мулло Мордехай аз ҳамин тоифа шахсони шоъирқалб буданд. Мо надидем, ки ягон рўз мулло Мордехайро пойафзали пояшон зери чанг, ё либоси сару танашон чиркину ноораста бошад. Рахи чарворашон қад набуд, дуръаашон (куртаашон) тоза ва озода, галстуки гардан ба худашон чунин зеванда буд, ки чашми кас нур мегирифт. Шахсе ҳаст, ки аз ду бари рўяш гўё хун мечакад, лабонаш чун ғунча, сохти рўю бини ба сикка, аммо аз қавоқаш заҳр мечакад. Ин тариқа одамро афту симояш зебо шуда наметавонад. Аммо шахсе, ки сохти афту рўяш чандон ба сикка набошаду, лек аз чашмони он нур аз лабу рухсори он табассум ҷудойи надораду аз даъонаш фақат лутфи ширин меафзояд, ўро- соҳиби афту симойи зебо будаст гуфтан мумкинаст. Таърифу тавсифи мулло Мордехай дар шоъирқалби аз он ъиборатаст, ки талабҳойи Чехов ки варо мо бо шеър акс намудем дар ин шахс ҷамъулҷамъ ба кулли мавҷудаст. Якумаш ҳамин, ки ба ғайр аз афту симойи зебо мулло Мордехай маҳбуби санъату ашъор буданд. Алалхусус на ин, ки санъату ашъорро нағз медиданду халос, ин шахси ъазиз баройи равнақи ашъору санъат кўшиш мекарданд ва дар ин бобат дасти мадади худро дароз карда ёрдами моди медоданд. Чи тавре, ки мо пеш аз ин ҳам гуфта гузаштем баройи ревоҷ ёфтани театри яҳудиёни бухорийи Эрец Исроэл, баройи аз чоп баромадани китобҳойи муъаллифҳойи камбизоъат ҳам ёрдами моди расонданд. Ин ҳам кам неки бисёртарин он китобҳоро аз муъаллифҳояш

Супруга Мордехая-Яэль. 1970 г.

יעל,רעייתו של מרדכי. 1970.

Мордехай и Яэль в кругу своей семьи и друзей. Вена. 1982 г.

מרדכי ויעל בחוג משפחתם וידידיהם. וינה, 1982.

Абрам Кайков в гостях у Гилькаровых. Вена. 1984 г.

אברהם קייקוב מתארח אצל משפחת גילקרוב. 1984, וינה.

омада мерасанду, аммо аз он ҳавли-товути Фирдоуси бароварда мешуд.

Шумо, меҳмони ъазиз ин китобҳоро хонда бароед, онгаҳ ба хайру саховати ба нависандаҳо мерасондагийи ман рози мегардед, гуфта мулло Мордехай меҳмонро узот карданд.

Акнун, хонандайи ъазиз, мушарраҳтар бо фоҳиму шунаванда будани мулло Мордехай воқиф гардед...

Мордехай и Яэль в день брит-мила Эфраима. Новорожденный на руках бабушки Раи.

מרדכי ויעל ביום ברית-מילת אפרים. הנכד שוכב בידי סבתאו ראייה. וינה, 1979.

нисби дунёро бо ҷангу ҷадал аз худ кардаям бинед, чи тавр бо дасти хушки холи аз ин дунё рафта истодаам...

Мулло Мордехай хонданро тамом карданд. Меҳмон аз ҷойи худ бархест, ришу мӯйлаби мулло Мордехайро бӯсиду гуфт: - Ъаҷабо! Ман ба назди шумо бо фикру мулоҳазаҳойи худ омадаму, аммо бо фикру мулоҳазаҳойи шумо меравам. Таърифҳо ба шумо! Асло завол набинед. Ва дар охир, - ман ба корҳойи шумо қойил шудам, гуфта меҳмон ба назди мезузойи дар омада буд, ки мулло Мордехай се нусха китобро бароварда ба дасти меҳмон супориданд ва ъилова карданд: -Дар ин китобҳо бисёр шеъру ҳикояҳо, тамошоҳойи Йӯсеф ҳақадиқ, Эстер ҳамалко, Амнун ва Томор ва дигарҳо ҷой гирифтаанд.Хонед, зарар намебинед.

Ҳа! Дар воқеъан, ман намехоҳам, рӯзе ки бар сари шоъири бузурги рӯйи ҷаҳон Фирдоуси ғалтида буд, бар сари нависандаҳойи мо яҳудиёни бухори ғалтад... - Хӯш, чи рӯз ба сари Фирдоуси ғалтида будаст, гуфта меҳмон се ҷилди китобро ба дасташ гирифт.

- Қариб ҳазор сол пеш, Фирдоуси си сол хизмат карда ба подшоҳи даври худ- Султон Махмуд Ғазнави китобашро пешкаш мекунад. Ривояте ҳаст, ки Султон китобро ба дасташ мегирад, варақ-варақ мезанад ва ба дасти Фирдоуси панч-даҳ танга пул дода ӯро узод мекунад.

Фирдоуси аз ин кори Султон, ки қадри китобро надонистаст, маъюс шуда ба кӯча мебарояд, он тангаҳоро ба гадойҳойи кӯча мебахшад ва ба хонааш меравад... Аз ин воқеъа як чанд вақт мегузарад. Донишмандони аркони давлати султон, он достонро мехонанд ва мафтуни он "Шоҳнома" гашта ба султон таърифу тавсиф мекунанд. Султон ба онхо ҷавобе намедиҳаду дар муддати се шабу се рӯз Шоҳномайи Фирдоусиро хонда мебарояд. Мехонаду ҳангу-манг мемонад ва дарҳол сарвазирро назди худ ҷеғ зада фармон медиҳад - пагаҳ пагоҳийи азон си шутур тиллою танга ба ихтиёри Фирдоуси супорида шавад.

Сарвазир ин фармонро бачо мебиёрад. Аммо, во дареғ, си шутур тиллою танга ба дари ҳавлийи Фирдоуси

понздаҳ қадам меомад. Замини хона бо қават-қават гилему қолинҳойи қирмизийи эрони ораста. Дар рӯйи он гилему қолинҳо шулҳонҳойи тилокори ва дар рӯйи он шулҳонҳо эҳе.. чи миқдор брилианту олмос, лаълу ёқут, гавҳару марворид, симу зар... ба ҳисоби онҳо рафта расида намешуд. Ман ки се шабу се рӯз бе обу нон, гуруснаю ташна, бе хобу ором будам ҳамайи он бойгариҳо бар назарам чу хор менамойид. Ягонтайи онро ҳатто, ки ба даст гирифта тамошо ҳам накардам... Тифоқо чашмам ба кунҷи хона ғалтид. Дар онҷо як пиёла обу дар ёнакаш як парча нони қоқ буд. Бар назарам обу нон чун ҷон ширин намуд. Ман чу гурги гуруснае, ки ба гӯспанди ба ӯ рӯ ба рӯ гашта ҳамла мекунаду варо бурда бурда карда мехӯрад, ба он обу нон чунин назар андохтам. Сони обу нонро ба чашм расонда бӯса кардам ва ниҳоят акнун пиёларо бар лабонам расонда будам, ки ногаҳон , гӯё аз зери замин як занакайи чодир дар сару рӯй баромаду-ҳа Искандари даврон, як қултум оби холию як парча нони қокро аз тӯда-тӯда симу сар аъло донисти. Модоме, ки ҳолу аҳволат ҳамин будаст бойгариро зиёд мекунам гуфта чаро ин қадар ҷангу ҷадал мекуни. Чаро хуни ноҳақ меафшони, гуфт. Пиёлайи об аз дастам афтод. Об дар рӯйи гилем паҳм гашт. Ман ҳангу-манг гашта - ҳой заъифа, ту кисти?, гуфта савол кардам. - Ман султони ҳамин диёри Чину Мочинам. Даркор бошад ҳамайи ҳамин давлату сарват азони ту . Аммо хун марез! Ҷангу ҷадал макун, гуфт. Ман... ман ба он подшоҳзан мутеъ шудам. Ба поҳи он сачда намуда аз диёри Чину Мочин бе ҷангу ҷадал баромада рафтам... Султони он диёр бо 30 шутур пур аз инъому савғо маро узод кард...

Дар ҳамин дақиқаҳое, ки нафасҳойи охиринам ба ман ҳоло муяссар гаштаянд, ҳамин воқеъа бар назарам намоён гашт. Аз ҳамин сабаб ба мардуми рӯйи ҷаҳон васият карда гуфтаниям: -ҳой мардумон, симу зар гуфта хунрези накунетон. Аз баройи пул шуда дӯстигариро вайрон накунед. Кафан кисса надорад. Бо худ чизе ба он дунё намебаред. Мана, мани Искандари замон ки бойгариҳойи

Васияти Искандар.
(ҳиқояча)

Мегӯянд, ки Искандари Зулқарнай, яъне Александр Македонский, ки фақат 33 сол ъумр дида дар асри 3-ми пеш аз санайи милод, яъне пеш аз сол шуморийи имрӯза вафот карда буд, пеш аз вафоташ чунин васиятро ба модараш гуфта будаст: - Ман ки бимирам ҷасади маро ба товут чунин бимонетон, ки дасти ростам аз товут берун шавад ва ҳамин тариқа то ба қабристон рафта расиданро дасти холийи ман ошкор гардад.

Дар ҳамин аснойи васиятгӯйи яке аз вазирони ӯ, ки варо суханаш дойим бурро буд, сабаби ин гуна васиятро аз Искандар мепурсад ва Искандар чунин ҷавобе додаст: - Дар давоми ъумри кӯтойи худ ман бо ҳамин дасти рости худ чи миқдор тоҷро аз сару ва сарро аз тан ҷудо кардаям, чи миқдор давлату сарватеро ба даст даровардаям, ки ба ҳисоби он касе намерасад. Ҷангу ҷадал, зафту занам ҳунарам шуд. Бойгириҳоям рӯз ба рӯз меафзойид. Рӯзе ба диёри Чину Мочин бо аскарони худ дохил шудам. Ъачабо, дар ин мамлакат чи будани ҷангу-ҷадалро магар намедонистаянд, ки ягон касе бар зиди мо зӯроварон ӯқе, ё ки тире напаронд. Ман роҳ ба сӯйи арки подшоҳ гирифтам. Дарвозайи арк кушода гашт. Ман, ки бо ду се савора аз дарвозайи арк гузаштам, дарвоза пӯшида шуду ва ногаҳон ба ману савороҳойи ёни ман сарбозҳойи подшоҳи Чину Мочин хуҷум карданд. Маро ба қоп андохтанду ба як манзиле бурда партофтанд. Се шабу се рӯз назди ман касе наомад. На об, на нон на рӯшнойи ва на пурсу посе. Ниҳоят баъд аз се рӯз назди ман ду мулозим омаду дасту поҳамро аз занҷиру кашанг озод намуд ва ба ҳамроҳи худ рафтанамро талаб кард. Маро ба назди як дари тиллокорийи шоҳона оварданду ғойиб шуданд. Дар кушода гашт ва овози як шахси нонамоён маро ба хона таклиф кард. Ба хона даромадам. Хона - хонайи калон. Қади он чилу бараш

меҳмон расид... Аз баске, ки меҳмон аз мулло Мордехай илтимосу илтиҷо кард, - хайр ризогийи шумо ҳамин бошад, гӯш кунед, гуфта мулло Мордехай хонданро сар карданд.

Поздравление Мордехая на вечере брит-мила внука Эфраима.
Справа сидит его супруга Яэль. Вена. 1979 г.

מרדכי מברך את נכדו אפרים בחגיגת ברית-מילתו.
מימין לו יושבת רעייתו יעל. וינה, 1979.

намуд. Даруни он сандуқ сарвати бешумор - лаълу гавҳару тилло, олмосу брилианту ёқут, тавқҳойи тилло, кармолаҳо, дастпонаҳойи тилло,... Эҳе ана пулу ана давлат мавҷудаст. Дар рӯйи он сарват чунин дастхати падар мулло Ильёвумани ъолов ҳашолӯм ъаён гашт: -

Хӯш, Палтиэлҷони падар, акнун ба ъақлат меомадаги...

Чуноне, ки ҳикоятро мулло Мордехай хонда шуданд, ҳамсӯҳбаташон он китобро ба дасти худ гирифта - офарин, сад тасанно ба он соҳибқалам, ки чунин ҳикояро навистаст, ва ба шумо мулло Мордехай худо ъумри дароз бахшад, ки ин ҳикоятро бо шавқу завқ хонда додед,.. гуфту китобро варақ-варақ зад ва чашмаш ба "васияти Искандар" ном хикоя афтид. Чашмаш ба он ҳикоя афтодан замон гуфт - мулло Мордехай, агар монда нашуда бошед, ҳамин "Васияти Искандар"-ро ҳам хонда медод, боз мафтуни ин лутфукалом мешудам, гуфта китобро узод кард. Мулло Мордехай китобро гирифтанду- ба ҷону дил, аммо чуноне, ки ду таъоми бо лазатро пушт ба пушт хӯрдан вазнини мекунаду байни он таъомҳо каме бардош намудан зарураст, мо ҳам каме вақтро гузаронем, як саъӯдоча, кунем сони ба ҷону дил хонда медиҳам. Ин "Васияти Искандар", ки ба маънейи "кафан кисса надорад" нависта шудааст, ба ман ҳам хело маъкуласт, гуфта бар сари дастархон аз холодильник як чанд хел таъомҳо гирифта монданд. Яйину шехорро ҳам сари дастархон монданд. Меҳмон шехорро дида- мулло Мордехай шумо ҳам менӯшид, чи гуфта савол кард. -

"Май душмани масту, дӯсти ҳушёраст,
Андакаш таръёку, -бешаш заҳри мораст."

гуфтааст Абу-Али Сино гуфта, меҳмонро ба натило кардан таклиф карданд. Сони ҳардуяшон брахойи "ъал натилат ёдайимро" гуфта саъӯдоро сар карданд. Дар вақти саъӯдо аз магнитафон сурудҳойи шашмақомро шунида боз ҳамсӯҳбат гаштанд. Меҳмон дар хусуси ба ҳикояйи "Палтиэли эрка" қойил шуданаш ва дар ҳаёт бо чунин фарзандҳойи эрка ошно буданаш роз кард... Хуллас, баъд аз саъӯдоча навбат ба хондани мулло Мордехаю гӯш кардани

як моҳ нагирифта дар давоми як сол 10 бор ешуво гузаронд. Ешувойи соли падарро дар яке аз манзилҳойи бо шиқӯ бо иштироки 500 кас ташкил кард. Қадиши падарро ҳар сафар бо оҳанги маъюс хонда дуъойи шунавандаҳоро мегирифт. Хуллас, баъд аз соли падар пичча вақт ҳам маъюсона гузашт... Аммо омӯхтаги-балояст, гуфтаги борин Палтиэлро равишу давиши кӯҳнаяш қӯза кард... Боз қиморбози, боз зӯнобози, боз ҷӯрабози сар шуда ба авҷ расид, гӯё, ки ӯ ҳисаю қусури як соли дар таъзияю ъазо гузарондайи худро баровардани шуд... Ҷӯраҳо Палтиэлро чунон таърифу-тавсифе мекарданд, ки гӯё аз ӯ зиёд каси бомурувват дар ҷаҳон нест ва нахоҳам бод. Палтиэл аз чунин гапҳо руҳбаланд гашта ба ҷойи моҳе як бор, ҳафтае як базми калон, бо иштироки ҳофизони номдору рақосаҳойи синаларзон мегузаронд. Одатан дар чунин базмҳо пулпарони ба авҷ мерасид. Шуде вақте,ки Палтиэл самовари майдайи як чойникча об мебурдагиро дар он пули қоғази сӯзонда мечӯшонд ва аз обчӯши вай ду се пиёлача қаҳва дам дода ба зӯноҳойи худ менӯшонд. Магар ки Палтиэл иборайи -

"Ба давлат бираси маст нагарди - марди" -ро намедонист... Ҳамин тавр солҳо гузаштанд... Хазинайи падар ҳам холи шуд.

Акнун Палтиэлро на ҳунаре, на як тангае, на дӯсти дилсӯзе, на ъойила ва на фарзанде... Он ҷӯраҳое, ки дар базму, кайфу-сафо ба ӯ ҷӯр буданд, акнун ғоиб гаштаянд.. Палтиэлро ҳолу-аҳвол- боло осмони дуру поён - замини бе забон... Палтиэли миллионер кунун ба як тийин зор... Саршро ба девор мезад - суде надошт. Дар ҳамин асно васияти падар ба ёдаш омад. Назди он девори арқан дар мех омаду ғарқи ӯйла гашт... Ниҳоят як коса шаробро нӯшиду сархуш шуд.. ва бо сад ъазобу-изтироб худро ба он арқан овезон намуд...

Во ъаҷаб! Девори хона бо Палтиэл бар замин афканда бигашт... Палтиэл аз зери ғиштҳо бархеста бинад, ки дар қафойи он девори ғалтида сандуқе мавҷудаст... Палтиэл сандуқро бо калити дар рӯйи он буда кушод. Сандуқ бо овози мусиқа кушода гашт. Палтиэлро кайфи шароб тарк

Палтиэли эрка
(ҳикояча)

Мулло Ильёвуманиро синну сол аз 90 гузашта буд. Дар давоми ин умри дарози худ ӯ соҳиби ду чиз шуду, халос. Якумаш - давлати бешумор.

Дувумаш - Палтиэл ном якка писари эрка. Рӯзе падар Палтиэлро ба наздаш ҷеғ заду - бӯтам, писараки нури чашмам, рӯзҳойи Худованд ба ман додаги дар шумораст. Магар ки Эл-Ъелйӯн имрӯз не пагаҳ маро аз ъӯлом ҳазе ба ъӯлом ҳабо мебарад, гуфта аз таги болишташ як калити калонро гирифт. - Мана ин калит -калити хазинайи симузари ман. Дар он хазина сарвате мавҷудаст, ки ба ҳафт пушту-паноят мерасад. Ма гир! Аммо як илтимос дорам. Ман, ки аз дунё чашм пӯшидам, ту рафтору-гуфторатро тағйир кун. Қиморбозиро барҳам деҳ. Бо занҳойи бегона тозу-давро нест карда соҳиби ъойила, хонумон шав. Ҷӯрабозиро ҳам ба тартиб дарор. Магӯ ки ҷӯра дорам - чи ғам дорам. Ҷӯраҳойи бештарини ту ошнойи дастархону ҳамиёни ту мебошанд. Пул дори-онҳо ошною рӯшно, пул надори-ту расвою гадо.

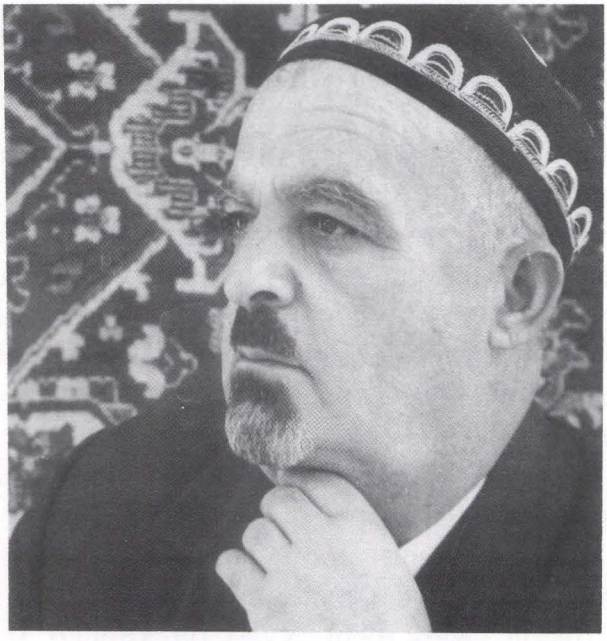
Солат аз 40 ҳам гузашт. Ҳануз на ҳунаре дори на ҷуфти ҳалолу фарзанде. Симу заре, ки то имрӯзро харҷу-хароҷот карди, гузашту рафт. Аммо акнун, ки бо ин сарвати калон танҳо мемони, ҳар қадами худро бо ӯйлаю хаёл, бо ақлуҳӯхмо бачо биёр, гуфта як қулт шарбат нӯшиду суханашро давом дод. -Рафту ин насиҳатҳойи манро бачо набиёрию сарвату-давлатро адо карда, сони хору-зор мони, васияти ман ҳамин: - Ҳӯ ба меҳи калони вай деворе, ки арқанаш ҳам тайёраст худро меавези, гуфту бечора Ильёвуманиро нишомояш баромада рафт.

Аз ин воқеъа як сол гузашт. Палтиэл дар давоми як сол чи коре, ки баройи руҳи падарро дастгир кардан лозим буд бачо оварда. Ҳар рӯзи Худо ба канесо мерафт, намозу ниёзро бачо меовард. Ба ъанийим садоқо медод , ки "Садоқо тазки мимовет" аст гуфта. Риши худро дар давоми

медорад. Ҳар сол дар рӯзи вафоти ӯ панч мукофот дода мешавад. Ҳоверҷон, гуфта суханашанро давом доданд мулло Мордехай, - ман гуфтани нестам, ки шумо ҳам инчунин маъсим тӯвим карда истед. Ҳаволайи ҳар кас ба Худо! Аммо ман то зиндаам аз ин роҳам намегардам.

Акнун ба масалайи ба фарзандон пул мерос мондан биёем. Мегӯянд, ки фарзанди нек ҳоҷати мероси падар надорад. Ба онҳо номи неки падар аз сад кило тиллою-танга беҳтараст. Фарзанди нек ҳеҷ вақт, кай падарам мемураду ман соҳиби мероси ӯ шавам намегӯяд. Агар ӯ нек бошад, бо хизмати худ соҳиби симу-зар мешавад. Ба Худо ҳазор бор шукур, ки фарзандҳойи ман неканд ва, борух ҳашем, муҳтоҷи мероси падар нестанд.

Ба фарзанди бад ҳам мерос монда рафтан кори нолойиқаст. Дар ин хусус, ман ба шумо як ҳикояро, ки вай дар ҳамин китоб чоп шудааст, хонда медиҳам, гуфта китоби зери дасташон будагиро кушоданд. Гӯш кунед.

Мордехай размышляет. 1974 г.

מרדכי מהרהר. 1974.

Номашонро намебарам, як нависандайи мо яҳудиёни бухори як сол меҳнат карда китоби дўстоштайи яҳудиёни бухори - "Қиссайи Амнун ва Томорро" ба ўтийўти руси мегардонад. Ман он китобро дар солҳойи ҷавониям каратҳо бозу боз такроран хондаам. Вай китоб гарчанде дар борайи муносибати Амнун ва Томор бошад, аммо аз сар то охир хонандаро бо зисту зиндагийи исроэлони Ерушолайим, аз воқеъаҳое, ки дар даври подшоҳи исроэлон Ҳизқиёу ҳамелех шудааст аз ҷумла Ҳақодўш борух-ҳу чи тавр подшоҳи Ашур - Санҳериве, ки мехост Ерушолайимро забун карда гирад ўро сарнагун кард, хабардор мекунад.

Аммо он китоб алҳол афтару-дафтар шудааст, чунки қариб 90 сол боз дигар бор аз дфус набаромадааст. Акнун нависандайи мо, ҳақи хизмати қаламро талаб накарда меҳнат кардасту пуле надорад, ки онро аз дфус барорад. Ман ба ҳамин кор саховати кардам. Хўш, ин кори ман ҳам ба шумо нафорида бошад, маро чи гуноҳ?

Ин кор - кори мисвояст-ку. Ин чунин хайру саховатро на фақат ман, балке аз ин пеш ҳам, алвақт ҳам бисёр одамҳо бачо мебиёранд. Масалан, дар солҳойи 1910 дар Қўқанд як шахси бою ба давлат, ки номи ў Раҳамим Давидбоев буд аз киссайи худ пул хароҷот карда "Раҳамим" ном газетаро дар забони яҳудиёни бухори ташкил мекунад. Он газета то солҳойи 1916-ро ба яҳудиёни бухори хизмат мекард. Онҳоро ба Тўро наздик мекард. Дину шариъати исроэлиро байни онҳо паҳм мекард. Ҳаттоки боз пули бисёре сарф намуда бисёр китобҳоро, аз ҷумла китоби "Зихронўт лбет Довид"ро аз забони ъиври ба забони яҳудиёни бухори тарҷима кунондаст. Бинед, ки Раҳамим Довидбоев мурд, аммо номи ў, ана кариб 90 соласт, ки зиндааст. Ё ки гиред, Нобел ном муҳандису фабрикони мамлакати Швецияро. Ў як қисми давлати худ - 31,5 миллион пули Швецияиро ба банк супорида васият мекунад, ки ба ҳар шахси дар соҳайи амниятийи рўйи ҷаҳон, дар равнақ ёфтани ъилму адабиёт хизматҳойи шоён кунад, ба он мукофот дода шавад. Ана аз соли 1901 то имрўзро мукофоти Нобел дар рўйи ҷаҳон номи Нобелро зинда

Хонандайи ъазиз!

Яке аз корҳойи мисвойи мулло Мордехай Гилкоров он, ки баройи аз чоп баромадани китоби Зоя Увайдова аз "фольклори яҳудиёни бухори" бо ташаббуси он дар Вена пул ҷамъ шуда буд. Дар ин хусус муъаллифайи, он китоб чунин навистааст:

Мо номхои азизони вафоткардаро дар инчо чоп мекунем, то ки хотираи некашон барои наслхои оянда зинда монад.

Мордахай Гилкоров – ба арвоҳи падар Рафоэл бен Эстер, ба арвоҳи модар Балӯрё бат Мирьём.

Миша Абрамов – ба арвоҳи падар Ари дабеди бен Битиё, ба арвоҳи модар Ҳано бат Сара ковули.

Шаломӯ Усниёзов – ба арвоҳи падар Ҳананё бен Роҳел, ба арвоҳи модар Қсиъо бат Эстер

Аҳарон Ҳосидов – ба арвоҳи падар Элиёву бен Тӯво, ба арвоҳи модар Қсиъо бат Эстер

Миша Ягудаев – ба арвоҳи падар Меир бен Малко, ба арвоҳи модар Двӯро бат Тӯво.

Нисимхай Левиев – ба арвоҳи падар Нериё бен Эстер, ба арвоҳи модар Ривқо бат Ҳевсй.

Йшаъё Аҳаронбоев – ба арвоҳи падар Ъазарё бен Адизой

Миша Бангиев – ба арвоҳи падар Завулун бен Леъо, ба арвоҳи модар Фареҳо бат Соро

Аҳарон Матаев – ба арвоҳи падар Уриэл бен Соро

Нисон Шимунов – ба арвоҳи модар Қсиъо бат Мирём

Юнотон Муллоқандов – ба арвоҳи падар Бахӯр бен Фареҳо

Шаломӯ Миэров – ба арвоҳи бобо Зеэв Наматиев, ба арвоҳи бобо Рафоэл Меиров

Борис Гилкорӯв – ба арвоҳи модар Ёъел бат Ҳевси

Або Ицхакбаев – ба арвоҳи падар Давид бен Тӯво.

Амнун Пинхасов – ба арвоҳи модар Истам бат Ципора.

Копия текста из книги. דברי תודה למרדכי (העתק מספר).

номер 503 июль 1994

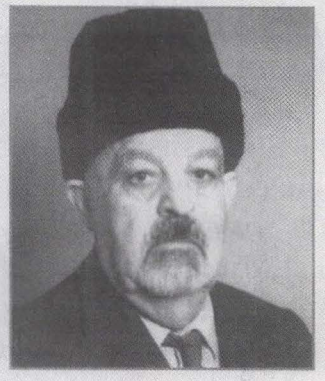
Журнали адабию информационии ҳармоҳаи

ҲАТҲИЯ

(ҲАЁТИ НАВ)

Брит Йоцей Бухара, Исроэл

Ташаккур ба Шумо, мулло МОРДУХАЙ ГИЛКОРОВ!

Яке аз супоришҳои Худованд ба бнеи Исроэл маъасим тӯвим, яъне кори нек карданаст. Кори нек он вақт мицво ҳисоб меёбад, агар он неки бе тамаъ ичро шавад. Афсӯс, шахсоне ҳастанд, ки некиро мекунанду сони он некиро ба рӯи кас мекашанд.

– Ту медони, ки ман ба ту чӣ қадар некиҳо кардаам, гуфта таъна мекунанд. Аз ин тавр неки кардан нокардан бехтараст. Мулло Мордухай Гилкоров, ки алвақт бо фарзандҳои худ дар Вена зиндагони мекунад, аз тоифаи касони неккори бетамаъ ҳисоб меёбад. Дар Вена ӯ соҳиби обрӯи баланд гашт, зеро ки некиҳои бетамаъи ӯ дар онҷо бисёранд.

Яке аз маъасим тӯвимҳояш ба канесои яҳудиҳои бухории Вена Сефартӯро бахшидани ӯ мебошад. Ин шахси азиз дар наздикиҳо дар Исроэл меҳмон шуда, баъд аз намоиши тамошои „Йӯсеф Ҳасадиқ“ бо хурсандӣ ба коллективи театри яҳудиёни бухорӣ ҳазор доллар матана дод. Мо ба ин шахси азиз ташаккури худро изҳор менамоем.

Аз номи коркунон
директори театр Амнун Довидов.

– 6 –

Текст благодарности театра Мордехаю в "Атхие".

דברי תודה למרדכי מאת התיאטרון היהודי-בוכרי בישראל. הטקסט נדפס בכתב-עת "התחיה".

-Акнун дар хусуси маро ба одамҳо хайру саховатам, гуфта аз дасти меҳмон як пиёла чойро гирифтанд аз он пиёла як қулт нушида мулло Мордехай суханро давом доданд. -Ҳовер, ҳар касро дар вақти зиндагиаш бояд муроду мақсад ва ғояш бошад. Вай одами чашм тангу хасисро муроду мақсадаш фақат пул ҷамъ карда онро фикри давлаташро зиёд кардан бошад, муроду мақсади ман пулу давлатамро ба роҳи мардумро ба Худо, ба Тӯро наздик карданаст. Ман миллионер ё ки давлатманди калон ҳам нестам. Аммо пули Худо додагиро ман ба касон мебахшам ба шарт оне, ки он шахсро ё ки ҷавқият касонро хизмат ба мақсади ман мос биёяд. Масалан, ҳов ман баройи равнақи театри яҳудиёни-бухорийи Исроэл мадади моди расондам. Чун, ки ман дар саҳна тамошойи "Йӯсеф ҳақадиқро" дидам. Охир қарийб 30-40 шахсони театр чи тавр ҷадиқ будани Йӯсеф, писари Яъақӯв овинуро тараннум карда мардумро баройи чун Йӯсеф ҳақадиқ шудан, хизмат карданд. Ҷадик будани Йӯсефро алалхусус дар муносибати ӯ -писари муҷаррад, бо зани зебою малика- Зулайхо туғри нишон дода тавонистанд. Йӯсеф сад кайфу сафое, ки ба ӯ Зулайхо инъом кардани буд, ӯ бас баройи худотарсийи худ, рад карду банди зиндон шуданро маъқул донист. Ба фикри ман аз кори касоне, ки дар маросими баъзе тӯйҳо аз сари зани бозингари синаларзон долларҳо мепошанд, ин кори ман,-ба театр пул бахшидан беҳтараст ва бо савобаст. Ё ки гирем дигар масаларо. Ҳов ман ба шахсоне, ки китоб менависанду, аммо аз муҳтоҷий дасттангийи худ онро аз дфус бароварда наметавонанд, ёрдам медиҳам.

нашаванд гуфта остекак он халтаро бардошта ба черти ҳавлияш меравад ва ба назди давлати пинҳон кардааш мебиёяд. Белу тешаро аз ошхона гирифта дар онҷо як чуқурчае канда дуруни он ин халта тилоро ҳам пинҳон мекунад. Он чуқури ъаён нашавад гуфта хок мепӯшад, текис мекунад ва борух ҳашем, гуфта ба хонааш ба назди зани бемораш медарояд. Медарояду тахтабарот ба замин меғалтад. То зану бачаҳо оҳ-воҳ гуфтанро мардака ҷон медиҳаду мемурад...

Ба фикри ман, гуфта мулло Мордехай суханашонро давом доданд, хасиси, чашмтанги, ва ҳиссиёти аз пул сер нашудан дар охир балойи ҷони он шуд... Ҳа...ҳа... ҳовер, ин аниқаст. Чашми касро охир хок сер мекунад... Ин фақат ҳикояча бошад, акнун ба ҷанобатон як воқеъайи бо чашми худ дидагиамро чақ-чақ кунам, гӯш кунед, гуфта мулло Мордехай ҳикояро чунин сар карданд. - Рӯзе ба хонайи як ҳовери беморгаштаам, баройи дилпурси рафтам. Ба хонааш дароям, ки ҳоверам якка худаш танхо дар рӯйи ҷою бистар дарозу-кӯтоҳ гашта ба сандуқчайи пури тиллою, ҷавоҳиру бриллианташ чорчашма нигоҳ мекарду - ҳо, ман мераваму, ту мемони? Ман мемураму ту бо тавони, гуфта савсата мегӯяд. Ҳоверам ба фаҳми даромада омадани ман нарафту...-не..не..не.. ман... ман... гуфта сафсатагӯйиро давом медоду ба шолӯм ъалейхеми ман ҷавоб надода , дасташро ба сандуқчааш кард, аз дуруни он сандукча бойгариҳойи худро гирифту ба чашмаш кашид... Сони, - ман... ман... аз барой ту шуда ба зану фарзандам бегона гаштам, гуфта ба талвосайи ҷон даромад. Ҳарчанде, ки ман ба ҳоверам сухан гуфтани шудам, ӯ нафаҳмид... Дар ҳамин асно, ба хонааш зани он ҳоверам омаду - ҳа мулло Мордехай, хуш омадед... Аз ҳовератон хафа нашавед, ки аз саҳар боз дар талвосайи ҷон гаштаанд. Касеро ба сандуқча даст расондан намемонанду, аммо тамоман аз ақлу ҳӯш ҷудо гаштанд, гуфт... Ман афсӯз хӯрдаму баромада рафтам, гуфта мулло Мордехай ба он шахси хамсӯҳбаташон:- аз чунин рӯзҳо, худо худаш панаҳ кунад гуфта илова карданд.

шулҳончайи пастак дону-дун чинда, аз дуруни шкаф як ду китобро гирифтанд, сони чойи кабудро дам дода оварданд ва пеш аз даъони пуршакари худро кушодан, як пиёла чойро узот карданду сони чойнакро ба ихтиёри меҳмон супорида гуфтанд:- Пиёлагул ҷанобатон мешавед, ки нахи суханам нашиканад.

-Ба ҷону дил, ба ҷону дил, мулло Мордехай.

-Шумо дар хусуси пулро ба болойи пул монда зиндагони гузарондан, ба фарзандҳо баъд аз худ давлати калон мерос мондан, ва ба ҳарки-ҳарки пул дода ёрдам надодан фикру мулоҳазаҳойи худро ба ман изҳор кардед. Ҳамтӯр ми, ҳовер?

-Ба муроди дилатон расед, мулло Мордехай, ки суханонамро нағз саришта фаҳмидед.

-Якумаш ҳамин ки дар хусуси одами чашм танги, пулро ба болойи пул монда зиндаги мекардаги як ҳикояе шунидаам. Як касеро таъомул ҳамин будаст: ӯ чу мӯрчае, ки аз рӯйи замин хору-хасро чинда ба зери замин бурда ғум мекунад, он шахс, як ъумр пулро ба болойи пул монда ғум мекардасту, ҳоло пулам камаст, гуфта на бар касе мисво мекардаст ва на худаш аз таҳи дил ҳузури он давлат доштаст. Рӯзе мешавад, ки магар аз ғами пулҷамъкуни, касал, бемори сахт мешавад. Дилаш маъиб гаштаст. Дӯхтурҳо ба ӯ таъини бар таъин мегӯянд, ки ӯ аз як кило зиёдтар чизеро набардорад. Як чанд вақт ӯ ин гапи дӯхтурҳоро бачо мебиёрад. Аммо, ногаҳон фалокате рӯй медиҳад. Шабе дар кӯча як халтаро мебинад. Онро поҳ зада бинад, ки аз он овоз - овози тангаҳойи тилло мебарояд. Халтаро кушода мебинад, ки дар он як тӯда тиллойи сурх барқ мезанад. - Ё худоё, худовандо! Магар, ки талабишҳойи манро қабул карди ва ин халтайи тиллоро аз осмон ба ман фиристонди, гуфта он халтаро мучи мекунад ва он замон талаби дӯхтурҳоро фаромӯш карда онро ба пушти кифташ мепартовад. Магар ки вазни халтайи тилло аз 5-10 кило зиёд будаст, ки то ба дари хонааш расида омаданро ҳанасазанон мешавад. Пичча нафасашро рост мегираду, зану бачаҳоям аз ин халта тилло хабардор

Шумо-ку борух ҳашем, соҳиби панҷ фарзанду қариб 13-14 навера мебошед. Пулҳоро ба онҳо, ба вақту соъаташ, илоҳи ку ба соли Мӯше рабену расед, мерос монед. Аз ин зиёд кори хайр бояд набошад-ку. Фаромӯш накунед, ки солатон ҳам аз 70 гузашт. Баъд ҳамин, ки чи тавре мегӯянд: -

"дастад равғание, бар сарат мол.."

сони, ҳамин, ки бештарин мардумро ъодат чунинаст, ки пулро ба болойи пул мемонанд. Якам - даҳ, даҳам - ҳазор шавад гуфта тоз-тоз мекунанд. Охир, пул қуввати диласт. Манро, ки гаҳе дилам сих занад, дарҳол як қоғази саддолариро бар синаам мечаспонам. Ба эмет, ки баъд аз даҳ-понзда дакӯт сихзадани дилам тапа-тахт меравад. Агар хобпариш шавам, як бӯлак пуламро зери болиштам мемонам ва баҳузур маро хоб мебарад. Гапҳойи манро шумо мулло Мордехай ба дилатон нагиред., аммо ба он ъамал кунед, сони манро дуъо мекунед, гуфта меҳмон бар суханаш нуқта мондаст. Тоифа касон ҳастанд, ки сухани ҳамсӯҳбаташонро шунавидан замоно, ё ки сухани онро то ба охир нашунавида дарҳол ҷавоб медиҳанд. Гӯё, ки он шахси ҷавоб медодаги ҷудо ҳам доноасту ва хозирҷавобаст. Аммо мулло Мордехай аз ин тоифа касон набуданд. Ба ҷавоб гардондан телба намешуданд, фикри ҳоверашонро хуб месанҷиданд, онро тагу- боло мекарданд, ва агар медиданд, ки ба ин ҳовери ҳамсӯхбат гаштаашон ҷавоби бо асос додан даркораст, кавонойи худро саришта, телба нашуда, бо масалу шеъру ҳикояҳойи мос ба он ҷавоб медоданд. Аз ҳамин сабаб алвақт мулло Мордехай ба ҳовери ҳамсӯҳбат гаштаашон, аввал - ҷаноб, имрӯз вақтатон чи тӯраст, ман ба фурҷа фикру мулоҳазаҳоятонро на ки фақат шунидаму халос, ман суханони шуморо нағз фаҳмидам. Баройи ба онҳо ҷавоби манро шуниданатон каме вақти қимматгини шуморо гирифтанам тӯғри мебиёяд, гуфта савол медиҳанд. - Вақти ман садқайи саратон, мулло Мордехай. То вақти минҳоро гӯшам ба шумо. Бо ин баҳона аз сӯхбати ҳуши шумо баҳраманд мешавам, гуфта меҳмон дар болойи девон қулайтар мешинад. - Ин тӯр бошад, сӯҳбатро бо кайфи чойи кабуд мекунем, гуфта мулло Мордехай ба болойи

Миёни халқи олам дар замона
Бимонад аз ман некў нишона
Шоҳини Шерози.

Накўкори

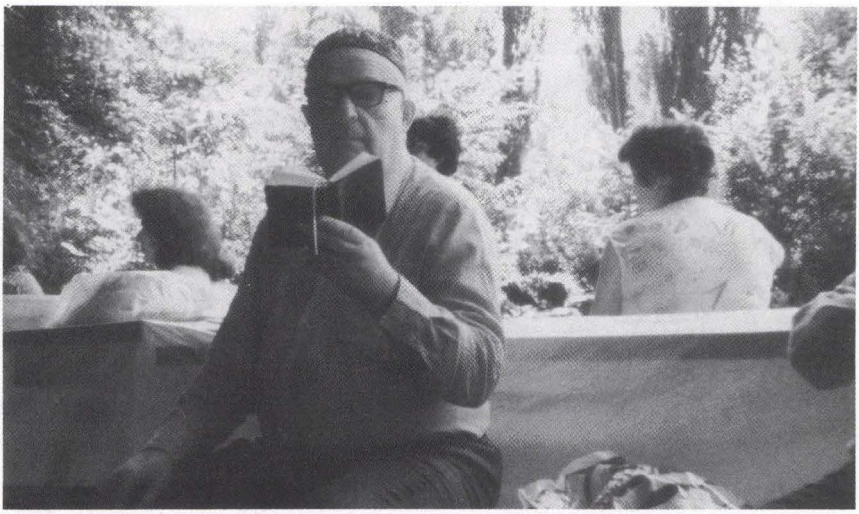
Мегўянд, ки дар солҳойи 1993 ба назди мулло Мордехай яке аз ҳоверҳояшон омадасту - мулло Мордехай, ман ба фаҳми як кори шумо ҳеч расида наметавонам, гуфтаст.

-Хўш, хўш, кадом корам ба шумо маъқул нашудааст?

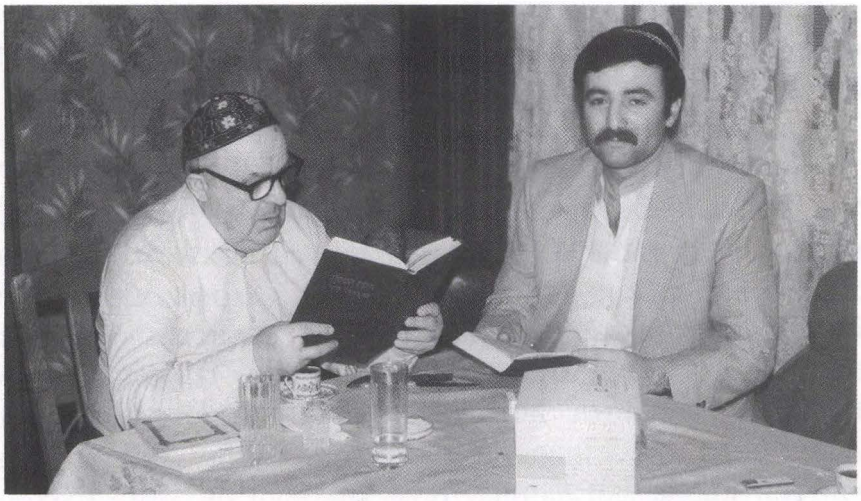
-Агар чанде, ки шумо неки мекунеду, варо аз даҳон намебуроред, аммо аз мардум фаҳмида истодаям, ки ҳоло муюми ўро, ҳоло муюми дигареро бароварда истодаед. Хайр, вай саховатмандие, ки ба роҳи дину шариъати исроэлиро равнақ намудан, чунончи баройи барпо намудани канесо, баройи канесоро бо Сефар Тўро таамин намудан пул масриф мекунед, ман аз ин гуна коратон хурсандам. Зеро, ки аз ин кори шумо Худо ризо мешавад ва ба киссаю ҳамиёнатон Худо брохо ва аслоҳо медиҳад. Аммо ин чи кор, ки гаҳе беҳуда ва бе масриф харочот мекунед. Шумо нагўед, ки он шахси аз шумо хайрдида ба кулли аз шумо миннатдор мешавад. Шумо ҳазор дода бошед- ду ҳазор медод чи мешуд, мегўяд. Мегўянд, ки амири Бухоро якка духтари бокираашро ба шавҳар додасту ҳафт шабу ҳафт рўз тўй дода будаст. Баъд аз ҳафт рўзи тўйи номи ба ҳар меҳмон яктойи гўспанд савғоти кардаст. Аммо арқани гўспанди яке аз меҳмонҳо меканаду гўспандаш тозон тозон гурехтаст. Аз ин воқеъа он меҳмоне, ки ҳафт шабу ҳафт рўз аз нозу неъматҳойи тўй баҳраманд гашта буд, феълаш мегардаду - хў бар падари амир лаънат, як арқани бутун набуд-ми , ки бо арқани пўсида ба ман гўспанд додаст, гуфта норизоги карда будаст. Ҳа-ҳа, мулло Мордехай. Шумо нагўед, ки ман ку ба ў дасти хайрамро дароз кардам, нахоҳ ў боз норизо мемонад.

ки бо мулло Мордехай ҳамчиҳат гашта баройи яҳудиёни бухорийи Австрия ин қадар кори мисво карданд ва баъд аз вафоти мулло Мордехай ҳам давом дода истодаанд.

Акнун, хонандайи муҳтарам, бас ба хотири оне, ки мулло Мордехай маъасим тўвимро на фақат баройи канесо, балке дар дигар чиҳатҳо хам мекарданд, мо шуморо бо он ҳам ошно мекунем. Шинос шавед.

Мордехай читает Техелим. Вена. 1986 г.
מרדכי קורא תהילים. 1986. וינה.

Мордехай с зятем Ёнатаном за чтением Торы. 1986 г.
מרדכי בלימוד תורה עם חתנו יהונתן. וינה, 1986.

муҳаббат ва обрӯйи мулло Мордехай байни яҳудиёни бухори баланд гашт ва мардуми Вена хурд ва калон мулло Мордехайро ба худ падар хостанд. Дар ҳамин асно дар Вена ҷамъияти яҳудиёни бухори ташкил бигашт ва акнун падаръарӯси Уриэл фарзандашон писари мнуҳотӯ ба ганъеден, Шаламӯҳайим Ғолибов, доктор Гавриэл Ғолибов ба он ҷамъият - сардор, яъне Президент шуда интихоб гашт ва габбойи канесо мулло Мордехай ба он ҷамъияти бухорийи Австрия аъзо шуда интихоб гаштанд. Акнун, навбат ба канесо сохтану онро даставвал бо Сефар Тӯро ва айносу палос таамин намудан омад.

Ба ин кор ҳам ба атрофи габбойи канесо мулло Мордехай, даставвал президенти ҷамъият доктор Ғолибов, фарзандҳойи мулло Мордехай ва дигарҳо ҷамъ шуданд ва ба кори сохтани канесойи нав роҳбари намудан ба президенти ҷамъияти яҳудиёни бухори доктор Гавриэл Ғолибов супорида шуд. Хуллас ъиморати канесое, ки дар соли 1989 сар шуд дар соли 1992 ба итмом расид.

Мулло Мордехай чун габбойи канесо, бо президенти ҷамъияти яҳудиёни бухорийи Вена даст ба даст дода, ҳам дар вақти сохти ъиморати канесо ҳам ин канесоро бо айносу палос ҷиҳоз додан меҳнати шоён карданд. Канесо ҳам ба таърифҳо арзанда сохта шуду ва бо палосу айнос, мебелҳойи қиматбаҳо ораста гашт. Дар қавати якум баройи 200 нафар намозхон, дар қавати дуюм баройи занҳо "бивичахона", дар қавати сеюм баройи тахминан 250 нафар меҳмонҳо зали бошикӯҳ пайдо гашт.

Ҳар пагоҳийи бомдод худди мулло Мордехай аз ҳама пеш омада дари канесоро мекушоданд. Алвақт дар ин канесо бо ташаббуси мулло Мордехай 3 сефартӯрою 2 ҳафтӯро мавҷуд гаштаанд. Бо ташаббуси ҷамъияти бухориён ба канесо ҳар шаби якшаббот талмуд ҳохоми ҷавон мулло Ицҳок Охунов таклиф мешавад ва ба воситайи он нотиқи пурдон, ба яҳудиёни бухори дарошҳо аз "Парашат шовуъ" "Шиъурим" гузашта истодааст. Аз ин зиёд кори мисво намудан бояд набошад. Ин қадар корро фақат одами оташиндил карда метавонад. Кӯл ҳаковӯд ба ҳама шахсоне,

Мулло Мордехай ки ба шаҳри Вена омаданд ба атрофи ин шахс мулло Шаламӯҳайим Ғолибов, фарзанди ӯ шифокору ҷарроҳ Гавриэл Ғолибов, Бенёмин Левиев, Нериё Ошеров, Нериё Левиев, Миша Довидов, Саломон Зауров, Рафоэл Аълоев, Писар Қандов, Аркадий Борухов, Юрий Шоулов ва дигарҳо ҷамъ шуданд. Онҳо аввал дар яқчо ҷамъ шуда намозхониро сар мекунанд. Аз канесойи ашкеназим Сефар Тӯроро ба муваққат гирифта истифода бурдан мушараф мешаванд. Мулло Мордехай аз Эрец Исроэл сисситу тефилин, сидуру китобҳойи диниро харида мебиёранду бештарин намозхононро бо он таамин мекунанд. Аз сабабе, ки дар Вена ҳоло баройи канесо ҷойи мустақим набуд, мардумро ба намозхони гаҳе дар хонайи худ гаҳе дар хонайи дӯстон, хешу-тавори худ ҷамъ мекунанд. Сонитар Общинайи (ҷамъияти) исроэлийи Австрия, ки дар онҷо алҳол қарийб 10 ҳазор ашкеназим истиқомат мекунанду онҳо ҷамъияти худро ташкил кардаанд, ба ихтиёри яҳудиёни бухорийи камшумори Вена (200-300 хонавор) манзили фарсудайи кӯҳнаро баройи канесо ҷудо карда дод. Мулло Мордехайро ҷамоъат габбойи канесо карданд. Мулло Мордехай ҷавонмарди 20 солайи ба Тӯро наздики, аз тарафи Ҳабади Исроэл фиристонда шударо, ки номи ӯ Мӯше Исроилов ҳаст, баройи ба оянда ҳорови канесо шудани он ба ӯ роҳбари карданд ва дар оянда чунин ҳам шуд. Баройи яҳудиёни бухориро ба намоз ҷамъ шудан, шахсан худи мулло Мордехай киро бо телефон, киро ба воситайи фарзандони худ хабар мекарданд. Зеро маълумаст, ки мо исроэлон то ъасоро нашавем баъзе намозҳоро хондани мо осураст. Ҳамин тавр, оста-секин кори мардуми бухорийи Венаро ба яқҷо ҷамъ намуда намоз хонданро ба авҷ мерасонанд. Мардум акнун бо шодию хурсанди ба рӯзи ҷамъшуда намоз хондан бе сабру тоқат интизор мешуданд. Чун, ки бештарин вақт худи мулло Мордехай бо овози булбулсифат шолияҳ цибур шуда бо мақому нигунҳойи бухори хоҳ намози шаҳарит, хоҳ минҳо хоҳ ъарвит, алалхусус мусофи шабботро ба қиёмаш расонда иҷро мекарданд. Ба туфайли ҳамин корхо меҳру

Мордехай читает молитву. Справа его сват Шламохаим Галибов. Вена. 1990 г.

מרדכי מתפלל מימין לו שלמה-חיים גליבוב, אב מחותנו. וינה, 1990.

Мордехай произносит авдалу в синагоге. Вена. 1981 г.

מרדכי מברך את ברכת ההבדלה בבית הכנסת בווינה. 1981.

намуда бисёр китобҳойи исроэлие, ки дар забони яҳудиёни бухори мавҷудаст, аз ҷумла "Брешит", "Бамидбор" "Вайиқро" , "Шмўт" ва дигарҳоро аз сари нав ба дфус (матбаа) супорида аз чоп баровардаанд ва онҳоро дастраси яҳудиёни бухори карда истодаянд. Чи тавре, ки мегўянд: - "олу зи олу гирад ранг, одам зи одам гирад панд", ана аз ҳамин тавр шахсони оташиндили неккор қаҳрамони ҳамин китоб мулло Мордехай Гилькоров мебошанд.

Дар солҳои 1972-1973 як ҷавқият яҳудиёни бухорийи бисёре аз голути собиқ СССР халос шуда, ки ба Эрец Исроэл, ки ба Австрия, ки ба Америка аз Тошкенту Душанбе, аз Самарқанду Бухоро ва аз дигар шаҳрҳо кўчида мебиёянд. Дар қатори онҳо мулло Мордехай Гилкоров ҳам бо тамоми мишпоҳойи худ ба Эрец Исроэл аз Душанбе кўчида мебиёянд. Баъд аз чанд вақт писарҳойи он қулайи кори худро наёфта ба Австрия, ба пойтахти он Вена кўчида мераванд. Мулло Мордехай бошанд дар давоми ду-се сол як чанд бор ба меҳмони ба назди фарзандҳо рафту ой мекунанд. Дар ин давр мебинанд, ки мардуми яҳудиёни бухорийи Вена из Тўро-Талмуд, аз дину-шариъати исроэли, аз сабаби дар онҷо канесо, сефар Тўро ва дигар чизҳойи даркорийи исроэли набудан ё ки кам будан, агар чанде, ки бештарини онҳо дар хонайи худ намозу-ниёз мехонданд, аз шариъати исроэли аз ончи дур гаштаанд.

Оташиндилийи ин шахси Худотарсу Тўрохон ин аҳволи яҳудиёни бухорийи Венаро дида ва аз ишқу, муҳаббати фарзандони худ беҳад хурсанд шуда мулло Мордехай ба қароре мебиёянд, ки шон бояд ба зуди ба Австрия ба ҳузури фарзандони худ кўчида биёянд. Инчунин ҳам мешавад.

мекунад. Аз киссайи худ пул харочот карда онҳоро аз чоп мебарорад ва ба Бухоро мефиристонад. Ба туфайли ин кори Шимъун Ҳохом на фақат мардуми Бухоро балке ҳамайи яҳудиёни бухори дар забони модарийи худ ба Тӯрою дигар асарҳо арзони мешаванд. Баъд аз вафоти Шимъун Ҳохом дар шаҳри Қӯқанд ҳам як марди оташиндил - Раҳмин Довидбоев пайдо мегардад. Ӯ дар соли 1910 дар забони яҳудиёни бухори "Раҳамим" ном газета мебарорад. Аз киссайи худ пул харочот карда бисёр китобҳоро аз чумла "Зихрӯнут лбет Довид"-ро аз забони ъиври ба воситайи мутарчим мулло Рафоэл Ғолибов ба забони форси тарчима мекунонад. Баройи маданияту тарбути яҳудиёни бухориро ба боло бардоштан ва онҳоро ба дину дот дар забони омафаҳми яҳудиёни бухори наздик намудан хизматҳойи шоён мекунад. Дар Эрец Исроэл ҳам ҳамин тоифа касоне, ки баройи яҳудиёни бухориро ба Талмуд ва Тӯро наздик кардан, онҳоро ба дину шариъати исроэли арзони кардан кӯшиш доранд, чудо ҳам бисёранд. Яки онҳоро мулло Авроҳом Аминови Талмуди мегӯянд. Ин шахси ъазиз 100 сол аз ин пеш аз Бухоро ба Эрец Исроэл мебиёянд ва дину шариъати исроэлиро шарҳ намуда аз ду чилд (қисм) ъиборат дар забони ъиври "ликутей диним" ном китоб нависта онро ба дӯсти мехрубонашон ҳоров Шимъун Ҳохом баройи онро ба забони яҳудиёни бухори тарчима кардан месупоранд. Чунин ҳам мешавад. Ана 100 сол бозаст, ки яҳудиёни бухори дар забони модарийи худ Ликутей динимро хонда аз дину шариъати исроэли ҳолдон гаштаанд. Дар солҳойи 1970-ум аз Тошкент ба Эрец Исроэл мулло Йӯсеф (Йӯска) Алишоев ва ҳоров мулло Авнер Левиев кӯчида мебиёянд. Давлати бисёреро масриф намуда ешиваҳо (мактабҳойи дини) ташкил мекунанд, ки дар он ешиваҳо ҳазор ҳазор фарзандони яҳудиёни бухори таълиму таҳсил мегиранд. Яке аз фарзандони мулло Йӯсеф Алишоев - ҳоров Шамуэл Алишоев бисёр солҳо боз дар он ешиваҳо сардори мекунад. Наверайи ҳоров Авроҳом Талмуди - ҳоров Исҳок Аминов солҳойи бисёр ба ешивайи Рамбам сардори мекунанд. Мулло Йӯсеф Алишоев бошанд, аз киссайи худ пул сарф

Эй дар дили ман рафта чун хун дар рагу пўст!
Ҳар ч-он ба сар оядам зи дасти ту накўст.
Эй мурғи саҳар, ту субҳ барҳестайи,
Мо худ ҳама шаб нахуфтаем аз ғами дўст!

Саъадийи Шерози.

Марди Оташин

Ҳа!
"..Эй дар дили ман рафта
чун хун дар рагу пўст!
Ҳар ч-он бар сар оядам
зи дасти ту накўст", ро ки

Саъадийи Шерози қарийб 750 сол аз ин пеш навистааст, қаҳрамони ҳамин китоб, Худо раҳмати мулло Мордехай Гилкоров ба худ мансуб донистаанд...
Худойи таъоло ҷасади ҳар одамеро гўё, ки дар як қолиб, аммо дили варо ҳаргуна сохтааст. Худо магар, ки якеро шердил, дигареро бедил, якеро сангдил, дигареро раҳмдил, якеро паҷмурдадил дигареро оташиндил меофарад. Мегўянд, ки дил чу нишомояст ва одами серғайрату оташиндилро нишомояш калонаст. Аз ҳамин сабаб байни мардум ъиборае - "Илоҳи ба нишомойи худат боши" мавҷудаст.

Одаме, ки дар нишомойи худ офарида мешавад, бештарин вақт ў оташиндиласт. Одами беқарор, одаме, ки ба воқеъаҳойи зиндаги бе фарқ нигоҳ карда наметавонаду намеистад, одаме, ки хунаш дойим дар ҷўшаст, онро ъодатан шахси оташиндил мегўянд. Аз таърих ба мо бисёр шахсони оташиндил шинос гаштаанд. Мисол, сад сол аз ин пеш ъолиму шоъир, ҳоров Шимъун Ҳохом мебинад, ки мардуми Бухоро аз Тўрою Талмуд чун кўру кар мебошанд. Зеро, ки онҳо забони ъивриро намедонистанд, ва ба маънейи чизи мехондагешон намерасиданд. Шимъун Ҳохоми оташиндил ба ин аҳвол рози намегардад. Ў аз Бухоро ба Ерушолайим омада ҷамиъи панҷ ҳелеқи Тўро ва дигару дигар асарҳоро ба забони яҳудиёни бухори тарҷима

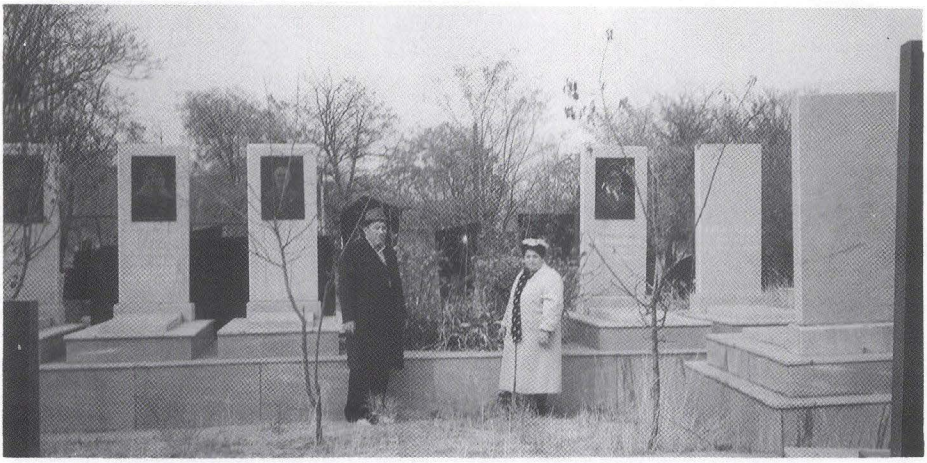

Мордехай выступает перед общественностью. 1993 г.

מרדכי נואם לפני הציבור.

Памятники на кладбище Самарканда, реставрированые Мордехаем в 1989 г.

У памятников-его племянник Гавриэль с супругой.1995 г.

מצבות בבית העלמין בסמרקנד, אשר שוחזרו ביוזמתו ובראשותו של מרדכי אחיינו גבריאל ורעייתו ברטה ליד המצבות. 1995.

Мордехай с супругой Яэль. 1972 г.

מרדכי עם רעייתו יעל. 1972.

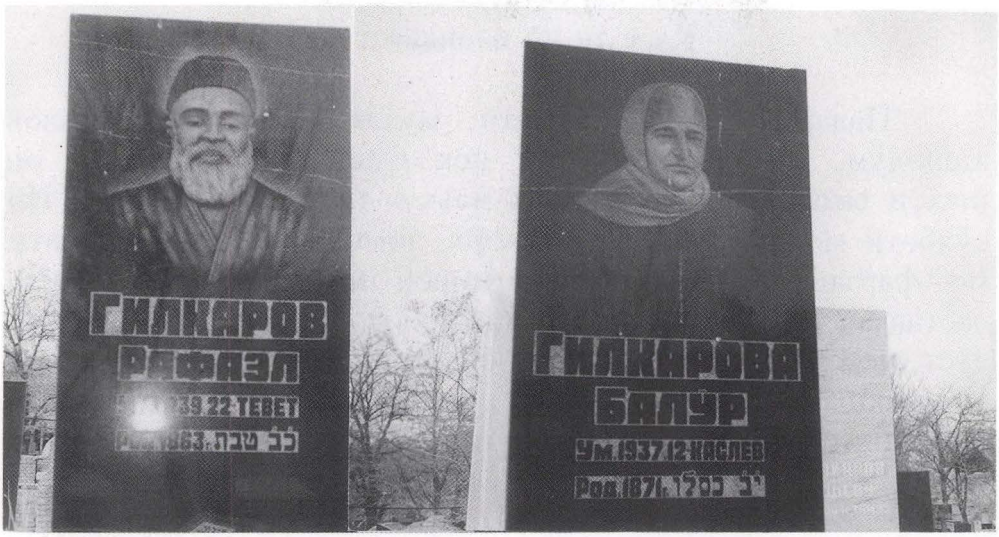

Семейное торжество в честь первого внука-Давида. Израиль, 1973 г.

חגיגה משפחתית לכבוד הנכד הראשון. ישראל 1973.

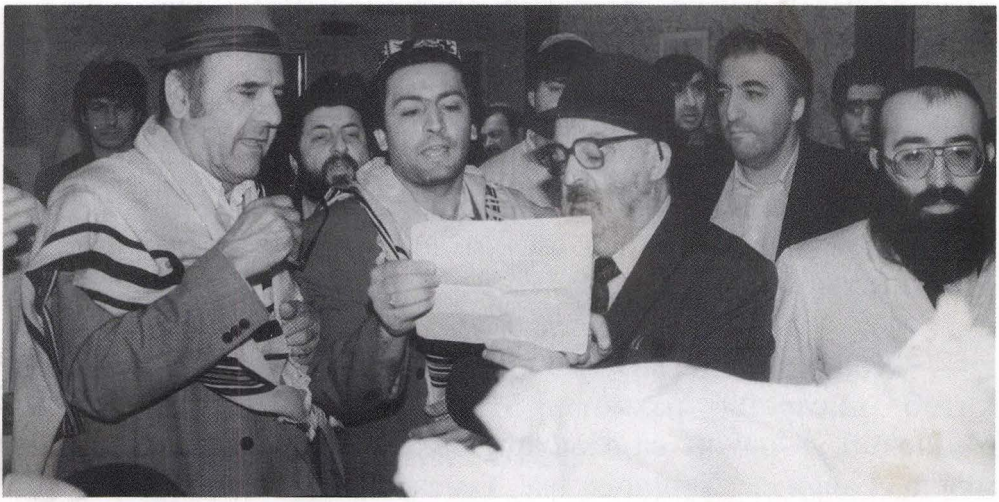
маслиҳатҳойи хуб доданд ва фикру мулоҳазаҳойи худро изҳор намуданд. Мо дар ин бобат ва умуман баройи нависта шудани ин китоб дастгири карданашон ба онҳо, даставвал ба Борис Гилкоров самимона минатдорийи худро изҳор менамоем.

Муъаллифҳо.

Отец Мордехая-Рафаэл Гилькаров.
רפאל גילקרוב - אביו של מרדכי.

Мать Мордехая-Балор Гилькарова.
בלור גילקרוב - אמו של מרדכי

Мордехай с Исаком Ахуновым на брит-мила в Вене. 1992 г.
מרדכי עם יצחק אחונוב בטכס ברית-מילה בווינה. 1992.

На хазинайи симу зар,
На номи машҳури падар,
На бурси бирлянту тилло-
Фақат меҳнат дар роҳи Худо
Ба ҳар кас бахшад номи аъло!
Касонанд ъолим, шифокор,
Лек зи онҳо касон безор,
Касонанд Худоҷӯйи хоксор,
Касе зи он надидааст озор.

Падари шумо раҳмати мулло Мордехай, ъолов ҳашолӯм, аз чунин касони нек буданд. Хизматҳойи он шахси ъазиз ба Худо ва халқ маькул гаштаанд, албатта. Ин сӯҳбати мо аз ончи кашол ёфт, аммо баъд аз ин сӯҳбати мо фарзандон ба асоси илтимоси мо ҳуҷатҳойи бисёр, даставвал маҷмуъайи шеъру-ашъорҳое, ки мулло Мордехай дӯст медоштанду ва онҳоро ба як папка ҷамъ намудаянд пешниҳод карданд. Сони суратҳо аз таърихи зисту-фаъолияти падар, дастнависҳойи падар, копияйи мактубҳойи ба дӯсту рафиқон навистаҳойи падар, суханони ёру дӯстони ба мулло Мордехай нависта шуда ва дигару дигаронро нишон дода, бо мо муъаллифон сӯҳбати хушу зебо намуданд. Дидему шунидем ва аз аввал зиёдтар мафтуни худо раҳмати мулло Мордехай Гилкоров шуда, дар охир бо ризогию супориши фарзандон ин китобро навистем.

Хонандайи ъазизу серталаб, мабодо мо аз бехабарийи ҳуҷатҳойи дар дасти шумо мавҷудбуда аз он хусус ҷизе нанавистем аз шумо ъузру маъзур дорем.

Агар хоҳиш кунед он ҳуҷатҳоро ба мо, ё ки ба фарзандон равона кунед ва мо дар нашри дуюми хамин китоб истифода мебарем.

Хонандагони ъизатманд. Дар даври навистани ҳамин китоб писарони раҳмати Мулло Мордехай- Борисҷон, Мӯшеҷон, Юраҷон ва ҳамсари онҳо, ҷияни меҳрубонашон мулло Гавриэл Алишоев ва ҳамсарашон гверет Берта аз таҳти дил бо мо муъаллифҳо каратҳо якҷо ҷамъ гашта

Сарсухан

Хонандайи ъазизу муҳтарам. Ин китобе, ки "Марди садиқу ъонов - Мордехай Гилкоров" номида шуду ба дасти шумо расид ба худ таърихчае дорад. Мо муъаллифон лойиқ донистем, ки бо ин таърихча шуморо шиносо намоём.

Мардуме, ки мулло Мордехай Гилкоровро нағз мешинохтанд ва бо ҳаёти барчўшу фаъоли он шинос буданд, аз ҷумла калонтари канесойи Душанбе мулло Яҳўшуваҳ Муродов, Нериё Абромов, Ильёу Абдураҳманов, Исроэл Бадалбаев, артисти халқийи СССР Ҷўрабек Муродов, муъаллими машҳур ҷаноби Довид Мўшеев ва дигарҳо дар вақти ҳаёт будан ва сони баъд аз вафот гаштани он каратҳо дар сўҳбатҳойи ҷудогона ва дар охир, дар шабҳойи ёдовари сухан мекарданд, ки дар борайи ҳаёт ва фаъолияти барчўши мулло Мордехай Гилкоров китоб навистан зарураст. Сони дўсту меҳрубони раҳмати мулло Мордехай ва мишпоҳойи он ва мо муъаллифон вице президенти "Брит Йоцей Бухоро лИсроэл" ҷаноби Авроҳом Кайков ҳам ба мо маслиҳат дод, ки дар хусуси мулло Мордехай Гилкоров китобе нависем. Ин гап ба мо маъқул шуду мо бо писарони ин шахси неккор- Борисҷон, Мўшеҷон ва Уриэл рў ба рў гаштем ва ин фикрро изҳор намудем. Ин фарзандон, ки аз падари худ ъоновию-хоксориро ёд гирифта будин, гуфтанд: - падари мо на артисти номи, на шифокори машҳур, на ъолими забардаст, на ҳорови калон буданд, ки дар хусуси ин кас шумо китоб нависетон. Падари мо як марди калахам буданд. Аз хусуси ин кас чи тавр китобе нависта мешудаст?

Мо гуфтем, ки -

"Одамеро на ба нутқу,
на ба ришу на ба ҷон,
тўти ҳам-нутқу буз ҳам-ришу
хар ҳам-ҷон" гуфтаанд-ку.

Мундарича:

1. Сарсухан

2. Марди оташин.

3. Накӯкори.

4. Шахси фоҳиму шунаванда.

5. Мордехай Гилкоров.
Мақолаҳо, мактубҳо, табрикномаҳо, шеърҳо.

6. Сардори авлод.

7. Дар ҷанги ҷаҳони.

8. Шавҳари вафодор.

9. Вафоти хушу зебо.

10. Васиятнома.

11. Алвидоъ марди садиқу ъонов.

12. Ёдовариҳо.

13. Фарзандони қобил.

Аҳарӯн Шаламӯев
Мордехай Кимёгаров

✧¤✧

Марди ъонов мулло
Мордехай Гилкоров

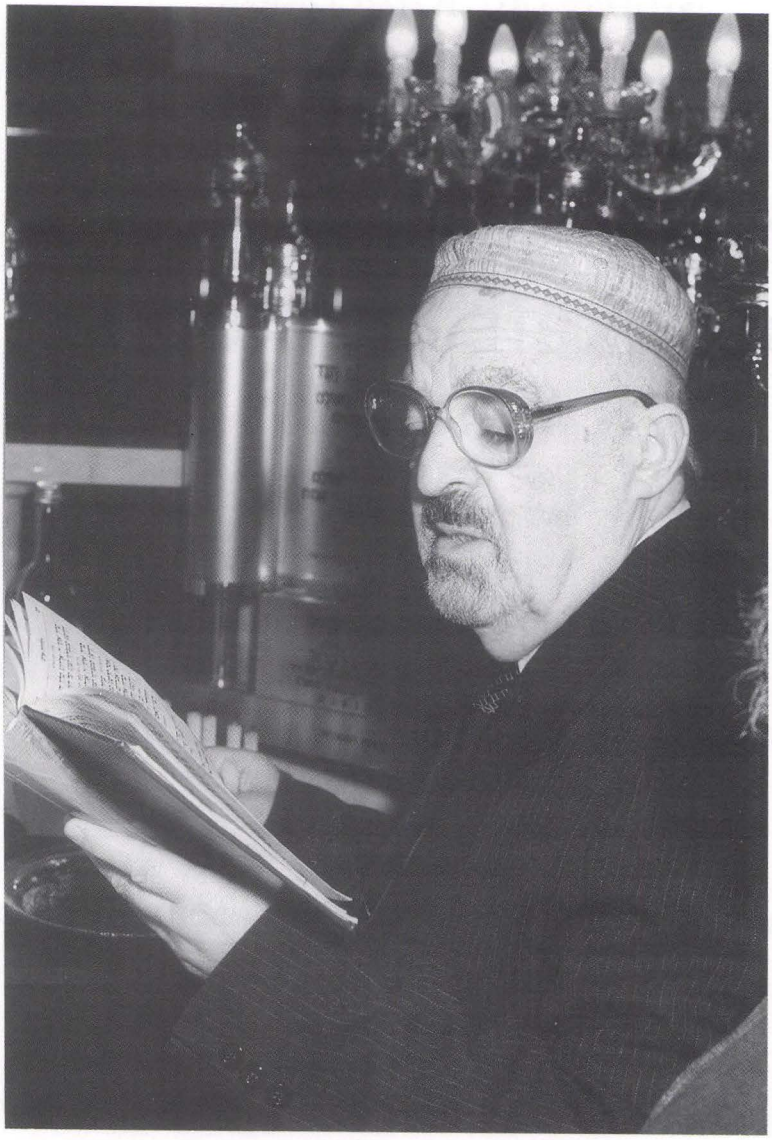
✧¤✧

Саҳифаҳойи ҳаёт дар забонҳойи руси, ъиврит ва яҳудиёни бухори.

Муҳаррир ва тарҷимон ба забони ъиврит-Виктор Бохман.

✧¤✧

Исроэл соли 1996.

1921 - 1995

(Саҳифаҳойи ҳаёт)

Эта книга посвящается светлой памяти
наших родителей
Мордехая Гилькарова и
Яэль Гилькаровой-Алаевой

Аҳарўн Шаламўсв
Мордехай Кимёгаров

Марди ъонов

Саҳифаҳойи ҳаёт Мордехай Гилкоров

1921 - 1995